

ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

4 (24)' 2017

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Алёна ЯВОРСКАЯ

Общественный совет:

Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев),
Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск),
Кирилл Ковальджи (Москва), Татьяна Липтуга (Одесса),
Марина Матвеева (Симферополь), Виктор Петров (Ростов-на-Дону),
Александр Петрушкин (Кыштым), Юрий Работин (Одесса),
Илья Рейдерман (Одесса), Евгений Степанов (Москва),
Анна Стреминская (Одесса), Александр Хинт (Одесса).

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

Е-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2017

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса: Людмила Шарга. Есть бабочки, летящие на свет. Стихотворения	4
Одесса: Юлия Мельник. Дождь моросит и дерево качается. Стихотворения	11
Одесса: Юлия Петрусевичюте. Пусть откроются пути. Стихотворения	16
Одесса: Татьяна Орбатова. Заметки из предзимья. Стихотворения	22

ПРОЗА

Одесса – Бат-Ям: Павел Лукаш. Пазлы. Рассказы	29
--	----

ПОЭЗИЯ

Одесса – Коттбус: Ефим Ярошевский. Рентген весны. Стихотворения	51
Одесса – Иерусалим: Пётр Межурицкий. Птицы и звери творят церемонии. Стихотворения	57
Одесса: Анна Стремнинская. Бог – это такой костёр. Стихотворения	62
Изманл – Дюссельдорф: Наталья Хмельёва. Наскальные надписи. Стихотворения	66

ПРОЗА

Одесса – Москва: Ольга Ильницкая. Рыжий. Рассказы	72
Одесса: Геннадий Дмитриев. Девочка и кошка. Десять лет спустя. Рассказ	77

ПОЭЗИЯ

Витебск: Олег Сешко. Земля опоясана рунами. Стихотворения	95
Резина: Сергей Чернолев. Безмолвствует таврическая тьма. Пародии	100

ДРАМАТУРГИЯ

Москва: Наталья Стеркина. Группа X. Пьеса	109
--	-----

«ФОНОГРАФ»

Москва: Кирилл Ковальджи. Время мифов. Эссе	116
Одесса: Владимир Кац. Слов вдохновенный поток. Стихотворения	120

ПРОЗА

Москва: Леонид Волков. Три поездки в заповедное. Автобиографическая проза	126
--	-----

«СЕТЧАТКА»

Евпатория: Елена Коро. Инфернальные души: метаморфозы образа. Эссе	140
Москва: Михаил Смирнов. Набоков в Уэльси	145
Москва: Александр Карпенко. Воин и поэт Арсений Тарковский. К 110-летию со дня рождения Арсения Тарковского	153

«ОКОЕМ»

Провинция у моря: забыть нельзя остаться. Впечатления участников арт-фестиваля «Провинция у моря – 2017»	158
Москва: Алёна Бабанская. Всё станет бархат и парча. Стихотворения	165
Москва: Олег Бабинов. Невзрач. Стихотворения	168
Москва: Евгения Джен Баранова. В коридоре шумит океан. Стихотворения	173

Минск: Олег Зайцев. Мотыльки белым пухом кружат. <i>Стихотворения</i>	177
Москва: Александр Карпенко. Пограничник зимы и осени. <i>Стихотворения</i>	181
Москва: Анна Маркина. Актриса. <i>Рассказ</i>	186
Кишинёв: Наталья Новохатняя. От него сквозь столетья беги. <i>Стихотворения</i>	188

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

Одесса: Евгений Деменок. Леонард Опалов. Поэт из круга Давида Бурлюка	194
--	-----

«ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА»

Москва: Елена Черникова. Сундук в семнадцатом году. <i>Арабески. Посвящаются двум юбилеям</i>	215
--	-----

«ШКАФ»

Одесса: Вероника Коваль. Почему, собственно, кот? <i>Рецензия на книгу Галины Соколовой и Эллы Мазько «Хождение по Золотой Горшок, или сказки Гофкина»</i>	221
Москва: Станислав Айдинян. О книге Дмитрия Ярошевского «В картины можно уходить...»	223

ЛЮДМИЛА ШАРГА

ЕСТЬ БАБОЧКИ, ЛЕТЯЩИЕ НА СВЕТ

Из цикла «На краю»

*

Сумерки прохладой прирастают,
но ещё сулят тепло рассветы,
дворники сметают, не читая,
письма из утраченного лета
в зябкие костры за гаражами,
что чадят осенними ночами,
вписывая в горные скрижали
радости земные и печали.
Дворники – сурки и нелюдимы,
не сильны в эпистолярном жанре,
в струйках дыма видят струйки дыма,
что им до каких-то там скрижалей,
до летеиских тяжких вод забвенья
с чёрными от серы берегами...
Несколько небрежных мановений –
и сокрыта память под штрихами.
Выйдут – как обычно – на рассвете,
в час, когда ночные тени тают,
помянут недобрым словом ветер,
мётлами листву перелистают.
Со страниц проспектов и бульваров
в тёплых брызгах солнечного света,
с мостовых, мостов и тротуаров
дворники сметают лето в Лету.
Мне бы слушать мётел их камлание,
им бы – поскорей убрать весь город.
Где-то там – в кострах – мои послания
из тепла перетекают в холод,
из весны перелетают в осень,
растворяясь в поднебесной выси.
Дворники их не заметят вовсе –
утром город полон новых писем.

*

Ты привыкаешь к дождям под пятницу –
к самым любимым моим привычкам,
к старому дому, где время пятится,
и поездов слышна переключка.

К запаху трав – резеды и дягиля,
что обволакивает ночами...
К этой бесхитростной дачной магии
в чашке густого – как память – чая.
К богом забытым вишнёвым саженцам,
что подрастают в саду украдкой...
Дикая вишня потом окажется
на удивление – сладкой-сладкой.
Только б зима не случилась лютая,
и на тепло весна не скупилась,
только б не к сроку свеча задутая,
снова зажглась.
Чтобы божья милость
нас не оставила окончательно,
чтобы мы жили, как давним летом,
в старой избе за семью печатями
из неокрепших вишнёвых веток.
Чтобы в пруду отражалось облако,
и открывались к утру кувшинки,
чтобы все беды и страхи – побоку,
чтоб ни души...
Лишь одна тропинка.
Хочешь направо – где гул платформенный,
хочешь налево – где спеют вишни...
Так и слагается эта формула
жизни и смерти
и новой жизни,
и под диктовку дождя незваного
я вывожу её на бумаге,
перечисляю все знаки заново:
лето, дожди, резеда и дягиль...
Ты улыбнёшься: «...да это матрица»,
и опоздаешь на электричку,
чтобы привыкнуть к дождям под пятницу –
к самым любимым моим привычкам.

*

Побудь со мной,
поговори со мной,
постой тихонько за моей спиной,
за окнами осенний дождь стеной,
в который раз без нас отчалил Ной.
В который раз кочующий ковчег
уплыл искать надежду и ночлег
туда, где осиянна светом и твердь,
масличная обещанная ветвь –
свидетельство, что где-то есть земля
для жизни лучшей и счастливой, для...
А в нашем доме – печь,
и жар в золе,
и рукопись на маленьком столе,
и нам опять судьбу перешивать,
донашивать свой век и доживать,
не ведая, что нас давно уж нет...

Есть бабочки, летящие на свет,
 есть сумеречный законный след,
 в печи огонь и на стене портрет:
 твой профиль,
 солнце и
 проём дверной...
 Теперь здесь только мгла и дождь стеной.
 Слились земля и небо,
 мир иной,
 предел небесный и предел земной.
 Я у окна,
 ты за моей спиной...
 В который раз без нас отчалил Ной.
 Никто не знает, сколько зим и лет
 нам коротать вдвоём,
 пока нас нет.
 Есть бабочки, летящие на свет,
 есть серебристый сумеречный след,
 и дождь осенний за окном – стеной,
 и трепет тонких крыльев за спиной...
 Ни паруса у дома – ни руля,
 на сотни вёрст – плавучая земля.

*

Уехать к морю и забыть о доме,
 где ангелы качали на ладонях
 от счастья невесомые тела;
 где речка полноводная текла,
 и бусинки обычного стекла
 хранились – как сокровища – в шкатулке.
 Где девочка бежит по переулку –
 «провулок» говорили в том краю –
 не знает счастье ни конца – ни края:
 там солнце на Купалин день играет,
 и я его встречать не устаю.
 Уехать к морю – это ли не благо,
 дышать прохладой и марать бумагу
 то прозой, то стихами...
 То молчать,
 вытягивая бытность на плечах,
 и, коротая ночи при свечах,
 писать самой себе десятки писем,
 в них правда, в них обрывки вечных истин,
 а суть одна – так хочется домой,
 где свет живой и где вода живая,
 и тихий голос песню напевает
 о том, что будет лето за зимой.
 Уехать к морю.
 К берегу иному,
 к неверному прибою кружевному,
 и снова очутиться на краю,
 в любимой колыбельной, что поют
 всем маленьким, и права не дают

ходить по краю и ложиться с краю...
Там волны снами детскими играют,
там старики из вод забвенья пьют.

Уехать к морю и дойти до края,
и просто жить – судьб не выбирая,
бродить, как бедный серенький волчок,
закрыв беглянку-память на крючок,
чтобы с пути в который раз не сбиться;
и не вспугнуть волчка – он сам бонится
ходить по краю.
Но о том... молчок.

*

Одуванчики – такая игра.
Перелётный ветер вздохнёт: пора –
обрываются, не прощаясь
и вернуться не обещая,
и летят, не ведая, кто предаст,
и не ведая о преданиях,
пролетают... господи, – в сотый раз –
Привокзальную с поездами,
где клубятся дымные вечера,
суетливые рдеют будни.
Одуванчики – такая игра,
победителей в ней не будет.
Будет лето.
Будет неблизким путь.
Будет день и ночь
что есть силы дуть
перелётный ветер – обманщик.
Где твой дом, скажи, одуванчик?
Серебрится след вечерней росы,
и заря – от края до края,
подрастают солнечные часы
и судьбу по солнцу сверяют,
и лишь только ветер вздохнёт: лети..., –
распрощаются с колыбелью
и взлетят, чтоб где-то на полуги
одуванчиковой метелью
промелькнуть и кануть в небытие.
Это просто игра такая.
Там – в далёком солнечном забытье –
золотые стрелки стекают.
Там, где месяц май,
там, где месяц юн,
там, где дремлет ветер-обманщик,
босоногой девочкой я стою,
поднеся к губам одуванчик.
Осторожно выдохну: нам пора,
отпущу миллионы судьб.
Одуванчики – такая игра,
проигравшего в ней... не судят.

*

Давным-давно живу,
 давным-давно
 усвоить равновесие пытаюсь,
 но всякий раз срываюсь – всё равно –
 туда, где летний вечер отцветает
 и летний разливается закат
 и золотом течёт в окно мансарды,
 и что-то – неизменно – входит в кадр,
 а что-то остаётся там – за кадром –
 невидимым для посторонних глаз,
 для рук чужих и взглядов посторонних,
 и оживает тайна всякий раз,
 едва заря легонько небо тронет.
 Так кто-то до меня – сто лет назад,
 касался книг в шкафу из палисандра
 и вечерами выходил в закат,
 а всем казалось, что в окно мансарды.
 И, открывая книгу наугад,
 листая пожелтевшие страницы,
 я отыскать пытаюсь чей-то взгляд
 и вздох и всё, что может сохраниться
 меж незнакомых стихотворных строк,
 написанных давно, *во время оно*,
 мне близок этот архаичный слог
 и сумерек прохлада законных.
 Давным-давно живу,
 давным-давно
 не голоса ловлю – но отголоски,
 смотрю на обрамлённую окном
 бушующего золота полоску,
 и вижу, как чужая жизнь текла,
 чужая смерть поблизости таилась,
 покуда жизнь жаждала тепла
 и уповала на господню милость,
 по вечерам смотрела на закат,
 пугаясь дальних грозовых раскатов,
 и думала, что попадает в кадр,
 и оставалась в стороне – за кадром.

*

Научи меня быть вечерней рекой,
 течь и верить: каждому – да по вере
 отмеряет и щедрой даёт рукой
 тот, кто сам и вода и река, и берег.
 Научи меня быть огнём и землёй,
 лёгким облаком – тайного вздоха легче,
 укажи мне затерянный путь домой,
 на восток, где зарёй окоём расцвечен.

Научи меня мудрости просто жить.
Я, усвоив основы твоей науки,
перестану загадывать и спешить,
и приму все утраты и все разлуки,
и однажды поверю, что смерти нет,
воспарив и свободно и облегчённо,
и увижу, как горный исходит свет
от приговорённых и обречённых.
Научи меня жить... как в последний день,
чтоб уснуть на краю и проснуться с краю,
чтоб от яблони – яблоком в свет и в тень,
где вечернее солнце в траве играет,
и припомнится: зарев, земля, огонь
и журавль над серым срубом колодца,
и – под утро – в распахнутую ладонь
вожделенное яблоко-жизнь сорвётся...

*

День отражается в окне...
Летит, сюжет опережая,
стихотворение, во мне
и дни, и ночи отражая.
И кто-то в сутолоке дня
вдруг скажет: стоп; не так уж плохи
дела,
и тем спасёт меня
от суеты и суматохи,
и от зеркал, что всё двоят
и множат сонмы отражений...
О, вечнодействующий яд
ветхозаветных искушений:
вкусить от яблок Гесперид,
замедлить времени скольжение,
но кто-то мудрый говорит,
что наша жизнь и есть движенье:
и цвет, и колос, и плоды,
и листопады, и метели,
прощальный вздох и плеск воды,
и ангелы у колыбели.
Смятение, господи, во гнев
пускай не будет – виновата...
День отражается в огне
неповторимого заката,
в вечерней зыбкой тишине
и в мнимом призрачном покое,
день отражается во мне,
и я машу, машу рукою,
и там – на дальних берегах –
мне машет женщина чужая...
и отражается в стихах,
моё молчанье отражая.

*

И хочется кричать...
Но я молчу.
Не слышно вопиющего в пустыне.
Безумен мир,
безжалостен и чужд,
но боль – она своя, она остынет.
О, мне и боль была бы по плечу,
когда бы я кричала.
Но молчу.
Лихие дни огнём обожжены,
тысячелетем стало лихолетье,
и пишется четвёртый год войны,
хлеца наотмашь ненавистью-платью.
Куда бежать, к священнику,
к врачу?
Мне хочется кричать,
но я молчу.
Летит, летит над миром вороньё,
добычу рвёт кровавыми кусками,
и, может быть, молчание моё
со мной умрёт и превратится в камень:
я столько на душе их волочу,
что впору закричать.
Но я молчу.
Не сдвинуть камень и не обойти –
стоит себе в невидимом остроге,
свернёшь направо – не найдёшь пути,
свернёшь налево – не найдёшь дороги,
и только прямо – только по прямой –
лежит неблизкий долгий путь домой.
Но это после.
А пока ничуть
не легче ни от левых – ни от правых,
лежит за камнем в белых росах Чудь,
дремучие леса
и в пояс травы.
Тот камень станет плахой палачу.
Мне хочется кричать.
Молчу.
Молчу...

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК

ДОЖДЬ МОРОСИТ И ДЕРЕВО КАЧАЕТСЯ

Снег сыплется нездешнею крупною,
Печёт свои пушистые хлеба,
И это всё, что есть у нас с тобою –
Снежинок оживлённая гурьба.

Всем остальным, поверь, мы не владеем,
Ни палью дымчатой, ни стопкой книг,
Мы лишь снежинку удержать умеем –
И то на миг, и то – на краткий миг...

Как мы взрослые, и как мы мало знаем,
Но так тепла под варежкой рука,
И если мы, как этот снег, растаем,
То, может быть, вернёмся в облака.

Тишине учит грусть, как открытой ладони пустой,
На которую – что ни положишь – окажется лишним...
И останется только узор безмятежно-простой,
Как сопилака пастушья, в которую дует Всевышний...

Оглядеться, проснуться и пальцы разжать не спеша...
Расскажи мне, душа, на каком ты сейчас повороте?
Но не скажет душа, заиграется в прятки душа,
И запнётся сопилака на тонкой стремительной ноте...

Я не знаю, не знаю, и знать ничего не могу,
Я – по дырочкам пальцы, я – в лоно сопилаки дыханье...
Я средь линий ладони – как птичьи следы на снегу,
Незнакомые, хрупкие тропы, бегущие к тайне.

Не спасай жёлтый лист,
Так завещано мудрой природой...
Он не станет зелёным –
в угоду тебе или мне.

Он дрожал на ветру,
Он под ноги летел в непогоду,
Он кому-то не в радость,
Но будь на его стороне.

Он срывается с ветки,
Его не заманишь обратно.
Станут горькими, юными, нежными
Почки весной.

А пока я к губам подношу
Его рыжие пятна,
И высокое дерево
Что-то поёт за спиной.

Глубиной тишины поверяй все слова и объятья,
Сколько летних миров бессловесно осело на платье...
Шелуха и пыльца, муравьиные лапки, ворсинки,
И пытаются что-то связать-досказать паутинки...

Не доказывай им ничего, пусть летит, как захочет,
Каждый блик, каждый вздох, пусть по горлу травинкой щекочет
И раскатом далёкой грозы, и слезою некстати...
Погляди, как летят... Не зови их к уму и расплате...

Им видней, им слышней... И тебя вслед за ними уносит
В пучеглазый стрекозий полёт, в светлогривую просинь...
Что найдёшь, то найдёшь... А ненужное – ветер просеет...
А неловко взлетишь – притяженье Земли, как спасенье...

В седые, высокие облака
Запустит рука самолётник бумажный,
И ветер вздохнет – нелюдимо, протяжно,
Посмотрит акация свысока.

«Ах, Вам бы что-нибудь попрочней,
Чем эти крылья в синюю клетку...»
И мой самолётник заденет ветку
Наивной и детской мечтой своей.

Но ветки коснувшись, очнётся вдруг,
Увидит, как этот полёт неловок,
И станет листом, на котором ни слова,
И что мне писать на таком ветру?

Кто-то учится любить собаку,
Потому что рядом – лишь она,
Учится в её заливки плакать,
Словно – и ребёнок, и жена.

И неспешно шерсть её лаская,
Ей пытаюсь тайны доверять,
Он не хочет, чтоб его искали
Женщины, чтоб после потерять.

У неё – ни лоска, ни породы,
Не манят к ней страсть и красота,
Но она идёт средь непогоды
По его невидимым следам.

Колочий, злой чертополох
Покажется нездешним чудом,
Покуда живы мы, покуда
Он прорасти сквозь травы смог.

Горька полынь и крапива,
И музыка дождя скупая,
Но эта горечь не слепая,
И слишком приторна халва.

Горька бывает тишина,
Её усталые ладони,
Но в миг отчаянья и боли
Вдруг тронет за плечо весна.

В меня слетелись голуби, шурша,
а это просто, не заметив луж,
стремилась на чуть слышный зов душа,
и встречный наш полёт был неуклюж.
Нас друг на друга натолкнул туман,
и показалось: дальше нет пути...
Несли мы, чуть сошедшие с ума,
без цели воркование в груди.
Друг с другом мы смахнули серость дня
и провалились в ветра решето...
Их кто-то звал, и кто-то звал меня,
я до сих пор не понимаю – кто...

Кто-то слово «люблю» так неслышно роняет,
 Как роняют платаны сухую кору,
 Не поймёшь, что найдёт он, а что – потеряет,
 Зонт капризный пытаясь раскрыть на ветру.

Кто-то слово «люблю» нараспев произносит,
 Вьёт и вьёт золотую парчовую нить,
 Но когда наступает дождливая осень
 Вдруг совсем забывает, что значит любить.

Две лошади – в одной упряжке –
 Так одиноки и нежны,
 И гривы их из жёсткой пряжи
 Машинной копоты полны.

Катать по улицам прохожих,
 Вовсю копытами стучать,
 Катать случайных, непохожих,
 Чтобы не вздумали скучать.

И если б я цыганкой стала,
 Я б мимо молча не прошла...
 Я бы, конечно, их украла,
 И никому не отдала.

Окно – это право на дождь, не проникший в твой дом,
 На пряный глоток межсезонья, на горечь тумана...
 Окно – значит можно оставить весь мир на потом,
 С гортанной, смешной, незнакомою птицей взлетая...

Окно – это значит присесть у судьбы на краю
 И носом уткнуться в расщелины дома напротив,
 И знать, что всё близко, что ангелы не устают,
 Что их золотые зонты не ветшают в полёте...

Окно – это право тугою антенной сквозить
 Сквозь слухи и сплетни – в бессонную синюю влагу,
 Где можно ладони разжать и о чём-то спросить,
 Не строя солидных гримас. Не тревожа бумагу.

Цветок на окне ничего не сказал.
 Цветок поугру открывает глаза,
 Ему от себя не уйти никуда,
 А нам всё мерещатся поезда.

Мы с каждой мечтой переходим на «ты»,
А нам бы – молчанья и чистой воды...
Мы ходим – огромные, как облака,
А нам бы сперва дорости до цветка.

Дождь моросит и дерево качается,
И всё оставить можно на потом,
Но человек опять не уместается
В сюжете этом – тихом и простом.

Он с этим ветром одиноко ссорится,
Хоть ветер слаб, и дождь почти не в счёт,
Он с непогодой, как ребёнок, борется,
И, обижаясь, прячется под зонт.

И если б знать, на что он обижается,
Зачем роняет горькие слова...
Дождь моросит и дерево качается.
У них на это есть свои права.

Выпусти из клюва этот день,
Джонатан... он упадет плашмя
В воду... И крутами по воде
От прикосновения дождя
Разойдёмся... Много лет подряд
Здесь никто не бегал по воде...
Джонатан летит над Фрези Грант,
На её плече – от крыльев тень...
Два необъяснимых миража
Уместились в плоскости одной
Сказки под названием Душа...
Я с собой не принесла другой.

ЮЛИЯ ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

ПУСТЬ ОТКРОЮТСЯ ПУТИ

Ночью.
Срочно.
Отправлено птичьей почтой.
Я люблю тебя. Точка.
Цитирую старый источник:
Буду ткать полотно, заплетая, как ниточки, строчки,
На рубашку без швов и иглы, на льняную сорочку.

Будет вспахано небо рогами ягнят белорунных,
И засеяно зёрнами звёзд всё, от края до края.
Будет строить единственный мост перелётная стая,
Вместо камня, железа и досок используя струны.

Утекает река в пустоту,
Остаются крупницы в ладони,
Остывают обломками сказочных цивилизаций.
Золотыми осколками чаши порезало пальцы.
Я тебя буду ждать на мосту,
там, где птицы и кони.

Заплетая колючие травы рубашкой без швов,
Я шепчу и пою над холстом, как над яблоней ветер,
Чтобы яблокам слаще спалось за окном на рассвете,
Чтобы плыл деревянный челнок в молоке между слов,

Как летит над рекой стая диких гусей-лебедей,
Крылья знают дорогу, и тонкая нитка не рвётся,
В тёмном сердце колодца уснуло усталое солнце,
Чтобы в августе слаще хрустеть на зубах лошадей.

Топору, и стреле, и копьё не пробить полотна.
И заблудится в травах беда, и собьётся с дороги.
Будут вечером гости. Придут молчаливые боги,
И разделят с тобой чашу мёда и чашу вина.

Поднимается ветер. Кто-то бродит по тёмному саду,
По верхушкам деревьев, по крышам, и вишни вздыхают во сне.
А повыше – смотри – белый всадник на чёрном коне
Смотрит в чёрную воду реки помутившимся взглядом.

Он не помнит ни дома, ни имени – только пути,
Только мост через реку и чёрную стылую воду.
Он гуляет в небесных полях до седого восхода,
И холодные звёзды глядят через дырку в груди.

Просто сиди у реки и смотри на воду.
Жди, когда поплывут осенние листья.
Жди, затаив дыхание, первого снега.

Выбрось часы и забудь все земные числа.
Не поминай ни зверя, ни человека.
Слушай песню реки и вдыхай свободу.

Боль остывает вместе с памятью тела.
Рябь на воде и белые всплески пены.
Первый снег в молоко парное ложится.

Время течёт в прибрежный песок из вены.
Я сижу у реки. Я серая птица.
Вот и листья плывут в иные пределы.

Лодка ударилась в берег, воды зачерпнула.
В сером прибрежном песке, где ракушки да камни,
Спит часовой механизм, и не слышно дыхания.

Солью в реке тает белая, белая память.
Снегом на чёрной воде угасает сознание.
Только сжимает виски от неясного гула.

Там, где река обрывается с края вселенной,
С грохотом рушится вниз водопадом молочным,
Брызги созвездий висят над ревущим потоком.

Время утратило силу и сделалось пеной.
Плоть оказалась прозрачной, а тело – непрочным.
А поцелуй остается солёным и долгим.

Это песни реки. Их поют перелётные птицы,
 Чтобы в долгой дороге не сбиться с привычного курса,
 Чтобы не заблудиться в туманах далёкого края.

Я и та, и не та, я и знаю себя, и не знаю,
 Моё сердце полно до краев, и прозрачно, и пусто.
 Я не знаю границ, и сама я предел и граница,

Я рождаюсь в дожде и, дожди породив, умираю.
 Можно в русле послушно лежать, и чертить себе русло.
 Можно жажду на миг утолить, и вовек не напиться.

Я всегда возвращаюсь, и мне никогда не вернуться,
 Я несу в себе время, смываю слова со страницы,
 Дом, в который летят с того берега дикие стаи,
 Спрятан, как потаённый фонарь, в каждой маленькой птице.

Ночь на страже, и в тёмной воде отражаются звёзды.
 Видишь, лодка уходит под тихие, тихие всхлипы?
 Не пытайся её удержать, а прощайся, прощайся.

Пожелай им счастливой дороги, дороги счастливой.
 Еле слышно звенели стеклянные слёзы пространства,
 Ледяного пространства звенели стеклянные слёзы.

Только пальцы замерзли, прозрачные, прямо ледышки.
 Не касайся руками воды, не касайся губами.
 Обожжёт до кости, и ударит с размаху под сердце.

Это тёмная память течёт по реке между нами,
 Не спастись от неё никому и вовек не согреться.
 Видишь, лодка уходит по звёздам, всё выше и выше.

Волчьей ночи течение, лунных ручьев многоречье,
 Узких улиц забытые сны, темноглазые рыбы
 Помнят трудную музыку сфер незнакомого мира,
 Помнят зов пустоты, и ничто их теперь не излечит.

От холодного ужаса ночи и жажды побега,
 От далёкого эха и звёздного неба в колодце,
 От безумной попытки увидеть нездешнее солнце,
 Незнакомых богов и начала последнего века.

Стекает по лицу холодная вода.
Сестричка Стикс, не плачь. Река ещё вернётся,
Наполнит горло узкого колодца,
Придёт в полупустые города,

И тёмная беспаятная кровь
Наощупь, наугад, не зная, что в ней скрыто,
Вслепую ищет буквы алфавита,
Чтобы из них сложить десяток слов.

И русло не успеет зарости,
Когда из-под камней, сквозь корни гор пробьётся
Холодная вода, и яблочное солнце
Единственным вином заплещется в горсти.

Улицы города пахли дождём и цветами.
Камень был розовым, серым и дымчато-синим.
Узкие улицы пели, как трубы органа.
Взгляд поднимался по стенам всё выше и выше,

Вверх направляемый строгой гармонией линий,
И, пробежав черепичные красные крыши,
Прыгал в открытое небо, как голуби с храма
Разом взлетают над праздничными площадями.

Всё в этом городе – здания, улицы, птицы –
В небо вели, как нагретые солнцем ступени,
В небо, открытое настежь, как окна в июле,
Сердце, летя над холмами смеялось и пело,

Как вырывается ласточка из-за предела,
Так, что за ней не угнаться и собственной тени,
Так, что её не догонят ни стрелы, ни пули. –
Сердце летело, не помня, как остановиться.

Тёмного города адские пропасти-пасти,
Пляска огней, затмевающих звёздное небо.
Где бы ты ни был, в нём нет ни ночлега, ни хлеба,
Кто бы ты ни был, в нём нет ни удачи, ни счастья.

Будет бессмертник расти на крыльце и в прихожей,
Дикие яблоки будут катиться по крыше.
Слышишь, как ветер по травам шуршит тише мыши?
То есть, конечно, не слышишь, а чувствуешь кожей.

Дожди и травы. Лето стоит в зените.
Тонкие нити натянуты на основу.
Тихо скользит челнок в невесомых пальцах.

Если хочешь остаться здесь, в лабиринте,
Как иголка в траве, в дожде затеряться, –
Слушай ветер и верь каждому слову.

Чтобы остаться здесь, в сердцевине лета,
В самом сердце яблока, в его царстве,
В белом снегу, на зубах лошадей хрустящем, –

На перекрёстке оставь две медных монеты,
Пей медовый отвар из бронзовой чаши,
Слышишь? Там, в тишине, просыпается счастье.

Дни осенних перелетов,
Яблок, меда и вина,
Переспелого зерна
И поминовенья мёртвых.

От земли идёт тепло,
Как от дышащего тела.
Но уже оледенело
Неба синее стекло.

В птичьей худенькой груди
Дышит холодом дорога.
Подожди ещё немного, –
Пусть откроются пути.

И тёмное родится божество
На самом дне сознания, где пусто,
Из вязкого бесформенного сгустка,
И ничему не одолеть его.

Как опухоль, оно сожрёт тела,
И наизнанку вывернет реальность.
Зола и лёд, безумие и хаос
Повсюду уничтожат зеркала.

И тёмная беспамятная кровь
Наощупь, наугад, не помня, что в ней скрыто,
Вслепую ищет буквы алфавита,
Чтобы из них сложить десяток слов.

Бамбуковые пальцы ветра,
Прозрачные сухие пальцы,
Играют с каплей янтаря.
А мы вернулись с того света,
И всё не можем надышаться
Холодным небом октября.

И всё не можем насмотреться
На эту долгую дорогу –
Всё вверх и вверх, за облака.
Течёт молочная река
Из-под земли на свет,
И сердце оттаивает понемногу.

ТАТЬЯНА ОРБАТОВА

ЗАМЕТКИ ИЗ ПРЕДЗИМЬЯ

Дни, прожитые сердцем, имеют доступ к настоящему,
но схожи с колыханием сумерек.
Посмотришь на позапрошлую траву, она – сухая,
глянешь на неё сквозь память о своей весне –
над травой рассвет, едва тронутый юным солнцем,
и ты – почти невесомая, в невинных мечтах о счастье.
Ещё далеко до полнолуния, ещё нет понимания метафоры,
ещё совсем мало снега и льда в памяти,
и ты – ещё в ожидании зимы, чтобы жить ею
до следующего весеннего дождя...

Что-то тихое, безликое в комнате
пишет на пальмовых листьях золотыми чернилами,
но письмо – отголоски печальных вздохов.
Говорю: найди слова.
Молчит, рука застыла в воздухе. Золото капает на пол.
Похоже, сегодня будет ночь золотых следов.
Нет, снова пишет, затаив дыхание.
«...В полдень тени легко сочиняли трактаты о луне,
но в безлунные ночи неприкаянно скитались по морскому берегу,
забредая в таверны в поисках своих капитанов.
Смыслом их существования были заняты
лучшие умы многоликой Европы.
Иногда теневые трактаты свивались в паутинки,
чтобы наполнить собой очередное бабье лето,
палу листву, забывшую любую боль.
Где-то далеко, в параллельном мире,
откликалось время Маркеса –
сюжетами прожитых чувств,
словами, полными своих щедрот,
городами, существующими лишь в ладонях фантазий...»

Люблю ли я город?
 Моя клетка просторная,
 сквозь неё проходит небо.
 Всё, что здесь и сейчас – ненадолго –
 люди, памятники, стены... А война?
 Однажды мне приснился мой покойный дед,
 говорил: снова воюю, большая война там.
 Неужели и там война? – удивлялась я.
 Она везде, – отвечал он устало.
 Война полов, поколений, государств, идей,
 война с нищетой, болезнями,
 война добра и зла...

...Кажется, кто-то снова вышел из битвы,
 но его душа похожа на гравюру М.К. Эшера «Дуб Боргер» –
 угольный цвет дерева и скрюченные ветви-пальцы
 на фоне бесцветной пустоты вперемешку с арестантской полоской,
 острый штacketник вокруг мёртвого светила –
 луны или холодного солнца...

Ещё недавно серая мысль назойливо бормотала в моей голове:
 тошно мне, матушка, тошно...
 Вскоре природа-матушка разразилась
 молниями на всё небо и оглушительным громом.
 Дождь прошёлся по ночному городу,
 погрузил мысли в безмолвие и был таков.
 Следующее утро оживил порывистый ветер.
 Он принёс иллюзию свободы,
 в его дыхании угадывался аромат роз.
 Из молчания вылушилось несколько слов.
 Едва коснувшись ленты Мёбнуса,
 они полезли муравьями в поисках выхода,
 наталкиваясь на устойчивые словесные конструкции –
 «стена мрака», «двери в песке».
 В голове включилась некогда популярная песня:
 «В доме моём много друзей,
 звуки музыки дотемна,
 много смеха и много долгих дней,
 когда я совсем одна...»

Что, если скомкать лист социума в своей памяти,
 сжечь его, как Александрийскую библиотеку?

- Помнишь себя маленькой? – неожиданно спросил муравей.
- Помню.
- И?
- В детстве казалось, что я потеряла память и поэтому у меня пустая голова.
- И?
- В попытках вспомнить, я задавала много вопросов, позже – много читала.

- И?
- Я всё ещё пытаюсь что-то вспомнить.
- Что?
- Что-то главное...

«...Сегодня поверхность моря похожа на пенку бульона.
Солнце – румяный, увесистый блин – выплывает из наваристой жидкости, набирая высоту, обретает видимый объём и лёгкость.
– Надо впустить в себя утро. Открыться и впустить утро, заполненное блинами...
Анжела произнесла слова осторожно, с опаской, будто пробовала на вкус каждый звук.
Вокруг не было ни души, но серые камешки, отшлифованные морем, своим шорохом намекали, что вместе они обладают если не душой, то хотя бы энергией жизни.
Разноцветные лучи касались лица Анжелы, возвращая её в сегодняшнее утро, в неизменное желание – не вспоминать Марию...»

...Всякий раз, когда вижу эту женщину, хочется нафантазировать лёгкую словесную формулу, способную изменить её жизнь.
Но слова знают о жизни гораздо больше меня и объединяются в тяжеловесные конструкции с мясным душком.
О судьбе Анжелы известно немного – убила мужа, отсидела срок, вышла на волю, сын домой не пустил. С тех пор она – завсегдатай сборищ местных алкоголиков – скитается неподалёку от своего дома, до самого лета бродит по округе в истрёпанной временем чёрной дохе.
Иногда танцует, что-то напевая. Её движения всё ещё грациозны.
Зима превращает её в неуклюжее существо.
Анжела дноет и ночует возле девятиэтажки, в закутке, в котором раньше стояли мусорные контейнеры.
Спасаясь от мороза и ветра, женщина, больше похожая на потерявшуюся тень, обкладывается мешками с тряпьем и кульками с едой.
Кажется, даже собутыльники её стесняются.
Но Анжела не скучает – у неё есть постоянный собеседник.
Он говорит изнутри её тела, его скрипучий бас прорывается наружу, заставляя её голосовые связки работать на него, на его сущность.
Люди думают – Анжела допилась до белой горячки.
Её не интересует их мнение – она не чувствует себя одинокой...

«...Быть увиденной – так она определила своё желание, родившееся в далёком детстве и не покидавшее её до самого первого серьёзного проступка.
С тех пор Анжела перестала считать свои проступки, понимая, что судьбу набело не переписать.
Был ли стыд? Вначале – да. Потом – сожаление о своей ущербности и вызов всем, кто, по её мнению, был чище.
Бабушка часто вспоминала Марию.
– Ты родилась в один день с ней, мой ангел, – ласково обнимала она маленькую Анжелу.

– Бабуль, ангелов можно обижать? – спрашивала та, вспоминая соседского мальчишку, ни с того ни с сего ударившего её кулаком по спине.
– Мария видит всё, – словно невпопад отвечала бабушка.
С каждым прожитым годом Анжеле всё меньше хотелось быть увиденной...»

...Грязь, вонь, исходившая от неё и её пожитков, беспокоила жильцов многоэтажки. Изгнать, выжить, вышвырнуть, – основные глаголы, метившие своими острыми лезвиями в её жалкое существование.
Анжела интуитивно чувствовала себя защищённой:
– Попробуйте меня обидеть, увидите тогда...
Никто не решился вступить с ней в явное противостояние, пока не лопнуло терпение домоуправа.
Однажды, когда она куда-то ушла, он собрал её вещи и вынес на мусорку, затем сам вымыл водой с хлоркой пол закутка и заставил его мешками с цементом.
Несколько дней подряд Анжела неприкаянно бродила возле дома, жалуясь своему собеседнику на обидчика.
Прошло несколько месяцев, домоуправ умер. Умер дома, внезапно.
Говорят, не выдержало сердце...

«...Вспомнить, непременно вспомнить защитника.
Нет, не Марино. Её она совсем не чувствовала.
Вспомнить кого-то, кто был раньше, кто защищал, слышал её.
Анжеле показалось, его образ проявился, когда она впервые смотрела фильм «Золото Маккенны». Добрый, сильный, но похож не на шерифа, а на бандита Джона Колорадо...
– Бабуля, бывают добрые бандиты и убийцы? – не находя внутри себя ответа, в который раз интересовалась Анжеле.
Бабушка молчала, а после отвечала, словно невпопад:
– А я часто думаю, сколько нас – с “каиновой печатью”?...»

... Ещё несколько месяцев назад она – пьяная, в неизменной чёрной дохе, шаталась по округе, бормоча что-то невнятное. Иногда можно было различить слова:
– Где мой сын? Кто его видел? – вопрошала она.
Скрипучий бас тут же отвечал ей:
– Где-где... в Караганде! Выпей и усни...

...Недавно я увидела её мрачную одежду под кустом возле моего дома.
Вскоре обнаружила саму Анжелу. Она полностью преобразилась – в чёрных узких брюках, белом пиджаке, в стильной ковбойской шляпе – сидела на качелях, пела скрипучим басом колыбельную.
Она ли это? Или защитник окончательно выбрался наружу, и теперь охраняет сон её души, пока Анжеле не вспомнила о главном?..

... Они играют легко, но бывают упрямыми, словно дети.
Играют в смысл, но им чужда кастовость – для них не существует неприкасаемых тем.
Они свободны в своём выборе – присоединиться к любой группе и выйти из неё.

Иногда они обнажают мысль
до полной её неприглядности,
до примитивного шаблона,
на который нанизаны – для красоты –
разноцветные иллюзии смысла.
Слова... вечные спутники ума,
но, однажды пережив его тишину,
в них что-то умирает –
чтобы отвернуться от времени...

... Сегодня солнечный день в сердце.
Кажется, не о чем говорить –
существует лишь радость от ярких бликов памяти.
Когда на время выпадаешь из драмы собственного опыта,
всматриваясь в линиящую синь августовского неба,
когда не болят душа и тело,
что-то детское обнимает душу –
есть жизнь, наполненная светом и
запахом мёда и яблок.
Но слабые глаза быстро устают,
взгляд ищет расслабления –
в приятном полумраке комнаты.
Ум тут же цепляется за вещи –
книги, картины, мебель, часы.
Время делит мысли на диалоги:
– Ты знаешь, что часы – колдовские существа?
Кукушки жертвуют им своё терпение.
– Кукушки – бывшие русалочки,
отдавшие свои голоса ради земной любви...

... На улице детский гомон.
Ребятишки смеются, катаются на качелях.
Соседская девчонка, навязчиво крикливая,
который раз зовёт папу.
Наконец-то он выходит на балкон.
– Чего орёшь?
– Папа, ты купишь мне сок? – звонкий голос ребёнка
разносится по всей округе.
– Хорошо, – бурчит папа.
– Что?
– Куплю! – раздражается мужчина.
Девочка замолкает на время, потом кричит на полтона тише:
– Папа, купи мне любовь...

... Чем острее жизнь, тем колоритней воспоминания.
Но кто мы – внутри границ своих наблюдений?
Сейчас мои глаза и уши определяют
привычную обстановку и вдруг –
я – на холме, рядом – Людвиг Витгенштейн и Утс Баусма –
восхищаются видом города, вдыхая воздух незнакомого мне дня.

Людвиг отмечает – будь он Творцом, не создал бы солнце –
с ним слишком ярко и жарко, но при одной луне
возникнут трудности с чтением и письмом...

Улыбаюсь живучей сущности Витгенштейна,
отвлекаясь от чтения его биографии.
Неизменной лунной спутницей философа
была изнурительная депрессия,
но его мысли, отклики на события
уподобились солнечному, шумному дыханию жизни.
Понял ли Людвиг – кто он –
внутри границ своих наблюдений?..

... В тесном домике моего ума
жанровые клерки сочиняют свой сюжет о светилах.
Галдят, выбегают во двор, нанизывают шаблоны
на примитивный штacketник, за сучковатыми досками которого
виднеются бессловесные антиподы общепринятого.
Клерки спорят, не замечая молчаливого юноши
в венецианской маске с письмом в руках.
Он топчется возле двери,
незамеченным уходит на просёлочную дорогу,
распечатывает письмо, декламирует:
– Он убивал Будду всякий раз, когда встречал.
После – обживал пространство, определялся во времени.
Очередной солнечный зайчик, но сколько в нём было боли...

С последним словом приходит короткое безмолвие.
Незнакомец в маске плачет – не от сострадания –
от неспособности передать словами невозможное.
Глядя на него, слышу отзвук прожитого времени –
пять сентябррей тому назад,
Венеция.

... Яркое, тяжёлое солнце оглушило меня
на площади Святого Марка.
Когда больно, неудобно телу,
не удаётся выйти из настоящего,
в голове одна мысль: смертельно жарко.
Сотни голубей топчутся возле ног, кружат над головами,
их взгляды кажутся туповатыми, движения – бестолковыми.
В голове пульсирует раздражение
от невозможности радоваться путешествию –
здесь и сейчас.
Позже в полумраке и тишине своей квартиры
будут иные ощущения,
придут светлые воспоминания и спокойствие,
но не сейчас.
Влажность, застывшая в воздухе,
останавливает дыхание,
она обволакивает вещи и даже время,

сквозь неё с трудом продирается всё живое.
В голове поселяется странная мысль –
«вода течёт сквозь каждого, кто её замечает»,
в одуревшем от солнца сознании проплывают
красные рыбки из давнего сна.
Они плывут над головами туристов –
куда-то вверх, к безжалостному светилу,
но с громким бульканьем падают в воду.
Бульк... солнце перестаёт меня поджаривать –
тело адаптировалось к жаре.
Снова открылся коридор времени,
где свободно передвигаются
наблюдения и фантазии.
Там гондолы тихо покачиваются
на маслянистой поверхности воды.
Томас Манн и Блок сравнили их с гробами,
но мне чёрные, изящные лодочки напомнили
старинные туфли с острыми, вздёрнутыми носками.
В такой обуви Маленький Мук шлёпал
по сказочным мостовым.
Кукольный город для детей великанов.
Они давно выросли из любимых забав,
забыли дорогу в детство, улетели к звёздам,
но по улочкам живописной Венеции
всё ещё снуют игрушечные человечки,
управляемые самой жизнью.
Глазастые, улыбочивые, любопытные, многословные,
утрюмые, молчаливые, утомлённые солнцем,
искажённые детством –
живые фигурки на фоне
облущенных, выцветших старинных домов,
сохранивших горделивую осанку.
На стены одних строений падают тени других домов,
пряча в себе тёмную сторону людей
и призраков их прошлого.
Внезапно от грязной стены жилища,
примыкающего к узкой улочке,
отделяется местный дурачок в чёрной мантии и маске Зорро,
бежит мне навстречу с обезьяньим визгом,
но проносится мимо.
Успеваю заметить струйки пота,
стекающие по его лицу и шее.
– Он не любит туристов, пугает их, – поясняет гид.
Мы идём дальше по коридору времени,
и теперь мне видится – он перекрыт
огромной рыболовной сетью,
в которой должна быть невидимая прореха,
и каждый сквозь неё непременно уплывёт...

ПАВЕЛ ЛУКАШ

НЕДАЛЁКИЙ рассказ

1

Утром Саша Исин прибил комара-альбиноса. Может быть, второго такого в целом мире нету – надо ж смотреть...

Настроение испортилось, но Исин решил не сдаваться: «Чёрт с ним с комаром, я же не энтомолог», – возникла разумная мысль.

«Завтра праздник, – вспомнил вдруг Исин, – но успеть нужно сегодня: мать, жена, Елена, дочка – три букета и шоколадка. Тестя тоже надо поздравить».

Тестю он всегда дарил большую чашку, которая обязательно разбивалась до следующего праздника.

К вечеру должна была вернуться жена, и, хотя её не было больше недели, Исину казалась, что она уехала лишь вчера, а день отъезда и день приезда в данном случае вообще не считаются...

– Спасибо, – сказала Елена. – За гвоздики спасибо...

– Всё наладится, – сказал Исин. – Я начал работать, это хорошая работа: приличный заработок, много свободного времени... Я ведь понимаю, что существуют вещи и помимо цветов – всякие там украшения, одежда, мебель...

– Мне ничего не нужно. Мне непонятно, почему у тебя нет свободного времени даже когда ты не работаешь?

«Трудно объяснить», – подумал он.

– К тестю нужно заскочить, и к маме, и жена приезжает.

– Скачи.

– Завтра я уезжаю, – с порога сообщил Исин, – в командировку.

– Посмотри на рисунок, Яныч, ручная работа. Такой красоты у тебя отродясь не было.

– Разве сейчас чашки! – пожаловался Яныч. – В руках рассыпаются.

– Не одолжишь?.. – спросил Саша. – Завтра я уезжаю – по делам...

«Приятно тратиться не траться, – подумал он, – но Яныча надолго не хватит, совсем старику».

У мамы Саша не задержался. Выложил продукты на стол, букет нарциссов поставил в вазочку.

– Завтра уезжаю, – сообщил он. – Это связано с новой работой.

– Ты же заплатил, Сашенька, – сказала мама. – Возьми, тут немного...

– Не стоит.

– Возьми, тебе же надо. И мне приятно, что я могу ещё что-то дать.

– Хорошо, – не стал спорить Исин, – спасибо.

«Если разбрасывать камни и сразу же их подбирать, – подумал он, – можно собрать неплохой урожай».

– Шоколад мне вреден, – заявила Анюта, разрывая обёртку, – я от него полнею.

– Всё равно, с наступающим, – сказал Исин. – Как дела в школе?

– Как всегда.

Дверца холодильника хлопнула, затем ещё раз.

– Нету ничего, – раздалось из кухни.

- Полный холодильник, – не согласился Саша, – нужно разогреть.
- Я всего этого не ем, – сообщила дочь, появившись в комнате снова.
- Ну а что же ты ешь? Чего бы тебе хотелось?
- Мне необходимо специальное питание, у меня переходный возраст. Видишь, прыщ на подбородке? «В самом деле – толстеет», – подумал он.
- Папа, а что такое вагинальный секс?
- Что? – не пожелал расслышать Саша.
- Ну что такое оральный и анальный – понятно. А что такое – вагинальный?
- Если это анекдот, – сказал Исин, – то теперь я его знаю.

На вокзал он пришел вовремя и тюльпаны купил заранее, номер перрона выяснил, номер вагона знал. Поезд прибыл, начали выходить пассажиры.

«Катя... – соображал Исин. – Нет, не Катя. А вот и Катя... Опять – нет... Что же это? Что со мною творится? – он испугался – и вдруг успокоился: – Ну не Катя, так почти Катя».

Исину стало смешно. Когда появилась, наконец, жена, он улыбался.

– Не могу я уезжать надолго, – сказала Катя. – Всю неделю скучала, была сама не своя. Я должна видеть тебя ежедневно.

«Почему ежедневно? – подумал Исин. – Как же так получилось, что я стал её, и её, и её?.. Почему стал вещью – собственностью?»

– А работа как же? – спросил он. – Жить-то на что?

– Без командировок будет хуже, – согласилась она. – Но ты же собирался начать. Значит, я смогу чаще бывать дома.

«Собирался, но не для того...», – подумал Исин и сказал:

– Да, конечно...

– Спасибо за цветы, – сказала Катя, – люблю тюльпаны.

Вечером Анюта попросила денег:

– Папа, нужно подписаться на журнал. Если подпишутся десять человек, то классу подарят мяч.

– Денег нет, – сказал Исин.

– Из-за тебя я подведу весь класс.

Анюта заплакала.

– Дать бы тебе по заднице, чтобы не зря плакала, – разозлился он. – Иди к себе, там и реви.

Она ушла к себе.

– Но почему должна подписываться именно ты, если в классе сорок человек? – крикнул вслед Саша.

Ответа не было.

– Сколько?

Анюта вернулась в гостиную.

– Спасибо, папочка.

– Завтра я уезжаю, – сообщил он жене и дочке, – в командировку.

– Ну-ну, – сказала Анюта.

– Так ведь праздник, – сказала Катя. – Кто работает в праздник?

– Ты же сама хотела чаще бывать дома! А жрать что? Я мужчина – должен зарабатывать.

– Ну и ну, – сказала Анюта.

– В принципе, нам хватало... – сказала Катя.

– Ясно, – возмущился Исин. – Ты теперь на всё готова, лишь бы меня из дому не выпустить.

«Вот что значит нетипичное самоубийство, – размышлял не впервые Саша. – Уехать далеко, документы уничтожить, забраться в какую-нибудь глушь, куда годами никто не суется, и разгрызть свою ампулу. Никаких записок. Известно, что уехал, а насколько – никто не знает. Куда? В командировку. А где он работал? То-то и оно – никаких концов. А уезжать надо в праздничный день, чтобы хоть дату запомнили...».

Саша думал, поезд шёл...

Через день, в чужом городе, Исин постучал в незнакомую дверь, за которой, судя по табличке, проживал Григорий Запеканский.

– Почему мы не видимся? – спросил Запеканский. – Что с нами произошло?

– Всего лишь вся жизнь, – ответил Исин.

– Значит, помочь решил армейскому другу? Получил письмо и сразу приехал? Что там у тебя: семья, работа?

– В основном, семья...

– Мне твоя помощь позарез нужна, – сказал Запеканский, – я-то совсем один: родителей уже нет, а жены и детей никогда не было.

– Знаю, – сказал Исин, – читал и перечитывал: здесь тебя ничто не держит, и поэтому ты едешь за границу. И, как я теперь понимаю, ты именно сваливаешь – то есть насовсем...

– Надеюсь, что так, – заключил Гриша и пожелал: – Ну, будем здоровы!

– План у нас такой, – объяснял он. – Ты берёшь мои вещи и сегодня же едешь в столицу. Сдашь их в камеру хранения в аэропорту, купишь палатку, продукты – и вперед, на озёра. Разобьёшь лагерь (место я отмечу на карте) – и жди меня в гости. Мы отдохнём несколько дней на природе, а затем – на электричку и в аэропорт. Ты получишь крупную сумму в конверте – семье подспорье – и вернёшься домой, а я полечу туда, где меня всю жизнь будет мучить ностальгия.

– У меня в самом деле семья, – согласился Саша, – и приехал я, конечно, чтобы подзаработать. Но тебе зачем вся эта конспирация?

– Имеешь право знать в общих чертах, – сказал Гриша. – Я тут дельце замутил, чтобы голым не ехать, а если кое-кто поймёт, что я сматываюсь, то всё сорвётся. Мне даже с маленьким чемоданчиком нельзя на улице показываться – городок-то крохотный... Так что покручусь, сколько нервы выдержат, а потом пойду за хлебушком и... прощай. Не появись ты сегодня – я бы сам справился: оставил бы всё и залёт в столицу до отлёта. Но совсем без багажа лететь – привлекать внимание. Кроме того, есть кое-какие реликвии – бросить жалко.

– А искать не будут? – поинтересовался Саша. – Могут ведь и там найти?

– Шушера, шпана, мелочёвка – хулиганье... – успокоил скорее себя, чем Исина, Запеканский. – У них извилины под линейку. Все разработки мои... Им и в голову не придёт, что я за границей...

– Что же ты от всех скрываешь, а мне доверил? А если я уже не тот Саша Исин?

– Все мы не те, – сказал Запеканский. – А ты издадека, здесь тебя не знают, и вместе нас никто не видел. Приехал – уехал... Это же нормальная сделка – платная дружеская услуга. Если бы я вообще ни с кем не делился, то как бы всё оформил? Так что ты не один в курсе...

– За удачу! – предложил Исин. – Всё гораздо проще, чем я думал.

Они сидели у костра на берегу озера.

– Обидно даже. Где ещё такая красота?

– А давай поменяемся, – предложил Саша. – Я вместо тебя за рубеж, а ты к момн... Там полный набор – будут тебя и любить, и лелеять. Они даже разницы не заметят – было бы кого пасти.

– Смешно, – сказал Запеканский. – А ведь мы похожи: подстричь тебя и очки надеть – вылитый я.

– Последняя, – сказал Исин, откупоривая бутылку, – давай стакан.

– За то, чтоб встретиться с Ренатой, – предложил Гриша.

– Красивая девушка?

– Понятия не имею, – сказал Запеканский Гриша, – но она – это следующий этап.

– Ты выпил без меня, – сострил Исин.

Гриша не ответил.

– Таких, как ты, навалом, – сказал Исин, – больше, чем комаров.

Ответа не последовало.

– Странно, – удивился Саша, – я тебе хамлю, а ты молчишь.

Тишина в ответ.

– Вот такой у нас план, – сказал Саша. – Ты тут полежи, а я соберусь пока. Мне, понимаешь ли, на электричку пора, а затем в аэропорт – самолёт ждать не будет.

За дальнейшими своими действиями и поступками он наблюдал отстранённо: то есть физический Саша Исин едет в город, стриётся коротко в парикмахерской, потом – в аэропорт, проходит таможенно, паспортный контроль (в чужих очках и с чужим паспортом), поднимается по трапу в самолёт, а сознание его витает рядом и с интересом смотрит этот приключенческий фильм.

Нечто подобное уже случалось с ним в армии, в самом начале, когда сержанты в учебной части после отбоя избивали ногами молодых солдат по своему выбору за какие-то невинные провинности. И тогда Сашино тело лежало в умывальне на цементном полу, практически не ощущая боли, и, скорее из принципа, прикрывало руками живот, почки, ещё кое-что, а сознание наблюдало за процессом со стороны, интеллигентно возмущаясь этим варварским зрелищем.

Первая отчётливая мысль пришла Саше в голову, когда он был уже в самолёте: «Вот те на, мимолётная шутка-экспромт, возникшая у костра, когда я предложил Грише поменяться жизнями, реализовалась практически. И ни сомнений никаких, ни страха, что разоблачат, не возникло. Собственно, и сейчас страха нет: куда там иностранным пограничникам до наших дотошных.

А может быть, дело в том, что не Запеканский, а Саша Исин лежит возле озера – погиб при попытке к бегству от собственной судьбы?»

Самолёт тем временем вырубивал на взлетную полосу.

«Нет, – решил Саша, – я – это я, но в роли Запеканского. Хорошо, что мы в самом деле похожи, тем более в очках, которые совершенно мне не идут и ему никогда не шли».

Самолёт набирал высоту.

«Хорошо, – размышлял Исин, – когда жертва охотно идёт навстречу и даже планирует преступление: никто не в обиде. Хорошо, что не пришлось подкрадываться с дубинкой в руке. Это только в кино бывает: бац по голове тяжёлым предметом, и клиент мёртв или жив – по выбору бьющего. Хорошо, что ампула не подвела, хотя были сомнения, – а так вроде и непричастен совсем...»

Самолёт летел на положенной высоте и с положенной скоростью.

«Жаль, что я этих денег не нашёл. Кроме документов, билетов и моего гонорара в конверте, ничего существенного у него не было. И в чемодане ерунда: альбомы с семейными фотографиями, одежда... Но никто и не рассчитывал на большие деньги, а минимум валюты для начала мне необходим. Тем более, гонорар я отработал, разве что не доставил Гришу в аэропорт. Будем считать, что разница ушла на приобретение ампулы, то есть на того же Гришу».

Полёт продолжался.

«Значит, как обещал Запеканский, грядёт ностальгия – размышлял Саша. – Что ж, нормальное чувство, вроде неразделённой любви. Кстати, до этого дело дойдёт не скоро: как всякого нелегала, меня ожидают проблемы посущественней, чем тоска по родине».

Самолёт заходил на посадку.

Паспортный контроль, получение багажа, таможня... Всё прошло без приключений, а таможни Исин не заметил: миновал вслед за другими какое-то помещение, где несколько человек в форме без интереса посматривали на проходящих.

«Надо будет чемодан проверить, – решил Исин, – на предмет существования двойного дна или какой другой хитрости... Где-то же должны быть эти деньги...»

В зале для встречающих было многолюдно, некоторые держали в руках плакаты. Один из них – с надписью «Григорий Запеканский» моментально привлек внимание Исина. Он обошёл девушку, державшую плакат, и застыл в стороне, присматриваясь... Симпатичная, лет двадцати пяти, дамская сумочка висит на плече, а в руке ещё одна сумка.

За те полчаса, что Исин следил за девушкой, к ней никто не обращался, она же внимательно наблюдала за прибывающими.

«Если это неизвестная Грише Рената, за встречу с которой он осушил свой последний стакан, то вот они – деньги».

Не было бы у неё второй сумки, он ни на что не решился бы, но сейчас надел очки, которые спрятал после прохождения паспортного контроля, и подошёл.

– Здравствуйте, – рискнул он. – Вы Рената?

– Да, – ответила девушка.

– Вы, наверно, меня ждёте? – осторожно спросил Исин.
– Если вы Запеканский...
– Разумеется...
– Среднего роста, худой, в очках, волосы светлые, коротко подстриженные, возраст тридцать- тридцать пять, – перечислила она приметы. – Всё сходится. А теперь покажите паспорт.
Исин как в омут нырнул.
– Смотрите.
Девушка безразличным взглядом скользнула по фотографии и прочитала фамилию вслух:
– Запеканский.
– Всё в порядке? – спросил Исин.
– Да, вот ваши деньги.
Он взял сумку.
– Папа передал, что с вами было приятно работать...
– А где папа? – поинтересовался Исин.
Она посмотрела удивлённо.
– То есть я хотел сказать: передайте папе, что, если что-нибудь ещё подвернется, ему сообщат.

4

– А куда теперь? – спросил Саша. – Где тут лучшая гостиница?
– А вы уверены, что вам нужна лучшая?
– Ну не худшая же...
– Я подвезу, – предложила Рената.
Всю дорогу Исин пытался смотреть поверх ненавистных очков – он впервые был за границей и не мог сдерживать любопытства.
Прибыли в центр.
– «Хилтон» устроит?
– Где тут самый дорогой ресторан? – спросил Саша.
– Здесь они все дорогие.
– Рената, – попросил Исин, – пообедайте со мной, расскажите про местные нравы... Я совсем ничего не знаю. По сторонам гляжу – глаза разбегаются.
– Ваши очки ни на что не годятся, – сказала Рената, – вы то щуритесь, то поверх глядите. Может быть, вам для начала очки сменить?
– Верно, – сказал Исин. – Откуда там у нас хорошие очки. Я их лучше вообще сниму. А потом, может быть, куплю контактные линзы.
– Ладно, – сказала Рената, – я с вами пообедаю, но лишь потому, что папе это не понравилось бы.
– Почему бы не понравилось? – спросил Исин.
– Вы когда уезжаете? Чем вы занимаетесь там у себя, кроме продажи по случаю антиквариата? Где вы взяли эти вещи? Папа говорит, что это не наше дело, но мне интересно. Вы женаты?
– Можно по порядку? – попросил Саша. – Средства, как вы знаете, у меня есть, так что я тут поживу какое-то время. Там у себя я в данный момент ничем не занимаюсь, поскольку нахожусь здесь. И ничего я не украл, и ни к какому криминальному бизнесу отношения не имею. Что же касается последнего вопроса, то Григорий Запеканский не женат и никогда женат не был.
– Деньги ваши когда-нибудь кончатся, – предупредила девушка, – но если найти дешёвое жилье и не есть в ресторанах, то их может хватить надолго. Лично я снимаю небольшую комнату и готовлю себе сама.
– А папа ничего не даёт?
– Он платит мне за то, что я работаю в его магазине. Но спрос на антиквариат упал, и магазин наш не на лучшей улице...
– Если вопросы кончились, – сказал Исин, – то пойдёмте обедать.
– Вопросы не кончились, но поговорим в ресторане.

– Мне только кофе без кофеина, – сказала она, – я на диете.
Исин, который всегда чувствовал себя в ресторанах неуютно, здесь почему-то расслабился – заказал разного и ел с удовольствием. Ему нравились еда, обстановка, девушка и несколько пачек денежных купюр, которые он, вернув Ренате сумку, переложил в карман.

- Знаете, – заявила она, – а ведь я ношу контактные линзы.
- Они вас совершенно не портят, – заверил её Саша.
- А раньше я носила очки.
- И очки вам наверняка шли, не то что мне...
- Но на переносице у меня всегда были пятна, а когда я перестала носить очки, пятна эти сошли не сразу, я бы даже сказала, что много времени прошло, пока они исчезли.
- Короче, Рената, – спросил догадливый Исин, несмотря на то, что догадываться не хотелось, – к чему этот разговор?
- К тому, что вы не очень похожи на фотографию в паспорте, а без очков, в которых ничего не видите, – тем более...
- Господи, – сказал Исин, – я пересёк две границы, и никому подобное в голову не пришло. А что до носа, то у кого-то есть пятна, а у кого-то нет. У меня, например, хорошая кожа, жена завидует...
- Вот и жена появилась, – сказала Рената. – Я не пограничник, которого устраивает формальное, причём довольно-таки приблизительное сходство. И папа мой вам для чего-то понадобился, а ведь был уговор, что сделка разовая, и больше вы друг друга не увидите.
- Почему же вы отдали деньги? Почему сидите здесь, а не позвали до сих пор полицейского?
- А что бы вы сделали, если бы не получили денег? Кроме того, должна же я понять, кто приехал по папину душу?
- И, кроме того, – опять догадался Исин, – вам не хочется объяснять полиции, за что мне заплатил ваш уважаемый папа.
- Я вообще коллекционеров не люблю – все они чокнутые, – сказала Рената. – А папа старый уже, у него чашки из рук валяются, он поехал туда – в какую-то глушь, связался с бандитами и вернулся совершенно счастливый, потому что привёз эти вещи. Но он мой папа, и поэтому мы договоримся без полиции.
- Вы смелая, – сказал Исин, – но и расчётливая: тут людно, да и, в случае чего, я теряю больше, чем ваш папа, его-то, наверное, в тюрьму не посадят. Но прежде чем согласиться на что-либо, я расскажу вам о Запеканском.

5

– Вся история началась лет пятнадцать тому назад, когда меня призвали в армию, и попал я на Дальний Восток – в учебную часть.

Курсантов с Запада там было не много, поэтому мы с Гришей считались земляками, хотя между нашими городами не менее тысячи километров.

Примерно через месяц, когда я почти привык к армейскому быту, то есть к холоду по ночам в казарме, к жалкой пище, ко сну через сутки по четыре часа за ночь, к бегу по пять километров каждое утро, к обращениям вроде «воин, скотина, сволочь, ублюдок...» и так далее – по нисходящей, со мною произошло несчастье. Я по ошибке обул утром чужие сапоги и во время зарядки до крови стёр ноги.

Раны там заживали плохо – только через полтора-два месяца они перестали гноиться, – а лекарств почти не было...

Я стал чужаком – перешёл в категорию ублюдков в квадрате, потому что отстал от стаи. Я плёлся за строем, не ходил в караулы, но меня и мне подобных всюю использовали на работах, где не нужно быстро передвигаться.

Как-то раз, ночью, когда рота была в наряде, мне, Запеканскому и ещё нескольким курсантам поручили чистить картошку. Потом всех, кроме нас с Гришей, забрали куда-то – и мы остались вдвоём, а картошки нужно было начистить на шестьсот человек...

Запеканский начал ныть: говорит, что болен и не может работать, что ему нужно отлежаться. Мне показалось, что он не врёт, и я отгнал его с глаз долой. Он даже идти сам не мог, так ему было плохо.

Гриша спал, а я работал один – старался сделать побольше, хотя и у меня слипались глаза от усталости. Потом пришёл дежурный по кухне – сержант. Картошки было недостаточно. Он спросил: «А где второй?». Я начал юлить – выгораживать Запеканского. Если б его нашли, да ещё спящим, его бы прибили. Разумеется, я схлопотал несколько зуботычин за халатное отношение к работе, но, в общем, пронесло: зуботычины в учебной части – дело ежедневное и привычное.

Гриша потом благодарил меня – клялся, что теперь я ему вместо брата... Судя по всему, у него уже ничего не болело. Для меня же, гонимого инвалида, любая дружба была счастьем. Но на завтра он вместе с десятком других курсантов, объединившихся по законам стаи, начал меня травить, и это продолжалось до тех пор, пока я не выздоровел, да и потом не сразу закончилось...

Затем мы стали сержантами и разъехались по объектам. Я служил в отдельном взводе – всего тринадцать человек. Все, кроме офицера, были нацменами, многие вообще не понимали по-русски, но я прожил там полтора года безвыездно, только офицеры менялись и вместо демобилизованных солдат приходили новые.

Разумеется, жизнь как-то наладилась, а за месяц до конца службы в наш взвод попал Запеканский. Стаи для него тут не было, и он сразу решил, что мы большие друзья, потому что земляки и учились вместе на сержантов. Я его не отталкивал, так как мыслями был уже дома и не хотел эксцессов, да и противно было уподобляться... А вскоре служба закончилась.

Про Запеканского я и думать забыл, а недавно, спустя столько лет, получил письмо на мамин адрес: Гриша снова просил о помощи. Кроме того, он предложил за услугу деньги. А положение у меня аховое: работы нет и не предвидится, всем должен, включая родную мать и тестя-старика. Даже любовнице, с которой давно бы уже следовало порвать, и той должен... У дочери переходный возраст – покупок требует, обижается... Живём на зарплату жены. То есть состояние нервное – пограничное. А тут ещё Запеканский: «Приезжай, друг!»

И я поехал – не заработать, а себе доказать, что способен на поступок.

А там, когда мы оказались вдвоём и вдалеке от цивилизации, я подсунул ему снотворное, сильное – двадцать четыре часа гарантии – и уложил спать в палатке: пусть проспит что-нибудь важное.

Но мысль прилететь сюда возникла, когда я шарил в его карманах – деньги искал. У меня даже на обратный проезд не было... Я гонорар за услугу невыполненную хотел забрать – не скрою. А когда нашёл паспорт и билеты, то как под гипнозом...

Кстати, Запеканский до сих пор спит – времени-то меньше суток прошло.

– История дурацкая, – сказала Рената, – но меня она устраивает. Боюсь, что с настоящим Запеканским было бы сложнее найти общий язык. А вы в самом деле собираетесь остаться?

– Нет, конечно, – сказал Исин. – Фантазировал себе что-то в самолёте и потом... Но ещё когда билеты и паспорт у Гриши тащил – понимал, что ничего не выйдет. Не смогу я прятаться, жить здесь нелегально... И Запеканским быть гадко, хотя и Сашей Исиным быть – маленькое удовольствие.

– Вот и познакомились, – сказала Рената.

– Что вам от меня нужно? – спросил он. – Только учтите, что через неделю я улечу.

– Отдайте мне деньги, а Запеканскому верните товар. Придумайте что-нибудь такое, чтобы он сюда не заявился. Мы ему даже заплатим что-то вроде неустойки, и вас отблагодарим – подарки купите...

– А как же папина мания?

– Папина мания – это я. А я не желаю, чтобы он водился с бандитами, контрабандистами и ещё чёрт знает с кем. И не можем мы позволить себе такие покупки. Если папа не вернёт деньги, ему придется продать половину коллекции.

– Попытаюсь, – согласился Исин. – И, скорее всего, меня арестуют на таможне – не на вашей, к сожалению...

– А гостиницу я оплачу, но не «Хилтон», разумеется, – предложила Рената, – и через неделю отвезу вас в аэропорт.

6

«Если бы кто-нибудь сочинил эту историю, – думал Исин, – то закрутил бы всё иначе.

Саша соблазняет внешне деловую, но, по сути, неискушенную Ренату, готовую поверить малоубедительному рассказу явного проходимца, и женится на ней, и тем самым легализуется, оставаясь для всех Григорием Запеканским, а затем, войдя в бизнес её отца, налаживает контрабандную поставку дорогого антиквариата.

А отравленный, по мнению Исина, Гриша вдруг приходит в себя (кто знает, что подсунули недобросовестные продавцы вместо нужной ампулы?) и едет в Сашин город в надежде там его отыскать. В дальнейшем, чтобы быть в курсе дела, Запеканский знакомится с Сашинной семьей, с его родственниками и друзьями. Потом он женится на бывшей жене окончательно пропавшего без вести армейского друга (даже берет её фамилию – Исин), удочеряет его дочь, сочувствует его матери и становится для неё самым близким человеком, дарит по праздникам подарки тестю и, возможно, заводит роман с бывшей Сашинной любовницей – вот конец всей истории.

А в действительности я прокололся сразу же, хорошо хоть в полицию не загремел, и теперь, когда меня на таможне поймают с этими побрякушками...»

На дальнейшее фантазии не хватило, только в голове замелькало слово «адвокат» и возникла мысль: «Как доказать, что ты не верблюд, если ты верблюд?».

Самолёт заходил на посадку.

«Кончилась командировка, – думал Сапа. – Всем подарки везу – никого не забыл. Ну а чашки такой у Яныча никогда не было: огромная, разноцветная, а главное – небьющаяся».

Исин прошёл паспортный контроль, оставалась таможня...

– За мной, с вещами, – приказал таможенник.

– Зачем? – спросил Исин.

– Там объяснят.

Они шли по длинному коридору, затем – по другому...

Таможенник достал связку ключей и открыл дверь.

– Вот он, твой дружок, принимай.

– Предлагали ребята семью твою навестить, – сказал Гриша, – но я тебя знаю – раз билет на сегодня, то сегодня и прибудешь. Ты же недалёкий. Это как у птиц: одна ещё мух ловит, а другие уже на юг улетели.

– Я-то как раз улетел, – сказал Исин.

– Бывает, – согласился Запеканский. – Другой действовал бы наверняка: топором по башке, камень на шею – и в озеро. А ты подсыпал какой-то дряни, лишь бы руки не пачкать... Я, как видишь, очухался, что говорит о твоём непрофессионализме, правда, сутки пролежал в полном отрубе, и голова до сих пор гудит, но мы же люди свои – сочтёмся... Вещи, деньги, документы, очки. Быстро!

– Здесь не мусорить, – предупредил таможенник. – Все на выход, вон в ту дверь.

– Выйдешь первым, – сказал Гриша, – и пойдёшь по направлению к зелёным «Жигулям». Мы с ребятами будем сзади, а у них разговор короткий: шаг в сторону – побег. Вещи я сам донесу.

«Не понадобился адвокат, – подумал Исин, – да и денег на него теперь нет».

Исин шёл по направлению к зелёным «Жигулям», когда услышал топот и крики. Он обернулся. Сзади, шагах в тридцати, на Гришу и его ребят навалились добры молодцы – по двое на каждого.

В тот же миг зелёные «Жигули» сорвались с места и помчались прочь, а за ними понеслась серая «Волга».

«Погоня, – подумал Исин. – Хорошо, что я в ней не участвую».

ПАЗЫ

рассказ

«Каждый крепок задним умом» – так, кажется, говорят.

«Все вы умные потом» – повторяла моя бабушка.

«Не любите правду!» – утверждала она.

«Чего-чего, а ума у всех не хватает» – личный мой афоризм.

Как меня соблазняла Верунчик?

– Ты, – говорит, – хорошо сохранился.

(На «отлично» она не расщедрилась).

– Куда там, – отвечаю, – вот раньше...

– Ты же не растолстел, как она.

(«Она» – это моя жена).

Боже! Как приятно слышать. Если слышишь, можно не всматриваться. Всматриваться даже противопоказано.

Я говорю Верунчику:

– Хочешь, заберу тебя с работы в обеденный перерыв. Кофе там... Покататься по городу...

Так оно начиналось.

Хотя возник неприятный момент:

– Тачка у тебя не новая, – заметила Верунчик.

Колесили-куролесили, пока не засыпались. Точнее, засыпался я, а она к сему руку приложила. С каждым разом – ближе к людям. К дому ближе – к родимому очагу. Теперь ни жены – пусть даже толстой, ни Верки, которую кто-то катает на новой машине, ни очага, ни людей, которые все оказались друзьями жены.

И вот: немолодой, сорокалетний, со старой машиной, но умный потом, не любящий правду (за что её любить?), хочет (!!!) познакомиться с симпатичной (можно с толстой) и т.д., предпочтение собирающим пазлы (это – чтобы с интеллектом, а не только физиология).

Почему именно пазлы? Если, уверяю, каждый обитатель нашей планеты соберёт по одному, хотя бы не самому сложному пазлу – жизнь радикально изменится к лучшему.

Но безответственен земной народ: «Я и без того классный парень», – решит один, другой, третий... и вся идея полетит к чёрту.

А ведь пазлы собирающий испытывает настоящее вдохновение. Он, представьте себе, творит. Он создает Мону Лизу из тысячи картонных частей и вешает на стену под стеклом и в рамочке уже своё великое художественное произведение.

Мона Лиза, кстати, весьма сложный пазл и даёт возможность насладиться творческим процессом сполна. И когда последняя цветная картонка встаёт на место – приходит момент истины.

– Я сложил! – сообщает пазлщик.

– А синенькая? – не верит другой, – она ж из левой, а не из нижней...

– Она из середины! Я смотрел! Увидел! И сошлось!

А какое развитие технического прогресса пазлам благодаря? Картон нужен? Картинка нужна? Вот тебе бумажная промышленность и полиграфия. Приклеить надо картинку к картонке? – клеевая какая-нибудь промышленность. А всё это потом разрубить? – станкостроение! А рамочка со стеклом, чтоб на стенку повесить? А если бы после работы, да и в выходные дни, все собирали пазлы? Вместо ругани? Вместо того чтоб по дорогам колесить и жечь дорогое горючее?

Кстати, о дорогах.

Один плохой мой знакомый ехал совершать дурные дела – например, совращать малолеток – и по пути любовался пейзажами.

А пейзажи были такие красивые, что не передать в письменном виде. И вдруг, в тот самый момент, когда он всмотрелся в самый прекрасный пейзаж, пришла справедливость.

Спрашивается, где ж она раньше была? Ведь не в первый раз он ехал совершать преступление.

А была она там же, где и всегда. На дорогу надо смотреть.

Раз в неделю я выбираю пазл. Есть один магазинчик, где большущий стеллаж завален уценёнными играми. Если покупать неуценённые – останешься без штанов. Но покупать штаны еженедельно незачем – сколько их нужно вообще? – а пазла мне хватает всего на неделю. Про штаны упомянуто для примера – разговор о предпочтениях. Кстати, иногда я покупаю дорогие пазлы.

В тот раз, я – унылый и сиротливый – выбирал пазл. Возле стеллажа крутилась крупная некрасивая девочка. Стоило мне вытащить из груды очередную коробку, как именно эта коробка привлекала её внимание. Я искал что-то сложное, дешёвое и большое, и она, вероятно, тоже. Девочка вела себя агрессивно. Например, хваталась за очередную коробку на долю секунды раньше, чем я успевал выпустить её из рук и, моментально рассмотрев картинку, почти швыряла пазл на стеллаж, скорчив при этом презрительную гримасу. Презрение предназначалось мне – вот, мол, идиот, на что позарился. Было и другое в поведении акселератки – не упуская случая протиснуться между и мною стенкой, она тёрлась об стенку меньше, чем об меня. Трудно было не понять.

И хотя в дальнем углу пустого почти магазина, за двухметровой высоты стеллажом уценённых игрушек, нас не было видно, кто-то мог подойти неожиданно, и телекамера для наблюдения за покупателями не исключалась.

– Сколько тебе лет? – спросил я, надеясь прекратить опасную игру.

- Шестьдесят.
- Предпочитаю восемнадцатилетних...
- Мне пятнадцать, – сказала она. – Я киндер-сюрприз.
- Предпочитаю восемнадцатилетних, – повторил я. – Даже шестидесятилетних предпочитаю.
- Подумаешь, разница – всего-то три года.

С этим я поспорить не мог, не заглянув предварительно в уголовный кодекс.

- Я про тебя знаю, – заявила она. – Ты редактор.

Откуда она знает? От продавщицы этого магазина. Я постоянный покупатель, и мы порой умеренно открываем.

Нет лучше продавщиц уже потому, что с ними удобно знакомиться.

– Я технический редактор, а тебе надо к главному. И у нас не публикуют романов – мы не издательство, а тонкий журнал.

- Как вы узнали про роман?

Теперь мы на «вы». Даже обидно. Всё же я обделен вниманием пятнадцатилетних девчонок.

- Опыт, знаешь ли...

– Все говорят про опыт. Посмотрите, хотя бы.

– Ладно, – говорю, постигая, что иначе она не отвяжется, – давай. Прочитаю и объясню, почему твой роман никуда не годится. Сколько в нём страниц? Тридцать? Семьдесят? Неужели, сто?

- Триста. Главное, прочитайте.

Она вытаскивает папку-скороспиватель из лежащего на полу рюкзака.

Вот так ничего себе!

- Я приду через неделю, – говорит она. – А такие джинсы, как на вас, никто уже не носит.

Из романа:

«Я не уродина и не красавица, я – некрасивая. Означает ли это, что умная? Да – утверждает общественное мнение. И я в этом случае с ним соглашаюсь. Хотя понятного понятней – раз некрасивых больше, они это мнение и создают. Но вопрос в другом – мешает ли мне моя некрасивость?»

Сейчас 7.30 утра – скоро он придёт. Он ждёт внизу, чтоб родители ушли на работу. А у нас каникулы – длинные летние. Он работает летом, но ему к девяти. Почти полтора часа мы вместе – одни на всем свете. Красивая, некрасивая – всё в сравнении... А с кем сравнивать, если кроме меня здесь никого нет? Он не считает меня некрасивой. И его друзья так не считают. Они понимают, что во мне что-то есть, хотя бы потому, что я с ним. Он-то – красавчик. Я встречалась с некрасивыми парнями – думала, что мне так полагается. Но некрасивые не намного лучше красивых, в плане там характера и взаимоотношений. Может быть – умнее? Но, по-моему, это правило на парней не распространяется.

Я знаю, что у красивых свои проблемы. К ним попросту боятся подходить. Кажется, что у такого всё схвачено. Что ему никто не нужен. Но далеко не у всех всё тип-топ. Вот и ему явно не по себе, когда вокруг девчонки крутятся и глазами долбят. Он даже краснеет. А я подошла. По человечески, без кокетства, как бы по делу. А потом ещё раз подошла...

Не знаю, долго ли мы будем встречаться. Девки как с цепи сорвались – поняли, что реально. Да и сам он сообразил уже – что к чему. А мне этих нервов не надо, хотя способы, чтобы его удержать – известны и просты. Но ведь я могу добиться любого парня. И мне выбирать...»

Дальше о том, как сложно обниматься в парке, не снимая роликовых коньков, как избивали нашу героиню в школьном туалете подружки и как она с подружками била другую девочку в том же туалете, про купленный кому-то мотороллер и про то, что кому-то мотороллера не купили...

Шрифт – крупный – это для читателя-дурака, который не вникнет в глобальность идеи, читая мелкими буквами. Если распечатать нормально, получится страниц двести. Собственно, не хуже нашумевшего романа «Приходи, маньяк!», и может стать бестселлером, но не с моей нелёгкой руки. Была б у меня возможность дать это главному, он бы напечатал с продолжением. Но нет возможности. Пусть крутится сама. В интернете. В молодёжных конкурсах. Сейчас все пишут романы – начало века, понимаете ли. Как иначе подвести итог всем прошедшим векам?

«...Новую свою плюшевую собаку она назвала Фреды, точно так же зовут мою старую плюшевую собаку...» – из другого романа.

«...Виски при разбавлении водой теряет крепость, сохраняя вкус и аромат, но нет напитка, который при разбавлении водой сохранял бы крепость...» – из другого романа.

Как иначе поделиться своим единственным и неповторимым опытом?

Кстати, почему я выбирал пазл дешёвый и сложный? Я же не всегда экономлю на пазлах и сложных не люблю – где картинка собирается подбором, а не ориентируясь на цветной рисунок. Вторая тому причина – несложившийся роман (не с Веркой, а тот, который я надеялся написать), и первая – меня уволили из журнала. То есть, денег сейчас мало, а свободного времени много. Можно собрать необъёмный невнятный пазл. Можно прочесть рукопись незнакомой девчонки. Можно сделать усилие... и попытаться дописать своё произведение...

Как-то раз на курортном морском берегу я познакомился с Денисом Карповичем Лазаревичем – пенсионером какого-то там значения. Значение он заработал в известной конторе, о которой повествовал со слезами на глазах и слюнями умиления на устах. Служба кончилась болезнью сердца, иначе, как утверждал Лазаревич, его с места танком не сдвинули бы – он трудился бы до сих пор, зарабатывая не какое-то, а о-го-го какое значение. Денег Лазаревичу хватало: судя по намекам и недомолвкам, кроме персональной пенсии, он успел что-то урвать и надёжно припрятать. И вдруг – клиническая смерть.

Когда он временно умер, то попал в небесную канцелярию – и там, как оказалось, нужны толковые работники. Лазаревич рассказал мне о жизни после смерти и о жизни своей при жизни, пока мы распивали очередные пол-литра холодной водки, коротая тихие вечера.

Его история меня заинтересовала. Мне показалось, что из неё получится увлекательная проза. Но беда в том, что Лазаревича слишком быстро реанимировали – он же не в простую больницу попал, а в значительную – чему Денис Карпович сам не рад, так как уверен, что загробная жизнь должна была иметь успешное продолжение. Он подарил мне свой рассказ с условием, что я допишу его до конца. Я очень старался, но теперь упёрся в чистый лист. Не представляю – что же будет дальше.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН АНГЕЛ!

1.

– Здравствуйте, господин ангел!

– Ерунда, – какой из меня ангел?

– Но ведь вы совершенно призрачный..., извините, прозрачный.

– Радуйся, что вообще что-то видишь. А прозрачный-непрозрачный – дело привычки.

– Кто же вы?

– Я такой же... Словом, я такой же, как ты. Просто мне поручили объяснить, ввести в курс дела...

– Разве этим занимаются не ангелы?

– Конечно, ангелы, но кто-то же должен за них работать...

Мы шли по длинному коридору. С одной стороны – двери, двери, с другой – окна, окна... Всё расплывчато.

Из окон свет. Знаете – голубые стеклянные шарики? Смотришь сквозь него на солнце... Вот такой, приблизительно, свет – напоминает детство.

– Что там, за окнами?

– Всё. Ты сейчас не напрягайся, не думай ни о чём. Увидишь, когда привыкнешь. Висячие сады, например, или Полтавскую битву, Елисейские поля... Но не сейчас... Ты на двери смотри – вникай в обстановку.

На дверях надписи. Вижу плохо, тем более без очков, шурюсь, чтобы прочитать: «Быт», «Работа», «Финансы», «Здоровье»... Под табличкой «Любовь» – две поменьше: «Плотская», «Духовная». Встретилась и такая: «Чтоб ты сдох».

– А эта – что обозначает?

– То самое.

Вошли в кабинет сквозь незаметную такую дверцу.

– В принципе, сюда проходят через секретарскую, но я попросил сделать и отдельный вход.

В кабинете кресло, стол, стул для посетителей, компьютер, телефон – всё расплывчато.

– Мы тут по-простому: быстро понимаешь, что не надо лишнего. Кстати, как тебя называть? По паспорту ты Денис, по метрике – Дионис...

– Называйте Денисом.

– А зря: Дионис – красивое имя, такого у нас ещё не было, по крайней мере, при мне.

– Долго объяснять...

– Ничего, что я на «ты»? – вдруг спохватился он. – Тут все на «ты». Начальник, не начальник... И вообще – сегодня начальник, а завтра – бац! – на склад перевели. Главный-то наш – конечно, ангел – там у них другие дела, но я его и сам редко вижу, то есть слышу, или, правильней сказать, ощущаю.

– Но почему именно я? Жил себе на пенсии, с Жориком гулял. Вдруг этот микроавтобус...

– Дорогу надо правильно переходить. Шучу, конечно, но в каждой шутке – сам знаешь... Говорили там одной – теперь уже нашей сотруднице: «Не переходи на красный свет. Сколько ещё они будут тебя пропускать? Пять? Ну, постарайся – десять лет». Двадцать восемь стукнуло – в тот же день задавили. Вот, что значит самомнение. Так и не научилась на зелёный...

– Так ведь Жорику не до шуток, ему на ту сторону надо. Его-то за что? Совсем ещё молодой...

– Не за что, а потому что... Не психуй – всё наладится. И на вопросы я отвечу – не на все, но сразу, и так далее – по мере поступления. А почему ты? Не знаю. Знаю, что у нас проблема с кадрами. САМ-то вездесущ, но говорит только с царями. Мы уже совсем зашились, а у тебя тридцать лет стажа, и всё по делу. На письма отвечал? В ситуациях разбирался? Судьбы людские решал на своём скромном уровне? Здесь тебе легче будет – перепроверят, утвердят. Ты – инстанция первичная, но точку зрения выражай обдуманно. Справишься – хорошо. Нет – переведут на склад.

2.

– А что на складе?

– По слухам, условия хуже. Впрочем, не думай об этом. Наше дело – разобраться, подготовить и подать. Ведь кому-то положено, а кому-то – нет. Или положено, но что-то другое. Просьбы без ответа оставлять нельзя – люди надеются. Хотя, между нами, разве это просьбы? Это даже не молитвы. Чаще всего – требования или прямой шантаж. Например: «Дай, а то удавлюсь». Это ещё пристойный пример. Бывает и так: «Не дашь – всех удавлю». Взятки, сам понимаешь, не берём – полное обеспечение. Протекционизм – случается: смотришь, просьба от родственника или друга – трудно удержаться, тем более – как бы весточка, тут лучше всего передать коллеге на рассмотрение. Или наоборот: есть ходатайство, а клиент тебе знаком: с полочки занял и не вернул, или бабу отбил, или ещё что-то... Какова реакция? Точно: «Попался, сволочь». Ан нет. Это ты попался. Засекут – и на склад. Вот и думай, рассуждай... Видишь, как я откровенен? А ведь двадцать лет в адвокатуре прослужил. Правильно, ты меня насквозь видишь, хоть и не видишь ничего. Такая уж субстанция, то есть – никакой. Это поначалу. Пообвыкнешь – взгляд замылится. Я сейчас бодрячок лет сорока, костюм-тройка бежевый финский. Это мне по статусу подходит – среднее начальство. Тебе бы – возраст тридцатилетний, костюм синий неброский. Хотя, как знаешь – чётких правил нет. Разве что малолеткой на работу не приходи – с этим я борюсь. Дай нашим дамам волю – разведут здесь детский сад. Женщина приличная, до девяноста двух доскрипела, вдруг является пятнадцатилетней, в дореволюционной ещё школьной форме. «В шестнадцать, – говорит, – я уже растолстела, не хочу». Хочу – не хочу... Не солидно! Секретарь отдела, девять языков знает... Другой-то и не скажешь ничего: в девятнадцать уже выглядела, как прости-господи, а в двадцать и вовсе того..., от известной болезни. Старший советник по вопросам любви. Этой разрешаю, ничего не поделаешь, да и то – не моложе шестнадцати. Понял для начала? Кадры нужны. Раньше что там было? Адам да Ева. А теперь? САМ-то на всех языках разговаривает. А мы, простые смертные, то есть посмертные, действуем в силу знаний, опыта и таланта. Приходит новый сотрудник – спец экстра-класса, а говорит лишь на родном и с ошибками, и словарём пользоваться не обучен. А что клиент? Русские иностранных языков не знают, англичане – знать не хотят, израильтяне, например, матерятся по-английски и по-русски, но не ведают что говорят. Иногда клиент просит, а что – объяснить не может: «Господи, сделай так, чтобы то и это, но без этого и при этом точно так, как я попросил. Заранее благодарен, подполковник водолазных войск в отпарке, кавалер значков и медалей (перечисление), гениальный детектор местного мероприятия, почтенный производитель культурного общества, господин-товарищ-брат Мейд Ионович Холлибуд». Что такому нужно? Специалистка по любви

разобралась. Благо, что она ещё и лингвист – три курса пединститута. Чаю хочешь? Ах, забыл. Для тебя ещё и чай – не чай. Но ничего, пообвыкнешь – и чай будет чаем, и водка – водкой – в какой-то мере... и креветка креветкой, и женщина женщиной окажется, или покажется, что, собственно, почти что всё равно. А сейчас, пойдём знакомиться с коллективом. Готов?

– Готов, – отвечаю.

Мне-то, в самом деле, всё равно – у меня, наверное, шок. Глаза закрываю: вижу рыло гнусное тупое микроавтобуса, визг тормозов и визг собачий – пса до ужаса жалко... Бедный Жорик. А открываю глаза, вижу контур – знакомый уже – моего собеседника. Хотя – нет, заполняется контур: в полукресле сидит бодрячок лет сорока в костюме-тройке бежевом финском.

Так в моём пересказе начиналась новая загробная жизнь Дениса Карповича, звавшегося когда-то Дионисом. Имя он сменил, поступив на службу в контору, поскольку Дионис в древнегреческой мифологии – бог вина и веселья, иначе, Бахус – звучит несолидно для ответственного сотрудника.

«Все мы пьём, – утверждал Азаревич, – но кричать об этом на каждом углу неуместно. Я об имени своём раньше плохо не думал – не сопоставлял. Умные люди подсказали – в отделе кадров. Папа-мама пошутили по молодости, а мне с этим жить.»

– Кто они, ваши родители? – Спросили там. – Почему не назвали сына, например, Карлом? Карл Карпович – нормально звучит.

– Пролетарии, – отвечал я тогда. – Отец – всю трудовую жизнь на винно-коньячном заводе. Мать – рядовая сотрудница археологического музея. Так и в анкете заполнено.»

«Да, я слукавил, – признался Денис Карпович. – Не мог же я рассказать, что имел мой дед свои виноградники. Но и слукавил-то я неслучайно. Умный старик всё отдал колхозу и стал его председателем. Мой отец получил высшее образование. Он, в самом деле, проработал всю жизнь на винно-коньячном заводе, который заложил ещё мой прадед. А мама служила в музее – наук кандидат. Отец дослужился до замдиректора, а в директора его не пустили – ведали. И в конторе нашей все, разумеется, ведали, но я им годился. Знали, что служить буду верно, раз увачен за эти самые...»

3.

– Знаю, что тебя заинтересовала эта комната, хотя правильней было бы начать с секретарской. Фраза «Чтоб ты сдох» удобна, но в нашем случае не точна. Это не просьба, а, скорее, проклятие. Проклятиями занимается другой отдел. Мы по службе с ними почти не пересекаемся, делимся, разве что, информацией, но не всей. В личной жизни – пожалуйста, общайся, заводи друзей в свободное безвременье, но на работе – каждому своё. В наших же случаях, фигурирует: «Чтоб он сдох», или: «Чтоб они сдохли», или: «Чтоб все сдохли» – эти выражения всё же можно трактовать как просьбы или пожелания. Правомерность обращений такого рода проверяем с особой тщательностью, но всегда рекомендуем отказать. Есть тут маленький нюанс – то есть распоряжение свыше – велено отказывать, но не велено не рассматривать. Собранный материал передаём наверх. Что с ним дальше происходит, не ведаем. Но! Был довольно интересный случай в моей практике: оформляя я пожелание одного бедолаги по поводу переезда трамваем некоего министра. Материал мне предоставили серьёзный, я – на месте нашего клиента – лично удавил бы данного протеже, не будь министр настоящим громилой, и была бы возможность к нему подступиться. Но мои эмоции не в счёт, кроме того – тот самый нюанс-распоряжение... Рекомендую: «Отказать». А теперь, не прошло и полгода, тот самый министр сидит в этой самой комнате в должности инструктора – большой дока оказался в вопросах «чтоб ты сдох». Правда, трамваем его не переехало – не гуляют министры в районе трамвайных путей – анчоусом подавился, даже недолго мучился. Кстати, анчоусы уважает по-прежнему – жрёт и теперь уж не давится. А возраст свой, не меняет. У них у министров, чем старше, тем уважаемей – полчаса не желает сбросить с последней своей минуты – выглядит, как баклажан.

С последними словами мой новоявленный шеф (так он себя и предложил величать: «Называй меня просто – Шеф»), открыл, наконец-то, дверь вышеозначенной комнаты.

– Привет, бойцы!

«Почему, бойцы?» – подумал я, глядя на двух молодых женщин и неопределённых лет великана с синим отёкшим лицом и выпученными глазами.

Шеф, как бы услышав мои мысли, или, в самом деле, их услышав, объяснил:

– Мы тут не господа и не граждане, а «товарищ» – хорошее слово, но не всем нравится; к тому же, кое-кто трактует его, как «товарищ по несчастью». А при чём здесь несчастье? Где мы – где несчастье? Одно безусловно, мы бойцы невидимого фронта. Так я понимаю – я ведь в военной адвокатуре служил, и не только там.

«Вот те на, – подумалось, – мне же номинально скоро семьдесят, а тут две дамы молодые с интересом вылупились, и сам я к бою готов, как боец чёрт его знает какого фронта».

Я – тридцатилетний с виду (сколько лет не прошло?), в рекомендованном синем костюме, с интересом рассматривал женщин.

– Это Бетти – наш эксперт, – танцевала в Монте-Карло в своё время, а потом стала гадалкой и скончалась в среднем возрасте от пулевого ранения в сердце – предсказала что-то не тому и не то. А вот Жанет – теоретик-техник, ранее владела небольшим крематорием в Париже, коренная, между прочим, парижанка – золотой характер.

– А я, Сергенч, – заявил баклажан, – демократия, мать её так...

4.

В коридоре ничего не изменилось, только свет из окон сочился дневной – нормальный. Смотрю, за окном перекрёсток, на тротуаре толпа собралась, скорая, полиция. Микроавтобус тот самый стоит – бампер весь покорёжен, а себя не вижу, и Жорика нигде нет. Быстро нас прибрали.

– Где же я, – спрашиваю, – где Жорик?

– Ты себя видеть не можешь, не положено, – говорит шеф, – незачем душу травмировать. Что за чушь у тебя в голове? Время и пространство – всё твоё, смотри – не хочу, а про этот незначительный эпизод забудь, скоро сам обхохочешься, вспоминая о своей неуклюжести.

Мы вошли в секретарскую.

– Это Зинаида, – начал шеф, не глядя, руку протянув в сторону девочки-подростка, – секретарь отдела, в Смольном обучалась, я тебе про неё рассказывал.

Девочка неспешно нацепила пенсне, от чего её лицо стало ещё интеллигентнее, и достала длинную папиросу из серебристой шкатулки.

– Зина, – прошептал устало шеф, – что за детский сад на работе. Я же просил...

Девочка поправила пенсне на носу и прикурила от стоявшего на столе канделябра.

– Да пошёл ты, – сказала она неожиданным басом, – педофил хренов.

Кто-то приоткрыл дверь. Девушка лет двадцати заглянула в секретарскую. Наше присутствие было для неё неожиданным, но преодолев нерешительность, она вошла.

– Что тебе нужно? – неласково спросил Шеф.

Тёмноволосая и сероглазая, в тёмно-коричневом – под цвет волос – коротком облегающем платье, выглядела она потрясающе.

– Я к Зине.

Она смотрела только на меня.

Тривиальное «Вам не кажется, что мы уже где-то встречались?», готово было сорваться с моего языка.

– Нечего шататься без дела, – сказал Шеф. – Сколько раз повторять?

– Но я по делу, – запротестовала девушка, – за разрядками...

«Где же мы встречались, – думал я, – и когда?»

– Возвращайся к себе, – сказал Шеф, – Зинаида сама принесёт.

Девушка вышла – исчезло видение.

– Кое-кто здесь докомандуется, – пообещала Зина.

– Ладно, – Шеф сказал не злобно, а примирительно, – дома разберёмся.

Как я познакомился с Азаревичем?

Мы с женой всегда отдыхали вместе. Кроме одного раза.

Покинув город моего рождения, юности моей и детства, и многих взрослых трудных лет достаточно давно, я ностальгировал в очень разумных пределах. Когда наступал отпуск, я стремился больше в места знаменитые, знакомые по книгам и телевизионным передачам. Но вот минуло десять лет, и мне захотелось на родину. Хотя, даже не захоте-

лось – возникла неотвязная мысль, что если я не поеду сейчас, то не поеду уже никогда. Понятие «никогда» меня пугает. Я почувствовал тревогу – словно что-то упустил, оставил там, не забрал с собой. Явных причин ехать не было. Родня осталась там самая дальняя и неродная, а друзей, как я предполагал, не осталось вовсе. Но я решился. И вот тогда моя супруга встала в дверях, широко расставив руки – не пуцу! Что она возмнила? Какие прошлые подозрения проросли в ней? Но я прорвал заграждение. И уехал на четыре дня. Ходил по городу, кого-то не застал, кого-то не встретил. Вернулся недовольный – побывать бы там недельки две, разобраться бы, что к чему. Жена играла роль оскорблённой жены, а я – несправедливо обиженного её подозрениями. Самое досадное, что упрекнуть меня было не в чем.

В том же году, как бы компенсации ради, я повёз жену на побережье.

Уже на побережье мы познакомились с Верунчиком, которая оказалась нашей землячкой. Это – плюс какие-то общие знакомые – и сблизило её с моей супругой. В несезон народу на курорте мало. Женщины повадились бродить вечерами по бутиковым окрестностям, а я получил старика Лазаревича и относительную свободу – не погулять, так выпить.

– Мне, потомственному виноделу, на коньяк не хватает, – жаловался прижимистый дед. – Но водка должна быть холодная.

Я соглашался с ним по поводу водки, тем более что на коньяк и мне не хватало.

Он рассказывал, а я представлял себе, как будет выглядеть эта история в художественной моей обработке.

5.

Чаю хочется – выздоравливаю.

– Зря она так, – говорит Шеф. – Ведь моё мнение учитывается. То есть, не то что бы кто-то спрашивал, но я-то знаю – чувствую. Зинка – грамотный специалист, хотя незаменимых нет. Всех меняют рано или поздно. Зато, какой стиль! Какой класс! Не было в мои годы таких баб. Я, по долгу службы, всяких повидал: и авантюристок, и протипуток, и ответственных работников...

– Почему, – спрашиваю, – так много женщин в отделе?

– Существует мнение, что душевнее они, жалостливее, а главное, и в мужских проблемах разумеют, и в женских. Женщина – кто? Загадка! Но нас с тобой насквозь видит, в самом что ни на есть переносном смысле. А что там видеть? Их спроси – все мы одинаковы. Вот и получилось абсолютное большинство – в козла забить не с кем. Мы иногда собираемся, играем в женский преферанс. Впрочем, здесь и мужиков достаточно, но каких-то недоделанных. Знаешь, что такое – чужак? Тот который не такой, как все и со всеми не пьёт. А что такое – оригинал? Тоже не такой, как все, но пьёт со всеми. Тут своих – раз, два, три – и обчёлся. Я, как тебя увидел, сразу понял: наш парень – столько лет в системе – не подведёт. Живой... то есть, пардон, настоящий человек – ничего ему не чуждо, о таком не только повесть, роман-трилогию можно писать...

Я украдкой взглянул на шефа: глазки бегают, и насквозь его уже не видно. Что он скрывает? Для чего меня взяли? Не под него ли копают? Жил я тихо – без конфронтаций. Всякое бывало, конечно, так не больше, чем у других. Правда – тридцать лет в системе что-то значат. Но ведь, имя нам, как говорится, миллион...

– Ну, а чьё оно – такое мнение, по поводу женщин? – спрашиваю, чтобы тему сменить.

– Не – чьё, а – свыше. Мы – Европа, – он сам сменил тему, – но и Азию частично обслуживаем – там, где более или менее наша ментальность. Раньше было два отдела: Западный и Восточный. Первым Польш руководил – бывший пресс-секретарь какой-то европейской компартии. Когда объединять стали, мы оба передрейфили. Все гадали – кого уберут? Слух прошёл, что уберут обоих, а назначат одного берлинца, он, когда Берлинскую Стену ломали, головой её протаранил. Мы волнуемся, думаем-гадаем..., а берлинец наш в реанимации. Как я молился за его здоровье – ты не представляешь. Выжил этот молоток отбойный. Мне отдел поручили, а Польш – теперь у нас зам по политике. Все политические пожелания через него проходят – я не лезу. Разве, что он сам обращается иногда за советом, но больше, чтобы субординацию соблюсти – ведь партийный был человек – дисциплину знает. С религиозными ортодоксами мы тоже не работаем – там свой отдел и свой базар. Есть отделы разные и подотделы всякие... Иногда случаются накладки: все кричат: «Не моё! Территориально не подходит...», но решающую всё же роль играет ментальность клиента.

«Да, – подумалось, – не в бровь, а в самую точку. Только зря он тревожится, я Берлинской стены лбом не прошибал. Но, с другой стороны, должность занимал повыше, чем начальник отдела. Хотя у них тут министр – обыкновенным инструктором, а проститутка – старший советник по вопросам любви. Какая-то другая номенклатура...»

А вот и дверь с табличкой «ЛЮБОВЬ».

– Здесь, наоборот, в основном мужчины, – сообщил шеф. – Правда, всеми руководит та самая, что в двадцать уже того – старший советник по вопросам любви. Это большая группа, не меньше чем подотдел финансов. Мужички тут с виду задрипанные, но именно такие, как ни странно, лучше всех разбираются в любовных катаклизмах. Кстати, просьбы типа: «Чтоб стоял...» передают отсюда в «Здоровье», а другие многие пожелания перенаправляются в «Чтоб ты сдох». А сейчас покажу твоё рабочее место. Время нас не поджимает, но и шататься без дела нельзя. Неизвестно, как на это смотрят сверху. Кто на это смотрит сверху, тоже неизвестно, но бережёного Сам бережёт. С остальными познакомишься после работы. У меня сегодня сабантуйчик намечается – приходи.

6.

Комната – небольшой зал, полтора десятка рабочих столов – все заняты. Стою, озираюсь.

– Твоё место – в кабинете, – говорит Шеф, – так что туда и пройдем, а с коллективом потом разберёмся.

Точно – кабинет, а точнее – стеклянная перегородка с дверью, отделившая часть от общего помещения: наблюдай и властвуй. Значит, я начальник какой никакой. Может быть, нужно постарше выглядеть и костюмчик сменить на коричневый? Пять мужчин, десять женщин – абсолютное большинство. Все молодые, спортивные. Бумаг на столах мало. На стене карта мира.

– Это наши инспекторы и, так сказать, инспектрисы. Работают, в основном, на выезде. Я их специально собрал, чтобы с тобой познакомились. Только секретарша твоя где-то ходит. Но ты её уже видел – это она приходила к Зинаиде. Текучка у тебя тут, надо сказать, страшная. Ребята на природе крутятся, нет-нет, да залетают, хотя подбираем самых морально устойчивых. То есть, люди гибнут за металл, любовь правит миром, но кадры решают всё.

– Как же наш сотрудник может залететь там? – спрашиваю, глядя на карту мира. – Неужели есть возможность каким-то образом...?

– А, – говорит Шеф, – заныло сердечко... Ну, продолжай, продолжай... Ты хотел что-то спросить? Лучше не спрашивай. В этом я не советчик – это прямая дорога на склад. И, по правде, сам не знаю, какие на объектах возможности, ведь с низов не начинал – сразу на должность. И в командировки – к счастью, или к несчастью – не езжу. То есть, не мне тебя учить. Будет чему, сам научишься, ты-то выездной. Может быть, тебя для того и взяли, чтобы ты научился. Может быть, кого-то ещё интересуют эти самые возможности, которых на самом-то деле и быть не может. Кстати, твой предшественник подвизается теперь где-то на складе. А где ещё ему быть? Правда, тихо спровадили – раз и нету. Мы, как правило, проводы торжественные устраиваем, а этот по-английски – даже не попрощался. И он не один такой, были ещё прецеденты и все здесь, в инспекции. Так что, уважаемый старший инспектор, действуй.

И Шеф ушёл. А я со всеми познакомился: хорошие ребята – скромные.

Вскоре раздался звонок.

– Это недень рабочий кончился, – объяснили мне.

«После армии, – рассказывал Денис Карпович, – я остался в областном центре, где проходил службу, устроился на работу, поступил в институт на заочное отделение и начал интенсивно заниматься общественной деятельностью. Она-то и дала ощутимые результаты – меня заметили.»

В тридцатилетнем возрасте я чуть было не женился на дочке своего непосредственного начальника, но за две недели до свадьбы мне пришлось выехать в один захудалый район, за много километров от областного центра.

Было начало осени – солнце жарило вовсю, но вдруг ударили морозы.

Там – в районе – я подхватил двустороннее воспаление лёгких, да ещё и какой-то вирус в придачу, не говоря уже о тяжёлом сотрясении мозга.

Поздно вечером – из гостиницы дозвониться невозможно – пришлось мне отправиться на переговорный пункт, чтобы поговорить с невестой, но угодил я в районную больницу.

Вид мой, в лёгком плаще вместо полагающегося по погоде тулупа, был явно иногородний, что и заинтересовало местное

хулиганье. Меня оглушили, обобрали и оставили валяться в подворотне, куда через час подъехала скорая помощь, вызванная вернувшимся со второй смены жильцом.

Срок свадьбы давно истёк, но в больнице моя невеста так и не появилась. Когда я мало-мальски очухался, то первым делом позвонил ей. Никто не ответил. Дело было в выходные, и я дозвонился домой к приятелю – сослуживцу.

– У нас большие перемены, – сказал он, – тещя твоего будущего перевели всерьёз и далеко. А ты молись на свою пневмонию и не высовывайся как можно дальше.

В больнице я познакомился с девушкой. Она попала туда, попытавшись отравиться из-за несчастной любви – выпила бутылку какого-то очистителя для унитаза и пошла к любимому умирать.

Её выписали, но она пришла меня навестить, потом ещё раз... Я думал о ней, ждал...

Девушка сказала, что смирилась с неудачной любовью, и, во многом, благодаря нашему общению.

Она снимала комнату у старушки, в старом деревянном доме, и когда я выздоровел, то пришёл к ней, и только через неделю вернулся в свой город».

7.

Шефу нравятся его апартаменты: пятикомнатная квартира – чешский проект.

– Две лоджии, отдельный санузел: такая, в своё время, была у моего начальника – генерал-майора – мы его называли Шефом, так уж ему хотелось. Я сейчас могу хоть дворец заметить, каждый может – но зачем? Заходил я тогда к нему изредка – думал: «Настанет моё время». Вот и настало – невремение... Для приёмов хатка мала, но я кучность люблю. Чтобы все друг о друга терлись, чтоб, как дружная большая семья...

Шеф, кажется, возбуждён. В гостиной собрались человек двадцать, остальные, судя по гомону, разбрелись по квартире. В кухню, где а-ля-фуршет, тоже набилось немало нынешних моих сотрудников. Я урвал стакан водки, закусил лимоном со шпротинной. Впервые, после известных событий, как будто расслабился.

Странное дело с пищей местной и питьём: пьёшь и ешь, вкус ощущаешь и запах, но как-то так, будто у тебя ангина: притуплено, пресно, нет ожидаемого эффекта, так сказать, удовлетворенности: сытости-опьянения. Разве что, в какой-то момент понимаешь – надоело, хватит...

Дым сигаретный, музыка, каламбуры... Барышни, кавалеры, танцы, неприкрытый флирт. Парочки пропадают на время, появляются снова, исчезают, распадаются-сходятся... А у Шефа, замечаю, неприятности: он пытался объясниться с малолетнею Зинадой, но та захохотала истерично, сказала что-то гадкое и, прихватив за талию стоявшую рядом девушку, принялась вальсировать с нею под совершенно неподходящую музыку. И при видимом веселье, вдруг возникло ощущение, что многим здесь то ли не весело, то ли обрыдло всё. Даже тот, кто смеётся – смеётся скучно, и партнёры жмутся друг к другу бесстрастно. А Шеф на Зину вовсе не обижен – смотрит по сторонам: всё ли в порядке – но тоже без особого интереса, и по-детски кипучая Зина играет явно постыльную роль.

Я обратил внимание на её партнершу – та самая тёмноволосая, сероглазая – моя секретарша. Танец кончился. Девушка, ощутив мой взгляд, подошла без стеснения.

– Потанцуем, босс?

– Меня зовут Денис Карпович.

– Знаю, – сказала она, – хотя мы и не знакомились. – Интересное у вас имя.

– При рождении мне дали имя Дионис, – начал я объяснять, непонятно для чего. – Папа был технологом-виноделом, а мама увлекалась древнегреческой мифологией. Потом отец спился, бросил службу, каждый вечер напивался до уматиков, а по утрам с похмелья изучал философские труды. Родители развелись, мать снова вышла замуж – родила отчиму двойню. В шестнадцать лет я получил паспорт и сменил имя, а в восемнадцать ушёл из дому, и вина совсем не пью, только водку. Сам не знаю, зачем все это рассказываю?

Сам не знаю, почему я соврал про уход из семьи, про несуществующих сводных братьев или сестер... Может, мне захотелось тогда её разжалобить? Хотя и круто пил папаша, но терпела мать – не дошло до развода.

– Наверно, вы давно не общались с женщинами? – спросила она.

– С молодыми и красивыми – давно... Извините, но я не знаю вашего имени...

– Ариадна, – она захихикала. – Это вам за то, что не знаете... А вообще-то мы здесь все на «ты», так что давайте выпьем на брудершафт, и я скажу, как меня зовут.

Мы выпили на брудершафт. Я поцеловал в губы молодую, красивую женщину – это было вполне приятно, но ожидаемого ощущения не принесло.

Мы танцевали медленно, музыка, в данном случае, была подходящей.

– Меня зовут Алиса, я появилась из сказки, – шептала она. – Со мною случаются чудеса. Просто чудо, что ты обратил на меня внимание среди такого количества девочек. Я собираюсь этим воспользоваться, пока не поздно. Скоро ты не захочешь на меня смотреть и станешь таким же, как все в этой гнусной инспекционной группе.

– Но почему же, Алиса, я не стану на тебя смотреть?

– Ты же выездной, начнёшь в командировки ездить. А я секретарша, сижу в конторе, кофе подаю, бумаги раскладываю... Мальчики наши меня не замечают, и девочки не рассказывают ничего, им со мной неинтересно. Все шушукуются между собой, да и то – не часто. Боятся чего-то. В конторе почти всегда пусто – люди на объектах. Прежний старший инспектор поначалу мало ездил – было с кем словом перемолвиться, а потом зачастил. «Не могу подписывать, если лично не увижу и не перепроверю» – централист чёртов. Видишь, в углу двое наших, почти не пьют, не едят... Остальные – вовсе не пришли. Посмотри, как одеты – знают, что теперь в моде. Я у них фасоны сдираю – самые последние. Хоть какое-то преимущество...

Где же я её видел?

8.

– Самое неприятное, конечно, это неизвестность, – говорила Алиса. – Например: зачем так много кладовщиков? Я со страху на всё была готова, хоть и не люблю таких откровенных... Он же откровенно скользкий тип. Ему малолетки по вкусу, а я до семнадцати совсем ещё девочкой была. Ты бы тогда на меня не посмотрел – ничего ещё не оформилось... Это я потом, как в сказке про гадкого утенка, вдруг оперилась, а раньше на пляж в одних трусиках могла ходить – мне больше двенадцати лет никто не давал.

– Ты мне очень нравишься, Алиса.

– А вот Шефу нравится другое, только мне это было противно... Вскоре Зина у него завелась со своими комплексами... Она со мною дружит в обмен на сочувствие. Мне уже бояться надоело – всё равно куда, лишь бы – отсюда. Хорошо, что тебя прислали...

– Я тебя люблю, Алиса. Знаешь, сколько лет я никому ничего подобного не говорил?

– Это пока командировки не начались...

– И на кой она тебе сдалась? – спросил Шеф. – Болтается без дела: ни припей – ни в армию. Пошлешь за чем-нибудь – вернётся через час, печатает плохо, кофе варит отвратительно. Может быть, какой-то личный интерес? Говори, не стесняйся, тут все романы служебные, других не бывает.

Я на подобные темы, вообще, предпочитаю не разговаривать, а с начальством – тем более...

– Дело в том, – говорю, – что она давно в группе и всех знает. Связующее, так сказать, звено. Ребята у меня скрытные, некомпанейские – только и слышу: «Да. Хорошо. Проверю. Перепроверю. Будет сделано». А с ней они хоть как-то разговаривают. Если Алису убрать, трудно будет войти в доверие.

– Она ведь раньше была вместо Зинаиды, – сообщает Шеф, – я лично докладную написал о несоответствии, думал, переведут на склад, а перевели в твою группу. Может быть, и ты напишешь докладную?

Он-то понимает, что я в курсе интриги, но виду оба мы не подаём, соблюдаем правила.

– Не люблю кофе, – говорю, – а чай – он везде чай. А насчёт личного – то я ещё не осмотрелся. Наверняка и личное появится, но не с Алисой, мне больше блондинки нравятся.

– Как знаешь, – не отстает Шеф, – я не настаиваю, но и ты за мной потом не бегай, не выпрашивай другую секретаршу. Я эту змею хорошо изучил, они ведь подружки с Зинкою. Без неё у нас всё было бы тип-топ. Так что откровенность за откровенность...

– Да зачем она мне? А даже, если что, так не жениться же? Я ведь на достигнутом останавливаться не собираюсь. Выбор большой.

– Ладно, – успокоился он, – только сообщи, если что-то про Зину услышишь, а то нехорошее какое-то предчувствие. Ты же мой человек?

– А чей же ещё?

«На службе, – рассказывал Денис Карпович о жизни своей при жизни, – в самом деле, произошли изменения. Нового начальника ещё не назначили, и я, как говорится, стал временно исполняющим обязанности, так как единственный из всех не переведённых далеко и навсегда был в курсе этих обязанностей. Положение непростое, но довольно скоро меня утвердили в должности.

Я помнил девушку из маленького городка, но времени поехать к ней не было, кроме того, меня смущал её метод находить выход из малоприятных ситуаций, хотя там – в больнице, когда она рассказывала о своих несчастьях, всё выглядело логично. Разыскать свою бывшую невесту я бы смог, но желания такого не возникало, и совершенно справедливо, судя по тому, что она так и не появилась в обозримом пространстве. Все мои отношения с другими женщинами были случайны и не очень романтичны.

Года через полтора я снова оказался в том самом районе и, несмотря на весьма напряжённый график, выбрал время, чтобы навестить свою знакомую. Но и самого дома не оказалось на месте – там шло строительство нового микрорайона. Старушка-хозяйка, как я выяснил, умерла, а фамилию девушки и места её работы я не знал. Тогда же до меня дошло, что и она обо мне ничего не знает.

В дальнейшем личная жизнь моя не сложилась, в какой-то мере это повлияло и на карьеру – холостым-неженатым доверяют меньше – но всё же к моменту выхода на пенсию я занимал солидную должность».

Я так бы продолжил рассказ Лазаревича:

«И вот, обеспеченный одинокий пенсионер, с больным сердцем из-за специфики занимаемых в своё время ответственных должностей, с проблемами в лёгких из-за перенесённой в молодости двусторонней пневмонии и с прочими стандартными возрастными болячками, получает указание от врача гулять почаще и дышать, по возможности, чистым парковым воздухом. Для чего, а может быть ещё и от одиночества, он приобретает полупородистого щенка – кобелька красивого, умного, доброго, любопытного и непоседливого.

Но, чтобы попасть в парк нужно перейти дорогу на перекрёстке загруженном, а по утрам – так вовсе перегруженном, и подземный переход, запланированный в этом месте много лет тому назад, до сих пор не построен.

А Жориком пёс назван был потому, что его родителей звали Жулька и Рекс».

9.

Командировки, выезды – всё условность: получил задание, глаза замурил, сказал про себя: «Поехали», и ты уже в нужном месте. А если не замуриваться и не говорить «Поехали», то всё равно окажешься в нужном месте и в нужное время. Но это можем только мы – выездные. Если ты не инспектор, то будь хоть начальником, хоть его секретаршей – ничего у тебя не выйдет.

Ждал я подходящего случая, так как боялся выходить в первый раз в незнакомое место. Кроме того, все отчеты выглядели приемлемо – повода не было артачиться и не подписывать. А тут, вроде бы мелочь: собачка какая-то с переломом то ли лапы, то ли хвоста – не выздоравливает никак. Ребёнок плачет, ночей не спит. Родители маются, просят: «Хоть бы оклемалась уже, а если нет – то хоть бы уже околела». Я инспектора вызываю:

– Чего же они хотят?

– Ну, ребёнок, понятно, хочет, чтобы выздоровела, а родителям всё равно, лишь бы дитя не плакало.

– А ребёнок – мальчик, или девочка?

– Какая разница, – говорит инспектор, – мы детей не обслуживаем.

– Мы, – говорю, – детей действительно не обслуживаем, но и просьба не от ребёнка. Кроме того, из отчёта не ясно: собачка эта кобель или сука?

– Как же разглядишь, если хвост поломан? Тем более, лапа в бинтах...

– Так хвост поломан, или лапа?

– А какая разница? Это же не собака помощи просит.

– Кажется, – говорю, – в этом деле много неясного.

– А мне кажется, что оно яйца выеденного не стоит, – спорит инспектор. – К ветеринару никто не обращался, то есть, явной заинтересованности нет. Кроме того, не наше это собачье дело – жить собаке или помирать. Отчёт готов, пусть наверху репают.

– А куда передавать, – спрашиваю, – в «Чтоб ты слох» или в «Здоровье»?

– Что-то я не пойму, босс, – говорит инспектор, – не доверяешь, сам проверяй, а хочешь, я могу ещё раз смотреться.

– Я же просил называть меня по имени. А мотаться туда тебе не надо, сам смотаюсь.

С болью в глазах посмотрела на меня Алиса сквозь стеклянную перегородку. Я бы уточнил: со страхом в глазах...

10.

Вот он – злополучный перекрёсток. Дом родной за углом, но мне не туда, мне в противоположную сторону.

Можно и прогуляться в рабочее внеурочное, ничего страшного – оно у меня не нормировано. Утро. Граждане на работу спешат. Хожу туда-сюда сквозь столбы и стены, сквозь людей, а сквозь микроавтобусы, несущиеся на полной скорости, прохожу с особым удовольствием. Но, если по справедливости, это они все сквозь меня... Одно слово – призрак, или кем я теперь являюсь... Запахи чувствую, вижу, слышу, а вот взять что-нибудь либо проглотить не могу – плотность не та. Холода, жары и ветра тоже не ощущаю, хотя – межсезонье – может быть, в самом деле, не холодно и не жарко. То есть чувства мои строго функциональны, ничего лишнего – служба.

К дому своему подошёл – с бывшим соседом столкнулся бы, если б мог, нарочно плечом зацепил – хоть бы хны.

А вот – ещё одна соседка.

Я, когда Жорика по утрам выгуливал, на неё любовался: бежит, рюкзачком машет, на автобус спешит. Я всегда шаг в сторону – молодым дорога. Жорика к ноге, на короткий поводок, чтобы за девушкой не рванул – она ему тоже нравилась.

– Здравствуйте, – это мне.

Затем Жорику:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, барышня.

Поздно – она уже за углом.

В этот раз я не отступил с дороги. Она сквозь меня порхнула и варуг, на долю секунды, мне почудилось прикосновение. Кажется, и ей почудилось – моментальное что-то отразилось в лице. Вот – ещё один миг, и услышу я знакомое: «Здравствуйте»... Но, молодость: столько ещё чудес впереди, не говоря уже об автобусе, который ждать не станет...

«Время нас не поджидает, но шататься по городу без особой нужды тоже не годится. Неизвестно ещё, как на это посмотрят сверху?» – примерно так бы выразился Шеф.

Что ещё могло меня заинтересовать в этом мире? Жил я бобылём, а уж последние годы – совсем одиноко. Были ещё пенсионеры-собачники из соседнего парка. Утром все там – судачат, наверняка, по поводу нас с Жориком. Можно пойти послушать, но я без этого знаю, что говорят: хорошо, мол, им жилось на приличной пенсии и собачьих консервах, но кто не фраер – правду видит, а, в принципе, жаль собачку. Так что: или дружба, которой нет, или служба, которая есть – работать надо.

Дом высотный, этаж последний, лифт на ремонте, но мне-то всё равно – хотелось бы утомиться, да не выходит, этого ощущения я напрочь лишён. Заглянул в квартиру – молодой-невидимый. Семейство в сборе ещё – завтракают... Девочка лет восьми кричит: «Шарик! Шарик!», и пёс ковыляет на зов, лапка забинтована и хвостик. Чем-то встревожен пёс: фыркает, принохивается, ворочает головой, а на умирающего, кстати, совсем не похож. Ох, спасительница собак, пострадавших в дорожных авариях, это же не Шарик, это Жорик. И когда, минут через двадцать по местному времени, кроме Жорика уходят все, я подхожу к нему вплотную, и он с веселым визгом и, несмотря на ранение, прыгает мне на руки. И мне, без проблем, удастся его поймать.

– Ах, какой ты тяжёлый, ухоженный и явно выздоравливающий сукин сын, – говорю я ему. – Ты даже представить себе не можешь, как меня это радует.

– А я-то как доволен, что ты в порядке, – лает в ответ Жорик, – и выглядишь, словно питаешься молодильными яблоками, а не серой горячей, как следовало бы ожидать.

В самом-то деле, Жорик сказал: «Гав-гав», но за время нашего неразлучного сосуществования я научился понимать его с полудая.

– Мне здесь хорошо, – продолжает он, – меня любят. Лапа уже не болит, а бинты – даже не перестраховка – девочка со мною в доктора играет, а я ей подыгрываю, мне их содрать – раз плюнуть, хвост же мой с рождения несколько кривоват, впрочем, ты и сам знаешь, ссадина ещё была за ухом, но и та зажила, как на собаке...

В голове у меня всё перемешалось от радости, от возникших вопросов и намечающихся уже ответов. В этом деле без бутылки не обойдёшься, и я, каюсь, открыл хозяйский холодильник – руку протянул и открыл, словно и не дух вовсе, а совсем реальное телесное существо. Водка была, нашёлся и кусок колбасы, я налил полный стакан и выпил. Зная, что ни опьянения, ни похмелья не предвидится, сразу же налил и выпил ещё. До колбасы я даже дотянуться не успел – стукнуло, что ли, с отвычки...».

«Я ведь спас своего папу, – рассказывал Лазаревич. – Заранее дал информацию. Но с условием – не предупреждать никого. Он, конечно, не послушался – разболтал, и когда проверка кончилась, посадили и не всех, и не совсем тех. Отцу на заводе уже не трудился. Он уволился и устроился работать в пункт приёма стеклотары – помощником приёмщика, где, проявив интеллект, придумал, как извлекать пробки, просунутые внутрь бутылок. Позже, уже на пенсии, он утверждал, что годы работы в приёмном пункте были самыми счастливыми в его жизни. Эта история тоже отразилась на моей карьере – знали в конторе, кто сдал информацию, но простили почти, за что я им пожизненно благодарен».

11.

Очнулся я за рабочим столом, в своём кабинете. Никого из инспекторов не было, а похмелье, всё-таки, было, хотя не физическое, а какое-то эмоциональное. Кстати, самые смелые идеи мне всегда приходили в голову с похмелья. Папина школа. Сквозь стеклянную перегородку на меня смотрела Алиса.

– Алиса, милая, чем так смотреть, принеси лучше кофе. Только сама не вари, попроси Зину по дружбе. Она ушла. Обиделась, конечно.

Несмотря на гудёж в голове, нужно было во всём разобраться. Я же понял, что меня подставили – не мальчик. Дело липовое: фальшивая разрядка, нерадивый инспектор, клянувшийся на марлевую повязку и на причитания понарошку восьмилетнего ребёнка, а так же на видимое безразличие его родителей, справедливо не переживающих за здоровье уштанного и весёлого пса; а ещё – моя улица, утро, соседи, спешащие по делам... Знали, на какого живца ловить. Спихли дело – даже не дождались, пока что-нибудь убедительное подвернётся.

Алиса принесла кофе – снова гадость и не помогает совсем – всё-таки сама варила. Да и водка-то была тамошняя, а кофе здешний. Неужели и начальство эту дрянь пьёт? Если так, то интерес понятен: им нужна материализация. Но ведь случалось уже: голубь как-то раз прилетел, а ещё были лебедь и бык – правда, это вам не наше звено – боги. Значит, интригуют где-то во втором эшелоне, кто-нибудь покруче Шефа – этому и здесь хорошо, ни в каком другом месте так не отломится по его интересам. Собственно, мне с самого начала намекали...

Но при чём тут я? Ведь не просто под руку попался...

Стоп: Дионис – Ариадна, Дионис Ариадну спас – увёз с пустынного острова. Вот, что значит мамина школа – всё помню. Но Алиса здесь, а материализация там. И Алиса не Ариадна – путаница какая-то.

12.

Быстро. Быстро всё кончилось. Меня переводят на склад. Собственно, нет какого-либо письма, или приказа...

Я по-прежнему принимаю отчёты, проверяю, подписываю, отсылаю... – вроде, ничего не изменилось. Но на последнюю вечеринку меня не позвали, а ребята отводят глаза.

Шеф изрёк шепоточком, мимо проходя:

– Не переживай: везде – нежизнь.

Неужели миссия моя завершена? Если им всё ясно, почему же неясно мне? Неужели любви маленького Жорика достаточно для материализации? Ну, для какой-то там частичной, моментальной, неполной...

Безвременье идёт. Затребовали общий отчёт – составил. Когда стал перечитывать – оказалось, что не хватает страниц – тех самых, на которых изложены недолгие мои похождения. Я восстановил эти страницы – вызвал Алису, снова всё надиктовал подробно. Получилось на несколько строк больше. Я отослал отчёт, но вскоре он вернулся с пометками: «дополнить», «уточнить», а в самом отчете не хватает всё тех же страниц. Снова надиктовал – и опять получилось немного больше. Всё повторилось – отчёт вернули, страниц не хватает. Алиса плачет и печатает...

А за окном плывёт гондола по каналу, унылый гондольер ковыряет в носу. Венеция – всегда мечтал побывать.

«Меня реанимировали, подлечили... Вскоре я вернулся из больницы. Забрал Жорика – он весёлый и здоровый обитал в одной симпатичной семье, проживающей недалеко от моего дома. Люди подобрали его после аварии и выхаживали. Я и сейчас, когда уезжаю куда-нибудь, оставляю пса у них. А главное – я всё понял. Я решил эту до смешного простую задачу.

На вопрос: “Так в чём же, собственно, секретик?”, Денис Карпович ответил так: “Ошибаетесь, молодой человек! Люди моей профессии секретов не выдают. Тем более что секрет этот даже не государственный и не мировой – это наивысший секрет, и его надо хранить. Неужто вы думаете, что если бы Там мне не доверяли, я бы тут с вами сидел и пил водку?».

Я, конечно, раскрутил Лазаревича – не одна бутылка вечером на веранде, а две – и выдал старик наивысший секрет. Но на другой день у него случился сердечный приступ. Денис Карпович Лазаревич умер. Всё же необходимых для моего повествования подробностей я узнал до обидного мало.

Наш отпуск кончился. Мы вернулись домой. А вскоре на улице мне повстречалась Верунчик.

Семейные неприятности, начавшиеся с того, что я съездил в родной городок без жены, неблагоприятно завершились с Веркиной тяжёлой руки. Мы с женой разошлись окончательно.

Вот он я. Без семьи, без работы, без романа – и без того, что с Веркой, и без того, который мог бы стать художественным произведением. Я не сумел установить связь между земной и небесной жизнями Лазаревича (чтобы догадаться – не хватило сообразительности, чтобы домыслить – не хватило воображения), а без этой связи нет развязки. Правда, существует известный мне одному секрет наивысшей важности, но его-то стоит попридержать – нечего разбрасываться такими секретами.

А по поводу работы – совсем ерунда. Уволили меня не из-за дурного характера, не за прогулы, не за разгильдяйство. Некто перекупил наш журнал, и всех уволили – включая главного.

Догадайтесь, почему я не собрал последний пазл? Думаете, не хватило фигурок? Как раз наоборот – их оказалось больше положенного количества. Возможно, несколько фигурок выпало из коробки, и кто-то досыпал в неё из другого комплекта щедрой рукой. Коробку открывали! В этом магазине я больше ничего покупать не буду, но зайду обязательно – пора пригласить на свидание продавщицу. Заодно верну через неё рукопись.

Почему у маленькой выдры есть роман на двести страниц, а я застрял в самом начале?

Бабушка читала романы и занималась моим воспитанием. Последнее я выносил с трудом, и однажды бросил в неё скалку, промазал, но разбил двойное оконное стекло. За стекло меня наказали. Я тоже много читал, но ни в одной книжке не написано, что можно швырять скалками в бабушек*.

* Но ни в одной книжке не написано, что нельзя швырять скалками в бабушек.

ЕФИМ ЯРОШЕВСКИЙ

РЕНТГЕН ВЕСНЫ

...ПОГОВОРИМ О ПРОЗЕ...

Поговорим о прозе Пастернака...
Но тут легко запугаться, однако.

Он зачитался, он читал давно.
Злой ветер дул в осеннее окно.
Однако, Рильке тайны все о Ларе
чуть не раскрыл ему... и дело не в пожаре.
Ужели ларчик просто открывался?
Поэт с трудом от прозы отрывался,
чтобы примкнуть к поэзии... О нём
сложили сказку. Впрочем, ход конём
избавил бы его от ужаса и плена,
и участи слепого Гуинплена...
А заодно – от Сартра и Гюго.

А там Бахтин... там тайные намеки.
И шахматы. (Набоков – да, талант!)
Идущий на работу дуэлянт
уже давал суровые уроки.
Он был достоин всяческих похвал,
трудолюбив, учтив, благопристоен.
Был образован. Был отважный воин.
Но Сартра никогда не понимал...

Кого там только не было, однако!
Был Пушкин, ловелас, был Крузенштерн,
Патрис Лумумба, царь и Анна Керн.
Там тайная обитель Пастернака.
Там Персия и грозные набег,
и бабочки, и злые печенег.
...Однако, мы забылись...

Ночь взошла –
и пролилась чернилами. Открыто
окно, как рана. И не спит Лолита.
(Молчим о Ходасевиче, о Польше,
мы всё сказали, и не нужно больше).
Так мало в мироздании тепла!
Вселенная, сгоревшая дотла,
ещё сияет, но уже мертва.

...Мела метель, куражились морозы.
 Умберто Эко гладил имя Розы.
 Живаго медлил.
 Вся в огне Лариса...
 Так начинался новый день Бориса.

Поэт
 бегущий в полночь к мутному бульвару
 где плачет пароход без мамы
 где туман
 где всхлипывает март
 (где прячется диспансер)
 худой рентген весны показывает парк
 где холодно
 где соловей издох попавший в снегопад
 поэт свихнувшийся
 на ледяной скамейке ждущий лета...

От тёплого хлеба и нищей сумы –
 до звёздного неба, где все спасены.
 От спелого лета,
 от белого Фета –
 до грозной метели и трезвой страны...
 От тихого Дона – до тихого стога,
 от Волги – до волка...
 и вечной вины.

Из цикла «Стихи не детям»

Вот и Хармс, печальный гений,
 моет старые ступени,
 пьёт тягучий аромат
 женских ног и их услад...

там, где роща ночевала,
 там, где море кочевало,
 там, в зелёном полусне,
 ходят рыбы по Луне.

машут рыбы плавниками,
 водят белыми руками,
 и у них на головах
 спят русалки без рубах.

и у каждой, как в траве,
бродят мысли в голове...
(Пишем два, а три в уме.
Не проснуться бы в тюрьме...)

Ледяное в лугах Лукоморье,
калорифер согреет леса...
Утопая в поверьях и в горе,
проступает зари полоса.

Там, где кофе был жёстко размолот,
сделан первый горячий глоток...
Где ножом Митридат был заколот
и закатан в цементный каток.

Там рванулся в снега Ломоносов,
Соломон комсомолу не рад...
Вся Москва, посинев от заносов,
завершает осенний парад.

Алеет помидор, синее слива,
и пахнет рыбой
море в час отлива.
Там обростает инеем амбар,
там партитура оперы, там бар –
и крики мусульман: «Аллах Акбар!»

... Там брат сестру торошит в час заката
(а в комнате нет ни сестры, ни брата!)
Там преступленье, призрак, там обман...
Там площадь изуродовал туман.
Там трапеза,
где гордый лист лавровый
ложится в лебединый суп багровый...
Там Бэрримор, там баронесса Штраль.
Чудак Арбенин.
Лермонтов.
Мистраль.

В лиловых сумерках ржавеющая гроздь,
застрявшая в небесном горле кость,
летающая пушкинская трость...
и дуэлянтов призрачная злость.

Поэзии таинственная власть,
возмездия завистливая страсть,
за картами – спасительная масть
(там можно мстить,
и если мстить, то всласть!).

Но пенсии пронзительная весть,
но родины поруганная честь,
поэзии смирительная грусть,
и чтение Заветов наизусть...

На губах томится Бах,
и слезой сочится вереск.
Где треска идёт на нерест,
там бессонница и страх.
Рыба тает на кострах
(стирка маек и рубах),
где луна ползёт на берег,
рыбки в маленьких гробах
засыпают без истерик.
Соль на девичьих губах...

Вселенским ужасом полны
ночные крики паровоза
и недописанная проза
страдает комплексом вины.
.....
И я с отверженным стихом
Стою у врат чужого храма.
Нет никого...
Уснула мама.
Я снюсь ей. Бедным пастухом.

Пока идёт война, витийствует оратор.
Рим кончился –
и некому качать гражданские права.
Приходит подшофе любимый император,
и мягко стелется дельфийская трава...
Но очень жестко спать
в подножии у трона,
на бархатной щеке убийцы и патрона.

Мы пьём дыханье мглы и грозных песнопений
И тайных прихотей своих не узнаём.
Нам страшен рёв толпы сквозь крики наслаждений,
но милой родины своей не предаём.

Опустоши бокал и выплесни остаток –
 в огонь, в очаг, в пожар, где корчится чума...
 Пчела-невольница, отяжелев от взятков,
 летит над городом. И сходит мир с ума.
 ...О, древо мужества! над жирным чернозёмом
 летает божество и смерти, и беды...
 Напрасно ты бежишь – мудрей остаться дома,
 где пламя очага, где Чистые пруды,
 где хлеба и воды вполне достаточно,
 где тихие сады родных библиотек,
 где всё давно знакомо,
 где стриженных овец кудрявые ряды,
 где лица прадедов и варваров следы...
 И где достаточно,
 по смете предзавкома,
 запасов совести, и чести, и еды.

...

Там ходит Бомарше, с ним Фауст молодой
 и старец ветреный, трясущий бородой...

Не слушай отрока, не чествуй водолея!
 Играя стёклами над впадиной пруда,
 зелёным паводком над родиною рея,
 белела облаков летучая гряда...
 Но грозный увалень таинственного берега
 туманом северным заморозил стада...
 Где по ночам скитается орда –
 без сна, без отдыха, (без чести, без стыда!),
 там в звёздах катится
 небесная телега,
 храня и пестуя ночные города...

Когда наступит голод, холод,
 и запотеет серп, и охладает молот... –
 питайтесь ветром, свежим утром,
 морским и чистым перламутром.
 Встречайтесь с Фетом... или с ветром,
 что с каждой поэтической строки
 надменно дует, где метель колдует...
 ...

Питайтесь
 луковицей храма под москвой,
 скитайтесь
 долиной, лесом, лиственной постелью,
 и морем, что висит над головой,
 и свежей утренней метелью...

Сгоревшим пеплом от камина,
 строкой стиха, что пролетает мимо,
 и запахом бревенчатого дома
 (и дыма), где жизнь тиха,
 и сумерками, в коих всё знакомо,
 и сладостным дымком
 отечества, чья жизнь невозвратима.
 ...Где Чичикова фрак,
 наваринского пламени и дыма...

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Во тьме и зарослях той зоны эрогенной,
 где дети прячутся в тоске аборигенной,
 где хохот филина,
 где плач обыкновенный,
 туман отравленный
 и дождь канцерогенный.
 Там старый занавес, там рынок Староконный,
 Там сон безрадостный и ливень законный...
 Там пыль и ненависть на фабрике суконной,
 где жизни крен навис
 в системе потогонной.
 Там вспышки ярости
 у сварки автогенной,
 и ропот старости пред гибелью мгновенной,
 и шепот катастрофы техногенной...

КОГДА Я УЕДУ...

Когда я отъеду, когда я замру,
 проснусь кифаредом на Божьем пиру –
 и буду, неведом, стоять на ветру,
 я встречусь с соседом
 за пивом к утру.
 Он спросит:
 «Ну что, обращался к Петру?
 в раю холодина... подсел бы к костру.
 Успеешь прижаться к родному бедру.
 Упасть и отжаться за склонность к добру.
 Не надо бояться...».

Но это попозже, когда я замру...

ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ

ПТИЦЫ И ЗВЕРИ ТВОРЯТ ЦЕРЕМОНИИ

GNOSIS

Во время чумы – чума есть банальность –
такова обыденности реальность,
в которой маятся естество,
но дух зато прозревает победно:
чума не появляется из ничего
и не исчезает бесследно.

Помех всевозможных сбивают шумы
с пути на голгофы и биеннале,
и если бы не было в мире чумы,
то мы бы о ней ничего не узнали –
и было бы знание наше бедней
во веки веков до скончания дней.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Счёт дням потерян окончательно,
Что, безусловно, замечательно,
жизнь улыбнулась мне, даря
свободу от календаря,
пусть ангелы идут в охранники
небесной всяческой механики,
в ту бездну, где за всё плати,
пока ещё ты во плоти,
в каком бы ни крутился ранге –
пускай идут, а я – не ангел.

ВСТРЕЧА

Весьма устав от повседневности,
за неимением иного
я вышел из черты оседлости
и сразу встретил крепостного.

Не то чтоб сердце было ранено,
или мороз пошёл по коже –
он мне казался марсианином
и я ему, конечно, тоже.

И разойдётся без чувства сильного
по тем краям, где будет туго,
мы больше, вплоть до штурма Зимнего,
уже не видели друг друга.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Пока не требует маньяка
хрен знает что лезть на рожон,
в заботы будничного мрака
он малодушно погружён,
и всё вокруг не так уж сиво,
с ним долг Адама тет-а-тет,
и средь детей ничтожных мира
ничтожней разве что поэт.

Ничем не выделяясь внешне,
маньяк отнюдь не глух и нем,
и если бы не зов нездешний,
вообще бы не было проблем.

БЕГЛЕЦ

Апостол Павел тот ещё Декарт,
что больше чем серьёзная материя –
товарищи, внимание! На старт
выходит христианства бухгалтерия,

о чём предупреждали в старину,
и я в последний раз в своей гордыне
смотрю на вавилонскую луну,
которая родней земли отныне.

КАЛЕНДАРЬ

Не разверзлись небеса,
тут рябина, там берёза,
пополудни два часа,
и не спяну, а тверёзо
помирает человек,
напрягается тряпина,
осень, двадцать первый век
от рожденья Бога Сына.

ПОМАЗАНИЕ

Туда сойдя отседова
в критический момент,
он мёртвым проповедовал
о том, что смерти нет, –

назвав её химерою,
на ней поставив крест,
он одарил их верою
и лично сам воскрес,

а значит, был покойником –
что может быть подлея –
живым его поклонникам
пошли, судьба, елей,

в порядке снисхождения
смягчая круговерть,
на каждый день рождения,
а главное – на смерть.

ИЗ ЖИЗНЕЙ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ

Всё обнулится,
даже лица –
зачем Иуда удавился?
Жизнь коротка, но в мифе длинном
он стал бы римским гражданином,
ходатаем в любом суде и
сенатором от Иудей,
самим богам почти что братом –
а чем, скажи, не император,
гарант отечества, тем паче,
что и не может быть иначе,
спроси хоть мага, хоть провидца –
ну разве только удавиться.

СЫН

Мир в высшем измерении
есть Дух, Отец и Сын
ещё до Дня творения,
а прочее – лишь сны.

Но если так всё строится,
то в простоте земной,
кто крайний в этой Троице,
я знаю, Боже мой.

СХОЖДЕНИЕ В НАРОД

Всем канонам вопреки
от Москвы до Спарты
есть народы – игроки,
есть народы – карты.

Подрядись на жизнь вперёд
и не празднуй труса –
выбирай себе народ
по душе и вкусу.

Помолнись и выпей ром,
насладись сигаркой
и решай, кем быть: царём
или патриархом.

СЛОВЕЧКО

Большой оригинал,
троль в социальном лифте,
откуда же я знал
о слове «дауншифтинг»?

А эти господа,
что вечно водят за нос,
мне ставили тогда
совсем другой диагноз.

Нисколько не броня
и даже не уздечка,
жизнь всё же за меня
замолвила словечко.

О ЛЮБВИ

Там, где имеет место разум,
имеет место и маразм –
война не кончится ни разу,
и это не в последний раз.

И кто бы ни сидел на троне,
я с детско-юношеских лет
готов к труду и обороне
был, словно вытянул билет.

И вплоть до выпускного класса
я сохранял душевный пыл
в краю, где пушечное мясо
глотало лагерную пыль.

За лидером менялся лидер,
народ крепился, весь в говне,
но мир я не возненавидел –
чего-то не хватило мне.

Травы друг к другу подогнаны плотненько,
птицы и звери творят церемонии,
бог из семьи иудейского плотника
с этим безумием в полной гармонии, –

тем хороша воскресения мания,
что убажает подобием вальса,
и никогда не придёт понимание,
как я на этой земле оказался.

ПТИЦА ВЕЩАЯ

1.

Миллион миновало лун
или более – суть не в том –
птица вещая Гамаюн
отличается не умом
от начал и до наших дней,
так что можешь поверить ей.

2.

И поэзия – птица вещая:
так примерно смотрю на вещи я.

АННА СТРЕМИНСКАЯ

БОГ – ЭТО ТАКОЙ КОСТЁР

Это было не то чтобы странно:
родилась здесь девочка Анна...
Отдыхала позже в Люстдорфе,
влюблялась, стихи писала
о лилиях и о безднах
без дна и начала.

Это было не то чтобы странно:
Гумилёв приезжал сюда к Анне,
говорил о любви, получал отказы,
но не сдавался сразу.
И в стихах и в страсти
он был настоящий профи –
он глядел на Анны египетский профиль,
зову Африки в нём постоянно внемя,
видел новые земли.

Это было не то чтобы странно:
родилась здесь другая Анна –
на Слободке-Романовке, в то же время,
в семье рабочей,
на Сретенье, снежной февральской ночью.
Было девять сестёр и братьев у Анны,
она их нянчила неустанно.
Ходила в танцкласс, училась потом на рабфаке,
полюбила парня задолго до брака.
И слыхом не слыхивала о Горенко с Гумилёвым,
об их поэтическом слове – чистом и новом.
Не слышала ничего о Хлебникове и футуристах,
о том, что Виктор – тих, Маяковский – неистов.
Голодала в 30-е годы, училась в Медине,
работала кондуктрисой.

Родила дочерей: Олю, затем Ларису.
На войне потеряла мужа, потом и дочку,
Поняла, что каждый выживает поодиночке...
Вторая дочь родила ей внучку однажды.
Внучка стала чудной поэтессой,
солдатом бумажным.
В честь бабушки тоже зовется Анной.
И всё же: как это странно,
как же всё это странно...

Странная девочка росла вдали от друзей.
Лишь книги, книги дружили с нею всегда...
Книги – кирпичики построили стену, за ней
она и жила, и жизнь текла, как вода.

Ровно, спокойно, и ни волны, ни штормов...
Ходила гулять зимой в заснеженный сад.
Она общалась со сворой чужих котов
и с парой чужих собак, и каждый был рад.

А осенью она ходила в сад золотой
и красный, как кровь императорского дворца...
И книги, книги ходили за ней толпой,
и не различить человеческого лица.

Но весной она вдыхала пары земли,
и в лицо дул ветер таинственных перемен.
И кто-то там мелькал перед ней вдали,
и другую жизнь хотел предложить взамен.

Но она воздвигла из книг себе целый дом...
А летом снимала черешню в своём саду.
Угощала редких гостей в жилище своём,
и на море ходила, не чуя вовсе беду.

Только раз задул ураган нелепых затей,
и рухнули книжные стены и потолок.
А книги не защитили её от людей,
которые ей сказали, что мир жесток.

И теперь наша девочка в доме живёт другом:
на окнах решётки и санитаров ряд.
Но с нею стихов любимых невзрачный том,
и это её примиряет с тем, что зовётся – ад!

Среди мути, тумана и всякой дневной шелухи
вдруг появляется нечто, пронзает голову.
И ты понимаешь сразу: это стихи
стучатся в тебя и текут, как жидкое олово!

Рождается чёткая мысль и требует слов,
как одежды. Они излучают жар и сияние.
Они требуют равных себе – таково ремесло –
расставлять по местам, чтоб слова превращались в слияние.

И затем понимаешь, что это с тобой, любя,
космос так говорит. А ты – не творец, только копия.
И не ты стихи, а это они тебя
творят по образу своему и подобию!

А сверху постоянно что-то сыплется:
снежинки, град, листва, стихи, идеи...
А на листве – латиница с кириллицей –
и это Божьи письмена на самом деле!

А сверху постоянно что-то льётся:
дождь то стеной, то каплями – как хочет.
И льётся свет всевидящего солнца,
течёт вино заката в чаши ночи...

А с неба падает всё время что-то страшное:
осколки неопознанной посуды,
метеориты, птицы отлетавшие,
и самолёты сбитые, и люди!

Театр и сновиденье – это почти одно.
Или, если хотите, сон – это такое кино,
где всё – лишь символ и множество смыслов в нём.
Сон – это кривое зеркало, но мы в нём также живём!
Театр – это такое Королевство кривых зеркал,
где всё стократ увеличено, что сделал и что сказал...
Где каждая вещь имеет душу, значение, суть...
И манит актёра сцена, как путника манит путь.
Театр – это огромный сонник на много слов –
иллюзия к миру прикована сладчайшими из оков.
Морфею нравится Талия, и он в Мельпомену влюблен.
Сон перетекает в театр, театр перетекает в сон!

Бог – это такой костёр,
когда ты идёшь в ночи
по холодной степи. Блудный ты или вор –
то неважно (хоть сердце кричит!).
Но ты идёшь на тепло и свет,
что костёр проливает во тьму.
И можно блуждать ещё множество лет,
но ты к нему одному
устремляешь уставшие ноги свои,
хоть костёр от тебя далеко.
А огонь проливает потоки любви
сквозь туманное молоко...
И твоя задача – только идти,
не задерживаясь в пути,
к началу начал и к концу путей,
к Альфа-Омега идей!
Ибо всё в нём: и свет, и тепло, и покой,
и стихает в нём гомон людской.
Ты себя самого на пути укрепи,
чтоб не мёрзнуть в холодной степи!

Она смотрела сериалы по вечерам
русские, турецкие и бразильские
в городе возле моря, и всем ветрам
был открыт её дом и улица аркадийская.

Она звонила подругам по вечерам,
после того, как серию уже посмотрела,
и говорила: «Ты видишь, Зина, какой бедлам
в этом доме дона Хосе, и какое ему до Марии несчастной дело?!»

И зачем Мехмед не любит жену свою,
а только чужую Зулейку хочет?
Почему Татьяна не сберегла семью,
цыганка ведь ей совсем другое пророчит?»

А подруги ей отвечали: «Да-да, ты права! Нет-нет,
я не верю, что будет она несчастной с новым супругом!»
И пила она чай, и готовила дочке обед,
думая: «Какое счастье, что есть у меня подруги!»

Пред тем, как умереть, она завещала дочери
прах её развеять над морем, чтоб черви не ели тело...
И вот, в назначенный час, подошла её очередь –
она летела лёгкая и цветная, как те сериалы, что раньше она смотрела.

Время – это единственная река,
где не увидеть зелёные берега,
против течения не поплыть
и не переплыть её,
и не выполоскать бельё...
А если в ней рыбы плывут,
то плывут они рядом с людьми,
с птицами, медведями, лошадьми.
И кто посмотрит в неё, не узнает своё лицо –
никто не узнает своих детей, матерей, отцов...
В ней не серебрится луна,
и звёзды не достают до дна.
Лета – одно из имён её,
другое же – Бытиё.
И кто не умеет плавать –
всё равно, как может, плывёт.
Кого-то в ней ожидает слава,
кого-то – водоворот.
А кто-то тонет, кричит «Спаси!»,
Но чаще не слышат его.
И только Отче, который на небеси,
иногда подтверждает родство.
И воды её унесли с собой
много царей и стран.
Вращается время вместе с Землёй,
впадая в небес океан!

НАТАЛЬЯ ХМЕЛЁВА

НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ

«Милена плюс Коля». Сердечко. «Навек»: настенные надписи мхом поросли, и можно найти в прошлогодней листве газеты, бутылки, дома, корабли... А разве ты знаешь, что завтра найдёшь? На карте меняются Север и Запад, и падает в море доверчивый грош луны, обречённой от радости плакать.

Пищцерия «Челентано»: пиво, чай, вода... После маленьких городов не хочется никуда. На аллее, улыбаясь, слушая, как гремит где-то в облаке сладкой ваты май ледяной грозой, ты стоишь, не помещаясь в этот хрустальный мир. Повернёшься, пить захочешь – и завершится сон.

не мы молчим, не мы молчим, но нами мы названы иными именами чем те, на звук которых каждым швом изнанкой откликаются и снами в подъезда входя как в вечное ничто раз день в бритоголовых и небритых под тёплой кожей их земли серее жужжит пчелой, отставшею от роя – даже твои убогие молитвы когда-нибудь дойдут и отогреют холодную основу градостроя

Шарик Эшера
покатился – ему видней –
с отражением комнаты и – исчез. Вот шалость!
О, расчѣсывай недели
по всей длине,
не смотря на гребень, чтобы внутри не ждалось.

Что в итоге
остаётся, когда другому
отдаёшь историю, написанную спросонья?
Сколько звуков,
доносящихся с ипподрома,
сколько шляп,
неповторимых в своём фасоне?
И покинув раскалённый живот степи,
и нося в себе
кончину свою как кокон,
мы живём в отелях, шишках, плодах рябин,
наблюдая за дыханием
толп из окон.

сколько книг в золотой пыли
мы читали их как могли
но уносят истину три коня, на краеш...
у кого моложе пророк
у кого новее порог
в остальном о мире ты ничего не знаешь
я запомню священный трепет
твои джинсовые отрепья
и почти был найден смысл, но затем украден
легче воздуха мягче мха
высыпается вся труха
из портфеля
пожирающего тетради

сойти с того ума, где простояли,
и обнаружить ранее незримые
долины под пуховым одеялом,
возможность не дышать на фотоснимок,
и право петь, и жажду говорить,
естественные в здешнем ареале,
и всё, что поедают снегири,
а грифы до сих пор не обглодали.

И корчатся черты немой зимы,
роскошного и злого одичания...
Дрожат перила, и заходим мы
в себя как в новый дом, гремя ключами,
рассерженные насмерть существом,
в песок ушедшим пеной да как будто
и не было на свете никого,
кто шумный мир покинул на минуту.

В каком-то месте (мы о нём не знали)
всё превратится в окрики и дали,
там полнота времён осуществляет вдох.
Замри и длись, негаданная встреча,
чей отражённый свет живёт не в речи,
а падает и спит у твоих ног.
Есть место, где сливаются и длятся,
как сон, мои разрозненные земли.
Мне в каждом утре суждено остаться,
но только не в меняющемся теле.

Ставни отворю – и втекут: анис,
солнце, суета без минуты роздыха.
И тогда нырнёт оригами вниз:
белый сор, скользкий по глади воздуха.
Поплывёт кругами, слегка дрожа
(от избытка жизни в себе, наверное),
в линию косую его душа,
бабочка бумажная однодневная.

Время сладкое, как овсяное молоко,
Время мягкое, как ватиновая подкладка
Слева, справа, снизу и высоко
цвета школьной куртки, губной помадки,
первой в жизни девчоночьей,
четырёх зонтов, забытых на тренировках,
цвета гелевой ручки, выделяющей падежи,
пасхальных конфет, оставленных на погосте,
или бусин на обруче девяностых,
неоновой рекламы на остановке,
плетёных проволочек.
– Скажи –
сколько раз покидала скорлупу свою,
сама из себя вылетала, немая и новая,
считать ли обузой
сложенные матрёшкой эти коконы,
или все они – сёстры единокровные?

Если быть точнее, представь то же,
что и я:
из картонного ящика
выползает коровка божья, а из неё, лопнувшей,
явится миру ящерка,
готовая – вот уже – вытолкнуть в стужу
разные вещи: будущее, прошлое, настоящее,
робко
одновременно разворачивая наружу –
гляжу и диву даюсь – даже не верится! –
друг на друга ничем не похожих,
не родных картонной коробке,
разбредаящихся в разные стороны,
выживших существ жужжащих
тельца.

бывает, рождаешься медленно
– день ли, сутки
выходишь замуж медленно
– десять лет
медленно думаешь,
пишешь,
передвигаешь руки,
ноги, медленно
по земле
двигаешься, медитативно почту
вынимаешь солнечным утром из
ящика,
так здороваешься с молочником,
будто каждое слово вальсирует вниз.
Неторопливо, долго в кафе сидишь,
Кропотливо
зашнуровываешь коньки,
змейкой плывёшь по льду – и такая тишь,
люди пролетают, как мотыльки,
храмовых курантов протяжный бой
оповещает,
что наступила полночь,
и Земля вращается раз в секунду под тобой,
древний улиткин родич,
это твой прыжок был таким, что там,
где сияет весь в царшинах лёд,
проходили месяцы и года,
много поколений своё бельё
собрало с балконов, вернулось с войн,
разделило горы, моря и вдруг
день ли, сутки –
всё твоё существо
рухнуло обратно, чтоб жить в миру,
чтоб зачем-то снова
пожить в миру.

Я уснула там, в нулевом году,
в своей детской, в маечке с какаду,
И тепло привычной моей постели
свила гнёзда в теле.

А проснулась – стены белы – мука! –
и над ними не было потолка,
только синий воздух и этих елей
невозможных зелень.

Так безумие создаёт тайник –
Но тогда вверху дирижабль возник,
в нём одни старики летели,
и бросали айву, и пели.

Но исчез мираж – не поверю впредь –
только гул стоял, сотрясая твердь
И я встала комнату осмотреть,
чтоб поверить
в это странное
новоселье.

Приметы века: полчища людей
Осваивают новые маршруты.
Пшеница прорастает через день,
Экран в ладони светится минуту.
И голова, склонённая в метро
Над рецептурой нового коктейля,
И чьё-то отделённое ребро
Сидит на подоконнике борделя,
Затем ли панорамное окно
От потолка до пола обнажает
иных, иных пространств веретено,
Где ниточкой плетётся жизнь большая...
Бездомный мне, почуяв холода,
За шарф отвесил пригоршню стихов.
Он едет за грехами в Амстердам,
А в Рим – за отпущением грехов.

В каком-нибудь листке окно проделав,
Увидишь – шестерёнки света пляшут,
И тихо открываются пределы,
Где нет того тебя, который старше.

Стоим в конце времён как ослеплённые,
В конце себя стоим – и не найти
Ни друга, ни врага – но ткань зелёная
Внезапно разрастается в горсти.
Пройду сквозь дни – и выйду в каждом лете,
Ушком игольным преломляя шум.
А ты уже стоишь в его просвете,
И так молчишь, как я
не напишу.

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

ГЛЮКНУЛОСЬ

рассказ

Чёрное пятно разрасталось, выпуская лапки во все стороны. Мохнатилося, выпуклилось, и вдруг поползло, поползло, побежало – и застыло в углу. Там, где стена переходила в потолок. Там белизна скомкивалась чёрным пятном и шевелилась паутиной. Паутину покачивал сквозняк. Под паутиной спала девочка. Паутина, как полог, спускалась и закрывала девочку. К рассвету девочка оказалась в коконе, и когда мама вошла в комнату, на неё с потолка упала коси-косиножка, с длинными лысыми лапами, никакая не мохнатая, а геометрически чёткая.

Мама завизжала. Прибежал папа. И они посмотрели друг на друга. А потом – в угол, где спала девочка. А угла не было. Круглый белый кокон съел уже четверть комнаты. Мама с папой подошли, пальцем потыкали в стенку. «Шёлковая», – сказал папа. «Бархатная», – сказала мама. – А Лялька где? Мы не спим?». А папа сказал: «Мы с тобой вчера про такое читали». А мама сказала: «Мы что, в книжку вошли?».

– Нет, – сказал папа, – мы в комнату вошли.

– А это что? – спросила мама.

– А это наша Лялька, – сказал папа.

Коси-косиножка вернулась, пробежала по кокону вверх, до самой до его макушки, где в потолок упирался он, словно яйцо суженной частью. Коси-косиножка утратила лысую геометричность, раскорячилась, замохнатилося, из серого превратилась в чёрное.

Мама с папой на цыпочках вышли из комнаты. «Давай войдём ещё раз, – сказала мама. – Это глюк». Папа открыл дверь. Сонная Лялька сидела в кровати, таранилась на большого паука. Паук сидел на подушке и таранился на Ляльку. «Надо же, какая идиллия», – сказала мама. А папа нехорошим голосом сказал: «Ты не хочешь ещё раз выйти и зайти?»

А мама сказала: «Перезагрузимся! Ты выйдешь, а я останусь. И посмотрим, что будет». Он вышел и вошел заново. И они посмотрели.

Изнутри мамы это выглядело так: когда папа вышел, стало темно. Когда папа вернулся, рассвело, Лялька захныкала, и её срочно пришлось посадить на горшок. И папа сказал сквозь зубы: «Ну вот, кажется, попали в правильное время». «А с местом – всё нормально?» – спросила мама. «А с местом не попад, – сказал папа, – там, за дверью, не то, что ты помнишь».

– А что?

– Там тоже Лялька, – сказал папа.

– У нас теперь две Ляльки? – спросила мама.

– Давай проверим, – сказал папа. – Я останусь, а ты выйдешь.

Ляльку сняли с горшка, усадили в кровать, и мама вышла. Когда она вернулась, папа сказал:

– Ничего не менялось. А там?

– А что там? – сказала мама. – Там ничего. Всё как надо.

И тут папа заорал:

– Так это в тебе дело. Это ты крутишь всё!

– Что я кручу? – возмутилась мама.

– Яйца крупишь, – сказал папа злобно, – коконы наворачиваешь. Ляльки второй точно нет?

– Точно, точно, – успокоила мама.

И тут Лялька сказала низким взрослым голосом, мужским:

– Какого черта, у вас ведь западает «Ъ» на клавише? Всё дело в твёрдом знаке! Немедленно перепечатайте текст. Так просто вам от меня не избавиться! Ишь, что выдумали. Удочерители! Ща как рывкну, ща как вздыблю, все ваши пространственные нарушения, все ваши временные подвижки.

– И что будет? – строго спросил папа. – Ты, Лялька, не выпендривайся. Ты, Лялька, пидай вовремя и не вякай.

А мама добавила шепотом:

– Ну, вы меня заморочили. Лялька, ты, пожалуйста, коси-косиножек больше не превращай в тарантулов. А то у меня ноги подкашиваются. Я же могу не вписаться в двери, застрять на выходе или входе, и фиг тогда с «Б» справимся.

А Лялька басом ответила:

– Клавиатуру давно пора новую купить. Все глюки в ней сидят! Ты посмотри на свои пальцы, с них вся твоя пица стекает в клавишу, а пица твёрдости не выносит, вот и ёкнулся «Б».

– Ну да, – недоверчиво сказал папа, – чего на клавишу валите? Приличная женщина. И кофе хорошо готовит, не вам чета. И концы у неё все увязаны.

– Э, нет, – сказал тарантул, – напрасно вы всё пытаетесь свести к компьютерному пространству. А с часовым поясом вообще ошибётесь, и опять меня лысым сделаете. Холодно мне коси-косиножить, не буду больше ничего увязывать. Тоже мне, биомэны, устроили здесь попури. Слов на вас приличных не напасёшься!

– Завязывайте, – пробасила Лялька, – завязывайте эту хрень болотную. Вы уже забыли, с чего началось всё.

– Я помню, – сказала мама, – помню. Серая паутинка, сквозняк, веранда. Мы сидим, чай пьём, а серая паутинка на моих плечах. Помнишь, помнишь – перебила сама себя. – Это ты привёз из Оренбурга, тонкий козий пух, через обручальное колечко проскочило. Проскочило, взлетело, и выпало из неё вот это чудовище – ткнула пальцем в Ляльку.

– У, стерва, – сказал папа, – так бы и дал, если б не младенец.

– Какой я тебе младенец? – возмутилась Лялька. – Давай!

– Что тебе давать? – сказала мама. – Мало уже получила? Кабинет отдельный, систему новую, целых две центрифуги. Кобенишься!

И тут произошло.

– Туману напустили в комнату, – сказала Лялька, – света белого не видать!

– Тебя видать ещё, – сказал тарантул. – Ты только не дёргайся, мне тебя укусить нужно.

Не успела Лялька отшатнуться, прыгнул на неё тарантул.

Наступила ночь. А ночью всякие сны снятся людям.

РЫЖИЙ рассказ

Ребёнок родился внезапно. Никто не понимал, как, откуда? Вера не была беременна! Даже чуть-чуть. Она носила плоский живот, упакованный в джинсы. Правда, с некоторых пор, все рубашки поверх, и свитера бесформенные. Но вечная худоба, и неозабоченность лица... особенно глаза – ровным счётом ничего не выражающие. Ничего специфического, особенного. Живот? Живот...

Откуда взялся-то ребёнок?

Мальчик оказался рыжим. Как Оська. Но Оська был в Хайфе. Уже больше десяти месяцев. Никто ничего не понимал.

С утра лил синий дождь. И солнце было синим. И домашний халат Миши. Всё было синим с утра. Миша пил кофе и готовил передачу для Веры и рыжего – фрукты нужны, думал Миша, и, наверное, одеяльце, и что там ещё для выписки ребёнка требуется? Кровать, памперсы, мелочи каждодневные, всякие там клизмы-вазелины. Заботы эти были Мише не в тягость, но и радости не приносили. Было безмерное удивление – зачем Вере понадобилось? А – Оське?

– Странно, – сказала Вера, – я ведь знаю, откуда берутся дети. Но это вообще. А конкретно, этот рыжий откуда?

Миша наблюдал уже вторую неделю за неподдельным недоумением Веры. Кормила ли она рыжего, молчала ли смотрела на скуластенькую мордочку – недоумение не покидало её, и она хмурилась. Покусывая губу, листала альбом с их студенческими фотографиями, где Оськи было много.

– Он уехал, больше десяти месяцев назад, – сказала Вера то, что Мишка сам давно сосчитал. – Я ведь не слон, а?

– Не слон, – подтвердил Миша.

– Тогда как же? – уныло говорила Вера. Не в первый раз говорила. – Как же тогда?

Записали рыжего – Фёдором Михайловичем. Позже, через три месяца, и сами расписались. А когда Фёдор уже бежал, раздался звонок от Оськи. Он сообщал радостно, что командировка, что будет недалече и заедет, обязательно ждите, черти, и, может быть, на свадьбе погулять доведётся?

– На чьей? – спросил Миша.

– На чьей-нибудь, – в обычной манере фыркнул Оська, – на моей, к примеру. Или на твоей. Но уж на Вериной – это точно!

– Значит, не знает, – сказал Вере Миша. – Не сообщил никто.

Встретились через два дня. Фёдор выкатился из комнаты им под ноги, когда Оська плащ снимал. Мишка едва успел рыжего подхватить. Оська усталился на мало.

– Это кто такой?

– Какой? – Вера сказала зловещим баском.

– Рыжий! Это кто же такой рыжий?

– Фёдор Михайлович, – ответил Миша. – Это Фёдор Михайлович.

– Странно. Поздравляю, – сказал с одинаковой интонацией Оська. – Разберёмся, быть не может. У вас.

– Почему? – удивилась Вера. – Почему не может – у нас?

– Потому что рыжий.

– Мало рыжих? – сказал Миша.

– Я рыжий.

– Ты рыжий, – сказал Миша. – Ты тут не причём.

– А ты? – Оська насмешливо смотрел на Мишу. – Причём?

– Я муж.

– Ну да, – поперхнулся Оська. – Давно?

– А рыжий родился спустя десять месяцев и неделю после твоего отъезда. Так что ты в пролёте. А я нет.

– А ты нет, – Оська вертел пуговицу пиджака. – А он рыжий. А я в Хайфе. А ты муж. Вера! Скажи же, Вера!

– Выпьем, – сказала Вера, – выпьем за рыжего, пусть будет.

Выпили. Рыжий заорал, его утешили. Накормили. Уложили спать.

... Тихо-тихо шелестели вишни, с них слетали голубые лепестки цвета и запутывались в пружинистой Оськиной шевелюре. Вера запускала пальцы в Оськину шерсть, носом об нос тёрлась, глаза её были прикрыты, Оська целовал эти глаза и говорил: «Эскимосочка моя», – и думал, что хорошо бы жениться на Вере и видеть, как она глаза прикрывает каждый раз, каждый, а не единожды. Но тут же и понимал, что не время жениться, время уезжать, и тормознуть отъезда он уже не может. Но потом, позже, он вызовет Веру к себе и никуда не отпустит, и будет она прикрывать глаза всегда, когда ему захочется.

Когда Вера с Мишкой провожали его, он обещал прислать вызов обоим.

– Да, обоним, – повторила за ним Вера. – И ещё раз ровным голосом – обещал.

Вызова Оська не прислал.

– Я решил сам приехать, – агрессивно сказал Оська. – Я решил и приехал. А вы – не дождались!

Он запрокинул голову и улетел далеко, где не было ни Веры, ни Мишки, ни спящего за стенкой Фёдора Михайловича. В нём набухало сосущее, тревожное чувство вины, сознание сопротивлялось этому чувству. Оська головой потряс, сморщился, стряхнул неприятное, непонимающе улыбнулся – обоим.

– Не прошло и два года. Приехал, увижусь думал.

– Вера! – думал, глаза прикроешь. Увезу, наконец-то. Ещё думал – с тобой выпью, Миша. Свидетелем будешь. Я женюсь на Вере, и всё как прежде. Всё как прежде. Только ты, Миша, останешься в Киеве, а мы с Верой в Хайфу отправимся. Мишка, мы с Верой в Хайфу отправимся, и рыжий с нами.

Синевой наливались хорошо выбритые щёки Мишки, синева залегла вокруг Вериных глаз, синие сумерки вкрадывались и зависали по углам. И теребила тяжёлую портьеру худенькая рука Веры.

Мишка молчал, смотрел внимательно. Спросил:

– Не допускал мысли, что иначе получится? А то, что получилось, вызвало недоумение? Раздражило!

Ося, хочешь просто сделать, как было задумано – мы выпьем, ты увезёшь. Но теперь что? Как? Спроси, откуда этот Фёдор Михайлович?

Вера с Мишей смотрели на Оську с никаким выражением. Потом Вера показала им десять пальцев. Озвучила жест. Сказала:

– Да. Мальчики, был вишневый сад! И бывают всякие медицинские фокусы. Ну, две, три от силы недели скрытых, таинственных, чудесных превращений. Но не месяц и неделя! А живот, которого не было? И Мишки не было. В саду. Но теперь Мишка есть, Ося! А что Федор Михайлович рыжий – так мало ли их, рыжих.

– Рыжий – я, – упрямо сказал Оська. – Рыжих мало. Нас может быть двое, и вы тут оба, кажется, не причём. Если правильно считать.

– А не надо было уезжать, – глухо сказала Вера. – То есть, приезжать.

... Всё было так, как было: посидели, допили.

Оставалось жить.

СОКРАЩЁННОЕ ВРЕМЯ

рассказ

В этот день она надела сарафан на тонких бретельках, поэтому лифчик был необязателен. На работу пришла в голубых босоножках, большой соломенной шляпе, нахлобученной по уши. Уши от этого оттопырились. Виктор подошёл, заглянул под поля, подергал её за ухо: скажи честно, что у тебя под шляпой? Ответила, хмыкнув: то же, что под сарафаном. И тогда он расстегнул ей молнию. Под сарафаном ничего не было. И он выдохнул: «Нальсо?!». Да, сказала она, застегивая молнию. «Сволочь!» – сказал Виктор. Наташка расплакалась и убежала. Сидела в туалете на унитазах, шмыгала носом, а Виктор лбом упирался в дверь снаружи и говорил: Наташка! Ну не реви, Наташка, ну, конечно, ты не сволочь, но если ты без волос, уши такие незащитные, такие оттопыренные. Я не могу видеть твои незащитные уши, меня это невероятно возбуждает. Мне тебя просто убить хочется из-за этого, я не могу работать в возбуждённом состоянии! Вылезай из туалета! Не сиди даром на унитазах. Даром на унитазах сидеть вредно, от этого портится характер. А Наташка спросила его из-за двери: что ты теперь со мной сделаешь? Я тебя в командировку отправлю, – ответил Виктор, – только обещаю тебе в командировке шляпу не снимать. А я за время твоего отсутствия к мысли привыкну, что ты, вся такая невольная, с этими своими ушами незащитными, просто от жары спасалась, и потому так поступила, а не чтобы досадить мне...

Стояла душная августовская спека. Градусник зашкалило за 36. Все вокруг пахли сонно, но напрягающе. В трамвае ехать было невозможно: женщины пахли женщинами, мужчины тоже пахли женщинами. Собственно, в трамваях никто и не ездил больше. Это плохо заканчивалось. Из трамвая все выходили вдвоём. И шли... сами понимаете, куда. Август самое опасное время в Приморске для мужчин. Мужчинам нельзя находиться в Приморске в августе. Но уехать Виктор не мог. Он был директором музея. А вот Наташку выслать – мог. Потому что все вокруг пахли, а Наташка запаха не имела. Она была голая под шляпой, голая под сарафаном и совершенно не потела. Потому что ей не было жарко. Она была тощая и поливала себя из пульверизатора тёплой водой из крана. Нет, Наташка – пахла. Наташка пахла хлоркой, потому что вода в Приморске тоже пахла хлоркой. Как хорошо – думал Виктор, – что мы живём в Приморске, а не в Арцизе. В Арцизе вода пахнет сероводородом. Он представил, как пахла бы Наташка, сбрызнутая арцизской водой из пульверизатора, и заржал неприлично, вспомнив, что утром жарил яичницу, и от запретельной жары яйца сдохли. Они воняли тухло, как арцизская вода. Не хватало, чтобы ещё Наташка протухла. «Какой кошмар!» – подумал Виктор. – Как хорошо, что я отправил её в командировку». И вдруг сел. Где стоял, там и сел.

– Блин! – сказал Виктор вслух. – Так я ж её в Арциз и отправил.

В понедельник Наташка явилась на работу. В шляпе, всё в том же сарафанчике, голубом в розовых цветочках, с молнией на боку. Так, лёгкий лепесток на тощих жёрдочках. Когда она вошла в кабинет, Виктор сказал: не приближайся ко мне! Наташка удивилась и спросила – что шляпу снять? Но я же женщина, я могу и в шляпе находиться в помещении! Подумаешь, сказала Наташка, можно подумать, ты лысых не видел. А мне секретарь арцизского райкома сказал, что я прелесть как хороша, что у меня уши очень сексуальные. А Виктор спросил: он что, тебя нюхал? Зачем? – удивилась Наташка. И вдруг до неё дошло. И она пошла на Виктора. Кабинет был большой. Она шла от бедра, и на ходу расстегивала молнию. Виктор сказал: сейчас Дадыгина зайдет. Вот и хорошо – сказала Наташка, вот и отлично. Дадыгина и без поездки в Арциз пахнет, как тухлая сельдь, как жирная недорезанная свинья. А я пахну горько и пронзительно, а ты болван! Ты что думаешь, вот я всё бросила и сразу на работу припёрлась? Ты забыл, что по закону положено в день возвращения из командировки дома находиться, отдыхать?

Да я вчера приехала и целый день ланжеронилась. Я пахну, как бычок. Фи, сказал Виктор, женщина не должна пахнуть пепельницей. Совсем болван от жары, сказала Наташка, садясь ему на колени так, словно верхом на стул садилась. Дальше Виктор уже ничего не помнил. Он внюхивался, внюхивался, а потом, оторвавшись от её губ, солёных и влажных, сказал радостно: а ты и правда пахнешь, как бычок – тинной, песчаником и глубиной. Я тебя зажарю, сказал Виктор, я тебя съем с перышками. Где ты у меня перышки нашёл? – шаловливо спросила Наташка. И укусила его за губу. А я тебе своё – он не успел сказать. Открылась дверь и вошла Дадыгина.

– Оп-па, – сказала Бела Соломоновна. – И что мне теперь делать с тем, что я увидела?

Потом хмыкнула и сказала:

– А за жирную свинью вы мне оба ответите.

Выхода не было никакого, и Виктор произнёс сквозь зубы:

– Бела Соломоновна, я скажу вам сейчас страшную тайну. Никому не доверяю в музее, только вам!

Бела Соломоновна, будьте моей посажёной матерью!

А Наташка спросила удивлённо: ты делаешь мне предложение?

И Бела Соломоновна ответила:

– Чего не сделает струсивший мужчина! Виктор, какая вам разница до того, «что станет говорить княгиня Марья Алексеевна». Неужели, боясь эту светскую даму, вы готовы пойти в загс?

– Да, Бела Соломоновна. Я готов жениться на этой бритой кошке только потому, что вы поднимете меня на смех, если я не сделаю этого здесь и сейчас. Наташка! Я прошу твоей руки!

А Бела Соломоновна сказала строго:

– Наташка, уточни, а он тебя любит?

Через месяц музеев отгулял свадьбу.

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

От редакции: рассказ Геннадия Дмитриева «Девочка и кошка», сюжетно предвещающий нынешнее повествование, вышел в третьем номере журнала за 2013 год.

ДЕВОЧКА И КОШКА. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ рассказ

Наш небольшой провинциальный городок, расположенный на самом берегу моря, пожалуй, мог бы служить иллюстрацией к произведениям Александра Грина, было в нём что-то от Лисса, а, возможно, и от Зурбагана. Узкие, сбегаящие к морю улочки, поросшие фруктовыми садами прибрежные дачи, красные черепичные крыши которых создавали особый, неповторимый колорит, причалы и портовые сооружения, пришвартованные и стоящие в бухте на рейде суда – всё это придавало городу нечто такое, чего нет и не может быть у других, далёких от моря городов. Сходство нашего города с гриновским Лиссом дополнял расположенный на северной окраине аэродром местного авиационного клуба, ведь и в Лиссе был клуб воздухоплавателей. Жизнь в городе протекала тихо и спокойно, без особых событий, и только летом, в курортный сезон сюда съезжались гости из разных мест, лишённых близости моря и обилия солнца. Приезжали и столичные знаменитости, устраивали концерты, театральные представления и творческие вечера. И тогда вся городская элита и простые обыватели, сменив пляжные костюмы на вечерние платья, наполняли театры и концертные залы.

Но то, о чём я хочу рассказать, не имеет никакого отношения к тем знаменательным событиям, которые заинтересовали бы всех обитателей нашего провинциального городка. Дело в том, что в нашем авиационном клубе намечалось соревнование по планерному спорту. И если футбольные матчи, которые иногда проходили и в нашем городе, собирали на стадион толпы обывателей, но авиационные соревнования никак не отражались на городской жизни. И всё-таки, планерные соревнования – это необычное, красочное зрелище, когда десятки планеров, словно большие белые птицы, кружат в восходящем потоке, набирая высоту, они поднимаются выше и выше в полной тишине, не нарушаемой звуком моторов. Победить в соревновании может только тот, кто чувствует небо, умеет читать его знаменья, называемые в метеорологии сухим термином – местные признаки погоды. Говорят, что планерист, как шахматист, должен смотреть на два хода вперед, уметь прогнозировать развитие погодных условий лучше синоптика, который руководствуется снимками из космоса, данными метеозондов и прочей информацией, планерист руководствуется только своим чутьём. Организация соревнований – непростое дело, занимается ей не один человек, мне же было поручено разработать маршрут полётов. Казалось бы, что может быть проще? Построить на полётной карте равносторонний треугольник с периметром в сто километров – и маршрут готов, но не всё так просто, как кажется. Нужно учесть многое: рельеф местности, маршруты авиалиний, зоны, полёты над которыми запрещены, направления ветров и особенности погоды, характерные для этих мест, площадки, подходящие для посадки планеров, в случае потери потока и невозможности далее продолжать полёт, при этом нужно ещё обеспечить посадку самолёта-буксировщика для подъёма этих планеров. Когда всё это продумано, и маршрут нанесён на карту, нужно пролететь его на самолете, приземляясь в местах поворотных пунктов, выбрать, где разместить судей. Задача судьи на поворотном пункте простая – увидев планер, связаться по радио с пилотом, уточнить его позывной и занести в журнал время прохождения им поворотного пункта.

Я смотрел на карту и думал, где разместить поворотные пункты? Получалось так, что треугольник маршрута упирался одной из своих вершин в береговую линию, я немного развернул его и нарисовал кружок поворотного пункта возле населённого пункта Береговое. Название этого небольшого посёлка заставило меня улыбнуться, я вдруг вспомнил, как десять лет назад, встретил там девочку, которая жила в своём, придуманном мире, мечтала о кошке и убеждала меня, что это маленькое село – Каперна, что расположена между Лиссом и Зурбаганом, да так, что я и сам поверил, будто вдруг каким-то непонятным образом перенесла меня судьба в волшебный мир, выдуманный Александром Грином. Где эта девочка и что стало с ней?

Я показал маршрут начальнику аэроклуба и, получив одобрение и разрешение пролететь по нему на самолете, пошёл к стоянке, где, как символ времён юности, стоял старый «Як-12». Сейчас для буксировки планеров есть другие, более современные машины, например, польская «вильга», но я не любил этот самолёт, напоминающий неуклюжее горбатое насекомое на длинных тонких, неестественно подогнутых ногах, и по-прежнему предпочитал старый, добрый, хоть и прожорливый, по современным меркам, «Як-двенадцатый».

Когда населённый пункт под названием «село Береговое», отмеченный на карте кружком поворотного пункта, оказался под крылом самолёта, я снизился, выскивая место для посадки и размещения судьи. Того посёлка, напоминавшего рыбацкие поселения, сошедшие со страниц рассказов Грина, я не узнал – вместо низких хат под красными черепичными крышами подо мной раскинулось множество разноэтажных домов с вычурной архитектурой, но совершенно различной по стилю, каждый из которых представлял собой, несомненно, некое произведение искусства, но все вместе они выглядели уродливо и крикливо.

Посадив самолёт в поле, я направился было в посёлок, к морю, но, куда бы я ни шёл, на пути моём возникал забор с надписью: «Частная собственность. Проход и проезд запрещён». Обнаружил я и въезд, выполненный в виде крепостных ворот, размещённых между двумя башенками с узкими окнами-бойницами, на воротах красовалась табличка: «Частная собственность. Вход и въезд только по спецпропускам». Я оставил попытки проникнуть в посёлок, поняв, что мне там делать нечего, и вернулся к самолёту. Меня волновал вопрос: не нарушил ли я право чьей-то частной собственности, приземлившись на этом, не засеянном ничем поле? Ведь, если это выяснится уже в ходе соревнований, и судью, нарушившего границы частных владений, попросят убраться отсюда, то результат будет печальным, соревнования окажутся сорванными. Нужно было связаться с местным поселковым советом, но как это сделать, если пройти на территорию посёлка невозможно? Я подошёл к единственной ведущей в посёлок дороге и стал ждать, пока кто-нибудь ни будет ехать в посёлок или выезжать из него.

Не прошло, наверное, и двадцати минут, как из ворот выехал джип кофейного цвета и направился в мою сторону, я поднял руку, машина остановилась. За рулём сидел молодой человек, стекло со стороны пассажира опустилось, и из окна выглянула молодая симпатичная особа, вопросительно уставившись на меня.

– Извините, – сказал я, обращаясь к ней, – хотел спросить...

Но вдруг дверца машины открылась, девушка выпорхнула из неё с возгласом:

– Боже мой! Да, это Вы?! Ну конечно же, это Вы! Разве Вы не узнаёте меня?! Прошло столько времени! А я Вас сразу узнала!

– Алиса?! Неужели?! – воскликнул я. В ней трудно было узнать ту маленькую девочку, которая жила в своём выдуманном мире, но что-то неуловимое во взгляде, в жестах, в интонациях, подсказывало, что это она. – Так это Вы? Девочка, которая жила в Каперне, что между Лиссом и Зурбаганом и мечтала о кошке?

– Да, да, это я! – засмеялась она. – Только Каперны больше нет, – взгляд её стал грустным, она вздохнула, – теперь это дачный посёлок под названием «Пальмира», или, как называют его местные жители, «Палермо», тут главарей мафиозных кланов больше чем на Сицилии. И кошки у меня по-прежнему нет. Помните тот парусник, что стоял у причала? Отец продал его и купил современную моторную яхту, говорил, что содержать парусник слишком дорого, впрочем, и яхта эта никому не нужна, мы всего три раза отходили от причала, катались вдоль берега, а в остальном отец принимает на ней партнеров по бизнесу, ведёт переговоры, такой плавучий офис, не больше.

– Всё меняется, – ответил я, – я тоже не узнал этот посёлок с воздуха, Вы повзрослели, и сказка кончилась.

– Это Ваш самолёт? – спросила она. – Можно посмотреть?

– Конечно, идёмте.

– Жди меня здесь! – строго сказала она молодому человеку, который так и оставался сидеть за рулём, и в ответ на распоряжение, только молча кивнул.

– Ваш водитель? – поинтересовался я.

– Нет, – ответили она с вызовом, – мой жених!

– Странно, – пробормотал я.

– Что странно? Что он никак не прореагировал на Ваше присутствие? Мы не любим друг друга, отец решил расширить бизнес, объединить наши капиталы и капиталы отца этого телёнка. Я просто обязана выйти за него замуж, если я откажусь, банк его отца может постигнуть крах, он знает это, и ни в чём не перечит мне. Иногда меня это забавляет, иногда бесит, но больше всего мне хочется бросить всех и всё и бежать. Но не могу, не имею права, да и бежать мне некуда. В детстве можно было убежать в свою, выдуманную страну, жить в своём, придуманном мире, спрятаться в нём, как в норке, отгородиться ото всех бед и несчастий. Но детство кончилось, и однажды, проснувшись утром, я поняла – нет никакой Каперны, нет ни Алисы, ни Зурбагана, и яхта, что называлась «Бегущая по волнам», больше не стоит у причала. Больше негде укрыться от реальности, нужно воспринимать мир таким, каким он есть, злым и жестоким, нужно научиться жить по его законам. И когда я поняла это, вся жизнь внезапно потеряла смысл.

– Я где-то читал, уже не помню где и когда, что мир не добр и не жесток, он таков, каким мы его делаем сами. Да, детство кончилось, нельзя убежать в свой выдуманный мир, но появляется иная возможность, которой не было у нас в детстве – мы можем сами строить свой мир таким, в каком жить будет хорошо и просто, правда построить его нелегко, но это реально, каждый сам строит свой мир.

– А Вы? Вам удалось построить свой мир?

– Я стараюсь, каждый день я кладу маленький кирпичик в основание своего мира, главное, не разрушить то, что уже построено.

Мы подошли к самолёту, она посмотрела, тронула рукой обшивку фюзеляжа и сказала:

– Станный самолёт, как из прошлой жизни, сколько же ему лет?

– Больше, чем Вам, – ответила я, – он, действительно, из прошлой жизни, старый, несовременный, но до сих пор ещё летает.

– У меня была мечта, я хотела летать, как птица, Вы исполнили эту мечту, тогда, помните, когда взяли меня в полёт.

– А теперь? Теперь у Вас есть мечта?

– Вы будете смеяться, но у меня всё та же мечта: я хочу летать, как птица, летать над миром, как летал Друд, и ещё хочу, чтобы у меня была кошка. В этом мире нет ни одного живого существа, которому нужна была бы моя любовь.

– А Ваши родители? Ведь они любят Вас и нуждаются в Вашей любви.

– Наверное, любят, – сказала Алиса, и взгляд её стал каким-то горьким, печальным, – но главное для них – деньги, бизнес, они и меня выдают замуж ради денег, а не ради моего счастья, да и счастье у них определяется количеством денег. Я же не имею права ни на что, я только средство расширения бизнеса, понимаете?

– Родители всегда желают счастья для своих детей, просто все понимают это по-разному, они хотят, чтобы Вы были обеспечены всем, чтобы жили в достатке, им непонятны Ваши мечты.

– Когда я была маленькой, то думала, что люди могут летать, ну так, как Друд в «Блестящем мире», потом я поняла, что это невозможно, но тот полёт на планере я никогда не могла забыть. Я хотела заниматься в аэроклубе, но отец не дал денег, он сказал, что не надо заниматься глупостями, если потребуется куда-то полететь, то он закажет мне билет бизнес-класса в любой авиакомпании. Скажите, а много нужно платить за то, чтобы заниматься в аэроклубе?

– Когда-то, когда я только начинал летать на планерах, это всё было бесплатно, нас даже кормили бесплатно, а потом... После развала Советского Союза нужно было платить за горючее и за всё остальное, это было по средствам только весьма состоятельным людям. Но теперь многое изменилось, когда выбрали нового мэра города. Он бывший военный лётчик, начинал летать в нашем аэроклубе, сейчас он человек не бедный, у него заводы, строительные фирмы, он спонсирует аэроклуб, для студентов нашего университета занятия вообще бесплатны, так что, поступайте в университет и не будет никаких проблем.

– Да?! – обрадовано воскликнула Алиса, но тут же взгляд её помрачнел, она вздохнула и с печалью в голосе сказала: – Отец хочет отправить меня на учебу в Англию, он даже и слышать не желает о том, чтобы я училась здесь. Хочет, чтобы я училась банковскому делу.

– А Вы? Вы сами чему хотите учиться?

– Меня всегда влекла тайна рассказов и повестей Грина, волшебство слов, мелодия текста, я хотела поступать на филологический, но... Меня тревожит одно обстоятельство, если тайна будет раскрыта, что

станет с волшебством? Знаете, как в цирке, когда фокусник очаровывает зрителей своим волшебством, и вдруг нам рассказывают тайну фокуса, волшебство исчезает, всё становится обыденным и скучным, очарование пропадает, и уже незачем идти в цирк, – ведь мы знаем, что это вовсе не волшебство, а просто обман. Что будет, если тайна очарования рассказов Грина будет раскрыта? Если мелодию звуков заменят научные термины? Не пропадёт ли очарование?

В отличие от фокусника, писатель не обманывает читателя, он рисует картину, скажите, разве может исчезнуть очарование картины, если мы узнаем состав красок? Не бойтесь, поступайте на филологический.

– А как же отец? Он не позволит.

– Вы уже взрослая, Вы окончили школу, и можете сами строить свою жизнь, нет, я не призываю Вас ссориться с родителями, но всегда можно договориться, ведь они любят Вас и желают Вам счастья. И потом, чем может помешать филологическое образование финансовому?

– Да, наверное, Вы правы, я попробую поговорить с отцом. Нет, сначала нужно поступить в университет, потом поговорю, но в этом году уже поздно. Поздно, как Вы думаете?

– Нет, Алиса, ещё не поздно, приёмная комиссия работает до конца этой недели, Вы ещё успеете подать документы.

– Вы уверены? Откуда Вы знаете, что она работает до конца недели?

– Дело в том, что я сам член приёмной комиссии, я преподаю в университете, на мехмате, приходите завтра в университет, я буду там.

Мы договорились встретиться завтра в вестибюле университета, а сейчас нужно было возвращаться, и я предложил Алисе лететь со мной. Она радостно воскликнула, повернулась ко мне, и взгляды её сделались восторженно удивлёнными, как десять лет назад, когда я предложил ей сделать на планере крут над посёлком. Мой «як» был оборудован двойным управлением, и я разрешил Алисе мягко держаться за штурвал, повторяя мои движения.

Мы взлетели, развернулись над посёлком и, набрав высоту, направились в сторону города. Чтобы выйти на прямую перед аэродромом, я развернулся над портом вправо, Алиса посмотрела вниз, на причалы и, удивлённо воскликнув, бросила штурвал, жестом привлекая моё внимание, она показывала вниз, на причалы, которые, медленно вращаясь, проплывали под крылом. Там, у третьего причала стоял парусник.

– Это же наш парусник! Я сразу узнала его! – кричала Алиса сквозь гул мотора, начисто забыв мои объяснения, о том, как пользоваться самолётным переговорным устройством.

Когда мы приземлились, и начальник аэроклуба утвердил разработанный мной маршрут, я предложил Алисе подвести её в город на своей машине.

– Это, конечно, не «мерседес», а всего лишь старенький «жигулёнок», но пока ещё бегают, или Ваши жених придет за Вами?

– Он будет ждать меня дома, а мы сможем по дороге заехать в порт? Очень хочется посмотреть на наш парусник.

– Конечно, заедем, спешить нам некуда.

Пока я утверждал маршрут, показывал Алисе наши самолёты и планера, солнце стало клониться к закату, а когда подъехали к порту, начало смеркаться. Мы подошли к причалу, где стояло судно, Стройные обводы его проступали сквозь сумерки, на причале напротив кормы парусника висел фонарь, свет его косо падал на корму судна, образуя границу света и сумерек. Алиса бросила короткий взгляд в направлении света, и как-то вся встрепенулась.

– Смотрите! – она показала рукой в направлении своего взгляда, – «Слово “Бегущая” лежало в тени, “по” было на границе тени и света, и заключительное “волнам” сияло так ярко, что заметны были трещины в позолоте», – продекларировала она фразу из «Бегущей по волнам», – в точности, как у Грина!

– Действительно! – подтвердил я. – Какое дивное совпадение! А, если это так, то тот человек, что стоит на корме, облокотясь на фальшборт, не кто иной, как сам капитан, Вильям Гез.

Человек, что стоял на корме и смотрел на нас, тихо засмеялся.

– Это вовсе не совпадение, я специально поставил судно на причале таким образом, чтобы все, кто подходит к нему, увидели «Бегущую» именно так, как увидел её герой романа Грина. Целый час перетягивались туда-сюда вдоль причала, пока выбрали именно это положение.

– Вы любите Грина? – спросила Алиса странного незнакомца.

– Впервые я прочёл его книги в десять лет, и решил, что непременно стану моряком. Капитан дальнего плавания, Александр Иванович Корецкий, теперь уже, правда, на пенсии, – представился незнакомец. – А Вы, вижу, знаете Грина наизусть, – сказал он, обратившись к Алисе.

– Не всё, конечно, но многое, – ответила она, – особенно из «Бегущей по волнам», это моё любимое произведение. А давно у Вас этот парусник? Когда-то он принадлежал моему отцу, потом он продал его.

– Я нашёл «Бегущую» на причале местного яхт-клуба, яхт-клуб приобрёл парусник лет десять назад, но так и не нашёл ему должного применения, в качестве гоночной яхты он не годится, а устраивать на нём морские прогулки для отдыхающих нерентабельно. Он был в ужасном состоянии, я выкупил его почти за бесценок, полностью перестроил, и вот теперь собираюсь выйти в море на ходовые испытания. Да что вы стоите там, внизу, поднимайтесь на борт!

Мы поднялись по трапу на корму, и теперь разговор наш продолжился уже на палубе корабля.

– Как вы видите, это двухмачтовый бриг, – продолжал рассказ наш новый знакомый, – точнее его несколько уменьшенная копия, построен на голландских верфях ещё в позапрошлом веке. Прежде чем попасть к Вашему отцу, бриг этот сменил немало владельцев.

– Мой отец практически не плавал на нём, потому и продал.

– Неудивительно, – ответил Александр Иванович, – для управления парусником требуется квалифицированная команда матросов, причём таких, которых на современных судах просто нет. Управлять вручную парусами – трудная задача. Но я всё перестроил, теперь паруса на этом бриге управляются электромоторами с пульты в капитанской рубке, в принципе, теперь судном может управлять и один человек, но у меня команда из четверых – капитан, старший помощник, штурман и судовой механик. В скором времени мы собираемся выйти в море, посмотрим, какова эта красавица в ходу. Помимо парусного вооружения, у «Бегущей» имеется неплохой дизель, дающий и в безветренную погоду ход более двадцати узлов, точнее можно будет сказать только по завершении ходовых испытаний.

Александр Иванович пригласил нас спуститься вниз. Ещё сходя по ступеням лестницы с перилами из полированного дерева, я смог оценить великолепие внутренней отделки этого брига, когда же мы оказались в просторном салоне, я был просто поражён. Поражён тем, что салон был оборудован и обставлен именно так, как описывал Грин убранство внутренних помещений судна, которое так возбудило воображение его героя.

– Я хорошо помню этот бриг, – сказала Алиса, – и этот салон, когда судно принадлежало моему отцу, здесь всё было несколько иначе. Полагаю, переоборудование обошлось Вам недёшево.

– Да, – ответил Александр Иванович, – всё вместе: и ремонт, и механизация работы с парусами, и переустройство внутренних помещений вылилось в сумму, значительно превысившую ту, что я заплатил при покупке брига, но мне помогли. Были выделены деньги из городского бюджета, наш мэр, Анатолий Андреевич, предложил сделать «Бегущую по волнам» одним из символов города, он вложил сюда и свои личные средства.

– Я знаком с Анатолием Андреевичем по аэроклубу, он и существует ныне только благодаря его усилиям. Простите, я не представился, – с опозданием попытался исправить я свою ошибку, – Сергей Иванович, лётчик-планерист, командир планерного звена нашего аэроклуба, а по совместительству преподаватель университета, или наоборот.

– Планер и парусное судно имеют много общего, – ответил капитан, – оба они зависят от стихий, недаром в старые времена парусники называли невестами ветров.

Взгляд мой, обойдя салон, остановился на стене, где висела искусно выполненная картина, как нельзя лучше гармонирующая с названием судна. Я заметил, что и Алиса пристально всматривается в эту картину. На ней была изображена девушка в лёгком белом платье, свободно бегущая по волнам, положение её тела, развевающиеся на ветру волосы, складки одежды – всё передавало стремительность и свободу полёта. Одна ножка её, оттолкнувшись от поверхности воды, летела над волнами, вторая уже коснулась пенного гребня, и клочья пены охватили её изящный башмачок, но было видно, что нога не погружается в воду, а опирается на неё, как на твёрдую поверхность.

– Нравится? – спросил Александр Иванович, заметив, что мы с Алисой внимательно рассматриваем картину.

– Великолепно, – отозвался я, – это лучшее изображение Фрези Грант, которое мне когда-либо приходилось видеть, откуда она у Вас и кто автор?

– К сожалению, автор мне не известен, я приобрёл её на выставке, год назад.

– Это моя картина, – тихо сказал Алиса, – я написала её давно, этот образ сопровождал меня с раннего детства, и я решила запечатлеть его на полотне, я не собиралась выставлять её, но меня уговорил мой учитель по изобразительному искусству, я передала её на выставку, организованную по случаю юбилея нашего города, картину сразу же купили, я даже не знаю кто, ведь и своё имя я не указывала.

– Теперь знаете, – Александр Иванович посмотрел на Алису с явным восхищением, – у Вас, Алиса, большой талант, уверен – Ваше имя займёт достойное место в ряду известных художников, хотелось бы взглянуть на Ваши другие работы.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому, что их нет.

– Как нет?

– Просто нет, это моя единственная картина. Я ничего не писала до этого, и, возможно, ничего больше не напишу, то, что изображено на полотне, – это не картина, это нечто большее для меня, это состояние моей души, состояние души, возникшее однажды, и не покидающее меня до сих пор. Теперь Вы понимаете, почему я не смогу написать ничего другого? Это то состояние, которое приходит к человеку один раз и остаётся с ним навсегда.

– Я верну Вам эту картину, Алиса, простите, – тихо сказал Александр Иванович.

– Нет-нет! – ответила она поспешно, но уверенно. – Картина должна непременно остаться здесь, на «Бегущей», это единственное место, где она может находиться, другого просто нет, нет, и быть не может. Она должна принадлежать тому миру, откуда возникла, это даже не моё желание, я просто знаю, что так должно быть.

Когда мы покинули борт судна, на город уже опустилась глубокая ночь, я отвёз Алису домой и вернулся к себе, уснуть до утра я уже не смог, а утром поспешил в университет, в приёмную комиссию, где мы договорились встретиться с Алисой.

Через два дня в аэроклубе начались соревнования, я пригласил Алису посмотреть их, и она с радостью согласилась. Машину свою, небольшой «ниссан» красного цвета, она оставила на площадке возле шлагбаума аэродрома, и, приветливо взмахнув рукой, бежала ко мне по зелёной траве аэродрома к стоянке планеров, где я вручал пилотам карты с маршрутом, поясняя некоторые детали. Когда я наконец освободился, она подошла поближе и радостно сообщила:

– Я подала документы на лифтак, экзамены уже через неделю, уверена, что поступаю, у меня хорошая подготовка по всем предметам.

– Не сомневайтесь в этом, непременно поступите, а сейчас увидите, как планера поднимаются в воздух, как набирают высоту, потом они уйдут на маршрут, и уже ничего видно не будет, а если дождётесь, то посмотрите их посадку. Я мог бы посадить Вас в кабину к какому-либо пилоту, но на соревнованиях этого делать нельзя. Планер – очень лёгкий летательный аппарат, и от того, сколько человек в кабине, зависит центровка и вес, а значит, и лётные характеристики. Поскольку на соревнованиях все спортсмены должны находиться в одинаковых условиях, правилами предусмотрено присутствие только одного пилота в кабине. Скоро Вы и сами будете участвовать в подобных состязаниях, а пока можно только смотреть.

– Это ничего, я поступлю, обязательно поступлю в университет, тогда мы сможем приступить к полётам?

– Занятия в университете начнутся первого сентября, конечно, в аэроклубе ещё будут полеты в это время, но для того, чтобы начать учиться летать, нужно прежде пройти теоретическую подготовку. Занятия начнутся только в декабре, Вы изучите устройство планера, наставления по производству полетов, самолётовождение, это наука аэронавигации, метеорологию, сдадите экзамены, и только весной мы приступим к реальным полетам.

– Боже! Как долго! Но не сомневайтесь, – взгляд её стал серьёзным, – я буду прилежной ученицей.

– В этом я не сомневаюсь!

Соревнования начинались, пилоты выкатывали свои легкокрылые машины к месту старта, самолёты-буксировщики прогревали моторы и выруливали на старт, чтобы подцепить планера и поднять их ввысь, откуда они начнут свой путь по маршруту.

К шлагбауму аэродрома подъехал джип кофейного цвета, тот, на котором выехала из посёлка Алиса со своим женихом во время нашей недавней встречи там, где планировал я разместить судью первого поворотного пункта. Он резко затормозил, так, что из-под колёс поднялись клубы пыли. Хлопнула дверца, и из машины вышел молодой человек, быстрой нервной походкой он направился к нам.

– Это мой жених, Андрей Туманский, – представила его Алиса, когда он подошёл, – а это, – сказала она, представляя меня своему жениху, – Сергей Иванович, мастер спорта по планеризму.

Я протянул руку Андрею, но он не принял её, теперь он вовсе не был похож на того телёнка, каким казался и как отозвалась о нём Алиса во время нашей первой встречи. Он смотрел на меня маленькими, глубоко посаженными глазами, в них отражалась злоба и неприкрытая неприязнь, затем он отвернулся от меня и резко сказал Алисе:

– Что ты здесь делаешь?

– Приехала посмотреть, – спокойно ответила она.

– Нечего тут смотреть! Ты что задумала? Собралась поступать в университет? Через месяц мы с тобой должны лететь в Англию! Или ты забыла? А Вы, – обратился он ко мне, – вместо того, чтобы заниматься делом, морочите голову девчонке!

– Алиса уже не ребёнок, – возмущённо ответил я, – думаю, она сама вправе решать свою судьбу.

– Не лезьте не в своё дело! – резко ответил Андрей. – А ты, – он повернулся к Алисе, взгляд его был жёстким и неприятным, – сейчас же, слышишь, немедленно едешь со мной, твою машину я заберу потом, нас ждут мои родители, нужно оговорить все условия нашей свадьбы!

– Я никуда не поеду, – ответила она тихо, но твёрдо, – и мы ничего не будем обсуждать, никакой свадьбы не будет.

– Но это невозможно! Ты совсем голову, потеряла? Всё уже решено!

– Кем?! Кем решено? Вами? Тобой и твоим папашей? А меня? Меня кто-нибудь спросил? Чего хочу я?

– Чего хочешь ты, никого не волнует, твой отец дал согласие, этого достаточно!

– Это вам не средние века! Мой отец, конечно, человек жёсткий, но он не изверг и не тиран! Он никогда не выдаст свою единственную дочь замуж помимо её воли! Так и передай своим родителям! Свадьбы не будет! Всё, уезжай, я вернусь на своей машине, и не к вам, а в свой дом, к своим родителям!

– Ты ещё пожалеешь об этом! А Вы, – он повернулся ко мне и смерил меня с ног до головы испепеляющим взглядом, – не лезьте в чужие дела, иначе... – Он не договорил, оборвав уже начатую фразу угрозы, резко повернулся и быстро пошёл к своей машине. Взревел мотор, и машина рванула с места, раздался визг пробуксовывающих колёс, и поднялось облачко пыли, вскоре она исчезла за поворотом.

– Извините, – сказал я Алисе, – что стал невольным свидетелем Вашей ссоры с женихом.

– Это не ссора, это разрыв всех отношений, полный и окончательный!

– Не спешите делать выводы, всё ещё может поменяться.

– Нет, – сказала она спокойно и тихо, – ничего уже не поменяется. Никогда. С тех пор, как я решила поступить в университет, выяснилось многое, такое, о чём я и не подозревала, ни я, ни мои родители. Знаете, как бывает, в болоте стоит вода, она кажется всем чистой и прозрачной, а там, на дне, грязь и ил, но грязи не видно. Стоит только кому-то бросить в воду камень, как всё меняется, грязь поднимается на поверхность, вода становится мутной и тёмной. Так произошло и со мной, моё решение учиться в университете стало тем камнем, что поднял всю муть со дна, всё, что прежде казалось мне чистым и ясным, оказалось грязью, ложью и предательством. Бизнес Туманского на грани банкротства, и Вадим Николаевич решил поправить свои дела, женив сына на мне. Он был уверен, что мой отец, в качестве свадебного подарка, переписшет на меня большую часть своих акций. Да, он собирался переписать часть акций на меня, но не сейчас, а потом, когда я овладею всеми тонкостями управления бизнесом, он хочет приобщить меня к семейному делу. А Вадим Николаевич настаивает на том, чтобы акции были переписаны на меня прямо сейчас, он хотел решить свои проблемы, а я была только разменной картой в его грязной игре. Отец это понял, наконец, он прекратил с Туманскими всякие отношения. Мы много говорили с отцом, сперва он был резок и непреклонен, настаивал, чтобы я непременно отправилась на учёбу за границу. Потом поговорили спокойно, мама была на моей стороне, и он согласился. Он считает моё увлечение и Грином, и авиацией детскими романтическими бреднями, думает, что со временем всё это пройдёт, да и, в конце концов, филология и авиация не помешает серьёзному занятию бизнесом. А Вы как считаете?

– Я думаю так же. Возьмите, например, нашего мэра, он каждый день начинает с полётов, летает на спортивном пилотажном самолёте. Анатолий Андреевич высококлассный пилот, когда-нибудь увидите, как выполняет он фигуры высшего пилотажа над самой землёй. Но это никак не мешает ему управлять сложным городским хозяйством. Вот и сейчас, он улетел в Болгарии на соревнования по высшему пилотажу, скоро вернётся, думаю, с призами. Идёмте на старт, посмотрим, как взлетают планера.

Первый планер уже выкатили на старт, самолёт-буксировщик вырулил на взлётную полосу, и остановился перед планером, развернувшись в направлении взлёта. Пилот занял место в кабине планера, я подсоединил буксировочный фал, прицепленный к самолёту, к буксировочному замку планера, хлопнул по фонарю кабины, давая понять пилоту, что фал подцеплен. Затем я поднял крыло планера за законцовку, и стал подавать рукой знаки пилоту самолёта, что можно выбирать слабину. Пилот самолёта-буксировщика увеличил мощность мотора, и самолёт медленно пополз вперёд, натягивая фал, который до этого просто лежал на земле. Когда же, наконец, слабина была выбрана и фал натянулся, как струна, я поднял руку, показывая пилоту буксировщика, что слабина выбрана и можно взлетать. Самолёт замер на несколько

секунда, затем, оглашая пространство рёвом винта на взлётном режиме, начал разбег. Планер двинулся вперёд, я сделал несколько шагов, поддерживая его за законцовку крыла, затем отпустил. Планер, набрав скорость, оторвался от земли и летел в полуметре от поверхности полосы, а самолёт все ещё бежал, набирая скорость. Пыль, поднятая колёсами его шасси, летела навстречу, потом она улеглась, самолёт уже поднялся в воздух, и, выдержав некоторое время, начал набор высоты, планер шёл за ним на буксире. Следом за первым в воздух поднялся второй, третий планер. Аэропоезда – самолёты с планерами на буксире кружили над аэродромом, набирая высоту. Набрав высоту и нащупав восходящий поток, пилот самолёта покачал крыльями, давая знак планеристу, что можно отцеплять буксировочный фал. Отцепленный от планера фал змеей ушёл вслед за самолётом, который, накренившись на крыло, пошёл на снижение и, сделав круг, зашёл на посадку. Планера один за другим поднимались в воздух, набирали высоту.

Алиса, прикрывая ладонью от солнца глаза, с восхищением смотрела, как планера, кружась в восходящем потоке. Они поднимались всё выше и выше, становясь похожими на стаю аистов, парящих в поднебесье. Потом, набрав достаточную высоту, стали выходить из потока и ложиться на курс. Они не шли друг за другом в определённом порядке строя, которого придерживается в полёте группа самолётов или даже стая птиц, полёт их казался беспорядочным, и Алиса спросила меня, почему они летят так, каждый по-своему?

– Удивляешься, почему они не летят так, как бегут спортсмены на беговой дорожке?

– Ведь цель у них одна? – подтвердила Алиса свой, выраженный удивлённым взглядом, вопрос.

– Цель одна, но каждый выбирает свою дорогу к цели, помнишь О. Генри, «Дороги, которые мы выбираем»? Для планериста в небе, как, впрочем, и в жизни для каждого из нас, нет проторенных дорог, нет указателей, нет знаков, предупреждающих об опасности, восходящие потоки невидимы, и ты не знаешь, где тебя поднимет вверх, а где бросит вниз, есть лишь определённые признаки, знамения, которые нужно уметь читать и строить свой маршрут так, чтобы долететь до цели. У планера нет мотора, и он, освободившись от самолёта-буксировщика, оказывается во власти бескрайней воздушной стихии, как парусник во власти ветра, для того, кто знает и понимает эту стихию, она поможет ему достичь своей цели, для того же, кто полагается лишь на удачу, стихия эта может погубить его.

Планеров уже не было видно, их очертания вскоре растаяли в небесном просторе, и только громкоговоритель, установленный на стартовом командном пункте, разрисованном чёрными и белыми квадратами, как шахматная доска, повторяла доклады пилотов и судей о прохождении поворотных пунктов.

Прошло время, и вот на горизонте снова возникли планера, сначала это были лишь точки, едва заметные по бликам солнца, отражённого плоскостями, затем очертания их становились всё реальнее, всё ближе подходили они к аэродрому. Первым шёл планер под номером семнадцать, он летел низко над землёй, заходя на посадку с прямой, достигая максимальной скорости, какую только позволяла ему высота.

– Это называется – «идти на долёт», – объяснял я Алисе, – в обычных условиях для захода на посадку нужно строить прямоугольный маршрут, и после четвёртого разворота выйти на посадочный курс, но на соревнованиях, когда победу решают минуты, разрешается заходить на посадку с прямой, используя высоту для того, чтобы развить максимальную скорость при подходе к аэродрому.

Планера приземлялись один за другим, и дежурные по старту, быстро откатывали приземлившийся планер с посадочной полосы, освобождая место для других. Долетели все, никто не сел на вынужденную посадку, потеряв восходящий поток, оставалось вернуть все машины на стоянку и подвести итоги соревнований, хотя было ясно, что победитель уже определился.

– Я еду в город, – сказала Алиса, – Вас подвезти?

– Нет-нет, я ещё задержусь, нужно подвести итоги, провести разбор полётов, потом на своей доберусь.

Когда летательный аппарат совершает посадку, полёт ещё не заканчивается, вот и планера уже на стоянке, захелены и прочно привязаны к земле, а душа пилота всё продолжает лететь, то набирает высоту в потоке, то разгоняет лёгкую машину на переходе к следующему потоку, отыскивая ошибки в выбранной тактике полёта. Планеристы сходятся в кружок, и эмоционально, помогая себе жестами рук, делятся впечатлениями, словно истребители после горячего воздушного боя.

Итоги соревнований подведены, все страсти улеглись, все разъезжаются по домам, с сожалением покидая лётное поле. Я выехал на дорогу, ведущую в город, и разогнал свой старенький автомобиль, наслаждаясь быстрым ритмом движения, машин на дороге было мало, час пик уже закончился, темнело, и я включил фары. Сзади ко мне пристроился какой-то джип, несколько минут он следовал за мной, затем обогнал и, подрезая мой путь, прижимая меня к обочине, резко затормозил. В свете фар блеснул борт кофейного цвета, и я узнал машину Андрей, жениха Алисы.

– Какого чёрта? – закричал я, открывая дверцу.

Но из джипа выскочили двое, один из них действительно оказался Андреем, второго я видел впервые. Они вытащили меня из машины и затолкали в джип на заднее сидение. Андрей сел за руль, второй уселся рядом со мной, уткнув мне в бок ствол пистолета.

– Что всё это значит? – крикнул я. Андрей только усмехнулся, полуобернувшись назад, а второй, усилив давление стволом в мой правый бок, сказал:

– Молчи и не задавай вопросов. Тебя предупреждали. Ты вмешался не в своё дело, перешёл дорогу очень серьёзным людям. Они шутить не любят.

Мы въехали в город на широкий освещённый проспект, и я смог рассмотреть лицо второго похитителя. Это был немолодой уже человек, значительно старше Андрея, из-под густых бровей на меня смотрели бесцветные пороссячи глазки, голова была стрижена «под ёжик», края губ, несимметрично опущенные вниз, к крутому, массивному подбородку, придавали лицу презрительно-насмешливое выражение. Пистолет, приставленный к моему боку, был серьёзным аргументом в пользу того, что ни задавать вопросы, ни предпринимать какие-либо действия не стоит. В центре города мы свернули на улицу, ведущую в порт, въехали на территорию порта и остановились у причала, где стояли частные яхты и катера.

– Выходи! – сказал второй похититель, продолжая держать меня под прицелом, меня подвели к небольшой моторной яхте, и Андрей ехидно произнёс:

– Прошу подняться на борт, сэр!

– И тихо, – продолжил второй, – без шума.

Я подчинился, ничего другого мне не оставалось. Мелькнула мысль, броситься в воду и поплыть, но, зажатый между ними, Андрей шёл впереди, второй – сзади, я не смог бы сделать и шага, в том, что второй бы выстрелил, я не сомневался. Меня затолкали в какое-то тёмное помещение, отобрали документы, часы и мобильный телефон. Дверь закрылась, и я очутился на полу среди канатов и прочих снастей, рассмотреть помещение я толком не мог, свет не проникал ниоткуда, внутреннего освещения не было. Взрвели моторы, и яхта отошла от причала. Я не понимал, куда меня везли и зачем. По-видимому, моё похищение было связано с тем, что я всё же оказал влияние на решение Алисы поступать в университет. Недовольство её жениха, даже более, чем недовольство, я ощутил ещё тогда, на аэродроме, но не придал этому значения, не думал, что всё это может иметь столь серьёзные последствия. Куда меня везут? Зачем? Что они задумали? Если бы меня хотели просто утопить, то это можно было бы сделать и не уходя так далеко от причала? Я ещё надеялся, что меня оставят в живых, вывезут куда-нибудь на остров и бросят. Сколько времени мы плыли и что сейчас, ночь или день, я не знал, ощущение времени, обычно свойственное людям в нормальной обстановке, меня покинуло, мне казалось, что плыли мы долго, очень долго, хотя в часы ожидания, бездействия, особенно бездействия вынужденного, тревожного, минут превращаются в часы, часы кажутся бесконечными. Судно раскачивалось, слышался свист ветра в снастях, похоже, погода портилась. Наконец, моторы стихли, яхта легла в дрейф. Дверь отворилась, и голос второго похитителя сказал:

– Выходи, приехали. Туда, вперёд!

Мы прошли вдоль борта, Андрей впереди, а позади меня тот, второй с пистолетом. Была глубокая ночь, только тёмные волны, да сплошная пелена облаков, тусклый фонарь на мачте едва освещал пространство. Я заметил у правого борта, вдоль которого меня вели, спущенную на воду шлюпку.

– Прошу Вас, мистер, как Вас там, карета подана, – ехидно сказал Андрей, – Вы, кажется, большой любитель Грина? Что ж, поиграем в «Бегущую по волнам»? Сейчас Вам представится уникальная возможность испытать все те ощущения, которые испытал герой известного романа, когда капитан Гез оставил его одного в шлюпке посреди открытого моря. Садитесь в шлюпку, и, как говорится, счастливого плавания.

– Ну? – спросил его товарищ, – Тебя ещё уговаривать надо? Сейчас спихну тебя за борт без всякой лодки, так что, топай быстреей, не задерживай, нам ещё обратно плыть.

– Если Вы уж читали Грина, молодой человек, – обратился я к Андрею, – то должны помнить, чем завершилась эта история для капитана Геза, он получил пулю в лоб.

Андрей засмеялся:

– И не надейтесь! В этом районе моря нет судоходства, мы ушли далеко от морских путей, так что, ждать помощи Вам неоткуда, разве что от «Бегущей по волнам», – он снова засмеялся, но смех его был каким-то нервным, неестественным, – поднимается ветер, волны тоже нехилые, шлюпка перевернётся, и адьо, на корм рыбам.

– Слышь, шеф, – сказал второй, – может у него вёсла забрать?

– Оставь, Бобёр, пусть погребёт, помучается, на веслах до берега и в полный штиль не дойти.

Снова взревели моторы яхты, и вскоре её ходовые огни растаяли во мраке ночи, я остался один среди тьмы, волн и холодного ветра. На небе, сплошь затянутом облаками, не проглядывала ни одна звезда, по которой я бы мог хоть примерно определиться с направлением. Волнение усилилось, на волнах появились белые гребешки, и мне не оставалось ничего, кроме того как удерживать лодку носом к волне, чтобы её не опрокинуло.

Как ни старался я экономить силы, но вскоре почувствовал усталость, спина болела, руки не гнулись, каждое движение вёслами причиняло боль. Оставить вёсла и отдохнуть я не мог, если я перестану держать лодку, её развернет бортом к волне и опрокинет. Я лётчик, а не моряк, работать вёслами так долго мне ещё не приходилось, но постепенно я приспособился и стал тратить меньше сил, чем вначале, я расслаблял руки и спину в промежутках между гребками, да и грести стал несколько иначе, я не налегал на вёсла в полную силу, а лишь слегка подправлял движение лодки, не давая ей развернуться бортом к волне.

С неопределённой надеждой ждал я рассвета, возможно, когда появится солнце, мне удастся сориентироваться, хотя, если я и смогу определиться со сторонами света, мне это ничего не даст, чтобы достичь берега, нужно плыть на север, но силы мои, которые тают с каждым часом, вскоре покинут усталое тело, и я больше не смогу бороться с ветром и волнами. Теперь я уже не работал вёслами, а лишь опускал в воду поочерёдно то одно, то другое весло, парируя стремление шлюпки к развороту, я действовал вёслами, как рулями самолёта, это могло несколько продлить последние часы или минуты моего существования.

Наконец наступил рассвет, тусклый и сумрачный, небо по-прежнему было затянуто облаками, и, хотя совсем рассвело, вокруг ничего не было видно, кроме мрачного неба и волн. К полудню начались галлюцинации, воспалённое воображение моё рисовало неясные силуэты судов на горизонте, но как ни всматривался я в даль, ничего кроме воды и неба разглядеть не мог. Как-то мне почудился звук авиационного мотора, но напрасно вслушивался я в пространство, только печальное завывание ветра да плеск волн за бортом доносились до моего слуха. Вероятно, скоро и здравый рассудок вскоре покинет меня. Я понимал, что искать меня никто не будет, что произошло со мной, никому, кроме двоих похитителей, неизвестно. Моё отсутствие на аэродроме не вызовет удивления – погода нелётная, в университете меня тоже никто не ждёт, работа приёмной комиссии, членом которой я был, закончена, до начала занятий ещё далеко, а когда кого-нибудь и насторожит моё отсутствие, и меня примутся разыскивать, то никому и в голову не придёт искать меня среди волн в открытом море, скорее всего, о моей судьбе никто никогда не узнает.

День завершился таким же тусклым бесцветным закатом, снова наступила ночь. Ветер, который не утихал, но и не усиливался, немного раздвинул облака, и в разрыве их показалась луна, матовым светом освещала она небо и волны, иногда она ныряла за тучи, потом снова выглядывала из-за них, освещая своим бледным безжизненным светом тёмные тяжёлые волны, бег её сквозь рваные облака несколько отвлекал меня от мрачных мыслей, но помочь ничем не мог. Я стал следить за её движением и за тусклыми жёлтыми бликами, которые оставляла на волнах её призрачный свет.

Эти неясные лунные блики рождали призраки в моём воспалённом сознании, мне чудились мачты и паруса корабля, что бежит сквозь тусклую мглу по зыбкой лунной дороге, казалось, парусное судно приближается ко мне, очертания мачт и парусов становятся всё яснее, всё реальнее, но я понимал, что это лишь игра угасающего сознания, которое, не желая смириться с неизбежной гибелью, рисует миражи невозможного, но такого желанного спасения.

Мне показалось, что на мачтах парусника горели ходовые огни, это убедило меня в том, что я просто брежу, на парусниках прошлых времён ходовых огней ещё не было, но они не пропадали, а делались всё ярче, всё реальнее, контур корабля чётко вырисовывался на фоне залитого лунным светом пространства, на борту блеснул луч прожектора, скользя по тёмным волнам.

Двухмачтовый бриг, идя галсами против ветра, приближался ко мне, я узнал его, ошибки быть не могло, стройные очертания корпуса, характерный наклон мачт – всё говорило о том, что передо мной «Бегущая по волнам», та самая, что так поразила моё воображение там, в порту, когда мы с Алисой с восторгом глядели на неё. Приблизившись к шлюпке, насколько позволяло волнение, она убрала паруса и легла в дрейф.

– Эй, на лодке! Сможете подойти к борту? – крикнули мне с палубы.

Я налёг на вёсла, силы, уже, казалось, покинувшие меня, вернулись вновь, и вскоре нос лодки коснулся обшивки борта «Бегущей», мне бросили конец каната и верёвочную лестницу. Я закрепил канат и схватился за лестницу.

– Сможете сами подняться на борт? Поднимайтесь, лодку Вашу мы возьмём на буксир!

Я подтянулся, перевалялся через борт и очутился на палубе.

– Идёмте вниз, – сказал человек, помогая мне подняться на ноги.

Когда мы спустились в салон, где было светло, тепло и сухо, я узнал его, это был капитан, Александр Иванович, он тоже узнал меня.

– Сергей Иванович? Вы? Что случилось? Как оказались Вы один в открытом море? Вам нужно переодеться и обсушиться.

– Петрович! – крикнул он кому-то. – Принеси одежду и рому.

– Уже принёс, – ответил Петрович и положил передо мной морской бушлат, тельняшку и брюки.

– Ну, вот, – сказал он, когда я переоделся, – теперь Вы заправский моряк, морское крещение Вы уже получили, теперь немного рому, Вам нужно согреться, это настоящий ямайский ром, попробуйте.

Петрович налил рому мне, себе и Александру Ивановичу, я поднял бокал:

– За Вас, за тот счастливый случай, которому обязан я своему спасению!

– Не случай нужно благодарить, а нашего мэра. Он возвращался после соревнований на своём самолёте, маршрут пролегал над морем, заметил одинокую лодку, определил её координаты и передал спасательной службе, они оповестили все суда, мы оказались ближе всех к Вам, как раз вышли на ходовые испытания, ветер благоприятствовал тому, чтобы опробовать ход «Бегущей» под парусами, выбрали район подальше от морских коммуникаций, чтобы никому не мешать, и тут сигнал бедствия – начали поиски. Что же всё-таки случилось с Вами? Когда мы приняли SOS, сперва решили, что какого-то незадачливого рыбака унесло в море, но по Ваша одежда никак не похожа на рыбацкую, да и рыболовных снастей в шляпке мы не обнаружили.

– Меня похитили двое негодяев, вывезли на яхте в открытое море и оставили одного в шляпке посреди волн.

– Они получают своё, не сомневайтесь, а пока Вам нужно хорошо отдохнуть, поешьте и ложитесь спать, Петрович, мой штурман, уже постелил Вам в каюте, успеете выспаться, пока мы дойдём до порта.

Я провалился в сон, как только голова моя коснулась подушки, мне снилось море, тёмные волны, ветер и лёгкая фигурка девочки в белом платице, бегущей по тёмным волнам, она присела на корму моей лодки и что-то говорила тихим мелодичным голосом, я не понимал слов, но голос, интонации – казались мне удивительно знакомыми, мелодия её голоса звучала, как ручеёк родника, вызывая во мне спокойствие и уверенность в благополучном исходе пути.

Александр Иванович разбудил меня, когда «Бегущая» уже швартовалась у причала.

– Как Ваше самочувствие? – спросил он. – Успели отдохнуть? Поспали немного?

– Всё нормально, – ответил я, – спал, даже видел удивительный сон.

– Ну вот и хорошо, мэр наш, Анатолий Андреевич ждёт Вас на причале, я сообщил ему обо всём, что с Вами произошло, уверен – негодяи, что Вас похитили, понесут заслуженное наказание.

Анатолий Андреевич встретил меня у трапа:

– Садитесь в мою машину, поедem в полицию, напишите заявление. Пока я ещё хоть что-то значу в этом городе, беспредела не допущу! Сможете опознать похитителей?

– Смогу, одного из них я знаю – это Андрей Туманский, сын известного бизнесмена.

– Знаем мы этого бизнесмена, – с усмешкой сказал Анатолий Андреевич.

– Второго Андрей называл Бобром.

– Ха! Сенечка Бобров! Известная в городе криминальная личность, авторитет. Сейчас он охранником у Туманского служит, но когда-то, совсем недавно, Туманский у него в шестёрках ходил. Роли поменялись, но, думаю, чисто формально, реально же, именно Бобров управляет всем криминалом в городе, а бизнес только числится на Туманском. Ничего, съедет и Бобров, и Андрей Туманский, да и папаше его обеспечим безбедную старость где-нибудь на просторах реки Колымы.

– Не сомневаюсь, что похитили меня не без ведома Вадима Николаевича, но доказать его участие в этом деле вряд ли удастся.

– Это не важно. У меня и на Вадима, и на Сенечку Бобра материалов – на пожизненное хватит. Запепить было не за что. Вот теперь потянем за эту ниточку, весь клубок размотаем. Туманского с Бобром связывает бурное криминальное прошлое, да не и только прошлое. Возьмём в оборот Боброва – он хозяина своего с потрохами сдаст. Туманскому легализоваться помог Бобров, Вадим Николаевич был моим конкурентом на выборах, хотели его в мэры продвинуть, и таким образом криминал пытался получить полную власть в городе, но, несмотря на все махинации и фальсификации, он и пяти процентов не набрал.

В отделении полиции я написал заявление, и следователь, Виктор Борисович, так он мне представился, открыл уголовное дело.

– Скажите, Сергей Иванович, – спросил он, – у Вас есть какие-то соображения о причинах Вашего похищения? Вам кто-то звонил, угрожал?

– Есть. Не только соображения, я знаю причину, прекрасно понял, кому перешёл дорогу. Андрей Туманский считает, что на решение его невесты, Алисы, дочери банкира Карпова, поступить в университет и её на отказ выйти замуж за Андрея именно я оказал определённое влияние. Она должна была уже на этой неделе лететь в Англию на учёбу с Андреем, после разговора со мной решение своё она изменила.

– Вы отговорили её от брака с Туманским?

– Нет, разговор шёл только об университете, но её решение всколыхнуло такие интриги, о которых она прежде и не догадывалась. Андрей нашёл Алису у нас на аэродроме и устроил ей сцену, невольным свидетелем которой оказался я. Он высказал в мой адрес неопределённые угрозы, но я не придавал им значения, мало ли что можно наговорить в порыве ревности.

– А напрасно, насколько я понимаю, Вадим Туманский хотел, женив сына на дочери банкира, решить свои финансовые проблемы, Вы невольно нарушили их планы. Ревность здесь ни при чём, Вы стали на пути у крупных криминальных структур. Не знаю, почему они сыграли с Вами такую шутку, могли просто утопить – привязать груз к ногам и бросить в море, никаких следов бы не было.

Я не стал рассказывать следователю о том, почему меня оставили одного в шлюпке посреди моря, аллюзии с романом Грина вряд ли помогут следствию. На следующий день Андрея и Боброва арестовали, но адвокат доказал следствию, что оснований для ареста Боброва нет, ограничились подпиской о невыезде, а ещё через день, под залог, внесённый Вадимом Туманским, был освобождён из-под стражи и Андрей.

Через день после освобождения Андрея мне позвонили, номер не определился, но абонент и не скрывал своего имени:

– Здравствуйте, Сергей Иванович, Вас беспокоит Туманский, Вадим Николаевич, я попрошу Вас приехать ко мне сегодня, – он назвал время и адрес, – у нас есть к Вам одно предложение, думаю, Вы им заинтересуетесь.

Я понимал, станут добиваться, чтобы я забрал из полиции своё заявление, и первой мыслью было отказать от этого визита, но подумал, что этим дело не закончится, будут искать иные способы надавить на меня, и решил поехать на встречу, чтобы решительным отказом раз и навсегда поставить точку в этом деле.

Когда я вошёл в дом, меня уже ждали, встретил меня сам Вадим Николаевич, он провёл меня в гостиную и пригласил присесть в кресло, сам же устроился на диване напротив, между диваном и креслом стоял журнальный столик, справа от меня в таком же кресле сидел Бобров, а напротив него, у окна, стоял Андрей и нервно курил.

– Я пригласил Вас, чтобы решить один весьма важный вопрос, – сказал Вадим Николаевич.

– Как я понимаю, Вы хотите, чтобы я забрал своё заявление?

– Вы правильно понимаете, но не будем спешить, сперва выслушайте меня, выслушайте внимательно. Вы забираете своё заявление, а мы, в свою очередь...

– Как же я объясню это следователю? Как я оказался один в открытом море на шлюпке?

– Вы скажете, что просто выехали на лодке покататься, ну, или, там, порыбачить, к примеру, поднялся ветер, лодку отнесло далеко от берега. Андрей и мой охранник оказались в море на нашей яхте, они хотели помочь Вам, но у яхты отказал двигатель, лодку отнесло от яхты на значительное расстояние, а когда неисправность мотора была устранена, Вас искали, но не нашли.

– А как же похищение?

– Никакого похищения не было, Вы долгое время провели в море, один среди волн и ветра, Вы не помнили, как Вы оказались в море, и рассудок Ваш, несколько помутнённый, нарисовал Вам такую картину.

– Но это же бред! Кто этому поверит? У меня есть свидетели!

– Вас обследует врач, он подтвердит Ваше состояние.

– Прелестно! Хотите выставить меня сумасшедшим?

– Ну что Вы, бог с Вами, Сергей Иванович! Учтите, как только Вы заберёте своё заявление, на Ваш счёт будет перечислена вот эта сумма.

Он написал на листе бумаги цифры и пододвинул лист ко мне. Я тут же, даже не взглянув на цифры, отодвинул листок обратно.

– Предложение Ваше меня не устраивает, я не заберу заявление.

– Ну, если Вас не устраивает предложенная сумма, можно её несколько увеличить, в разумных пределах, разумеется.

– Меня не интересуют деньги. Я хочу, чтобы все виновные понесли заслуженное наказание. По закону.

– По закону? А Вы знаете, кто определяет законы в нашем городе? Думаете, мэр? Надеетесь, что знакомство с Анатолием Андреевичем поможет Вам? Ошибаетесь, дорогой мой, ошибаетесь. Законы в этом городе устанавливаем мы. А мэр... да под ним уже кресло качается! Не сегодня, завтра его снимут, кто тогда замолвит словечко за Вас? Люди недовольны его правлением, уже на площадях собираются многочисленные митинги с требованием отставки мэра.

Я видел эти митинги, и по телевизору и так, проходя по городу, наблюдал толпы, многочисленными которые даже с большой натяжкой назвать нельзя. Это были кучки не слишком опрятно одетых людей, явно получивших определённую мзду за своё участие в этих мероприятиях. Причём, когда тележурналисты с камерами пытались с ними беседовать, никто из них не мог ясно высказать свои требования, постановка и режиссура этих сборищ была явно не на высоте.

– Дни нашего мэра на своём посту сочтены, – продолжал Вадим Николаевич, – а мы предлагаем Вам дружбу, пока мы хотим решить вопрос по-хорошему, – он сделал ударение на слове «пока».

– А если я откажусь от Вашей «дружбы»? Что тогда?

– Тогда Вы просто исчезнете. Исчезнете навсегда. А ввиду отсутствия потерпевшего дело просто развалится, как там говорят юристы: «Нету тела – нету дела»? Поверьте, тела вашего никто никогда не найдёт.

В подтверждение слов Туманского, Бобров достал пистолет, снял его с предохранителя, передёрнул затвор и навёл ствол на меня.

– Спрячь вольну, Бобёр! – крикнул Туманский. – Ты что, совсем идиот? Не сейчас и не здесь!

Неожиданно хлопнула дверь соседней комнаты, там кто-то был. Бобров обернулся на звук открывающейся двери, рука его с пистолетом ушла в сторону. Раздался выстрел, и пуля попала прямо в лоб Андрею, стоящему напротив кресла, на котором сидел Бобров. В сознании моём молнией блеснула фраза из романа Грина: «Он получит пулю в лоб». Я ощутил страшный удар по голове, сознание помутилось, и я провалился в темноту.

Очнулся я уже в камере, я лежал на топчане, голова кружилась, меня подташнивало. Доктор, склонившись надо мной, обрабатывал рану на голове, затем он закатал рукав моей рубашки и сделал какой-то укол. Сознание прояснилось, тошнота прошла.

– Как себя чувствуете? – спросил он.

– Можно сказать, удовлетворительно, – ответил я.

– На вопросы отвечать можете?

– Могу. Я поднялся с топчана и сел, напротив меня за столом сидел уже знакомый мне следователь, Виктор Борисович.

– Я назначен следователем по Вашему делу, – сказал он, – мне необходимо задать Вам несколько вопросов.

– Да, я помню, Вы ведёте дело о моём похищении.

– Сейчас речь о другом. Дело о похищении, конечно, ещё не закрыто, но речь идет о другом деле, Вам предъявлено обвинение в убийстве.

– В убийстве? – я вообще не понимал, что он говорит. – Я никого не убивал.

– Вас обвиняют в убийстве Андрея Туманского. Двое свидетелей утверждают, что в Андрея стреляли именно Вы, но и это не всё, на орудии убийства обнаружены отпечатки Ваших пальцев. Вы будете отвечать на вопросы?

– Я могу не отвечать?

– Да, можете, можете не отвечать на вопросы без адвоката. Адвоката Вам предоставят.

В это время дверь камеры открылась, и вошёл сержант.

– Виктор Борисович, – обратился он к следователю, – там девушка требует свидания с подследственным.

– Я разберусь, – ответил следователь и вышел, я остался в камере один с доктором. Через некоторое время он возвратился.

– Это Алиса Карпова. Будете с ней говорить?

– Конечно, буду! – ответил я.

Меня провели в комнату для свиданий, там уже была Алиса, а рядом с ней незнакомый мне пожилой человек, одетый в строгий серый костюм явно дорогого сукна, он был лысоват, на аккуратном прямом носу сидели очки в золочёной оправе, из-под идеально наглаженных брюк выглядывали лакированные туфли.

– Это господин Гордон, адвокат, – представила мне его Алиса, – это лучший адвокат в городе, мой отец оплатил его услуги, я уверена, он поможет Вам, я знаю – Вы ни при чём, это какое-то досадное недоразумение!

– Меня зовут Марк Соломонович, я Ваш адвокат, – он протянул мне руку, – не переживайте, мы всё уладим. А сейчас, – обратился он к Алисе, – идите домой, моя милая, мне нужно поговорить с подзащитным наедине. Идите, идите, и ни о чём не беспокойтесь. Если уж за дело взялся сам Марк Соломонович, то успех гарантирован, я не проиграл ещё ни одного дела.

Алиса ушла, и мы с Марком Соломоновичем остались одни.

– Ну-с, молодой человек, давайте обсудим линию защиты. Это правильно, что Вы отказались отвечать на вопросы следователя без адвоката. Очень правильно. Вы попали в сложную ситуацию, очень сложную, но не будем отчаиваться, Марк Соломонович вытаскивал людей и из худших передряг. Главное, слушайте меня и делайте то, что я Вам говорю. Сложилось так, что против Вас всё: два свидетеля показывают, что именно Вы стреляли в Андрея, но главное – орудие убийства. На пистолете, из которого был убит Андрей Туманский, обнаружены отпечатки Ваших пальцев, да и мотив налицо, ведь Вас похитили и оставили одного в лодке посреди моря. Но, поверьте, всё не так уж плохо, как кажется.

– Что? Всё гораздо хуже? – с усмешкой спросил я.

– Ценю, ценю, что и в такой ситуации Вам удалось сохранить чувство юмора. Трудное дело, трудное, скрывать не стану, но за то и платят Марку Соломоновичу деньги, чтобы он решал трудные дела. Доверьтесь мне, молодой человек, доверьтесь, я уже продумал линию защиты, и мы вытащим Вас из этой ямы, не сомневайтесь. Главное – слушайтесь моих советов, и ни одного, ни одного слова без согласования со мной.

– Что я должен делать?

– Первое, что Вы должны сделать, дорогой мой, так это написать чистосердечное признание.

– Как?! – я потерял дар речи. Целую минуту я молчал, не понимая, что происходит, что хочет от меня этот одетый с иголки престарелый щёголь. – Признаться в том, чего я не совершал? Это Вы называете линией защиты!

– Поверьте, улики против Вас достаточно: и показания свидетелей, и орудие убийства, и мотив – с такими фактами суд обойдётся и без Вашего признания. А чистосердечное признание, сотрудничество со следствием – всё это Вам зачтётся. Моя же задача – доказать, что Вы убили Андрея не преднамеренно, выстрел произошёл случайно, просто нелепая трагическая случайность, не более того. И если мы это докажем, а Вы не сомневайтесь – докажем! – то максимум, что Вам грозит – это условный срок. Понимаете меня, условный! Вы направили пистолет на Андрея не с целью убийства, просто хотели его немного испугать. Что-то отвлекло Вас, рука дрогнула, произошёл выстрел. Вспомните, что могло Вас отвлекать?

– Хлопок двери. Да, я слышал, как открылась дверь в соседней комнате.

– Там кто-то был? Вы видели кого-то за дверью?

– Я никого не видел, всё произошло мгновенно – хлопок двери, выстрел, и удар по голове.

– Да-да, именно так, именно так всё и было. Вы обернулись на звук открывающейся двери, рука дрогнула и произошёл выстрел. А по голове Вас ударил Бобров, это была необходимая мера самообороны, и она не превышена. Ведь у Вас в руке был пистолет! Вы застрелили Андрея, следующим мог быть Бобров. Они вдвоём похитили Вас, так ведь?

– Так, но я не убивал Андрея!

– Опять Вы за своё!

– То, что сделали с Вами эти люди – ужасно! Просто ужасно!

– Но не убивать же из-за этого? Вы-то остались живы!

– Да говорю Вам, это не я убивал Андрея! Вы сказали, что условный срок – это максимум, что мне грозит, а в лучшем случае?

– В лучшем случае Вас освободят ещё до суда.

– Каким образом? Если у следствия будет моё чистосердечное признание?

– Успокойтесь, Сергей Иванович, успокойтесь, – он впервые за время нашей беседы назвал меня по имени отчеству. – Более двух суток пробыли Вы в открытом море, один посреди ужасных волн и ветра! Наверняка у Вас были галлюцинации. Ведь были? Признайтесь, были?

– Да, были галлюцинации, мне чудились корабли на горизонте, а однажды мне показалось, что я слышал звук авиационного мотора.

– Вот видите! Те обстоятельства, те ужасы, которые Вам пришлось пережить, помutilи Ваш рассудок, Ваша психика не выдержала такой нагрузки, Вы находились в том состоянии, когда просто не могли отвечать за свои действия! Ещё этот удар по голове! Вы наверняка не помните, как нажали на курок.

– Но я не нажимал на курок, у меня вообще не было оружия! Никогда не было. Это не мой пистолет.

– Но отпечатки пальцев на нём Ваши. И от этого факта никуда не деться. Допустим, пистолет лежал

на журнальном столике, Вы схватили его, хотели испугать Андрея, но произошёл случайный выстрел. Убийство по неосторожности. Досадная, трагическая случайность. Но, поскольку отвечать за свои действия Вы не могли, стало быть, и вины на Вас нет. Вас обследуют врачи и признают невменяемым. Естественно, врачам придётся заплатить, но, думаю, отец Алисы найдёт такую возможность, ведь смог же он оплатить мои адвокатские услуги, а они, поверьте, стоят очень недёшево! Но работа моя стоит того, если мы докажем, что Вы не можете отвечать за свои действия, то и суда никакого не будет.

– Небогатый же выбор Вы мне предлагаете, или тюрьма, или сумаспешный дом.

– Ну, что Вы, какая тюрьма? Речь идёт об условном сроке! А сумаспешный дом, с чего Вы взяли? Просто лёгкое амбулаторное лечение. Вы готовы дать признательные показания?

– Дайте мне лист бумаги. Лист бумаги и ручку.

– Ну, вот и хорошо, – ответил Марк Соломонович, – идёмте к следователю.

Мы вошли в кабинет.

– Виктор Борисович, – нетерпеливо произнёс Гордон, – мой подзащитный готов дать признательные показания!

Следователь посмотрел на меня недоумевающим взглядом, он смотрел так более минуты, смотрел и молчал, потом так же молча положил передо мной лист бумаги и ручку.

– Пишите.

– Да-да, пишите, пишите, – торопливо выпалил адвокат, – пишите всё, что я Вам продиктую.

Я начал писать, я не слушал, что говорил мне Гордон, я писал, писал спокойно, уверенно, а когда я закончил, Марк Соломонович, облегчённо вздохнув, сказал:

– Вот и всё, молодцом! Теперь поставьте дату и подпись.

Я поставил дату, подпись и протянул следователю лист. Виктор Борисович читал, и по мере чтения выражение лица его менялось.

– Вы уверены в этом? Не передумаете?

– Нет! – твёрдо сказал я.

– Ну, что ж, Марк Соломонович, Сергей Иванович отказывается от Ваших услуг.

– Что?! Как?! – воскликнул Гордон, выхватывая исписанный мной листок из рук следователя.

– Да, Сергей Иванович написал заявление об отказе от Ваших услуг, – подтвердил Виктор Борисович.

Адвокат читал моё заявление, его рука, державшая лист, слегка дрожала.

– Но почему?! – повышая голос почти до крика, спросил он.

– Меня не устраивает выстроенная Вами линия защиты.

– Да Вы с ума сошли, молодой человек! Вы хоть понимаете, что наделали? Да этим заявлением Вы приговор себе подписали! Конечно, Вам дадут адвоката, другого, бесплатно, но никто, кроме меня Вам реально помочь не сможет! Да, услуги мои стоят дорого! Но не Вы же за всё это платите! Заберите своё заявление!

– Я понимаю, что делаю, и заявления своего не заберу. Прощайте, Марк Соломонович, я не нуждаюсь в Ваших услугах.

Гордон повернулся, немного помялся в дверях и вышел, следователь вздохнул с облегчением.

– Правильно сделали, что отказались. Когда Вы поняли, что адвокат просто топит Вас?

– Сразу, сразу, как только он предложил мне написать чистосердечное признание. Он не стал вникать ни в какие детали, а ведь не всё так однозначно, как кажется, Вы не находите?

– Вот именно! В этом деле много неясного. Но, боюсь, другой адвокат, тот, которого Вам предоставят, ничего иного не предложит.

– Но, что же это за лучший адвокат, который даже не пытается ни в чём разобраться?

– Господин Гордон считается лучшим в городе, да, он, действительно, не проиграл ни одного дела, здесь он не врёт. Но он обслуживает криминальный мир, а Вы из другого мира. Не сомневаюсь, что Туманский успел перекупить Гордона. Непредумышленное убийство, которое пытался доказать Марк Соломонович, на условный срок, что он Вам обещал, никак не тянет, да и доказать это при такой линии защиты практически невозможно. По версии адвоката, пистолет Вы взяли с журнального столика, где он лежал. Пистолет Макарова зарегистрирован на Арсения Боброва, у него есть разрешение на ношение оружия, ведь он служит начальником охраны у Туманского. Но, если пистолет лежал на столе, то вряд ли он был в боевом положении. И для того, чтобы произвести выстрел, Вам нужно было снять его с предохранителя и передёрнуть затвор, дослать патрон в патронник. А эти действия судья никак не сможет квалифицировать, как непредумышленные, значит – Вы взяли пистолет со стола, имея намерение убить Андрея, а не напугать. Так что, будем ждать нового адвоката, или...

– Или. Я, конечно, не юрист и не разбираюсь в тонкостях юриспруденции, но я математик, и удар по голове не лишил меня способности логически мыслить. Не скрою, сразу, как только мне предъявили обвинение, у меня был шок, я не мог собраться с мыслями, потому и отказался отвечать на вопросы без адвоката, но теперь я всё продумал и готов, как у Вас принято говорить, сотрудничать со следствием.

– Ну, вот и хорошо, давайте сотрудничать. Слушаю ваши соображения.

– Скажите, Виктор Борисович, если человек стреляет из пистолета, он твёрдо и прочно сжимает его рукой, ведь отдача у ПМ неслабая, так?

– Конечно, именно так.

– Следовательно, отпечатки пальцев будут носить определённый характер, подтверждающий то, что пистолет плотно сидит в руке?

– Согласен, продолжайте.

– А если пистолет вложен в расслабленную руку того, кто лежит без сознания, отпечатки пальцев будут носить иной характер?

– Конечно, мы отработаем эту версию с криминалистом. Но этого мало, Сергей Иванович, слишком мало. Против Вас два свидетеля и орудие убийства, судья не станет обращать внимания на характер отпечатков, для него важно, что они есть. Да и на объективность суда Вам рассчитывать не стоит, думаете, если Туманский смог перекупить Гордона, он не сможет подкупить судьбу? Вам нужен свидетель, хотя бы один свидетель. Вы не заметили, в комнате кроме Вас троих никого не было? Может быть кто-нибудь из прислуги?

– Нет, не было никого.

– Это плохо. Вы говорили, что слышали, как открылась дверь? Значит, в соседней комнате кто-то был? Вы не успели рассмотреть.

– Несомненно, в комнате кто-то был, не сама же дверь открылась, но рассмотреть я никого не успел, всё произошло мгновенно. Хлопок двери. Выстрел. Удар по голове.

– Кстати, чем меня ударили?

– В заключении криминалиста сказано: «Удар был нанесён тупым твёрдым предметом».

– Это могла быть рукоятка пистолета? Меня ударил Бобров, якобы в целях самообороны, но ведь не я, а он держал в руках пистолет!

– Конечно. Похоже, что именно рукояткой пистолета Вас и ударили.

– Тогда, как я понимаю, на рукоятке должны остаться следы? Ну там, частички кожи, капельки крови, понимаю – пистолет протёрли, и всё-таки?

– Даже если пистолет и протёрли после удара, то следы мы всё равно найдём, устранить их полностью за столь короткое время невозможно.

– Ещё, Виктор Борисович. По версии Гордона, во время выстрела пистолет был у меня в руке, как он мог оказаться у Боброва? В течение секунды, которая отделяла выстрел от удара по голове?

– После выстрела Вы могли выронить пистолет, в конце концов, Бобров мог просто выхватить его из Вашей руки.

– Но тогда на пистолете, кроме моих отпечатков, должны быть отпечатки пальцев Боброва?

– Кроме Ваших, никаких других отпечатков на пистолете нет.

– Вот! Значит, перед тем, как вложить пистолет в мою руку, его успели протереть! Значит, стрелял не я!

– Всё это так, Сергей Иванович, всё так, только, всё равно, этого мало, слишком мало, чтобы доказать Вашу невиновность. Свидетели нужны. А все свидетели против Вас.

– Я не понимаю, Виктор Борисович! Ведь Туманский всё видел и точно знает, кто убил Андрея. Знает, что это Бобров. Так почему же он выгораживает его и подставляет меня? Ведь убит не кто-нибудь, а его сын! Родной сын! Как же так?

– Всё просто, Сергей Иванович, очень просто. Если сядет Бобров, то он потянет за собой и Туманского, их связывает многое такое, чего Бобров на себя никогда не возьмёт, и будет топить Вадима Николаевича по всем эпизодам, а за Вадимом есть такое, чего и в криминальном мире не прощают, а там законы по-жесточе наших. И если Туманский окажется на зоне, то живым ему оттуда уже не выйти. Так что дело вовсе не в отцовских чувствах, Вадим не только свободу свою спасает, на кону его жизнь. Потому не станет он в Вашу пользу свидетельствовать, – следователь помолчал, тяжело вздохнул и повторил, – свидетель нужен, очень нужен.

– Есть свидетель! – дверь кабинета распахнулась, и в него влетела Алиса. – Я, я свидетель! Это я была в соседней комнате, я всё видела! Всё! В Андрея стрелял Бобров!

– Рассказывайте, Алиса, рассказывайте! Всё, что видели, всё, что знаете, – сказал Виктор Борисович.

– В тот день я пришла к Вадиму Николаевичу, чтобы окончательно выяснить наши взаимоотношения. Я хотела сказать, что никогда не выйду за Андрея. Тогда я ещё и не знала о Вашем похищении. Он сказал, что ждёт кого-то, у него должен с минуты на минуту состояться важный разговор, он попросил подождать в соседней комнате. Я не знала, что они ждали Вас. Говорили тихо, я не могла разобрать слов, но последние слова Вадима Николаевича я хорошо расслышала, он сказал это громко, он кричал на Боброва.

– И что же он кричал?

– Он крикнул: «Спрячь вольту, Бобёр! Ты что, совсем идиот? Не сейчас и не здесь!». Я поняла, что должно произойти что-то ужасное, я открыла дверь и всё увидела. Нет, дайте лист бумаги, я лучше нарисую, кто где находился в момент выстрела.

Следователь дал Алисе лист бумаги и шариковую ручку, и она быстрыми, точными движениями набросала план комнаты.

– Вот. Здесь стоял диван, на диване сидел Вадим Николаевич, здесь – кресло, в нём Сергей Иванович, здесь – второе кресло, в нём сидел Бобров, в руке у него был пистолет, он целился в Сергея Ивановича. Между креслами и диваном – журнальный столик, на столе лежал листик, исписанный рукой Вадима Николаевича. Какие-то цифры. Напротив Боброва, у окна, стоял Андрей, он курил, видимо, нервничал, в пепельнице было много окурков. Когда я открыла дверь, Бобров обернулся и увидел меня, он никак не ожидал, не думал, что я здесь, в соседней комнате. Когда он повернулся, рука с пистолетом ушла в сторону, и оказалось, что пистолет теперь направлен в сторону Андрея. Бобров узнал меня. От неожиданности он вздрогнул и нажал на курок. Пуля попала прямо в лоб Андрею. Потом все вскочили, Бобров задел журнальный столик, и тот опрокинулся, Сергей Иванович тоже вскочил и повернулся, и Бобров ударил его рукояткой пистолета по голове. Сергей Иванович упал. Я страшно испугалась и выбежала из дому.

– Вы наблюдали картину происшествия какие-то доли секунды, ведь так? – спросил Виктор Борисович.

– Да, всё произошло мгновенно.

– Как же Вы успели всё так хорошо рассмотреть? Рассмотреть и запомнить? Да ещё и в таком возбуждённом состоянии?

– Но у меня глаз художника, мне достаточно одного беглого взгляда, чтобы запомнить все мельчайшие детали обстановки. Это помимо моей воли, чисто автоматически, профессионально.

– Вы художник? Никогда бы не подумал, – сказал Виктор Борисович.

– Да, – ответил я, – я видел картину Алисы. Это шедевр!

– Так почему же Вы сразу не рассказали всё?

– Я рассказала, рассказала отцу, он нанял адвоката, и я потом повторила господину Гордону всё, что только что рассказала Вам.

– И что господин Гордон?

– Он сказал, чтобы я об этом никому ничего не говорила, он убеждал меня, что мои показания только навредят Вам, – Алиса смотрела на меня широко раскрытыми глазами, – Марк Соломонович говорил, что он уже продумал линию защиты, обещал, что полностью снимет с Вас обвинения.

– А в чём заключается его линия защиты, он Вам не говорил? – спросил следователь.

– Нет, но он обещал, я поверила ему, ведь он лучший!

– Да, лучший, но не для всех, – сказал Виктор Борисович. – А когда Вы узнали, что он просто топит своего подзащитного? Когда догадались?

– Уже после того, как Вы отказались от его услуг. Марк Соломонович пришёл к моему отцу, чтобы вернуть деньги. Он был очень, очень расстроен, сказал, что этим отказом Вы сами подписали себе приговор. Тогда он и рассказал о своих планах. Я поняла – он вообще не собирался Вас защищать! Ведь я всё, всё ему рассказала, а он сказал, что мои показания не будут иметь в суде никакой силы. Я сразу же прибежала сюда, к Вам. Вот. А что, мои показания, действительно, не будут иметь силы?

– Ну, почему? Почему Вы так решили? Потому, что господин Гордон так сказал? – усмехнулся следователь.

– Ну, ну, я, в некотором смысле, заинтересованное лицо, – растерянно прошептала Алиса.

– Заинтересованное лицо? – удивился Виктор Борисович. – Но Вы ведь не родственница Сергею Ивановичу. Почему? Почему Вы так решили?

– Да потому, – Алиса посмотрела мне прямо в глаза и выпалила на одном дыхании. – Потому... потому... Потому, что я люблю Вас!

– Боже! Алиса! Милая девочка, если бы не эти трагические события, Вы бы никогда не сказали мне этих слов! Да и я бы никогда не посмел признаться Вам в своих чувствах.

– Но, почему?

– Да потому, милая моя Алиса, дорогая моя Фрези Грант, что судьбы у нас разные, ведь мы же с Вами из разных миров.

– Нет-нет, Вы ошибаетесь, ошибаетесь, дорогой мой Гарвей, мы из одного мира, мы оба с Вами из волшебной сказки, из мира, созданного Александром Грином!

ОЛЕГ СЕШКО

ЗЕМЛЯ ОПОЯСАНА РУНАМИ

ВРЕМЯ

Вдоль причала усталой памяти
Расцветало время да выцветело,
Стало время ликом, как сныть бело:
«Не хочу, – кричит, – по часам идти!»

Быть безумной гранёной полночью,
Сном разбитым, забытым именем.
Ведь не зря для себя ты выменял
Две судьбы на одну невольничью.

Стань холодной бедовой рыбиной,
Ощути чистоту дыхания.
Буду полнить тебя стихами я,
Шелуху ты в моря отрывивай.

То, что днями-годами прожито,
Разберём по костям сознания.
Править душу легко в изгнании,
Одиночество примешь кожей ты.

Соль морская под небо вытолкнет,
Если дно ощутить не боязно.
Через горы по жизни – поездом,
Пусть завидуют – мой воспитанник.

Поживёшь, доброты поделаешь –
За похлёбку. Забудь про золото.
Будет к старости детство в пору, то
Значит ты человек не тело лишь.

Значит, жалость тобой не изгнана,
Значит, мир твой в душе незыблемый.
А иначе – вернёшься рыбиной
И мы вместе начнём всё сызнаова.

ПТИЦЫ

Это не важно, сынок, что апрель ещё,
 Будет июнь, мы насыпем поболее,
 Ты не жалея ни печали ни боли им,
 Птица голодная – жалкое зрелище.
 Чуть отойди, приоткрою ворота я.
 Славные птахи, найдёшь ли ты где таких.
 Вырастить только бы к лету нам деток их,
 Просятся в небо птенцы желторотые.
 Крохи совсем. Подождём до июня мы,
 Рано ещё им лететь за родителем,
 Тише цыплята, надеюсь, простите нам,
 То, что Земля опоясана рунами.
 Крылья окрепнут, обучитесь пению,
 Горе земное взойдёт разнотравием,
 Небо тогда распахнётся во здравие,
 Выпущу к людям, имейте терпение.
 Вдоволь напьётесь печали, страдания,
 Скорби горячей, холодной апатии.
 Самые вкусные слёзы у матери,
 Той, что детей отдала на закланье.
 Слёзы мужские безумно полезные,
 Редко встречаются, дорого ценятся.
 Девичьи слёзы – пустая безделица,
 Слёзы ребёнка – роса поднебесная!
 Знаешь сынок, там хватает питания,
 После недели птенцам не до родины.
 Твари, которых с тобою разводим мы, –
 Птицы мечты, по земному преданию.
 То, что заложено в этом понятии,
 Необъяснимо с позиции вечности.
 Сила мечты в глубине человечности.
 Но... это тема другого занятия.

ВРЕМЯ ХЛЕБА

Ты наелся? Крошишь пищу.
 Плохо людям, птицам горше.
 Я порву себя, где тоньше,
 И тогда родятся птицы
 Из небесной половины.
 Из другой родятся змеи,
 Ими я проникну в землю.
 Сброшу кожу там, где дремлет,
 Танец юной Саломеи
 Ослепительно невинной!

Слово снова пустит корни,
 Изовьются строки танцем,
 Жизнь твоя застынет глянцем,
 В тонкой линии на горле,

Обозначенной пунктиром.
 Для тебя готово блюдо –
 От птенцов за пиццу плата.
 Было бренно, станет свято!
 В каждой крошке зреет чудо,
 Чтобы царствовать над миром.

Наступает время хлеба
 Для героев и поэтов,
 Время подлинных рассветов,
 От земли летящих в небо,
 Торжествующих над смогом.
 Откровение – за счастье,
 За любовь – одну страницу!
 Ты сегодня крошишь пиццу,
 Я делю себя на части –
 Два пути с одним итогом!

ЛЁТЧИЦА

Тесно собаке в комнате, в старом промозглом хосписе.
 Голуби в лунном омуте песни поют о космосе,
 Мухи влетают в форточку: «“Хай” тебе от поклонников!»
 Ангелы чешут мордочки, сидя на подоконниках.
 Смотрит на всех растеряно, зависть во взгляде вышита.
 Кажется – не растение, а не взлетишь повыше-то!
 В ухе свербит высотами, хочется в небо коршуном.
 Пчёлкой жужжать над сотами тоже ей не положено.
 «Кто он великий выдумщик, “Главный над эскадрильями?”
 В хоспис его бы вытащить, вдруг нарисует крылья мне.
 Боль заберёт нечаянно (счастье когда-то было ведь).
 Ноги вернёт хозяину, дело за малым – выловить!
 Значит, прорваться к выходу, лапы в пути изнашивать.
 Ангелы с жиру пыхают, вот бы хлебнули с нашего –
 Толстыми стали, ленными! Эх, проморгали прошлое...
 Нынче-то здесь, за стенами, служба им стоит дешёво.
 Чёрт с вами, спите, толстые. Вам не поднять хозяина.
 Помню, бежала вёрстами, в небо смеялась, лаяла...
 Таял хозяин куполом, белой снежинкой ласковой;
 В зиму летели кубарем, резали снег салазками,
 Падали в реку буйную, шторм побеждали аховый,
 Пели под шестиструнную, чай разбавляя сахаром.
 Ангелам было весело, резвыми были, жаркими.
 Двадцать второго вечером в пух разодрались ангелы,
 Сгинули той же полночью. Не было двое суток их.
 Скоро пять лет исполнится случаю с парашютами...
 Спят, не летают год уже. Крылья примерить хочется.
 В самую пору, то-то же! Станет собака лётчицей.
 Тсс, погодите, что-то здесь... что-то не очень правильно...
 Спите, не будьте жмотами. Ноги бы для хозяина».

Над перелеском, хатами, над одинокой хижинкой
 Выла стихи хвостатая, верная, тёмно-рыжая.
 Жалась к больному, гордому, грела крылами пыльными.
 Сказку слагал за городом «Главный над эскадрильями».

НАСТЯ

Газета «Красная звезда», страница восемь:
 На двадцать танков – пистолет и десять ружей.
 Сегодня Настя снова чërта ждёт на ужин,
 Бюстгальтер с летнего плеча сползает в осень.
 Знобит, коробится внутри, дождит слезливо,
 Нашла от прошлого ключи, взглянув под коврик.
 Жених – безусый лейтенант, не подполковник.
 Сменить коньяк с «Алиготе» на спирт и пиво,
 Гулять от взгляда до любви, и душу – в клочья,
 Сегодня тело – шоколад, кипеть в экстазе.
 Пускай заблудший старый лес поёт Настасье,
 И чёрный город, приобняв, целует сочно.
 Пускай державные кресты гудят молитвой,
 Горячей кровью над свечой густеет пламя.
 Судьба поджала куцый хвост, объевшись днями.
 Так что наивно расплыться, друг мой ситный.
 В беде всеильны, как всегда, одни лишь черти,
 В беде глухие небеса помочь не смогут.
 Всё, что просила, расцвело полночным смогом,
 Не достучаться до небес мне бабьим сердцем.
 Там наверху жируют, пьют, гуляют, спят ли?
 Для них одиннадцать ребят – пустая строчка...
 Нет больше в тексте запятых, поставим точку.
 Всё, что зовётся пустотой, живёт навряд ли.
 Почему, скажи ты мне, живых людей – под танки?
 Любых богов мой подполковник стоил дюжин!

Сегодня Настя снова чërта ждёт на ужин,
 А к ней опять, в который раз, приходит ангел.

Искренность в глазах мелькнёт язвительно –
 Стылый пепел не взовьётся пламенем.
 Старый город псом явился каменным,
 Прошлое когтистой лапой вытянул.
 Сгорбился, на завтрак душу вылакал,
 Хвост поджал и спрятался в болотине.
 Будет вам зима в снегах без осени,
 Где литвин поднимет меч на викинга.
 Родина – дурная, злая, нищая;
 Бабий стон, алтын за честь отцовскую.
 Будет сталь калиться по Островскому,
 Будет тьма, и люди будут пищей ей.
 Песнями спасайтесь, станьте чувствами,
 Чувствуйте друг друга да обряцете.
 Время только в чувствах настоящее,
 В той любви, что мечется без усталы,
 Что в своём безумье окрыляется.
 Жить любовью, слышать сердце божее –
 Лишь тогда переродится, может быть,
 Старый город во «святого агнеца».

Может быть, у ног свернётся в горе он,
Бросит беспардонность беспородную
И, уткнувшись в руки доброй мордюю,
Вдруг добавит вас в свою историю.

ОН – ЛЮБОВЬ

Бог не терпит валяться весной в снегу,
До рассвета он снег языком слизал.
Я убит, я плавлю по людским слезам
Вроде старой кастрюли с мясным рагу.
Мимо совести нации в кислых щах,
Мимо школы приветствия «Хайль и ко»,
Мимо скромного кербера – Ха-Ти-Ко,
Мимо старого страха в свой новый страх.
Я ломлюсь в городскую людскую грусть,
Я кричу в неё: «Зажило. Мне не лги».
Разлетаются пули, во тьме легки,
Будто бабочки, каждая в чью-то грудь.
Под растерянной памятью тень в окне.
Разбиваются мысли о взгляд: «Забыт?»
Я давалось, запивая капелью спирт,
Я домой прорываюсь к тебе – жене.
В белой роще, у нашей с тобой ольхи,
Где слетают куплеты на струны строк,
Ловит совесть на истину хитрый бог,
Просто так отпуская на свет грехи.
У него каламбурами полон рот,
Он любого заварит в обед и съест,
Что земля для него? Шестипальный крест
На одной из пробитых насквозь аорт.
Он – любовь, он забрал спелый дождь из ...бря,
И последнюю ночь – соловьиный пух,
Мы теперь существуем в одном из двух,
Мне случилось начаться внутри тебя.
Он – любовь, по судьбе полоснул ножом,
Чтобы снова свести нас. Кольцо надень.
По Арбату в развалку шагает день,
День отдельный от вечности, день – шижон.

За тобой! Не отдам никому. Держись!
«Мы, приходим из праха, уходим в прах».
Бог – любовь, он слепой неразрывный страх
За мгновение смерти, в которой жизнь.

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ

БЕЗМОЛВСТВУЕТ ТАРВИЧЕСКАЯ ТЪМА

В ДАЛЁКОМ СЕНТЯБРЕ

*Есть горожанин на природе.
Он взял неделю за свой счёт
И пастерначит в огороде,
И умиротворенья ждёт.
Семь дней прилежнее японца
Он созерцает листопад,
И блеск дождя, и бледность солнца,
Застыв с лопатой между гряд.*

Сергей Гандлевский

Он дал разбегаться домашним
В том беспшабашном сентябре
И в одиночестве всегдашнем
Стал пастерначить во дворе.
Он горожанин по природе,
Но жить привык своим трудом.
Все близкие давно в разброе,
Скорей, в разездах за бугром.
Его туда ничто не манит
С глухого дачного двора.
Весь день шаманит-мандельштамит
Вокруг осеннего костра.
И созерцая бледность солнца,
Давно не ропщет на судьбу.
Страну пузатого японца
Он видел в каменном гробу.
В халате с шелковой кистью
Стоит, смиренный, между гряд.
Шумите, осыпайтесь, листья!
Ополоумей, листопад!
Всё стерпит чистая бумага,
А жизнь тошнее, чем недуг.
Он – благо гибельного шага,
Но вспомнить это недосуг.

СЛУЧАЙ НА КОСЕ

*Давай с тобой поедem на косу.
 Когда-нибудь. Хоть в прошлом, хоть в былинном.
 Не может быть такого в жизни длинной,
 Чтоб вечно продолжался Страшный суд,
 Чтоб лес был полон стреляных косуль...
 Готов молить хоть Господа, хоть джиннов,
 До старости ждать времени машину,
 Чтоб чёрную покинуть полосу...*

Сергей Главацкий

Пора, мой друг! Поедем на косу.
 В тот дивный край, былинный-лебединый,
 Ромашковый-фисташковый, полынный...
 Там переждём лихую полосу.
 Пускай без нас вершится Страшный суд,
 Сметая в бездну нерадивых джиннов,
 Крутых стрелков из затемнённых джипов,
 Которые давно меня пасут.

Но лес был полон стрелянных косуль.
 И мы стояли, как на поле брани,
 На земляничной солнечной поляне,
 Чуть уклоняясь от свистящих пуль.
 И в скорбной тишине садясь за руль,
 Я в сотый раз благодарил планиду.
 Как повезло смышлёному пиниту...
 Давай с тобой махнём на Иссык-Куль!

КУКИШ В КАРМАНЕ

*Говорили, что счастья не купишь.
 Оказалось, что это обман.
 Из кармана я вытащу кукиш,
 Полюбуюсь – и спрячу в карман.*

Татьяна Зубкова

Добротою меня не обкрутишь –
 Заявляю тебе, сорванцу.
 Из кармана я вытащу кукиш
 И с любовью к лицу поднесу.

На меня понапрасну не пялся,
 Можешь, парень, накликать беду.
 Я большим выпирающим пальцем
 Вновь по дуре-губе проведу.

Жизнь проходит в нужде и обмане.
 В тёмном небе кружит воронье.
 Шиш в кармане и вошь на аркане –
 Это давнее кредо моё.

Не сложилось у песни начало,
Сколько пролито девичьих слёз.
Ведь всегда мне судьба отпускала –
Обалденную фигу под нос.

Но в душе не бывает смятенья
И тем более – жалкой мольбы.
Это хитрое пальцесплетенье –
Знак моей непутевой судьбы.

Не пришлось погудеть в ресторане,
Не беда, проживём без затей.
...И по кукишу – в каждом кармане –
Для себя и для близких друзей.

ВДОХНОВЕННАЯ НЕМОТА

*Какое вдохновение – молчать,
особенно – на русском, на жаргоне.
А за окном, как роза в самогоне,
плывёт луны прохладная печать.*

Александр Кабанов

Какое вдохновение – молчком,
не прибегая к желвакам жаргона.
Плывёт луна над синевой затона,
как роза в самогоне, за окном.
Да, нет, не так. Пусть роза, но в ан,
как в блоковской преамбуле сюжета.
Над кармою проходят дни мои,
в молчание, без слова и без жеста.
Над рваной картой или над нирваной
безмолвствует таврическая тьма.
Страданье немо, музыка нема
с разбитой перепонкой барабанной...

Ребёнок спит. И ты, моя дотёпа,
заснула, так колхидна и хрупка.
Сын от меня – мы это знаем оба,
и ни к чему анализ ДНК.

КРЫША ЭТОГО ДОМА

*Крыша этого дома – пуленепробиваемая солома,
а над ней – голубая глина и розовая земля,
ты вбегаешь на кухню, услышав раскаты грома,
и тебя встречают люди из горного хрусталя.*

Александр Кабанов

Крыша этого дома – вот уж полвека не полота,
Сочный кочан капусты объела позорная тля,
Ты выбегаешь, увидев разрывы коктейля Молотова,
А навстречу тебе грузины из горного хрусталя.

Как они грациозны, осанисты и незлобливы,
 Смотрят орлиным взором на сотни лет вперёд,
 Их не страшат нисколько всполохи и разрывы,
 Встали, как стеклоблоки, загородив проход.
 Вынь из своих запасов бутылочку «Циннандали»
 Да погляди с улыбкой на дорогих гостей.
 Как запевают стройно мцхетские санадзари,
 И не слышать в округе нашенских кобзарей.

В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

*Был помоложе – бился над квадратурой круга,
 изобретал велосипед, перечитывал Мопассана.
 Что изменилось? Пью активированный google,
 перед компьютером выполняю асаны.*

Александр Мельник

Всё мне в новинку. Пью активированный google,
 давно позабыты привычные перепапки.
 Помню до эмиграции – посылал меня в пятый угол
 изобретатель велосипеда, живущий со мной в коммуналке.

И как всегда по утрам, после весёлой побудки
 перед компьютером выполняю асаны.
 Здесь мне уже не встречаются прежние полукурки,
 впрочем, никто не читает классика Мопассана.

Этот студент филфака, так страстно любивший Кафку,
 спорил со мной, бывало, веско и непреложно.
 Как ему там живётся? Всё ли ему по кайфу,
 или же всё по факу, да и это вполне возможно.

Но всё-таки наши диспуты я вспоминаю с восторгом,
 Бельгия, словно бестия, способствует ностальгии.
 Помню, ещё не вечер – между собакой и волком,
 на коммунальной кухоньке мы уже никакие...

ТАК И ЖИВЁМ

*Как сказал бы нам Эрих Мария Ремарк, –
 чтоб протыриться в самую суть вопроса
 посреди президентов и прочих ламак,
 надо выпить гранёный стакан «кальвадоса»...*

Сергей Мнацакян

Эх, сказал бы я вам, незабвенный Ремарк,
 Чтоб сумели протыриться в суть вопроса.
 Не понять до конца наш вселенский размах,
 Даже выпив гранёный стакан «кальвадоса».

Веет полураспадом с забытых полей.
Мы набрались с утра, средь убогого быта.
И глядит очарованно Хемингуэй,
Непреклонный боец и ценитель «мохито».

Подходи-ка к столу, неприкаянный мент!
Брось служебную блажь – мол, не пью до обеда.
Двери с петель срывает мятежный Винсент,
Как обычно, с початой бутылкой «абсента».

Мы озябли в силках среднерусской зимы.
Ну, давайте взглянём беспристрастно и мудро,
У кого одолжить до полочки займы?
Что не парень, то лох, что не девка – лахундра.

И пускай над страной кружит вороньё,
Нас вовек не сломать чужеродным вандалам.
Эх, ты, Венечка, горькое счастье моё,
На пустынном перроне с креплёным «агдамом».

МУЗЫКА ДУШИ

*Мы брали – ну и перебрали,
Затих наш умный разговор...
О чём играет на форте
Непросыхающий тапёр?*

Дмитрий Мурзин

Я морщусь, а сосед икает,
Окончен философский спор.
Вновь что-то мерзкое играет
Невразумительный тапёр.

Он голову склоняет набок,
Педадь отчаянно давя.
Что знает этот местный лабух
О парадигме бытия?

Сосед, покуда не набрался,
Сказал насмешнику в упор:
– Сыграй, халдей, сонату Брамса,
Возьми тональность си минор.

Он заиграл без интереса,
Немного медля на низах.
...Но как звучало интермеццо
Под пятизвёздочный коньяк.

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ...

*А жизнь глядит в окно порханьем воробьиным
И веткой, что в грозу тук-тукает:пусти!
Натруженным мячом, что, слава богу, мимо,
И парочкой фигур – столкнулись по пути.*

Наталья Новохатняя

Натруженным мячом играть мне нет резона.
Глянть-гляну из окна, и оторопь в груди...
Две парочки фигур воркуют так влюблённо,
Всего лишь миг назад столкнувшись на пути.

Мой музыкальный слух трепещет, как мембрана.
Бяк-бяк или прыг-прыг – какая благодать!
Пора, мой друг, пора с весёлым барабаном,
Как юный пионер, по улицам шагать.

Звяк-звякает карниз – вдали грохочут ливни.
О, сколько славных дел нам сделать предстоит!
И с каждым годом жизнь смелей и креативней
Пульсирует, пестрит и мелко дребезжит...

ПО ВОЛЕ ВОЛН

*Дальше от гама дневного,
быта с мольбой и тоской
в лодочке тихого Слова
плыть бы слепую рекой,
чтобы не видеть причала,
чтоб, за собою маня,
музыка где-то звучала
и не спасала меня...*

Сергей Пагын

Вдаль от родимого крова,
Снова рошца на судьбу,
В лодочке тихого Слова
Слабой рукою гребу,
Чтобы опять зазвучала
Музычка накоротке,
Так непривычно сначала
Правой... и левой руке.
Но не внимаю реченью,
Истине в зыбкой горсти –
Если плывешь по теченью,
Может, не стоит грести,
Чтобы в той темени нищей
Молча заплыть под мосток,
Вжаться в надёжное днище
И прикорнуть на часок,

Чтобы не видеть причала,
 Чтобы, от бед заслоня,
 Музыка сладко звучала,
 Но не будила меня...

ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

*и – жизнь пролетела, как Юра
 Гагарин над твердью земной.
 пусть небо надуилось хмуρο,
 forever ты вместе со мной.*

Евгений Степанов

последний червонец разменян,
 распатан непрочный остов.
 года пролетели, как Герман –
 и ёжику ясно – Титов.

на дачу повадились воры,
 мне с ними тягаться слабо.
 и что впереди? – nevermore,
 подсказка из Эдгара По.

опять заблокирован сервер,
 и ветром задуло свечу.
 но всё же – forever, forever –
 я, словно заклятье, шепчу.

пускай мне забвенье пророчат,
 не зря затевалась игра.
 в песочнице дружно хлопчут
 детишки из племени Ра.

НОЧНОЕ ПРИДЫХАНИЕ

*Давай на счете «два» с тобой вдохнём
 И выдохнем на счете «три-четыре».
 Мы будем долго жить в одной квартире...
 Давай на счете «два» с тобой вдохнём!*

Марина Сычева

День догорел. Давай с тобой вдохнём
 На счете «два». Но чур! – одновременно.
 Пускай соседи сотрясают стены.
 Давай с тобой, как следует, вдохнём!

Твой вдох проникновенен и глубок.
 Литая грудь. В плечах косая сажень.
 Хотя ты и курильщик с давним стажем,
 Твой вдох проникновенен и глубок.

Головкою растрёпанной кивну,
Мы выдохнем на счете «три-четыре».
Будь посмелей! Ведь мы одни в квартире.
Головкою растрёпанной кивну...

Давай теперь с тобою помолчим.
Как хорошо сегодня подышали!
Нас слышали за стенкою? Едва ли...
Но всё-таки давай-ка помолчим.

ЛОМКА ИСЦЕЛЕНИЯ

*...забвением веет от потерь,
вспять льётся летоисчисленье,
и одиночество — не зверь
ломающий, но — исцеленье.*

Олеся Рудягина

...года, как реки, рвутся вспять,
В смешные детские восторги,
Раскрыта синяя тетрадь,
Куда записываю строки,
Утих галдёж на небесах,
Пуста высокая обитель,
Мой ласковый и нежный — ах! —
Должно быть, маг и исцелитель.
Три утра начинался дождь,
А кажется, что все четыре,
Но ты меня давно не ждёшь,
В неясном зазеркальном мире
Забвением веет от потерь,
Хоть и бытует это мненье,
Что одиночество — не зверь,
А просто ломка исцеленья...

СМЫЧОК И СТРУНЫ

*я ж не музыкант а дурачок
ничего про музыку не знаю
главное что струны и смычок
вот уже и музыка сквозная*

Даниил Чкония

главное что струны и смычок
чтоб понять потребуются годы
но затем сограждане молчок
вот уже и первые аккорды

слышите звучит виолончель
словно ясным августовским утром
пролетает басовитый шмель
среди редкой поросли пюпитров

но понять не может инсургент
целый день промаявшись без дела
так устроен струнный инструмент
чтобы сердце плакало и пело

что с того а вроде ничего
или незначительная малость
было страшной мукой для него
то что людям музыкой казалось

и колки и струны и смычок
как это на деле интересно
что ты размахался дурачок
дирижёр берлинского оркестра

НАТАЛЬЯ СТЕРКИНА

ГРУППА X

Действующие лица:

Молодой человек – 30 лет.

Дама – 30-35 лет.

Девушка – 22-24 года.

Подушка – мужчина примерно 55 лет.

Проша – женщина примерно 55-60 лет.

Действие происходит в наши дни.

Сцена первая

Входят две женщины с грудой вещей на вешалках. Растерянно оглядываются.

1-ая. Кто же заказывал?

2-ая. Может быть, мы ошиблись адресом?

Слышатся шаги и входят Дама и Девушка (они несколько карикатурны, в них всё «слишком», например, слишком длинные рукава у пальто, слишком маленькая шляпка и т.д.)

Дама (*кидаясь к платьям*). Какая прелесть! (*разглядывая ценники*) И так дешево!

1-ая (*равнодушно*). Секонд-хэнд.

2-ая (*указывая на блузку*). Это 12 рублей.

Девушка (*хватая*). Потому-то я её и выбрала!

Дама (*роясь в одежде*). И это, и это...

1-ая (*протягивая квитанцию*). Распширитесь за доставку – с вас пятьсот рублей.

Дама (*возмущённо*). Платье 15, а услуги!

Девушка (*доставая кошелек*). Не спорь. (*Протягивая деньги*) Сдачи не надо.

1-ая (*вертя в руках купюру*). Здесь ровно пятьсот.

2-ая (*строго*). У нас положены чаевые!

Дама (*с досадой*). Ну, у меня нет мелких!

Девушка (*с нажимом*). Всего хорошего!

Женщины (*хором*). Хамки! Акулы капитализма!

Ворча уходят. Дама и Девушка начинают мерить вещи. Это пантомима, постепенно примерка переходит в потасовку – не поделили какое-нибудь платье. Наконец, утомившись, они усаживаются в каких-нибудь немислимых нарядах на пол и застывают, как куклы. Входит мужчина с огромной бутылкой воды.

Мужчина. Как же я хочу пить! Всегда хочу пить! И, заметьте, чистую воду!

Не глядя на сидящих в нелепых позах женщин, ложится и присасывается к бутылке. Появляется Пожилая Дама с огромной сумкой.

Пожилая Дама. А я вам гостинцы принесла.

Вываливает из сумки набор странных предметов, например, трубу от самовара, огранную шляпу, блюдо. Всё это раскладывает на полу и садится в позу лотоса. Вбегает Молодой человек.

Молодой человек (*громко*). Эй, вы, философы! Все в сборе? Мышь?

Девушка вскакивает, отдаёт честь.

Молодой человек. Лама?

Дама, кокетливо оправляя платье, медленно поднимается и делает книксен.

Молодой человек. Подушка?

Мужчина, прижав бутылку к груди, встает рядом с девушкой.

Молодой человек. Проша?

Пожилая Дама гибко перекачивается, делает мостик или кувырок и встает рядом с Дамой, взяв её под руку.

Молодой человек. Ну что, симулякры, в чём смысл жизни?

Мышь. Хотеть! Брать! Иметь!

Лама. Отобрать желаемое! Выиграть у уважаемого! Не быть любимой презираемым!

Мышь и Проша хлопают в ладоши – Браво, Лама, браво!

Молодой человек (*улыбаясь*). Недурно. Недурно! Подушка, а?

Подушка (*мнётся*). Н-ну, пожалуй... Нет... Ну, как сказать...

Молодой человек (*строго*). Не мямли!

Подушка (*с надрывом*). Да лучше вообще не задумываться! Вот моё кредо. Вот моя чистая вода... Вечный источник... Чистый... Да, вот формулировка (*чеканит*) смысл должен быть ясен, то есть прозрачен. А если неясен, то это не смысл!

Лама (*мягко*). Да ну тебя, Подушениця!

Молодой человек (*ласково*). Кис-кис, Проша, прошу. Прошу пани. Прошу просим.

Проша (*строго*). Хватит. Дешёвых каламбуров не терплю. Вот дешёво купить что-нибудь дорогое (*мечтательно*) В этом вижу смысл! И не я одна (*указывает на грудь вещей*). Правда, девочки? Что-то или кого-то всегда хочется иметь получше, чем у других... Хотя это и бессмысленно (*вздыхает*): что-то рвётся, кто-то умирает... А смысла? Я думаю, осмысленная жизнь – это жизнь без всякого смысла! Случилось, вот и живу. А радует меня добывание и отдавание... Люблю вот на блошинке что-нибудь купить и... подарить.

Все хором. Вот и смысл! Вот и смысл!

Молодой человек (*зычно*). Ну, отряд подопытных, становись!

Все встали в шеренгу.

Молодой человек. На первый – второй рассчитайсь!

Все. Первый-второй, первый – второй...

Молодой человек. Олрайт! Первые номера за мной! Вторые – убрать помещение! Ждать моих указаний!

Мышь и Подушка маршируют вслед за Молодым человеком. Лама и Проша как-то очень медленно и молча складывают в пакеты одежду, прячут бутылку. Входит Молодой человек, оглядывает пространство и, как тряпичных кукол, утаскивает их за собой.

Сцена вторая

На узких неудобных скамейках сидят друг напротив друга Молодой человек и Лама.

Лама (*с надрывом*). Но я же тебя люблю! Я только ради тебя, нет – из-за тебя, нет – просто для тебя, понимаешь для! Потому что я всё только для! Да, для тебя согласилась принять участие в этом бредовом эксперименте! Или шую? Не знаю в чём!

Молодой человек (*лениво*). Ну и не проиграла! И деньги, и интерес.

Лама (*истерически*). Мне не нужно! Мне ты нужен! Ты что не понимаешь?

Молодой человек (*слегка раздражённо, но весело*). Вот представь, не понимаю: что значит, «нужен». Нэ разумю.

Лама (*взвизгивая*). Не издевайся! (*устало*) Всё ты знаешь... Я дышу тобой, живу...

Молодой человек (*отворачиваясь, прикрываясь рукой*). Фу-фу, пошлость. (*Поворачиваясь, агрессивно*) Скажи прямо, чего ты добиваешься? Я с тобой что, не сплю? (*пауза*) Иногда...

Лама (*горько*). Спишь. Иногда.

Молодой человек (*ёрничая*). И? Что-то не так? Понятно – плохо люблю...

Лама (*в отчаянии, дёргая себя за волосы*). Р-р-р-р-р! Что мне сделать?! Как тебя убедить?!

Молодой человек (*поднявшись со скамейки, серьёзно, устало*). Да никак. Нет способа. Я не понимаю тебя, я не знаю, что ты там чувствуешь... Я много раз объяснял – я готов не спать с тобой, не касаться тебя, хотя, признаюсь, мне это сложно, я же привык (*протягивает к ней руку и отдёргивает*) Лишь бы ты не мучилась и... и (*раздражаясь*) не приставала ко мне! Не раздражала! Не грузила!

Лама (*вскакивая, испуганно*). Хорошо-хорошо-хорошо! Я не буду. Только ты будь! И не злись... И... И погладь меня по голове...

Молодой человек, несколько помедлив, гладит её по голове.

Лама (*глядя ему в глаза, тихо*). Но ты же... (*истерично*) Но ты же меня не любишь! (*отталкивая*) И мне от тебя только плохо! И сейчас даже хуже! (*Рыдает*) Ну что-что-что мне делать?!

Молодой человек (*отскакивая от неё, зло*). Да отвяжись ты! Откуда я знаю! (*убегает*).

Лама, всхлипывая, идёт за ним.

Сцена третья

Подушка лежит, закинув руки за голову. Входит Проша.

Проша (*ласково*). Кефирчик будешь? Почему-то запомнилось – работяги в обеденный перерыв, сняв каски, пьют кефир... С булкой...

Подушка (*приподнимаясь*). Можно и кефирчик. Тем более, что чего покрепче я не употребляю. Разлюбил. Давно.

Сидят, пьют кефир.

Подушка (*задумчиво*). И как занесло меня на эти галеры? Прочитал: тренинг, межличностные отношения, консультации, помощь... Ля-ля-ля... Тра-та-та... Избавление от комплексов... Бу-бу-бу. Мне всё это нужно! У меня проблемы... Пришёл, а тут мафия какая-то! Зомбируют... (*с тоской*) – И главное, не выбраться...

Проша (*устоявая*). Не переживай... Подумай-ка, неужели в той твоей жизни, где проблемы, неужели лучше? Люди лучше? Обстоятельства?

Подушка (*нервно*). Давай без подначек! Не лучше! Одиноко было, вот и... Но здесь не легче!

Проша (*равнодушно*). Там паршиво, здесь паршиво... (*игриво*) Что пройдёт, то будет мило! Ха – хо... (*закрывает глаза*) Можно, я тебе свой сон расскажу? Мне очень нужно кому-нибудь... Потерпишь?

Подушка (*дружелюбно*). Да пожалуйста! Я, знаешь, хорошей был жилеткой – мне все плакались... Давно когда-то... Давай-давай, Прошилда, не стесняйся!

Проша (*застенчиво*). Вот. Снится, будто иду я к родителям в гости, а мне встречается соседка и говорит: «Мама умерла». Я бегу, а дверь открывает мне... Нет, как вспомню... – мурашки... Это не отец – это трансвестит какой-то! Вроде, мать, но только выше, толще, шире... Статная (статный?), а лицо... Лицо – такой микс из черт отца и матери. Но я будто знаю, что это всё-таки отец. Такой отец! И всё – проснулась... А на душе гадко. И грустно... (*отворачивается, всхлипывает*).

Подушка (*задумчиво*). Жалко её...

Проша (*спокойнее*). Их жалко... Хотя я с ней... Да что говорить... Женское... Потому-то я и в группе...

Подушка (*добросовестно*). Нет, ну если по Фрейдю...

Проша (*с досадой*). А ну его к чёрту. Я тебе просто так рассказала – хотелось кому-то. Всё – «забей», как говорят теперь дети. Не думай.

Подушка (*терпеливо*). Попробуй, не думай: он теперь у меня пред глазами, этот твой трансвестит. Да у меня самого с родителями было...

Проша (*истерически*). Хватит! (*спокойнее*) И не представляй его себе... И не рассказывай мне о своих проблемах (*опять истерично*) с родителями!

Подушка (*повышая голос*). Ты что, сбесилась? Больно надо!

Уходя ворчит – «Не фига себе попил кефирчик...».

Проша (*всхлипывая, ему вслед*). Знаешь, как страшно: «мама умерла»? И отец такой... Не знаешь! Вот и молчи!

Подбирает всякий мусор, уходит.

Сцена четвертая

Сидят Молодой человек и Подушка.

Подушка (*застенчиво*). Я стал бояться, что человек мне будет что-нибудь говорить, рассказывать, а я не пойму. Точнее, я именно не понимаю – слышу слова, слышу, как буквы отстегиваются одна от другой, ну, как пуговицы из петель вываливаются... Напрягаюсь. Киваю, мол, понял, а не понимаю! Так неудобно... Думают ведь люди, что я придуриваюсь...

Молодой человек (*критически оглядывая его*). Да, видок у тебя... Впрочем, говоришь ты банальности... (*передразнивая*) «Как сердцу высказать себя, другому как понять тебя...»

Подушка (*затальчиво*). При чем здесь «Силенциум»? Я не о молчании! И вообще не об этом! А ещё я детей боюсь!

Молодой человек смеётся ему в лицо.

Подушка (*не обращая внимания, продолжает*). Они смотрят как-то так, вот, кажется, усмехнутся и обидят. Я прямо физически чувствую – обидят!

Молодой человек (*задумчиво*). Значит, слова не понимаешь, а мимику даже очень. Но только негативно... Понятно-понятно... Но меня-то ты понимаешь? Вот всё, что я говорю, понимаешь ведь? Значит, твоя программа работает избирательно... И клинит где-то, где-то...

Подушка (*не слушая*). Я просто говорю, а вы слышите! И всё! Моё звукоизвержение слышите! А понимать меня не надо! (*Плечет*) Не надо меня понимать...

Молодой человек (*присвистывает*). Фью...

Подушка рыдает.

Молодой человек (*презрительно*). Истерик! (*уходит*).

Подушка всхлипывает, сдерживает слёзы. Входит Мышь.

Мышь (*с интересом*). И вы плачете? (*Уверенно*) Значит, и вас жалко! Всех жалко, кто плачет... Хотя повод

бывает иногда такой смешной (*прыскает*) – вот Лама что-то такое выпила... Вроде бы сунцид... Ха-ха, но выпила недостаточно! И (*хохочет*) – её откчали! А она плачет-заливается, зачем вернули, всё равно же он не любит! Жалко её, хоть и чудно – как будто кто-нибудь кого-нибудь любит... Вас что, тоже не любят? (*с любопытством*).

Подушка (*успокоившись*). Я вас не понимаю!

Мышь (*раздражаясь*). Что тут непонятного? Твоя женщина тебя любит, не любит? А ты её?

Подушка напрягается, вытягивает шею, вслушивается...

Мышь (*в бешенстве*). Не придуривайтесь! Всем необходимо знать, любят его или нет! Жизненно необходимо! И ты не особенный! Что рожки корчишь? (*Подступая к нему, грозно*) Издеваешься?

Подушка тоже приближается к ней, всматривается в лицо.

Мышь (*отступая*). Да не нужен мне ты! Мне свой человек нужен: тот, кому я нужна! Но кто он? Где он? (*Вскликивает*) Почему не там, где я? А где я?!

Дико озирается. Отскакивает от Подушки. Убегает.

Подушка (*тихо*). Где ты? А я ведь почти не притворялся... Почти. Почти ничего не понял, почти ни на что душа не отреагировала, не отозвалась, только на это «Где я?!». Мисюсь, а Мисюсь, где ты?

Вприпрыжку убегает.

Сцена пятая

Молодой человек и Лама.

Молодой человек (*мрачно*). Ну почему же она такая?

Лама (*затравленно, ревниво*). Твоя милая? Кто?! Эта Мышь? Или кто?

Молодой человек (*с досадой*). Родина! Вот всё никак не могу понять, почему я в корзинке, полной копошащихся мучающихся и мучающихся созданий? Почему мы все не улыбаемся, а корчим рожки?

Входит Проша.

Проша (*любезно*). Рада вас видеть. Как у вас дела?

Молодой человек (*расплываясь в улыбке, с поклоном*). Вуди-алленно!

Проша (*с изумлением*). Как?!

Лама (*устало*). О кей.

Проша (*смущённо*). Я вас отвлекла? Извините. У меня один вопрос – я не очень разобралась в схеме: мне нужно сначала давать отдых правому полушарию или левому?

Молодой человек (*мрачно*). Вам можно обоим!

Проша (*смирненно*). Поняла.

Уходит.

Молодой человек (*бегая по кругу*). Надоело! Надоело! Надоело!

Лама (*протягивая к нему руки*). Но я же тебя...

Молодой человек (*с ненавистью*). Да что ты в этом понимаешь?!

Погрозив ей кулаком, уходит.

Лама (*сидит и начинает раскачиваться из стороны в сторону*). Что я понимаю? Что он понимает? Что они понимают? Да никто ничего! (*Вскакивает, грозит ему вслед*) Но ведь я знаю одно, что не знаю, почему без

тебя – сволочь, провокатор, садист, я не могу жить! То есть копошиться и пиццать в общей корзинке! Я хочу перестать быть, но у меня не получается! *(Плачет)* Не дали! Вернули! Но... я боюсь, боюсь, что удастся! Я боюсь процесса, я боюсь раствориться, исчезать... Процесса боюсь...

Рвёт волосы, мечется... Бьётся головой...

Выглядывает Подушка.

Подушка *(недовольно)*. Да тише вы! У меня медитация!

Лама *(кидает в него чем-то)*. Да пошёл ты!

Подушка *(кричит кому-то)*. У неё истерика!

Вбегают Проша и Мышь и утаскивают её, сопротивляющуюся.

Сцена шестая

Молодой человек *(сидит за столом кому-то говорит по телефону)*. Напрасно я её взял. Всю душу измотала – забодала своей любовью! Все в группе вполне адекватны, каждый, правда, на свой манер. Да, я их адаптировал. Как-то поживут ещё в нашем безумном мире. Да, по прейскуртанту. Да, и она. Завтра прощальный костёр. Песни-танцы, обмен адресами...

Входит Проша.

Проша *(трясаясь)*. Там-там-там... Простите, что побеспокоила...

Молодой человек делает ей жест – «подождите», что-то записывает, кивает. Проша стоит покорно, ждёт. Молодой человек над чем-то смеётся, притоптывает ногой, рукой же продолжает велеть ожидать.

Проша *(переминается с ноги на ногу)*. Там...

Молодой человек на неё грозно выглядывает. Наконец он заканчивает разговор, медленно поворачивается к Проше.

Молодой человек *(нарочито спокойно)*. Ну что «там»? Что вас напугало?

Проша *(со слезами)*. Там Лама висит!

Молодой человек *(устало)*. Где висит? На чём висит?

Проша *(ошарашенно)*. Совсем висит...

Молодой человек *(укоризненно)*. Ну, тоже мне Актёр! Чёрт! *(Нервно)* Ну зачем песню-то портить напоследок!

Приговаривая что-то, увлекает за собой Прошу.

Сцена сельмая

Вокруг висящей Ламы сидят Мышь, Подушка, Проша. Стоит Молодой человек с указкой.

Молодой человек *(назидательно)*. Вот вам пример, как не надо поступать! Лама прошла почти весь курс, прекрасно овладела межличностными отношениями, но... *(делает паузу)* решила углубиться в анализ собственного либидо. Без спросу. Зачем?! Ничего же не нашла, ибо ничего там и нет! И решила не быть *(вздыхает)*, ну разве за курс небытия вы заплатили деньги?!

Все хором. Нет!

Молодой человек *(с облегчением)*. Правильно! Вот с вами всё в порядке. Завтра прощальный ужин... А её что ждёт? *(пожимает плечами)*.

Подушка *(вскакивает, с укором)*. Вы хоть понимаете?! Она же вас... Эх!

Машет рукой, уходит. Проша и Мышь переглядываются.

Мышь. Ушёл... А напрасно.

Проша (*пожимая плечами*). Надо бы уж последний день дожить. Дотерпеть...

Мышь (*кивает, показывая на раскачивающуюся Ламу*). Ей же ведь уже не поможешь...

Молодой человек с любопытством наблюдает за ними.

Молодой человек. Черепахи! А я, пожалуй, верну вам деньги за эти сутки!

Швыряет им в лицо купюры и выталкивает их. Они уходят, негодуя и ворча. Молодой человек бродит вокруг Ламы.

Молодой человек. Боюсь. Боюсь. А ведь жалко-то как! (*Надрывно*) Ещё час назад сидела здесь, ныла, страдала. И... (*пауза*) Всё? (*шёпотом*). (*Громче*) Непонятно. (*Покачивает её*) Непонятно. (*Отходит, смотрит с любопытством и ужасом*) И всё?! И вот так?! (*Приближается. Смотрит на неё пристально, гладит по ногам*) Нет, всё же я что-то чувствую! Говорю: «жалко» – чувствую «жалко». (*Плачет*) Жа-алко...

Обнимает её ноги крепче. И плачет всё громче и громче. Как акробат повисает на её ногах и раскачивается с ней всё сильнее и сильнее...

«ФОНОГРАФ»

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

ВРЕМЯ МИФОВ

Они возникают и слева и справа – отовсюду. И легковверные ловят мифы на лету. Как в анекдоте.

«Один поляк говорит другому:

– Знаешь, кем оказался Папа Римский?

Тот хватается за голову:

– Не может быть!»

...Известный писатель сделал открытие. Дескать, «Диплом рогоносца», который Пушкин получил 4 ноября 1836 года, сочинил он сам и сам себе (и другим) послал. «Доказательства» на нескольких страницах. А какие вообще нужны «доказательства», когда заранее понятно, что поэт, готовый на смерть, защищая честь своей жены, **не мог** задумать пасквиль, обличающий её в измене! Не тот был человек, не тот менталитет, не наш с вами современник...

А другой борзописец решил хорошо заработать, сочинив за Пушкина некий его тайный «Дневник 1836 года», в котором персонаж, названный Пушкиным, подробно описывает не только якобы свои маниакальные сексуальные выверты, а ещё со смаком живописует поведение в постели собственной жены.

Опять же – нужны ли экспертизы текста, доказательства подделки, когда за версту видно, что Пушкин, даже если бы так думал, никогда не стал бы **записывать** ничего подобного о своей жене. Он же, повторяю, не из наших современников, давно утративших дворянское (или рыцарское!) понятие о чести...

Увы, борзописец действительно солидно заработал, книжку раскупили, перевели на несколько языков – падких на сенсацию всегда найдётся предостаточно!

Который век находятся любители доказывать, что «Слово о полку Игореве» – подделка 18-го века. А попробуйте себе вообразить, кому это могло быть нужно? Анонимно трудиться ради малозначительного эпизода древней истории (неудачный поход, плен)? Мистификатор ради славы Отечества взял бы эпический, героический сюжет, не иначе! Я уже не говорю о том, что не было при Екатерине человека, обладающего такими знаниями и таким талантом, чтобы сочинить такой апокриф!

Кирилл Владимирович Ковальджи (14.03.1930 – 10.04.2017). Поэт, прозаик, литературный критик и переводчик. Родился в селе Ташлык (Бессарабия, сейчас – Одесская область). Детство и юность провёл в Аккермане (с 1944 г. – Белгород-Днестровский) и Одессе. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался с 1947 года, в т.ч. в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность», «Огонёк», «Арион», «Нева». Член СП СССР с 1956 года. Секретарь Союза писателей Москвы (1992), Союза писателей XXI века, Русского ПЕН-центра. Член Южнорусского Союза Писателей (2013), редакционного совета журнала «Южное Сияние», жюри арт-фестиваля «Провинция у моря». Автор более двадцати книг, среди которых «Испытание» (1955), «Пять точек на карте» (1965), «Лиманские истории» (1970), «Кольца годовые» (1981), «Лирика» (1993), «Невидимый порог» (1999/2000), «Обратный отсчёт» (2003), «Зёрна» (2005), «Избранная лирика» (2007), «Дополнительный взнос» (2012). «Моя мозаика или По следам кентавра» (2013), «Сонеты» (2014) и т.д. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2006).

А в наши дни?

Тысячи «свидетельств» об инопланетянах, о левитации, о телекинезе. А зачем тысячи? Мне бы всего одно – проверенное. Некий кавказец увлекательно рассказывал для СМИ, как его инопланетяне на три дня похитили и как обо всём выспрашивали... Потом оказалось, что он так сначала объяснил жене свое трёхдневное отсутствие, она, поверив, всем рассказала и ему деваться было некуда от репортёров...

Где-то вышел целый труд доказывающий, что американцы не были на Луне. Дескать, мистификация, инсценировка в павильоне. А ведь наши (и не только наши) радиолокаторы (или как они там называются?) внимательно отследили весь путь американцев туда и обратно! Смешно, но многим очень захотелось поверить в эту туфту.

Кошунственно, когда уничтожение «Близнецов» 11 сентября в Нью-Йорке приписывается американским спецслужбам. Им, мол, нужен был повод для вторжения в Афганистан. А может ли кто-нибудь вообразить себе, как это спецслужбам удалось уговорить 19 (!) человек стать самоубийцами, направляя самолёты на здания! Такое под силу только религиозным фанатикам – современным зомби Аль Каиды и им подобным.

Другие мифы ещё более круто замешаны на политике. Сталин, например, запустил в обращение неуклюжий миф о том, что пакт Молотова-Риббентропа позволил Советскому Союзу отодвинуть границу на запад, тем самым уменьшив шансы немцев на блиц-криг. Эта версия охотно повторяется и по сей день.

А случилось как раз наоборот. Пакт придвинул Германию к нашей стране, создал общую границу с немцами, – до этого её не было, Гитлер не мог напасть на нас, тем более – внезапно! При этом замалчивается, что Гитлеру нужен был пакт для нападения на Польшу, иначе Германия опять оказалась бы между двумя фронтами: Англия и Франция на западе, СССР на востоке. Другое дело, что через два года так и получилось...

Муспируется утверждение, что секретного протокола к Пакту не было. А предъявленные документы – якобы фальсификация времен Горбачёва. Где фальсификаторы? Кто их привлёк к ответственности?

Смехотворное утверждение. Согласование интересов СССР и Германии не могло не быть. Представители обеих сторон вовсе не были простачками, пускающими события на самотёк. В действительности все пункты секретного протокола (разграничение «зон влияния») были выполнены в срок. Без удовольствия немцы согласились, что Бессарабия отойдёт к СССР, но на деле Сталин предъявил претензии и на Буковину. Гитлер упёрся. Тогда был найден компромисс, к СССР отошла только часть Буковины – северная.

Ещё печальней – упорное возвращение к трагедии в Катюни. Давно уже ясно, что это – преступление НКВД, однако всё ещё появляются увесистые «исследования», утверждающие, что убийство поляков – дело рук немецких оккупантов. А при этом нарочно упускается из виду простой вопрос: где доказательства, что лагерь с поляками попал в руки немцев?

Если существовал такой лагерь в 41 году, то его должны были немедленно эвакуировать (немцы далеко не сразу оказались под Смоленском!). Если приказ об эвакуации не был выполнен, то кто был за это наказан? Где имена начальника лагеря и его подручных? И что с охраной? Она разбежалась? Тогда и поляки разбежались бы. Или охранники остались и сдались в плен, передав поляков немцам?

Нет и не было никаких свидетельств. Почему? Да потому что лагеря уже не было, все поляки погибли ещё весной сорокового года...

И так далее.

Якобы Горбачёв развалил СССР. А ведь ГКЧП объявил Горбачёва недееспособным, ослабил центральную власть и тем самым дал повод республикам разбежаться. Что они и сделали немедленно – прямо начиная с 23 августа 1991 года. Декабрьские события того же года только подтвердили то, что уже произошло.

Такое впечатление, что гражданская «холодная война» продолжается, стороны не слышат друг друга и слышать не хотят. Стало привычным, что во время телевизионных дебатов оппоненты непременно стараются перекричать друг друга – никто их не учит, как себя вести перед миллионной аудиторией. Хороший пример благосовитанности! Хороший пример для подражания молодому поколению!

Я бы каждому спорщику дал отдельный микрофон, чтобы ведущий мог отключать того, кто нарушает правила поведения...

МЕЖДУ ЛЕВОЙ И ПРАВОЙ РУКОЙ

Любовь – это замечательно, но она порой оборачивается ненавистью. «Если тронешь страсти в человеке, то, конечно, правды не найдёшь», – говорил Есенин.

Я не из тех, кто считает, что цивилизация погибла или гибнет. Она болеет.

У меня, как у литератора, своя болевая точка: культура, её национальное и сверхнациональное признание.

Дружба народов – лозунг советский, но стремление человечества к единству поверх различий – это на повестке дня, сейчас и надолго. В моём родном краю, в Бессарабии, я национальностей не различал, я рос среди конкретных людей и то, что они были разного происхождения, веры, обычаев и знали по несколько языков – было естественным. Люди делились на хороших и плохих, умных и глупых и т.п.

Что сказать теперь? Действительно, жалко, что в постсоветском пространстве появились границы, таможи и прочие прелести там, где их никогда не было (в то время, как в Европе, напротив, границы стали прозрачными). К тому же новые государства кое-что потеряли. Украинец не чувствовал себя чужестранцем в Мурманске или Владивостоке. Теперь его детей будут учить, что Одесса-мама – родина, а Ростов-папа – загнилица?

Предстоит работа на согласие, взаимопонимание, сближение. Прежде всего, духовное, культурное. Почему мы не пропагандируем, начиная со школьной скамьи, чувство общности с «ближним зарубежьем»? Почему забываем литературу, язык, музыку бывших советских республик? Неужели только английский язык нам нужен и американские шлягеры?

Здравый смысл подсказывает, что отстаивать свой интерес хоть и нормально, но в меру. Клан (и класс!) отстаивающий только свои интересы в результате оказывается у разбитого корыта. Так им и надо, сказали бы мы, если б это не касалось всех людей, всего мирового организма. Не может нога или печёнка отстаивать исключительно свой интерес – сугобо свой (сепаратный) интерес имеется только у раковой опухоли.

Слишком большую цену за правду платить нельзя («мы за цену не стоим», «и, как один, умрём в борьбе за это!»). Фанатики-правдолюбцы тоже опасны: убивают ради своих убеждений. Лучший способ бороться против зла – делать добро, творить, созидать (пусть не всегда возможно, но стремиться к невозможному – нужно!). В этом суть религиозных учений.

Дружба народов... Сколько такта и терпения надо проявлять в этой минированной области!

Даки и римляне, воюя, не думали, что они породят румын. Румынский урок для мира – это почтительное уважение к своим предкам, между собой когда-то враждовавшим, – и победителям и побежденным. Но – увь. Для этого «примирительного» менталитета потребовалось не одно столетие. Сегодня не видно никаких близких перспектив для примирения – в Европе (мигранты), на Ближнем Востоке и Северной Африке (фундаменталисты)... Фанатизм как зараза распространяется быстрее СПИДа. Трудно быть оптимистом. Но иного не дано...

В каждой нормальной здоровой стране полно своих проблем, но прежде всего требуется именно нормальность: борьба интересов «по правилам». Бокс, а не драка! Да, сначала единство ради выздоровления и достойного образа жизни, потом всё остальное. Обществу нужны нравственные принципы, духовный рост, осмысленная цель. Тут без культуры не обойтись.

Речь не о вершинах и количестве гениев (хотя Россия, начиная с прошлого века, в этом явно выделяется), а об исключительном самосознании русской культуры. В сущности, все крупные русские писатели приходили к тому, что им мало быть только писателями. Вроде как предвосхитили выражение Евтущенко: «Поэт в России больше, чем поэт»... Гоголь пережил духовный кризис, почувствовал, что вся Россия на него смотрит и ждёт от него слова. Слова истины и нравственного идеала (здесь не место разбираться, в чём он ошибался).

Нечто подобное происходило и с Львом Толстым. Иначе, но в том же «всечеловеческом» духе развивался и гений Достоевского.

А Горький? Разве не примкнул он к идеологии, нацеленной на обновление всего мира? Не стал её глашатаем? Опять же – не будем сейчас касаться его политической трагедии. Речь о характерной тенденции русской литературы. Да и в наши дни Александру Солженицыну тоже недостаточно было быть только художником слова. Не он ли написал «Как нам обустроить Россию»? Да и Западу кое-что весьма чувствительно указал...

Россия огромна и двойственна – ни Запад, ни Восток. Русский народ – сравнительно молодой, а сама Россия (многонациональная) и необъятна, и неразгадана. Я не сомневаюсь, что её роль в мире будет по-прежнему весома.

Сейчас у нас нет достойных условий для творческой интеллигенции. Новый уклад, «даровав» нам свободу слова, счёл себя свободным от нас (от заботы о культуре). Ждать прикажете манны небесной от рынка?

Очевидна инфляция культурных ценностей. Я сам люблю технический прогресс, информационную революцию, хотя порой – со страхом. Однако столь же очевидно, что ни кино, ни телевизор, ни компакт-диск не могут обойтись без культурного слоя. Я не вижу другого пути преодоления противоречий между разными культурами, кроме повышения уровня самой культуры (при, разумеется, нормальном экономическом росте).

Я родился в Бессарабии, неудивительно, что сужу с точки зрения «бессарабского» опыта. Разные государства в разное время «прихватывали» этот край между Прутом и Днестром (теперь сказали бы – «приватизировали»), и все были по-своему правы и при этом – виноваты. Потому что Бессарабия – вековое дитя межнациональных браков (полобовных или неравных), в её жилах течёт несколько основных кровей и дюжина добавочных. Бессарабию никак не отнесешь к чисто этой земле или той. А к чему (или к кому) её отнести? Нет ни бессарабской национальности, ни тем более – такой государственности. А жаль. Могла бы получиться неплохая Швейцария...

Государства спорили – не спорили только жители самого этого края, у которых не было территориальных претензий друг к другу, не было границ между домами, улицами, как не существует границ и в душах – особенно тех людей, в чьих жилах течет смешанная кровь. А таких – мало ли?

Врождённый «голос крови» – это миф. Младенец, изъятый из родной среды, может стать кем угодно: русский – немцем, немец – русским, не говоря уже о Маугли. Язык и культура – вот что определяет, скажем, Пушкина, хоть он и не забывал о своём этническом происхождении...

В Бессарабии, естественно уживаясь, образовалось со временем многослойное культурное и языковое пространство: молдавское, русское, украинское, болгарское, гагаузское, еврейское, армянское, греческое...

При державном споре о судьбе Бессарабии я всегда думаю о том, что время не проходит даром. Если у мужика увели любимую, а он через много лет возвращает её себе, пусть не удивляется, что она немножко не такая, как была. Она успела родить от другого. А ребёнок – это такой факт, который никак не укладывается в аргументы политиков...

Ежели копнуть глубину веков, то вообще окажется, что первыми историческими претендентами на междуречье были дако-фракийские племена и древнегреческие поселенцы, то есть те, кого уже в помине нет. А в ту пору и русских и румын ещё вовсе не было...

Бессарабия склонна к межнациональному миру.

Если её оставить в покое, она будет жить, как жила, – не делая различия между соседями по крови, по вере или по обычаям.

Автор этих строк тоже не может похвастаться чистотой крови, у автора тоже несколько основных и дюжина добавочных, но он как-то умудряется ладить с самим собой и не проводит границы между левой и правой рукой. Чего и желает той земле, которую любит. И не только ей.

А любовь – она от политики не зависит, она принадлежит другому измерению, куда более высокому и долговечному

*В час пик мировой перезрузки,
земляне, услышьте меня:
евреи родственны русским,
а негры японцам родня,
и сердце у каждого слева,
двуногие братья мои,
потомки Адама и Евы –
на ветках Вселенского Древа
единственные соловьи!*

ВЛАДИМИР КАЦ**СЛОВ ВДОХНОВЕННЫЙ ПОТОК**

Не опускайте занавес!
 Пусть длится эта пьеса,
 и пусть несутся саночки,
 и серебрится снег.
 Не опускайте занавес!
 звучит органа месса,
 торжественно, осанною,
 встречая новый век.

А ты высоким голосом
 заводилшь песню грустную
 и поправляешь волосы,
 ладонью снег стряхнув.
 А ты высоким голосом
 пронзительным и чувственным,
 приветствуешь нескорою,
 неблизкую весну.

Охоту к перемене мест,
 Любовь к перестановке слов
 Не отобьёшь в один присест,
 Не наломав при этом дров.
 Не выдаст Б-г, свинья не съест, –
 И я потворствовать готов
 Охоте к перемене мест,
 Любви к перестановке слов.

Запах полыни и перечной мяты
 На постоялом дворе.
 Время текло, исчезая куда-то,
 В том ледяном ноябре.

Двери скрипели, трещали поленья.
 В демисезонном пальто
 Ты вся продрогла. Увы, потепленья
 Не обещал нам никто.

Владимир Израилевич Кац родился в Одессе в 1949 году. В 1972 году окончил механико-математический факультет МГУ. Стихи начал писать с 1975 года, автор трёх поэтических сборников: «Путешествие» («Друж», Одесса, 2001 г.), «Культурный слой» («Друж», Одесса, 2002 г.) и «Разночтения» («Зодиах», Одесса, 2006 г.), печатался в журналах и альманахах Украины, Германии, США. В 2003 году стал победителем третьего Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе. Скончался 9 сентября 2017 года.

Пили горячий глинтвейн у камина.
Пар поднимался винтом.
Время летело чарующе мимо
И превращалось в ничто.

Только лишь к ночи в объятьях друг друга
Мы отогреться смогли.
А за окном выла белая вьюга,
Тлели в камине угли.

Целый час мы были счастливы –
солнце, горы, лёгкий снег,
неприлично непричастные
на земной взирали век.
Непривычно отстранённые,
мы от суеты сует,
как наивные влюблённые,
познавали белый свет.
А когда затихла музыка,
день ушёл за горизонт,
жизнь обыденно-кургузая
предъявила свой резон:
список дел неприятельных,
долгий перечень долгов,
склоки, мелкое предательство,
ворохи ненужных слов.
Всюду муть. Желанной ясности
не найти ни там, ни тут...
Но зато мы были счастливы
целых шестьдесят минут.

Отмерьте двадцать метров
матерни любви,
чтоб под осенним ветром
Запели соловьи, –
она всегда, поверьте,
и Вам, и мне к лицу...
Она ведёт не к смерти –
к счастливому концу.

Ни словом, ни взглядом, ни жестом
не выдам я чувства. Пройду
повесой с улыбкой воскресной
по первому тонкому льду,

подам тебе руку и точной,
 изысканной фразой блесну...
 Вот только какой уже ночью
 никак, все никак не усну.

«Лета к суровой прозе клоняют»,
 меняя флейту на верстак,
 и хоть всё так же сердце стонет,
 хоть так же стонет, да не так.
 И по ночам всё чаще снится
 твой незатейливый наряд,
 и, видит Б-г, в руках синица
 милее стала во сто крат.

Солёный слоёный пирог
 с начинкой из сыра сулгуни,
 обжорство, сентябрь, полнолуние
 и слов вдохновенный поток.

О чём же ты, милая лгунья,
 мне хочешь сказать между строк?
 Но, знать, не настал ещё срок
 открыть свои карты Фортуне.

Незнание – оно ж благодать,
 а знание, пожалуй, – отравка.
 Налево свернёшь иль направо –
 век воли уже не видать.

Ну что же, поднимем бокал
 за то, чтоб я прямо шагал.

Не то нынче нетто,
 и стало брутальнее брутто,
 и кануло в Лету
 последнее лето, как будто
 и не было вовсе,
 быльем поросло всё, что было.
 Овсяная осень стреножит гнедую кобылу.
 Ну что же, наточим ножи перед пьяной атакой.
 Ты душу свою обнажи, когда я на Итаку
 вернусь. А когда я вернусь? Да, пожалуй, не скоро...
 Тула, где рассыпана грусть конца коридора.

Всё меньше междометий и метафор,
всё суше речь, расчётливее слог,
венков мелодий сладкозвучной арфы
уже я не кладу у Ваших ног.

От «музыки дождя», «рапсодий света»
сказать, по правде, я давно устал.
Как ни крути, пошло второе лето
с тех пор как пройден третий перевал.

Ну какой тебе толк от моих,
десять раз перечёркнутых строчек?
Так неточен прошедшего миг
в отражении слов-оболочек.
Ни волнения терпкую дрожь,
ни обиды тупую усталость
невозможно, поверь, ни на грош
передать, ни на самую малость.

Пью не спеша зелёный чай,
чуть скрипнул пол веранды.
Нет электричества. Свеча
Оплыла. Дух лаванды
не отгоняет комаров,
не следует рекламе,
и посреди ночных дворов
они кружат над нами.

Мы не знали с тобою тогда, что почём
и потом, что почём, мы не знали,
ночевали, укрывшись дырявым плащом
в продуваемом ветром вокзале.
Наша жизнь на непрочный закрыта замок –
чуть сильнее толкнёшь, и всё настезь,
и висит будто «вырванный с мясом звонок»,
да и карта идёт чёрной масти.

И горький привкус этой музыки,
и наших душ разгорячённость,
как будто связывали узами
прощение и непрощённость.

Качался грушей гуттаперчевой
над надписью: «Не стой под грузом!»
мой сон. И застывал доверчиво
бильярдным шаром рядом с лузой.

А время всё расставит по местам –
кому в гостиной быть, кому на кухне.
Ты успокойся, сосчитай до ста,
и, может, свет сегодня не потухнет.
И, может, скоро не пойдут дожди
(у нас в экстазе проломили крышу).
А, может, слабоумные вожди,
Б-г даст, нас не заметят, не услышат.

На три четверти пройденный путь
не рождает и тень сожаленья –
всё, что можешь забыть – позабудь
в бесконечном зеркал отраженьи.
Закольцованный жизни сюжет
не прочтёшь ты ни слева, ни справа,
буквы чёрные с белых манжет
оппадают, как листья с дубравы.

Мы перешли с тобою грань веков.
Всё меньше сил у нас, хотя, ещё мы в силе,
и не один десяток башмаков
мы на своей дороге износили.
Паршивое у века ремесло –
В костёр вражды подбрасывать поленья.
Каким бы ветром нас куда б не занесло,
надеюсь, мы не станем на колени.

Я устал от двадцатого века,
от его катаклизмов и войн.
Век-убийца, век-волк, век-калека,
я в тебе заблудился, хоть вой.
Что с того, что уже двадцать первый,
ведь всё то же – сума и война,
злора, зависть, и по небу нервно
желтокожая бродит луна.

А стихи мои, словно короткий привал,
после долгого дня перехода.
Я не в силах идти. Я смертельно устал.
и хандрит беспричинно природа.
Отдохнуть пять минут, не снимая рюкзак,
лишь немного расслабив колени,
чтобы снова шагать, как последний дурак,
и наматывать нить впечатлений.

Двор, усыпанный липовым цветом,
в желтизне полосы неудач, –
ни ответа, увы, ни привета
от тебя не дождёшься, хоть плачь.

Духота, разговоры домашних
и трамвайных колёс перестук.
Дождь, проклятый ночной барабанщик,
замыкает бессонницы круг.

Памяти А.П. Кузнецовой

Дребезжит в стакане ложка
За окошком снег, поля.
Завела судьба – дорожка
В нелюдимые края.

Вдалеке над косогором
Вороньё кружит, кружит.
Чёрный ворон, белый ворон –
Вот и пролетела жизнь.

Весь март стояли холода,
Кружили над базаром птицы,
Искали корм. И ото льда
Залив не мог освободиться.

И ожиданием тепла
Весеннего тела томилась,
Но каждый день метель мела,
И холода всё длились, длились...

ЛЕОНИД ВОЛКОВ

ТРИ ПОЕЗДКИ В ЗАПОВЕДНОЕ

В Коктебель и Домбай

...Мы вернёмся на пристань «Любовь».

П. Кулагин-Шуйский

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Под лозунгом «Долой родителей!»¹

Всё как-то пытаюсь не сбиться... На пути к Красоте... вписаться в весну, которая, если не отвлекаться, так *обновляет!*..

И люди, вижу, – хорошеют, чего-то ждут... и, невзирая ни на что, стараются думать о хорошем... не замыкаться в проблемах: мир так велик!

Вот и мы с женой... По прошествии зимы едва зашли за калитку дачи... Территория её нам показалась столь малой... что – пока не закопошились – решили поскорее выбраться...

В Коктебель, куда же ещё! Даром, что – в год столетия двух русских революций...

Однако как увязать? Какая связь, спросите, между революциями и Коктебелем?

Знаете ли, *всплывает*... И волны цунами, случается, достигают тихих бухт...

Будучи уже там, у моря, бродили мы как-то по парку литфонда – и вспомнили – бог весть почему – о «волнениях»... отголоском Февральского восстания вылившихся здесь в демонстрацию.

Да, повітряне протестного шествия, охватившее сто лет назад страну, не обошло стороной и уголок дачной богемы. Как не дико, летом 1917-го в «Стране голубых холмов» прошла «колонна» сорванцов, возглавляемая юным пасынком поэта Владислава Ходасевича – Гариком Гренционом.

А с другой стороны – что особенного: вдохновлённые всеобщим порывом, разновозрастные подростки понесли в сторону коктебельской набережной самодельный плакат с пляшущими буквами: *«Долой родителей! Да здравствует выборное начало!»*...

Родители? На пути шествия взрослые и не знали, огорчаться им или смеяться. Когда же процессия поравнялась с дачей бездетного Максимилиана Волошина, поэт Киммерии пришёл в восторг от энтузиазма масс и по-отечески спросил «главного революционера»:

– *А что, действительно ты недоволен родителями?*

– *Лично я доволен*, – ответил одиннадцатилетний Гарик. – *Но в целом мы, дети, – за свободный выбор, против произвола...*

Что дальше? Да ничего особенного. Паренёк, на волне протестов не пожелавший мириться с «родительским произволом», насколько известно, как правозащитник не состоялся. И, хотя был актёром в агиттеатре, от «революционной деятельности» отошёл... За прожитых полвека Эдгар Гренцион снялся в нескольких незначительных ролях под псевдонимом Гаррик... История, правда, умалчивает о его собственной деспотии к своим детям, о «свободе выбора» в масштабах страны... как и о плодах той демонстрации...

Скажу от себя. Наверное, было бы лучше, если бы сто лет назад революция у нас разразилась не социальная, а вроде той – антиродительская...

Представляете, *Детское царство!.. ребячья диктатура* в стране, где родители – на вторых ролях!.. (Да и кому, в самом деле, нужно нудное это родительское воспитание, сводящееся обычно к запретам?..)

Вообще, революции, на мой взгляд, следовало бы делать *в себе*... Я, например, горжусь тем, что всю зиму напропалую не упускаю ни дня, чтобы не искупаться в проруби...

И это, скажу вам, *вопреки!*.. Чем не индивидуальная революция?! Главное – никому не во вред.

¹ Упоминаемые здесь «волнения», сто лет назад имевшие место на «голубых холмах», нашли своё отражение в книге Евгения Жаркова «Страна Коктебель».

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

Коктебельский калейдоскоп

Но вот мы и...

Там, где изо дня в день – едва утро врывается к нам из-за занавесок в номер – шли-бежали мы в горы, на Карадаг... на Кок-, Токмак- или Сюрю-Кая... на плато Тепсень и от Биостанции в Коктебель... По морю (на кораблике) и вдоль него... Мимо бухт, вплоть до Сердоликовой... И – мимо Юнге к Тихой (туда и обратно – бегом)... Где раз по шесть за день я, «водолаз», плавал, хотя вода, честно говоря, не прогрелась...

Приехали к юбилею Волошина – 28 мая. У дома его – концерт. Сказочный! Далеко в море разносятся голоса – Ани Ус, Наташи Горенко и песни фольклорной «Этногруппы»... Звучат стихи поэтов «серебряного века» в исполнении Анны Тереховой, Яны Аршавской, Елены Захаровой, а ещё «обормотной» группы Феликса Михайлова...

Повезло нам: «с корабля – на бал»... Сидим, вкушая упоительные коктейли, на первом ряду – участники действия!..

И сколько же светлых лиц, давным-давно, кажется, знакомых! Так, перед представлением обнялся с некоей дамой, но так и не вспомнил, кто...

Лишь под занавес, когда в ушах всё ещё слышалось цветаевское: «И ветер дул, и лестница вилась...» и мы спустились на пляж «проветриться», озарило: Виктория же с Цветаевского костра! (Но где Таруса – и, спрашивается, где Коктебель!)

А со следующего дня – чуть свет (в шесть утра) подъёмы. Ранние: пока солнце падит. Пока пик Сюрю (поэтами называемый ещё скалой Любви) кутается в дымку, а море – в серебристом сиянии...

Выйдя *за*, – крутим вверх, по тропам *ведущим* (вдоль заросших балок, через которые путь заказан: без крыльев не одолеть)... Туда, где – благоуханье цветов (попыни, благодаря которой, кажется, вернулось утраченное мной обоняние)... Вглядываясь в *то, что под* (далеко в море), – и, охватывая всё разом... завидуя виртуозным стригам (вот и нам бы!), пролетающим, невзирая на балки и кусты шиповника, всюду (низко-низко)...

Безлюдье – *куда не!*.. Не считая, что дважды (у Тулого мыса и на тропе под Сюрю-Кая) наткнулись на егерей... на удивление миролюбивых.

Более того, первый из них – Алексей – провёл экскурсию с нами по бухтам, привёл к роднику на Гяурбахский Кез... Другой – Тимур – под северной оконечностью скалы Сюрю вывел к фундаменту храма, которому шесть веков, – кладке монолитов, где в алтарной части увидели мы несколько бумажных принесённых кем-то икон (и где послышался мне колокольный звон)... ещё и подвёл к роднику, что под скалой Пилотка... где я попутно сделал *открытие*: **вода**, присутствующая в нас и всюду, **и есть Троица**, ибо вездесуща и способна преобразовываться в ТРИ состояния – жидкое (дожди, реки, моря, озёра), твёрдое (лёд, снег), газообразное (облака, туман)... и – помнить...

На подступах к Сюрю-Кая видели бросившихся наутёк косуль... Перед Золотой балкой (на вид – не «золотой» вовсе: исхожена лошадьми) встретили семейство коз, которое (вспомнив песенку о пасущихся на дугу ко...) из благоразумия обошли...

Наконец, спустились благополучно с гор, искупались... и – чуть загнанные – всё ж были горды (даже заносчивы, что не исключает благодушия) перед другими, полные скрытой энергии: заряжены Карадагом...

На следующий день захватила экскурсия (организованная) по Береговому массиву: мимо кекур хребта Хоба... (Иначе – *Мёртвого города*... А кто-то: – Так уж «мёртв»? – Нет, наоборот, *живо*-писен!.. Как, кстати, и бухта, не доходя Тихой, – *Мёртва*: ещё как жива, хоть и мелководна!)

На спуске с Хобе-Тепе (вспять от «Вершины с пещерами») – впечатление – *кто-то смотрит тебе вслед*: идёшь, а позади – фиолетовые по склонам мазки, ковыль понтийский, серебрясь, стелется волнами... провожают скумпший розовые призраки...

Красот – не охватить! Главное – всё цветёт, а ветер по всему этому гуляет...

Как же вдохновляют и радуют цветущие горы! На грани обморока от избытка чувств... (Хотя – будто могут быть сами по себе некрасивы возвышенности и цветы на них: от пылающих кустов шиповника, красующихся ромашек, маков... до голубого льна и розовых гвоздик, чабреца-тимьяна, железняка!..)

На корабле «Секрет» вышли – будто к «Корабельной» в Каперну...

За «раздувающейся на ветру» скалой Парус минуем *грот*, и вправду *Ревущий* (помнящий выплывающего «в Лид» пловца...), после чего, обогнув взметнувшийся ввысь трёхсотметровый *Маяк*, *пронзаем* (чудом протискиваемся со всей палубной оснасткой) рогастые *Златые Врата*...

Пройдя же «шлем с пером» – скалу-дайку *Разбойник*, желающие (и я) плавают-летают над бездной... Не где-нибудь – там, где жерло кратера...

Высидевшись же, посещаем (в очередной раз) Музей природы, где в витринах чучела – как живые... А уже оттуда – с Юлей-экскурсоводом – на экотропу.

Солнцем палимые и преследуемые блеклой луной, идём цепью вдоль отпрепарированного веками ископаемого вулкана... Минуя хаос гор с впадинами, лишёнными бухт, – Кая-Кашлы и Колодец (со дна коих «растут» скальные пики, и куда многие мечтают пробраться), подходим впритык к скале Сфинкс – «двуперстино» Шайтана, свысока взирающего на море...

За ним – взглядом провожаем – стая дельфинов...

Вот и в Коктебельском дельфинарии, куда едва успеваем на представление, – дельфины! Прирученные – как ни странно, ликут от возможности показать себя...

Известно, кстати, что афалины осознанно узнают себя в зеркале... что самки их – после того, как год «на сносях», – полтора-два года вскармливают детёнышей молоком... по завершении же длительных (до двух часов) родов – всей стаей – приходят в возбуждение...

И так – в познании синомоментности – проходит день за днём...

В последний же перед отъездом день – желая постичь **то время** – блуждаем по Дому Волопина... Вживаемся также в **тот воздух** на веранде домика Пра...

Нам, кажется, повезло со временем года. Малолюдно. Редкие (не то, что в разгар лета) отдыхающие бродя по набережной, взглядом убегают к «драконьим спинам» Козьего выступа, мимоходом вдыхают ароматы из кофейен... в одной из которых, кстати, оставил я по рассеянности дорогой свой фотоаппарат (когда же – к вечеру уже – за ним вернулся, Альбина-повар с лёгким сердцем вернула «пропажу»)...

Так вот люди беспечны: от нечего делать – заглядывают в сувенирные, пропахшие можжевельным деревом ларьки, загорают...

Хотя в море – редко кто... Да и романтиков, как прежде, не густо. Много – с детьми, иные из которых – словно из фантастического *завтра* – раскатывают на мерцающих, бурно входящих в моду скутерах-ситвеях)...

На лавочке у «Корчмы», перед своротом к новенькому аквапарку, можно увидеть колкую на язык, в неизменном венке из кермека, «ведущую приём специалиста по приворотам» Людмилу-травницу... Наконец, около кафе «Всё забудь» по вечерам бацают джаз... и у тебя есть возможность увидеть там «диких» обитателей палаток «за Юнге» – добродушных, в общем-то, хиппи... (Откроюсь: одна из них – голубокая Натали, идя как-то мне встречу, доверчиво раскрыла объятия...)

А однажды в гости к нам явился колоритный, известный всем Саша Гусев. И мы приняли его, глыбу родную, у себя на балконе (с видом на *писательский парк*, где за всё время, сбившись с ног, так и не нашли место, где был памятник Ленину... зато – пинию, на ветвях которой что ни вечер неизменно пел усидчивый соловей)...

Чтобы не засиживаться, по завершению «десерта» вышли на променад. На набережную, где на Гусева, как новоявленного Волопина (одетого в такую ж, как у Поэта, туннику – спитую ему женой Лилей), растерянно улыбаясь, взирала публика (главным образом, «*узнавшие мэтра*» девушки), на что я указал польщённому Саше...

И так я с ним, будто и впрямь с Максом, посидел, болтая о митинге, прошедшем с его участием, в защиту от застройки Тихой бухты... о «неметчине», властвующей над русским людом два века подряд... о проделке Петра, подарившего Руси три века назад новую гиблый град – *столицу, построенную на болоте*... и о том, как даже зодчему Баженову не удалось перетащить его последовательницу – Великую Екатерину – назад, в Златоглавую... О том, наконец, как Москва проигрывала бы Питеру – если бы здания в стиле модерн (а Саша – архитектор) на рубеже веков минувших не оживили облик столицы...

Столько!.. Я бы мог ещё рассказать о *воронах*, парящих у нас над головами в устье балки на полпути в Тихую... и о попугае, встреченном нами в бухте Ливадия (бедолага раньше, видимо, жил припеваючи, но удрал из клетки... а когда мы явились, сиротливо висел на камне вниз головой... однако приласкался в итоге и даже дал погладить себя)... О походах – за черешнею на рынок и на холмы – за произрастающими у обрывов (не доходя мыса Хамелеон, иначе Топрак-Кая) сухоцветами... О похожих на одуванчики «парашютах» – цветах *козельцах* и о недавно построенных на подступах к Карадагу четырёх вилах... О размытой зимою набережной под Киловой горой и о том, как, проходя отмелью за Тупым мысом, видел я нырнувшего в мелководье зверька, похожего на тюленя... О малоизвестных фактах: на вершине

Святой бил когда-то фонтан, а на плато *Тенсен* (в переводе «блюдо») процветало древнее поселение, именуемое Посидим...

Но даже не это... Главное – *утро к нам врывалось* изо дня в день *сквозь сон* – и поднимало: беги!..

Всё время со мной – та красота: *видимое лишь сверху серебристое сияние в море* – и занимается утро... Ты – и ветер... Ты – *над*... Но это надо ещё увидеть!..

Что ни утро – обновлённый: *новый* изо дня в день... (Нет, из ночи в ночь *лучший*... Проснусь – и: я ли?..)

Здороваясь чуть свет с морем...

А море? Гладь... Лишь день оно и было в барашках («пена морская») – когда вознамерился дождь, но напугал лишь... после чего вновь, утихомирив волну, выглянуло незамутнённое солнце.

И вновь – вёдро...

Но пора... Как же быстро промчалось время: неделя – и вот чуть свет... Трясут нас мимо Сурожской крепости – увозят в аэропорт... Где взмываем... на «железяке», вмещающей в себя более полутысячи отчаявшихся на полёт пассажиров (*чуде XX – XIX веков!*.. не умаляющем, впрочем, и *иных* – связанных с перемещением – уже благодаря не крыльям, а колесу – *чудес*)...

Здорово же – что человек научился осваивать пространства *не только на своих двоих!* Так, благодаря парусу, смог запряхать ветер! (Недавно: на рубеже XV и XVI веков оснастив суда парусами, открыл материки, архипелаги!..) Около трёх тысячелетий назад (всего лишь!) оседлал лошадь!..

И – уж земной шар *облететь* (на той же ракете) – ничего не стоит!..

Всё! Самолёт мой (грузный, со всеми прочими 515-ю пассажирами), как ни удивительно, приземляется (во Внуково)... И в голову приходит: *короткая всё же у нас память!*.. Летаем, будто так было всегда...

На выход. И... каждый раз – *то же*: пассажиры, повскакав преждевременно с кресел, начинают толпиться, проявлять нетерпение.

Не терпится... Хотя, если вдуматься, куда торопиться?! Прилетели ж!

Ну ладно! Вот и Москва, с её прохладцей, не отцветшими ещё одуванчиками...

А душа – всё ещё там, в Крыму... где висит без нас вниз головой одинокий попутай...

ЗОНА ПОКОЯ

*Домбай, горные маршруты
...Беснующийся поток –
и колдовские горы.
– А где это? Где? В Теберде!..
– Да? Река, спасибо тебе!*

О Домбае (Домбайской поляне) я бы начал с кладбища альпинистов...

Чтобы знали... При всей красоте мест – помнили: забываться нельзя...

Скромные захоронения... Будто *то было вчера* – друг за другом идут, задают тон смелые жизнерадостные парни, озорные девчонки... А теперь – вместо них здесь, в долине Алибек, – портреты их на памятниках, таблички покорённых вершин... букет из колокольчиков придорожных...

Их нет? Стало быть, мы – за них...

В аэропорт Минвод прилетели мы в разгар лета. В пекло. Хотя в 240 километрах, в Домбае, куда с ветерком доставил нас Ильяс, джигит-карачевец на мустанге своём – «мерседесе», – на удивленье свежо.

Пока ехали поймой Кубани-реки, взор ласкал пасторальный пейзаж: поля, луга, холмы, отдельные далёкие горы... наконец, справа, с запада, – напоминающие Великую китайскую стену, нескончаемые известковые «крепости» – скалистые высокие берега, окаймляющие поступь реки, степенной, пышной.

Едва же за Карачаевском река Кубань уступила Теберде (в переводе с карачаевского «*божий дар*») – реке куда более крутого нрава, возникли высокоствольные ели, горы... Чем дальше, тем выше... круче... И нет другого пути туда, куда мы едем...

Каково же было путешествовать во времена Лермонтова! Не катить (словно в аттракционе), как нам, на авто по гладкой дороге, скакать в неизвестность... верхом девственною долиной... встречая по пути аулы, сакли... гордых аланов – горцев не менее крутого нрава!..

Как бы ни было, трасса, связывающая Карачаево-Черкесию с северными отрогами Кавказа, часа

через три неожиданно потерялась, упёршись у слияния трёх горных рек – Аманауза, Домбай-Ульгена и Алибека – в подножие гор.

Мы – в Домбае: приехали...

3250

Именно столько метров, как утверждал наш гид Азнавур, от уровня моря до вершины *Муса Ачитара* – горы, на которую взнесла нас канатка – «подвешенная» более полувека назад дорога, из посёлка, расположенного на высоте, вдвое меньшей.

(Скажете – высоко? Но это что! Есть сведения, что подвесной дорогой скоро можно будет добраться до вершины Эльбруса... по крайней мере, Восточного его пика...)

С одной очереди на другую (успевай только пересаживаться из одного кресла в другое, крутить во всех плоскостях головой... представляя, на горы глядя, как некогда здесь содрогалась земля, боролись титаны!), пока не окажешься *навёрху*...

Где? На шестом уровне, выше которого – разве что небо (седьмое).

От последнего же – делающего разворот – кресла, где – из коряг сколоченный трон и облезлый як, на которых любят фотографироваться туристы, идём – уже сами по себе – седловиной, поблескивающей выходами древних (возраст – полмиллиарда лет!) кристаллических сланцев, на соседнюю (чуть выше ростом) вершину. Чтобы там, один на один с небом (одни!), глохнем от тишины... на протяжении часа-другого прислушиваясь к *разноголосью гор* – журчанию водопадов, пению рек, далёким обвалам... взирая на величественный, растянувшийся от моря до моря Кавказский хребет – на гордые его, сверкающие языками ледников, вершины гор...

Чуть кружится голова: кругозор!.. Мы – выше границы вечных снегов!.. и – кажется – *вровень с хаосом гор Северного Кавказа*: «рукой достать» до иглы пика *Ипэ* (3409), до обелиска *Птыша* (3520), до красавца-*Эрцога* (3683).

Хотя ещё выше «башня» *Аманауза* (3757), заснеженная, с кривым – впившимся в небо – зубом *Суфруджу* (3785), похожая на ладонь *Белалакая* (3851) и тем более заоблачный *Домбай-Ульген* (4046), здесь – самый... Если не считать, конечно, скрытого от нас сегодня блюдцевидным облаком двуглавого – непревзойдённого на Руси (и в Европе) – *Эльбруса* (5642), расположенного поодаль, севернее Главного Кавказского хребта...

Так и стоял бы! Но, чтобы не потеряться в небе, спускаемся ниже по гребню. И с ходу садимся в кресла непрерывно вижущейся канатки...

На пересадках – сувенирные лавки: носки, травы... *Приземляющие дела*, если не считать оборудованного под отель НЛО – «летающей – к взлёту готовой – тарелки»...

С одной очереди на другую... и – спуск... скольженье над пропастью...

Встречных – хоть и разгар сезона (само по себе здорово: *лето!*) – раз, два... Это и хорошо: с каждым «на лету», как с давно знакомым, обмениваешься улыбками (через края эмоций: вокруг – такое!).

Если б ещё под нами, помимо альпийских ковров, – не развороченные под лыжные трассы склоны, что не вполне согласуется!..

В ущелье Аманауз

Назавтра – в Сквернословацкую, иначе говоря, Злую, щель – Аманаузскую... К студёному (лёд!) дыханью каньона, где, согласно одному поверью, живут не совсем добрые духи... согласно другому – наоборот, *благостные поощие зльфы*...

Но прежде – как обет, из утра в утро – девятисотметровая (в одну сторону) ранняя, с первым солнцем, пробежка: вниз-вверх по долине той же реки Аманауз... И там, где воды её, вырвавшись из теснины скал, «выходят из себя», – купание... после чего – *заново рождённый* – назад...

В девять утра встречаемся с Азнавуром, колоритным горцем, – и через жилой квартал, называемый Пихтовый Лес, направляемся в заповедник: мимо великолепных (до трёх сотен лет, в несколько обхватов!) елей, пихт, горных клёнов, буковых роц – к каньону, именуемому *Чёртовой Мельницей*.

На рёв... Подхожу и заглядываю под ноги. Как в колодец. А там – поток... Неумный... Над ним (над головой) – смыкают ветви – деревья, нависают скалы...

Глубоко-глубоко беснуется, рычит поток-зверь. Не выбраться: исчадие... Всё бурлит, кружится – мельница! Тебя околдовывает дурман ароматов – хвон, цветов полевых...

Но Азнавур торопит... Мне же – поворожить! И, прежде чем сменить «театр действий», встаю **на край** – вдохнуть, запечатлеть Красоту...

Поднявшись ещё километр-другой, оказываемся у морены – нагромождения валунов, снесённых сюда совместными усилиями ледников и реки.

Неподаляку в кустах – смятые, испускающие терпкий дух травы: лежбище туров...

С камня на камень. Любуясь на *горы* – вчерашнюю («укрошённую» канаткой) Мусса-Ачитару и Семёнов-баши (с вершины которой, говорят, можно увидеть «броккенское видение»), на вечный, самый большой здесь *ледник* пика Аманауз, жилище богов...

Но вот перед нами – снежник, над ним – *водопад*, имя которого *Суфруджу*. Низвергаясь с 25-метровой высоты, пенится, брызжет и... что-то поёт...

В глубине снежника (под панцирем) – «тоннель» со сквозным звонким ручейком (пить – не напиться), со скорлуповатыми сводами, на которых весело играют блики...

Осваиваемся. Горы хранят следы разных эр. В обнажениях – складки: *клаваж*... Склоны, куда ни глянь, пронизаны ручьями, тоже поют...

За снежником, если присмотреться, у края массива – облачко водяной пыли... судя по всему, – следующий водопад, куда более мощный, 60-метровый, самый большой здесь...

Однако до него мы не дошли: Азнавур устал...

Зато, с необыкновенной лёгкостью осилив путь обратный, через пару часов оказываемся в кафе – веранде, карнизом нависшей над тем же беснующимся Аманаузом... на дне которого – пока не принесли заказ – взглядом выхватываю выточенный водой валун – полосатый валун-самоцвет (зря пропадет!)...

С наступлением же вечера, когда лучи солнца исподволь подсветят горы (а вершины их, чтобы не быть на виду, прикроются вуалью, из чего можно догадаться: *живут своей жизнью*), во время прогулки по Домбаю в сторону рвущегося ввысь пика Ине обнаружу вдруг, что если долго не сводить глаз с горного цирка, – впечатление – *гребни сами взирают на тебя*, «идут» встречу, обступают, кружат... И это ещё вопрос – кто у кого *на обозрении*...

В сумерках же, в полной тиши наш новый знакомый (разговорились у рынка) карачаевец Магомет откровенничает: *«Теперь – не то, что...»*.

Что именно? На том месте, где – стадион (показывает), в шестидесятые *«турьё»* (то бишь туристы прошлого поколения, среди которых – и спускавшийся из «хижины» сам Юрий Визбор), случалось, пело у костра походно-альпинистские песни...

По Алибекскому ущелью

На выходе из отеля (из замкнутого пространства, где всё – в коврах) *глаза – вверх*... и – как в молитве: гребни... Чуть солнце – из-за гор, бежим встречь дню на плёс – «в ванны» (пусть «холод с гор» и сводит ноги)! Мимо манящих к себе (туром бы обежать!) нависающих гор... Чтобы весь день потом *взглядом то и дело – вверх*...

Когда ж Алибекским ущельем вышли мы к *кладбищу альпинистов*, над «бастионом» Белалакаи на голубом фоне незначай распушилось *облако* – расправил ажурные крылья голубь...

Знак – откуда?.. Которая?.. Подходишь, дыхание сдерживая, к каждой из полсотни могил – и, глядя на фотографии альпинистов (открытые лица!), будто каждого в отдельности *узнаёшь*... здороваешься, осознавая: *«дни непрожитые жизни – висят, висят на волоске...»*.

Выше по дороге – брошенные (тридцать лет назад прошла лавина) строения, высохший давно, с вышкой для прыжков, бассейн: *альплагерь*, основанный одновременно с прокладкой дороги на Домбай – во семьдесят лет назад... и поныне существующий – как в виде чуть вычурной турбазы «Солнечная долина», так и палаточного в лесочке скромного лагеря...

Встречные, правда, здесь – редкость. А всю дорогу *над* тобой и *под* – склоны, крутые, на которых *строго вертикально* растут (буквально из глыб гранита) понтийские ели, сосны, буки...

Хорошо: тень! Выше, *перед* тобой – «место, где на камень напоролся корабль», – Визбором воспетый *Эрцог* (кстати: если кто ещё не держал в руках книгу французского альпиниста Мориса Эрцога «Аннапурна», прочтите!.. стоит того!)... Чуть в стороне – профиль во вздыбленных скалах: по легенде – возлежащей девы – гора *Сулахат*.

Всё, всё здесь – *пронизанное силой и чистотой* – дополняет друг друга: Горы-Реки-Ели... цветущие травы, неизъяснимые на всём пути запахи...

Гармония. И естественно – здесь, на фоне диких красот, ни у кого просто нет прав на угрюмость, пассивность, плохие мысли... даже если – по сей тенистой дороге «в рай» – обгонит тебя и, случаем, нагазует беспардонное «драйв-авто» (пусть!.. в городе-то – их вон сколько! – и ничего, дышим!)...

Грохот *водопада Алибекского* слышен уже на подходе. Но путь к нему – через ручьи, криволесье (сюда тоже сходили лавины)... не сразу узришь... А открывается *вдур*: белопенный, «пышный», искрящийся – низвергающийся с обрыва высотой 25 метров...

Проникнись, надышись! Перейди поток – и подставь себя брызгам 12-метровых струй... Попробуй – поплещись в студёном ручье, послушай ласковое его журчанье!..

А на обратном же пути выказывай в полной мере симпатии – приветствуй горы и встречных (не смущаясь: здесь это принято), будто лучших друзей!..

К Бадукским озёрам

Прежде чем – в горы, не пропуская ни утра, спозаранку – куп... Вхождение в воду там, где «бурунная рать», вырвавшись на галечную пойму, куда-то всё рвётся, мечется...

После чего – вздох глубже! – шамань...

Нагишом: никого же!.. В струнку, как и эти вытянутые, тянущиеся к небу ели... И – рук взмах – поёшь: на вдохе *красоты!*..

Ритуал совершён. В десятом часу выйдя на трассу, голосуем.

И – на первой же легковушке (водитель – Султан!), едем: тринадцать кмэ до сворота – к устью *реки Бадук*... откуда собственно и берёт начало *Теберда*-река – поток, именуемый выше по течению Аманаузом.

А там – пешком: по подвесному качающемуся мосту – через поток Тебе... – на левобережье.

Откуда – старт...

Не здесь ли начинается *зона покоя?*

Всё время – вверх (шестсот метров – вертикальным катетом). По «тягуну» – склону, усыпанному хвоей, шишками, измельчённой листвой... По переплетенью корней, как по перекладинам... как если бы – к *небу* по лесенке из трёх тысяч ступеней...

Трудно? Я бы сказал, изнурительно – если не вообразить подъём этот *как восхождение на Эльбрус* (до которого отсюда – «рукой подать» – около полсотни кмэ)...

Но лишь представили (что на подступах к «Горе блаженных») – и уж догнали туристов из Ставрополя. Обернулись – одна другой краше.

Более того: та из четырёх, что с крыльями за спиной, – узнаём – успела в свои двадцать *покорить завораживающий всех пятитысячник* (кстати, чуть погода – *и меня*).

На пути к озёрам, как и по Алибекской долине, встречаются расцвеченные лишайниками глыбы (порой – гигантские... и камни «цветут!»). А ещё – великаны-ели... и прочие (как реликтовые, так и рядовые) деревья... Среди которых – много не так давно сложенных, вывороченных, подточенных жуком-короедом. (Как случается и среди нас, людей...)

Вдоль экотропы – рокот: бурлит река (освежиться, сойдя с тропы – одно удовольствие!) – поток по имени Бадук. Выше – по булыгам вскачь – Хаджибей-река... (Мы у них, у рек, – на виду.)

Но вот хвойный лес уступил место березняку. Поток запел по-другому: из-за развалов валунов и поваленных как попало валежин воззрилось голубоокое, обрамлённое камнями *озеро. Имя – Бадукское*...

Вот – выше каскадом – второе, с тем же именем – бирюзовое – проглядывает сквозь стволы елей на спуске с холма. Не такого высокого: до высоты Эльбруса мы «слегка не дотянули» (высота 2000 метров над уровнем моря).

Здесь, в изумруд-купели, – в самый раз «принять ванну!».. (– Холодно? – Нет, терпимо!)

Третье (из трёх Бадукских – живописнейшее и самое большое) – лазоревое – по краям (косам) завалено отполированными стволами... Вместе с разнокалиберными валунами, с бахромой сосново-пихтового леса, наряду с видом на пики гор, ледник, представляет сказочную картину...

Ты всё это увидел!.. постиг... И теперь – не смять бы! – остаётся – почти бегом – спуск.

Весь шестичасовой (туда и обратно) маршрут, если верить путеводителю, – шесть километров. Что странно: в Якутии и на Дальнем Востоке маршруты, пройденные мной за день, были куда длиннее, но, признаюсь, не выматывали так...

Однако всё! Гора (хоть и не Эльбрус) – позади.

И – как в бездну (как не было) – усилия по преодолению склона... крутой подъём...

Впустую? Или, может, ты этот свой поход чем-то *раскрасил* (в душе)?

Чем? Память («вспоминай и впрядь!») рисует... поощрительную улыбку. Той, что с противоположного берега смотрела, как по брёвну переходил ты Хаджибей-реку... (Улыбку той, из Ставрополя, взопедевшей, в отличие от меня, на Эльбрус.)

И всё равно – ощущение неполноты.

Спустившись почти к тропу Теберды, справа от маркированной тропы замечаю мост над Бадуком-рекой.

– А там что? – спрашиваю у человека в камуфляжной форме.

– **Зона покоя**, – уклончиво отвечает лесник. И добавляет: – Нельзя туда...

«*Это – зона удивительного умиротворения и спокойствия*, – читаю в путеводителе. – *Тихий шелест листвы и хвоя, пение птиц, журчанье воды уносит...*».

Так вот оно... четвёртое, зовущееся иначе – Хаджибейское, озеро!.. так и не посещённая мной *зона!*..

По ущельям Домбай-Ульген и Птыш

И вновь серпантинном – бег поутру. Туда, где из плена скал рвётся на волю река Аманауз. Где после грозы река взбухла, стала напористее: прорвавшись сквозь щёки, вот-вот набросится...

А клочья тумана, цепляясь за скалы, тянутся от русла, обволакивают склоны гор и... тебя... мороча, что-то нашёптывая...

И горы (как иконы), если приглядеться, – *ближе...* и, если прислушаться, – *шумнее* река... И Место уж *узнаёт* тебя.

– Скоро уйдёшь? – спрашивает.

– Могу остаться... – предлагаю. И – разоблачаюсь (на отмели, с потоком горным впритык, против водопада, что – на противоположном склоне). Размявшись же, *отдаю часть себя* – кунаюсь...

Выхожу из струй, и – хоть пой – *прозреваю*. Мир иной...

Но мы с женой условились *«коллекционировать» водопады*...

Восходим – не обременённые поклажей – там, где берёт старт однокресельная канатка. Не соблазнившись крутанувшимися перед нами креслами, – пешком – до второй очереди.

Далее – одна за другой – поляны: Лии и Русская... Откуда – потрясающие панорамы: ледники, водопады (среди которых – и благозвучный *Джугутурлук*)... И где – по колее всей дороги – «слёт» бабочек...

По альпийским лугам, вдоль благоухающих, выше головы трав – *долиною Домбай-Ульген*.

До развилки... И – в сторону, круто вверх, к верхнему каскаду *Чучурьского водопада*... название которого переводится как «Брыкающийся жеребец».

Иначе говоря, «С норовом конь»... Хотя я б назвал двенадцатиметровый поток сей *«Танцующей дамой»*: видно же – с грудью (высокой), в кокошнике (из радуги брызг) и в длинном бальном платье (подол которого «раздувает» – вздымается, как при исполнении канкана... нет, визборовского Домбайского вальса!)

Призрак! Привидение танцующее!.. Под переливы водопада – хоть приглашай на танец!..

А вот в облике каскада нижней очереди – и впрямь что-то от *жеребца*. Брыкучего, с диким норовом.

Стоило мне приблизиться – обрызгало с головы до ног...

Я даже вынужден был раздеться до пояса...

И надо же было – *в момент, когда к водопаду вышла группа туристов!*.. не одобривших, похоже, моего «стриптиза»...

Чудно (мне показалось): украдкой взгляды... «Упакованные» (невзирая на жару), с громоздкими рюкзаками (не то, что легкокрылые – мы), бородатые смуглолицые парни, девицы в платках – оставили приветствия наши без ответов...

Увы! Мне и в голову не сразу пришло, что причиной недружелюбия – мой «топлесс»...

Впрочем, из-за различия в устоях особенно не переживаем: Кавказ – дело тонкое...

Спускаемся с женой на развилку – и, глядя на скальные обнажения, освежаем ноги в ручье и – собственные впечатления от соприкосновений... с *культулом обнажённого тела* в Европе... во время зарубежных (не таких уж давних) поездок, по тем же скандинавским странам... После чего вброд (по щиколотку) переходим речку *Чучур* (скачет!) – и оказываемся в ущелье *Птыш*.

Долина – заповеднее не бывает! Идём как в рай по едва заметной тропе. Среди цветов, камней. В сторону ледника, который, на первый взгляд, «рядом». (Как приближают всё горы!)

Но проходит час, другой, а мы так и не можем его коснуться – хотя дыхание (ледяное) глетчера всё ощутимей... и уж позади – заросли реликтового, с глянцевыми листьями, рододендрона...

Посторонился и многоструйный водопад Девичьи Косы (он же Птышский)...

Озираемся. Откуда ни возьмись – пар. Со склонов гор подбирается. Невзначай. Словно предостерегая: «Куда – на ночь глядя?.. вон скоро сумерки...»

Однако ландшафт – первозданный, посередь которого ощущаешь себя едва ли не Христом в пустыне, – удерживает, словно магнит: ну, ещё полчаса, ещё...

А за перевалом (рукой подать!) – уже Кодорское – беспокойное (как и Клухорское, что – чуть севернее, ведущее, как известно, «в Колхиду») – ущелье... а там – граница...

Сделав над собой усилие, разворачиваемся – до ледника не дойдя каких-нибудь трёхсот метров...

Минув же – в сумерках уже – пост пограничников, слышим нотки участливости в голосах:

– Успели?! А то мы забеспокоились.

И впрямь успели!

«Дикие» – спустившись с гор, устремляемся (впотьмах) в свою таверну. На веранду, не снесённую ещё Аманузом...

Город-сказка: Домбай

Посёлок, на неделю ставший нам родным домом, очаровал: красоты так и *кидаются сверху* (горы, на каждую из которых так бы и взобрался) и *снизу* (реки – строптивые, готовые снести всё на своём пути).

До 1936-го – и в самом деле зона покоя: добраться – лишь гужевым транспортом... и в самом деле полтора века назад – и вовсе тропами лишь.

Даже сейчас... Домбай, насчитывающий сотню-другую сдержанных, не подточенных суетой жителей, и ныне *спокоен*.

Странный иррациональный посёлок – с единственной – горбатой чуть – улицей (оконечностью трассы) – извилистой проезжей частью, вдоль которой – вразброд «скачут» – непохожие друг на друга здания – от заброшенной не одно уж десятилетие, с чёрными проёмами-дырами 15-этажной гостиницей-башней до приземистых продмагов и «харчевен», из которых по вечерам льётся музыка...

Жаль – застраивая «лагерь для турья», мало кто, видимо, пытался **согласовать** постройки с *окружающими красотами!*

Нагородили зато подъёмников, сразу и не скажешь – сколько...

Вообще же, гуляя по окрестностям Домбая, хорошо *со всеми здороваться* – и видеть, как, откликаясь, светятся с тобой заодно глаза встречных (главное, смотрят – не в гаджеты, как в городах, а тебе в глаза)... Ещё здорово – *взирать* (с благоговением) на обступающие горы... Или, к примеру, переходя реку, *радоваться* за взмывающую в кресле подъёмника пару – неё и его... болтающих (весело так!) у тебя над головой ногами...

Перед отъездом (а накануне гроза гремела всю ночь: небо не желало расставаться) пошли мы в сторону «Чинар»... и, свернув с Алибекского «тракта» на кладбище альпинистов, попали в зону покоя. Чтобы там, на одну из могил – альпинистке, положить букет... Как если бы – подруге, возлюбленной...

Чтобы знала – помним...

Удивляться красоте

В «неспокойном» осеннем Коктебеле

*Коктебель не успокаивает. Он тревожит,
требует, но укрепляет и целит...*

М. Волошин

И вновь – на... В Крым... не остров уж посреди океана Тетис!..

Чудеса: в Боинге изо дня в день катаются туда-сюда по полтысячи пассажиров... летают – и хоть бы хны... Мы тоже. Вышли на этот раз в Симферополе, как будто нас здесь ждут.

Оказалось – ждут. Доставили до пансионата в Коктебеле, а дальше гуляйте сами.

И мы пошли. Вышли на набережную, где каждый устраивает себе праздник... Где некая Ульяна (сама

красота!.. до окружающих же не доходит) в платьице серебристом под гитару изливала душу... Где Фагот с Коровиным дурачились - исполняли мазурку... А цветочница (смутлая, сама – цветок), оценив, что я очарован (пением Эдит Пиаф), глянула в глаза и, ароматом роз опашнув, предложила: «Купите для дамы!»...

Раздетые (иные – почти раздетые) встречные, встречаясь глазами, словно спрашивали: «Ну как тебе?».

Как? Лестно... Тем более и на базаре, где нас, кажется, давно ждали, все что-то наперебой предлагали.

Но, ограничившись лавашом, мы пошли к Юнге. И дальше... Куда-нибудь, чтобы там окунуться, заплывать, затеряться...

И так мы шли и шли вдоль моря, смотря в сторону горизонта.

На Бакланьем камне сидело бок о бок бакланы – головы задрав и вытянув шеи, о чём-то мечтали. Неподальку плавали, отстаивая спокойствие, чайки. И те и другие, видно было, – в трансе: постигали сосредоточенно дух полновесный моря...

За заливом над Карадагской грядой назидательно вздымала два перста скала Шайтан; пахло йодом – прибитыми штормами водорослями... А хорошо, думали мы, что есть на свете места, куда не доехать... где можно уединиться, всласть насладиться природой, обрести покой, укромный **свой** угол...

Вот он! Мы нашли его, не доходя Тихой, – в Ифигениевой бухте... куда забрели, спасаясь от наплыва любителей «бархатного сезона»...

Обогнув (наполовину) окоём бухты, задержались у глинистого прижима, облюбованного чайками. Бельми, пегими... подпустившими к себе едва ль не вплотную.

И, чтобы не беспокоить их, не пошли дальше (чем, похоже, заслужили их одобрение), расположившись по соседству на мягких (перина!) водорослях в тени, брошенной «Земляной скалой».

И был здесь нараспах залив Коктебельский. За ним – дикий силуэт Карадага, укутанный в космы туч...

Здесь был край света. Тихо шелестел прибор. Груды принесённого морем мусора не особенно портили впечатление: сглаживал аромат слежавшихся на берегу водорослей, кое-где на радость нам принявших формы удобных кресел.

Как раз на одном из таких – вроде трона – восседала в наряде няяды моя жена Муся, когда со стороны гор приблизился неведомый молодой человек с бородкой.

До сего момента я плавал в некотором отдалении – изучал через стекло очков поросшее клумбами цистозейр бородатых морское дно, но при виде путника припустил к берегу.

Незнакомец же, подойдя к Мусе, остановился. Когда я подплыл, беспомощно топтался он возле, и было видно – на моё появление не рассчитывал.

– Человек интересуется, как дойти до Орджоникидзе, – с нервным смехом сообщила Муся (в длинном своём сарафане с бретельками она выглядела эффектно на своём троне, и я порадовался, что она успела одеться).

– Как лучше? По горе или низом? – уточнил бородач.

– Можно и морем, – стал объяснять я со знанием дела. – Но по горе дешевле. Не доходя конца Тихой, – вверх через Двухъякорную...

Думаю, вид у меня был решительный, посему парень не стал задавать лишних вопросов. Развернулся. И, не прощаясь, пошёл вдоль прибора. Похоже, вернулся в посёлок...

Впоследствии не раз видели мы его в районе палаток... В другой раз завлекал он публику на «чемпионат по стриптизу»... Но зачем понадобилось ему спускаться к нам в бухту?..

2

Наутро ты окунаешься, делаешь обычную зарядку на пляже перед домом Волошина, где – *никого* (зато – *все*, от Макса до Марины, незримые):

– А море, Макс... оно неизменно! Та же волна... от воды свет... случайно заплывшие сюда «зонтики» с фиолетовой бахромой – медузы...

И вот ведь и сам я – три десятка лет здесь! А раз от разу – как заново... Вновь – чуть свет (когда застонут горлицы и в воздухе запахнет вдруг розами, выхожу из дому – взобраться на Кок... Спускаюсь в бухты... Витаю тут с морем накоротке, заодно с солнцем...

Но возраст что ли начинает сказываться: удивляюсь уж собственным достижениям.

Каким? (Вспоминаю – ни в коем случае другим в подражание.) Ну как взбегал (на время) на пик Сюрю... и на Кок-Кая... Бегал как до Биостанции и назад в Коктебель, по пути иногда встречая группы возвращающихся (уморенных) с «пешей», которым сопровождающие их егеря, указывая на бегущего

типа – меня, объясняли: «А это – местная достопримечательность!»... Как в начале 90-х напротив мыса *Мальчин* (в переводе – «пастух») нырял за фрагментами обросших ракушками тысячелетних амфор на глубину трёх своих ростов... Как на следующий год плыл от Кордона до Тихой (тогда ещё, оплывая мыс Хамелеон, пришлось преодолеть встречную, хлещущую по лицу волну)... И, наконец, как раз за разом плавал от бухты Барахты к Золотым... (Тогда, правда, по акватории Карадага не курсировало ещё столько разномастных судов, да и заплывы свои я совершал, как правило, ранним утром, когда все спят...)

Вот и сегодня плыву. Всего-то – от памятника Волошину до подножия Карадага. И обратно. Радуясь: «Здравствуй же, обретённый... не обречённый мир!..»

Плыву, замыкая залив хордой...

Жена – берегом, поспекает.

(На память – и с какой стати? другие ж края! – как недалеко от Поленова тоже отдался... струям Оки, в которых блаженно так было в жару плыть по течению реки!..)

Но вот закат. Выпуклый, зовущий к себе горизонт. Идём – одухотворённые, *на виду у моря* – по набережной. Врасплеск через вернисаж – праздник, который длится мгновение: солнце звякнет – и всё рассыплется...

Мы застали!

3

На Биостанцию за пропуском на Карадаг мы с женой отправились после того, как отболели «коктейлькой» (так называемой местными кишечной инфекцией), «заразившись»... от моря.

Кораблик «из старины» подхватил и понёс нас мимо мускулистых, с одубелой «слоновьей кожей» скал заповедника... Где – один на один с *Местом силы* – от благоговейного (хоть на вытяжку...) общенья с «воздымающимся храмом» черпаем утраченную за время болезни энергию.

А уже через час, исполненные сил, смотрим в Карадагском дельфинарии представление китообразных – афалин... Удивляемся... и тем **живы**.

– Живём, пока удивляемся, – настраивая зрителей на праздник, вещает диктор.

И я благодарен: верно сказано! Удивляться и жить полно – разве не одно и то же? (Ну а остальное время? Прозябаем...)

Как-то, в советское ещё время (в 1990-м), обежав таинственный застеклённый павильон «гидробиологического комплекса», заворожённо «прилип» я к стеклу – заинтересовавшись игрой девушки-тренера и дельфина, которого вообще видел впервые... Помню – гёрл (модное тогда слово) в гидрокостюме, оценив мой восторг, улыбнулась благосклонно (глаза её так и кинулись навстречу)... но тотчас сожалеющим жестом дала знать, что в «лабораторию» нельзя... проводила взглядом...

И вот теперь, спустя столько лет, увидел я в некогда «закрытом» (в смысле секретном) бассейне представление **на удивление!**.. Хотя накануне люди (гуляющие около павильона), у которых я спрашивал, были в полной уверенности, что дельфинарий «не действует».

Что ещё? Сходили мы – как всегда, познавательно – в Музей природы...

Что до пропуска в заповедник – я, честно говоря, не рассчитывал...

Но повезло. Не буду передавать всех коллизий «в верхах», однако случилось так, что после беседы со мной «на ковёр» (в приёмную) были вызваны охранники – трое, один за другим, вставшие «во фронт».

– Это вы из цирка? – обратился ко мне третий из них.

– Из зоопарка, – поправил я.

– С зам по науке отрегулировали?

– Да, добро есть.

– Цель?

Я повторил то, что уже выкладывал в кабинете дирекции:

– ...Вдоль излияний Берегового хребта на стыке с выходом риолитов, а также рифового массива известняков отбить вулканогенные карадагской свиты... Там, в зоне сочленения, по возможности, увязать ботанику с геологией... иначе говоря, выявить приуроченность определённой растительности и некоторых насекомых к зоне...

Меня понесло... К слову, из собственного «эвенкийского опыта» я знал, что... к примеру, «на туфах» гнуса больше, чем «на лавах»... что есть мхи с лишайниками, которые «липают» к конкретным породам... Так что, наряду со спортивным, скажу, мной руководил и «глобальный» интерес, «работает» ли подобная закономерность в целом...

– А-а, это – пожалуйста, – оживилась охрана. – Но по тропе. И одному нежелательно.

– Я с женой.

– Другое дело. Мы её видели. Её там внизу мушки закусали.

Выглянув в окно, я увидел Мусю, отгоняющую надоедливых мух. В белом одеянии, как Фатимское чудо, она явно привлекала к себе взгляды оставшейся внизу «охранной свиты»...

Всё. Получив официальное благословение «на исследования», бежим с Мусей к причалу, где нас уже поджидает катер: в путь обратный.

А на катере – музыка. И вновь – мимо скального хаоса Карадага.

Здорово! Так бы и ездил туда-сюда на кораблике! Что за счастье *видеть* (хотя это, конечно, не то, что вплавь) *во всей красе* срез верхушки сорвавшегося в бирюзу бездны палеовулкана: «клеймо» от жерла на скале Разбойник и отпечаток чьего-то «перста» на Плойчатой, что рядом с глыбой Парус, скале... да и все эти гроты, силуэты, выступы, «жерубу»!..

Смотрю, глядявваюсь: столько тайн... для раскрытия которых, чувствуя, необходимы, как для постижения музыки, восторг и сосредоточенность...

Ты внимателен как никогда... И вот уж *оживший* вулкан – в тебе... Рейс завершён.

– **Ты видел это!** – говоришь себе. И даже завидуешь чуть матросам, которые изо дня в день курсируют мимо Недооцененных Красот...

– Ты видел это! – скажешь себе и на следующий день, сойдя с гор. – И главное теперь – ничего не скомкать! – будешь повторять как заклинание...

4

Громозакого, как Максимилан Волошин, мистификатора и фотографа Сашу Гусева встретили идущим под рюкзаком – похожего на улитку, упорно тащащую свою раковину.

Затащили мы его, конечно, к себе на четвёртый этаж (на балкон) – узнать, чем дышит друг, чем – Коктебель.

Не удалось, правда, на этот раз «рассидеться» на набережной у литфонда: согнала оглушительная музыка, под которую «зажгли» к вечеру своё выступление фаершики (мужественный факир и гибкая – само совершенство – волнующая невообразимой фигурой танцовщица), мастера Театра огня...

На Сашино «фэ» («Посидеть не дадут!») последовало возражение: «Права у всех... А вы кто?..»

– Я здесь главный! – заявил Саша. (Не иначе, в нём заговорил Волошин.)

Спорить не хотелось... Хотя, что и говорить, было б, наверное, лучше, если бы *в таком месте* не была по ушам музыка... а ради открытия новых баров не заливали в бетон деревья – ровесников Максимилана... чтобы новостройки не подбирались к отрогам Карадага (вон вскарабкались уж на плато Тепсень!)... и чтобы «чемпионаты по стриптизу» устраивались на других берегах...

Не худо было б, и если бы любители «бархатного сезона» хоть иногда читали... и чтобы Маленькому Принцу, если бы его занесло сюда попутным ветром, не было скучно...

Что до вечных истин и нечитаемых книг... Обывателям, уверен, не извратить праздник, царящий здесь со времён Макса!

А в чём праздник? Да хоть в том же фаер-шоу... В каждовечерних разнообразных мероприятиях в Доме Волошина... В том же – заводном – исполнении группой «Слон» рок-н-ролла (под который, кстати, однажды мне удалось зажечь в танце жену)...

Согласитесь, как это всё (соединяющее нас в прекрасном) *оживляет*, если отнестись к мигу как к празднику, то есть пристрастно!..

Да, ещё в тот вечер – а потёмках уже – сходили мы в сторону Карадага. И там, над Киловой (преградой морю) горой, обнаружили, – такие большие звёзды!

А ходили мы неустанно. Как ещё – мало кто...

Остальные? На пляже... Палаточники – перед пологом... Автомобилисты – на авто...

У кого преимущество? – рядили мы... **Идти**, представлялось, лучше.

Поэтому – на Кок-Кая. В пекло. Я (пока жена с «коктебелькой» – в тенике на пляже).

Взмыл – и едва не спёкся... Хотя больше допекали мушки (в сентябре, да, донимают).

Но как окрыляют виды, ощущение высоты! Не мешкая взобрался я по расщелине на скалу... Назад – слалом, с вьющейся на голове рубахой. Прямоком к морю... не такому, как я, солёному, но какому ж желанному, о блаженство!

Вот и на следующий день с полшестого до пол-одиннадцатого – на Карадаге.

Восход (ради чего – всё) застав – не доходя Гравийной – на пару с неким одиноким йогом, встретившим солнце верхом на скале Лягушка.

Солнце! Прогрёмев валунами, я пустился вплавь. Как с эстафетой... Встречь алому из-за поволоки пожару...

Когда же плыл назад, ветер нёс встречу волну. Будто испытывал – иллюзией уходящей суши...

На этот раз берег меня удивил отсутствием мусора... границы заповедника – починенными ограждениями... егеря – бдительностью, как если бы стояли они на охране границ...

Уже перед бухтой Ливадия встретил я Алексея-егеря, на удивление доброжелательного... наряду с сердечностью, сочетавшего в себе и строгость пограничника.

– В долине Роз – осыпи, – предупредил.

Однако подъём по долине, в которой на самом деле роз нет, мне дался легко: притягивал Магнитный хребет.

Как и карабканье по ущелью, именуемому Змеиным, в котором змей не было...

Но на гребне хребта, в отличие от расхоженной дорожки вдоль моря, тропа заросла, если не считать кое-где в траве, на песке в гротах следов от копыт... и трудно было выбирать путь.

С трудом узнавал я кручи, которые, кажется, не так давно исходил. Искал, не находил... Не обнаружил и спуск с Кок... ложбину, по которой – и ночью застигнутый, в сопровождении жены, случилось, – сходил на ощупь...

На этот раз один (жена ещё не очухалась – осталась «в палатах»), в шортах лишь, хотя можно было б и без, если б не риск зацепиться ненароком за колючки или шипы держидерева и остаться с носом... обследовал я каверзные скалы и вершины, уходящие в небо...

И вот, сердясь на жару, на мушек, а отчасти – на себя, почёл за благо не рисковать – вернулся, перевалил через Магнитный и, не доходя четырёхсотметровой стены Лагорию, вышел к Южному перевалу.

Палило не по-осеннему. Ветер я нашёл лишь в седловине, где спасительно поднял руки и постоял в струе птиц. Хотелось пить.

Отдав поклон Сфинксу, понёсся вниз по дороге, где можно срезая путь и по ходу отбивая контакт: туфы, лавы, обломки базальтов на глазах уступали липаритам, миндалекаменным трассам... А вместе с тем, в подтверждение домыслов моих, менялось и разнотравье... куда-то пропали и мушки...

Но жажда... Я вышел к заброшенному посёлку, где на двери единственного здания (называемого сложно – Станция мониторинга) висел замок – и не у кого было спросить воды.

Зато, как в последовательно-доброй сказке, позади «Мониторинга» ждал сюрприз – распростёрто кусты терна: обворожительно свисающая с кустов синь ягод спасла меня от жажды и придала сил.

А уже на выходе из заповедника, у «кошар», встретил я ещё одного «погранца» – егеря Константина, который рад был пообщаться с «живым ненарушителем» и сообщить о «конце лета» – грядающем дожде... ненастье, которое, к слову, назавтра не позволило мне выбраться в горы...

Тропа, ведущая в овраг, вдоль колючей проволоки, сократила путь. Впереди, уже видно было, ждало море (видело же – погибал...) Дождальось – и, утешая, обволокло...

Ближе к вечеру, после очередного купанья «у Макса» и выпитых двух бутылок минералки – когда «вторая половина» моя, воспользовавшись моим отсутствием, вздумала воспитывать в себе злость, повстречал я (вовремя-то как!) приятеля Радика. Босоногого, как всегда, лучезарного... похожего на пророка (и есть пророк!)... в общем, танцора, одним светлым видом своим спасающего (вопрос – надолго ли?)...

Все вместе – с его женой и дочкой – зашли в салон «Подзаборники» (бывшую «Чайную», а ныне – не очень-то посещаемую картинную галерею коктебельских авангардистов) – и вышли оттуда довольные.

В день отъезда ни свет, ни заря идём было в бухты. Но едва вышли (в пять утра), закрапал дождь.

И – всё по-другому! Наохлилось небо. И – словно Медуза Горгона раззмеяла лохмы... не хорохоримся уж, встречая безучастно рассвет...

Разве что ожили, заплыв в девственные воды заповедника...

Так вот он какой – конец лета (начало которого застали мы в мае, в прошлый приезд свой)! Ни с того, ни с сего...

Что ж, встретили – и проводили...

Лёгкий ветерок восхода быстро обсушил нас...

Позавтракав, спешим на экскурсию в Дом Макса... а затем на кораблик – запечатлеть умытые дождём горы...

А море... После дождя – оно как никогда *в охват* (кто видит), вдали – синее, зеркало – вблизи, с резко очерченным, выпуклым горизонтом... Воздух же столь прозрачен, что в Орджоникидзе-посёлке, примостившемся в ложбине меж гор, каждый дом виден.

Кстати, вечером, когда на вернисаже праздник уже сходил на нет, Орджо – весь – светился, как «Титаник» на рейде...

Оглядываюсь. Силуэтом в небе ночном, у края – гора, называемая «Чёрной». Пора уезжать, а я *не ходил* в горы...

Звоню в аэропорт:

– Нет ли у вас прямого рейса «Коктебель – Домбай»?

Ответ:

– Только на своих крыльях.

«СЕТЧАТКА»

ЕЛЕНА КОРО

ИНФЕРНАЛЬНЫЕ ДУШИ: МЕТАМОРФОЗЫ ОБРАЗА

эссе

«Это тоже inferнальная душа и великого гнева женщина» [5, т. 2, с. 192]

Образ inferнальной души впервые появился на страницах романа Достоевского «Братья Карамазовы». В романе эти заимствования писателя звучали в речи Дмитрия Карамазова, он окрестил «inferнальной душой» и «женщиной великого гнева» Катерину Ивановну. Причём, характеристики героинь, как и словечки Достоевского, даются женщинам краткими выразительными фразами, ухватывающими самую суть специфических нюансов демонических (inferнальных) страстей персонажей. Так появляются «inferнальницы» Достоевского.

«Понимаю царицу наглости, вся она тут, вся она в этой ручке высказалась, inferнальница! Это царица всех inferнальниц, каких можно только вообразить на свете!»

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы» [5, т. 1, с. 176]

«Царицей всех inferнальниц» называет Грушеньку в разговоре с Алёшей Дмитрий Карамазов. Этим словом объединяет Фёдор Михайлович всех роковых героинь своих романов в единое целое. В нём оттенок странной ласковости, мягкости, потаённости, скрытности. «Надрыв» природы прячется за вуалью уменьшительно-ласкательного суффикса «inferнальницы». Чужие, заимствованные слова: «inferнальница», «inferнальная душа», «inferнальные изгибы», «inferнальные идеи», коими пестрят страницы романа Достоевского, при всей своей чуждости очень органичны в его контексте, и постепенно глаз привыкает, а в памяти героини романов Достоевского так и остаются «inferнальницами». Само же слово становится органичной частью языка Достоевского, как стали надрывной частью его жизни эти северные роковые женщины со всей их мучительной странностью, чуждостью, но каким-то поражающим слух оттенком любящего юродства – «inferнальницы». Здесь кажется чуждым слово «демоницы», но вся любящая ласковость юрода – в слове «inferнальницы». Здесь выявляется тот самый эффект «многоголосности», о котором писал Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского», когда язык персонажей и автора, при всех индивидуальных особенностях речи героев, как бы сливаются. Каждый голос со своими языковыми и стилистическими особенностями, вот этими особенными словечками, переключается друг с другом, становясь общей темой в полифонизме общего, повторяясь во множестве тем рефреном «inferнальности». В каждой теме выделялась своя специфика этих «inferнальностей» – «inferнальниц»: «ручка Грушеньки», «inferнальные изгибы» тела, которые «томили» Дмитрия Карамазова, «великий гнев» Катерины Ивановны.

А город inferнальниц – Петербург – оборачивается вдруг странной и страшной соборностью полифонизма всех inferнальных душ – единой inferнальной душой Петербурга на страницах романов Достоевского.

Здесь нужно обратиться к истории создания самого города, к фигуре его создателя, чьим замыслом возник он из ничего на топиях и болотах – странным огнём из грязи. Это место, на котором возник Петербург, его топос – чистое инферно – по сути, топи болот, болотные огоньки – да вой нежити. И замыслом Петра, его видением города и был репрезентирован этот inferнальный город, город-призрак и город призраков.

Вот каким мы видим чистое инферно петербургского мифа на страницах романа «Петербург» Андрея Белого:

«А там были – линии: Нева, острова. Верно в те далёкие дни, как вставали из мшистых болот и высокие крыши, и мачты, и шпицы, проникая зубцами своими промозглый зеленоватый туман – на теневых своих парусах полетел к Петербургу оттуда Летучий Голландец из свинцовых пространств балтийских и немецких морей, чтобы здесь воздвигнуть обманом свои туманные земли и назвать островами волну набегающих облаков; адские огоньки кабачков двухсотлетие зажигал отсюда Голландец, а народ православный валил и валил в эти адские кабачки, разнося гнилую заразу...

Поотплавляли тёмные тени. Адские кабачки же остались. С призраком долгие годы бражничал православный народ: род ублюдочный пошёл с островов – ни люди, ни тени, – оседая на грани двух друг другу чуждых миров» [3, с. 21].

«Ублюдочный род островов, ни люди, ни тени» – таковы метаморфозы образа inferнальных душ, отделяющие «Петербург» Достоевского от «Петербурга» Белого. И отсюда странное свойство улиц Петербурга: «Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают в тени прохожих; тени же петербургские улицы превращают в людей» [3, с. 40].

Вот что пишет о Петербурге Ямпольский в книге «Ткач и визионер»:

«Петербург – город, в котором Россия сталкивается с материальным воплощением видения (Пётр часто интерпретируется как визионер, который реализовал в камне посетивший его царственное воображение образ)» [10, с. 7].

«Петербург – редкая модель буквального проецирования репрезентации на физический ландшафт, который понимается как *tabula rasa*, ничто, своего рода материальный *templum*. Петербург возникает как материализация видения, и всё происходящее в этом городе приобретает черты призрачности, так как относится не к реальности, но к идеальности видения. Это творение “из ничего” – *ex nihilo*» [10, с. 8].

А также:

«Петербург – принципиально – сфера неистинного. Но эта “мнимость” петербургского репрезентативного пространства должна была компенсироваться его иллюзионизмом. Репрезентация приобретает всю свою эффективность только тогда, когда она достигает эффекта присутствия отсутствующего. Именно поэтому петербургская культура становится имперской и иллюзионистской одновременно, а реакцией на неё становится религиозная эсхатология. Уже Пётр выступает одновременно и как священный монарх, и как Антихрист. Эта двойственность – прямой результат репрезентативности и связанной с ней культуры мнимости» [10, с. 12].

Так в образе Петра возникает оксюморон – «inferнальный демиург».

Миф Белого превращает Антихриста в Летучего Голландца (основанием идентификации образа Летучего Голландца с образом Петра послужил факт пребывания Петра в Голландии), от которого и пошёл с островов ублюдочный род: призраки ли, люди, неизвестно. Оттого их тяга с островов на Невский. Невский проспект превращает тени в людей. Но это магия призраков, магия оборотничества. Причём, люди с островов, воплощаясь на улицах Петербурга, обретают настоящую жизнь – на какое-то время. Жителям Невского труднее, в городе-видении они и сами двоятся. Природа их, преодолевая мнимость, выявляет из себя inferнальных двойников, явленных у Белого в масках. Николай Аполлонович Аблеухов – студент философского факультета. Но встреча с «inferнальницей» меняет его, так появляется двойник – «красный шут». Сама же «inferнальница» – Софья Петровна Лихутина, ангел Пери, в отличие от героинь Достоевского, натура уже не трагическая, на порядок мельче. Её двойник – «японская восковая кукла». Ангел Пери как будто обречена чувствовать себя куклой восковой, марионеткой в руках неизвестных сил. Здесь иррациональные силы вторгаются извне в кукольный мирок жены офицера Лихутина, и, отторгая её от себя самой, как будто, вынуждают участвовать в маскараде. Роль её также иллюзорна, но в этом городе на улицах тени становятся людьми, маски обретают реальную жизнь. Страсть мужчины и женщины уходит на улицы Петербурга, город призраков получает страсть как inferнальную силу, способную вдохнуть жизнь в марионеток. Странное действие, карнавальное действие разворачивается на улицах между «красным шутом» и «японской восковой куклой».

У Достоевского страсть иного качества, страсть-улада как целый мир, отдельная вселенная в продлении в бездну демонического. Она у него странная эта вертикаль инфернальной страсти, но на эту ось у него и навёрчены все миры. И среду он являет в «Идиоте» [6] разношерстную, но обычную, торговую, мещанскую, разбойничью со всеми их качествами, типично человеческими. И эти городки-миры он навёрчивает на эту вертикаль совершенно не человеческого – через страсть-уладу – в оксюморонном продлении в самые глубины русского демонизма. А по горизонтали миры удерживает дихотомия «гротескного сознания» [8], в чистом трагифарсовом состоянии. Отсюда все эти метания, карнавальная демонстрация чувств публично. Ощущение от романа Достоевского это: вся толпа героев и ряженных в санях, на птице-тройке, ссорясь, бранясь, кривляясь, выясняя отношения совершенно гротескно, несётся по этой горизонтали в будущее, в XXI век – всей трагифарсовой несурзкой толпой.

И только эта горизонталь и спасает их мир, и самих героев от полной утраты человеческого. Фарс здесь – вектор в будущее, только это им и даёт, этим мирам, продление во времени.

Но никто из этих героев не вытягивает на уровень истинно трагического, у каждого из них изъян и странность, в каждом из них свой «смешной человек».

А вот Фёдор Михайлович, только он, ось трагического. И он стоит и держит трагизмом гения эти миры, не даёт им рассыпаться как карточным домикам.

И держит и вертикаль, и горизонталь этих миров.

Но чем дальше в будущее, чем дальше от гения самого Фёдора Михайловича – в прочтения потомков – экранизации «Идиота» – тем меньше и меньше истинно трагического, и уже – до полного вырождения трагического, и даже трагифарсового, и даже истинно комического – «Даун Хаус» Романа Качанова [9]. Это уже 21 век.

Не апокалипсис, в который Фёдор Михайлович погружает своих персонажей, и они со всеми своими несурзностями, не осознавая до конца, куда они, собственно, попали и что с ними происходит. Но они приняли это, понимая, не понимая, но приняли и стоят стоически в шутовских нарядах.

В фильме «Даун Хаус» у мёртвой «инфернальницы» отпилили ногу – и устроили пиршество пожирания – это уже и не культура вовсе, порно-симулякры постмодерна, глумление как порнография, как попытка убийства литературного образа, как попытка расчленения русской культуры симулякрами постмодернизма. Но, как и всякое порнографическое действие, попытка эта бесплодна, потому что лишена силы уничтожить художественный образ жалкими потугами глумления. Есть такой образ мертвеца у африканских народов, который проявляет всю видимость сексуальности в неприличных жестах и словах, но силы как таковой не имеет, ибо мёртв. Так, собственно, и «Даун Хаус» – пример глумящегося мертвеца постмодернизма, но силы творчества ему уже не дано, постмодерн лишил его творческой силы. Но, таким образом, мы видим, как время и современное искусство разрушило образ «инфернального демиурга» и «инфернальных душ», превратив его, как и самое себя, в глумящегося пожирателя трупов.

Но вернёмся снова к инфернальницам Достоевского.

Прообразом Настасьи Филипповны, ангела князя Мышкина, первая жена Фёдора Михайловича Мария Дмитриевна, история их любви мучительна, как история отношений Настасьи Филипповны и Рогожина.

Удивительно снял фильм «Настасья» Анджей Вайда по мотивам романа Фёдора Достоевского «Идиот».

В его фильме японские актёры, странное трансцендентное действие, эффект сочетания элементов абсурда с театром Кабуки. Здесь один из ведущих актёров-оннагата современного кабуки Бандо Тамасабуро играет и Настасью Филипповну, и князя Мышкина.

Из интервью с режиссёром на Берлинском кинофестивале 2008 года:

«О, Тамасабуро Бандо! Он всю жизнь играет только женские роли, это особый класс, ему буквально поклоняются. Я увидел его в “Даме с камелиями” и был убеждён, что это настоящая женщина. Когда мне предложили в Японии поставить “Идиота”, то я понял, что мне крайне необходимо, чтобы именно он играл сразу и Мышкина, и Настасью Филипповну. Мы переписывались об этом целых три года. Представляете, он боялся играть мужчину, хотя в реальной жизни – мужчина как мужчина, немолодой уже. Добившись его согласия, я написал ему на радостях: вы женщина, которую я ждал дольше всех в жизни. Моя жена Кристина, она художник, одела его в прекрасный белый костюм. И вот он выходит во время первой репетиции на сцену и говорит: знаете, мне кажется, я совершенно по-дурацки выгляжу. Очень сложно адаптировался к мужской роли на сцене. А перевоплощался в Настасью Филипповну за миг: отворачивался, надевал парик, клипсы – и появлялась ослепительная женщина. Вот ведь, мужской и женский характер Бог раздаёт, как ему нравится. Я сделал фильм из тех записей, что у меня остались. Это, конечно, не кино – что-то на грань» [7].

Играет актёр великолепно, перевоплощается из образа в образ гениально, природа мужская постепенно, незаметно, мазок за мазком, так тонко идут переходы наложения грима, последние чарующие жесты и, о чудо, перед нами естество женское во всей своей инфернальности. Такое мягкое чарующее оборотничество сродни магии самих демонических мифологических существ загадочной земли на дальневосточной окраине мира, создающих человеческий облик, прекрасный женский облик, видимо, такими же тонкими и точными движениями, уводящими за пределы данного людям восприятия в мир перевоплощений души.

К сочетанию в женской душе инфернального естества и начала мужского возвышенного идеализма склонен именно восток, восток дальний, островной. Эстетика переходов из возвышенного в прекрасное – и обратно – так гармонично сочетается с этикой слияния демонического и возвышенного, идеального – в прекрасном.

Русский северный демонизм Достоевского, демонизм топей и болот, хлябей русского Севера так мягко скрадывается самой сутью инфернальности дальнего востока. Здесь нет чудовищного гротеска поступков русской души с пьяным ухарством и отчаянием Рогожина, здесь тихо и мягко устрашающая суть, являющаяся вдруг, то невыносимо прекрасным женским ликом, так прекрасны только демоны-оборотни в восточных сказках, то англоподобным ликом мужским. Восточные игры с природой мужнины и женщины – по сути инфернальны.

Наш путь снова лежит на север – курс на британские острова.

Найдём ли мы там инфернальную душу?

О, да! Это самая странная британская актриса, инфернальная муза Дерек Джармена, – Тильда Суинтон. И в самых странных образах нам явлена душа.

Кто боится Вирджинии Вулф? Вопрос не риторический, речь о самой странной писательнице инфернальных походов души во времени и вне времени. Речь о романе Вирджинии Вулф «Орландо» [4]. И в продолжение темы – фильм Салли Поттер «Орландо», в котором Тильда сыграла главную роль.

Когда уходит прочь восток, мягко, на цыпочках, в мир английского рационализма вмешиваются иные иррациональные силы. Английскому демонизму чужд немецкий трагический дух, островное инферно действует постепенно, на уровне аллюзий бессознательного к реалиям жизни общественной. Здесь царство фантазий, скрываемых даже в моменты самого глубокого интима, мир откровенной, предельно откровенной эротики с партнёром, но мир этот закрыт, скрыт, уловлен в запретный мир инфернальности именно ею – предельной откровенностью желаний.

Здесь демоническое за гранью общественного, инфернальное – мааргинально, и этот акцент и ракурс маргинальности получает особый статус кво – инаковости.

Тильда Суинтон и Дерек Джармен [1].

Ракурсы инфернальной музыки в фильмах Джармена.

Роль Мадонны в кинопритче «Сад».

Этот образ больше психоаналитичен нежели запредельно божествен. За каждым взглядом, жестом, проявлением женской архетипической природы следят папарацци, всё вычленено в кадрах, всё отдано во имя кадра, всё, связанное с образом Девы Марии разменяно – не на образа – нет, почти, что на порнокартинки. Мадонна вынуждается к бегству – в Египет.

Но остаётся инфернальная муза вне кадра, за кадром, голос Тильды звучит в фильме «Blues», последний откровенный разговор Джармена с миром, предельная открытость желаний и жизни, чисто английский монолог, по сути, диалог с миром – голосом своим и музыки. Чисто английская дуальность инфернальной души, спрятанная глубоко внутри, явленная миру голосом символов, притч, монологом, предельно откровенным, за кадром – самой жизни.

Таким образом, мы видим метаморфозы идеи инфернальности в образах и символах в литературе разных стран и эпох. Век XIX в романах Достоевского выявляет инфернальную природу петербургского мифа, петербургского текста, как природу видимости, иллюзии, репрезентация которой создаёт целый мир «инфернальниц» на страницах романов Достоевского. Все эти персонажи своеобразны и двойственны: глубоко трагичны по своей натуре. Но некий странный гротеск характеров, какое-то внутреннее юродство, «смешной человек» внутри, органично сочетающийся с глубинными безднами демонического, превращает трагедию в трагифарс. Но именно в этом – выход из личного апокалипсиса и из апокалипсиса инферно Петербурга, города, сотворённого замыслом инфернального демидурга.

Век XX даёт своё прочтение инфернальному мифу Петербурга. Андрей Белый усугубляет бездну мнимого Петербурга, Петербурга-декорации и инферно островов мифом о Летучем Голландце. У него Петербург репрезентирован улицами, на которых безликие тени островов, наделённые инфернальной

силой, становятся людьми. Люди среди зданий-декораций утрачивают своё «я», их естество двоится, и inferнальные двойники получают жизнь на улицах Петербурга, движимые тёмными силами островов и топей. Но это жизнь среди декораций inferнального театра, имя которому – Петербург. Это карнавальное действо марионеток, красных шутов и восковых кукол, жизнью их наделяет inferнальный демидург, пишет и тут же воплощает замысел-сценарий своих трагифарсовых пьес, в которых всё меньше силы глубинной, демонической, всё больше «смешных сцен». Время изменяет Петербург, на первый план всё больше выходят декорации. Медный всадник, как демидург города, воплощённый в камне, уже не величественно ступает по мостовой грандиозным видением, как в одноимённом романе Пушкина, наступая Евгения. Нет, он смешно карабкается за героем по каким-то узким улочкам. Условность, мнимость города, со временем всё больше изменяет лик Петербурга, декорации сжимаются шагреновой кожей, глубины демонического теряют вес и значимость.

Достоевский теряет лицо трагика, держащего ось бездны inferно, XX век являет трагифарсовые маски. Век XXI, глумясь, пожирает мертвецов, порнографически растягивая удовольствие от акта расчленения и пожирания, сводя inferнальные миры к «мирам физиологических актов» – каннибализма ли, дефекации – всё едино.

Но пограничье всегда даёт новые прочтения миров. Японское искусство кабуки позволяет бросить новый взгляд на природу страстей «inferнальных душ» в романе Достоевского «Идиот». Прочтение образов актёром театра кабуки Тамасабура Бандо открывает двойственность женского и мужского, органичное оборотничество inferнальной восточной души, которое напрочь лишено условностей. Здесь в масках явлена истинная природа inferнального. Здесь двойственность не разделена и не отделена от естества. Здесь так органично актёры меняют женскую и мужскую ипостаси единого лика-демона в отличие от лиц и масок русского демонизма.

И, наконец, британское inferно с оттенком маргинальности и инаковости. Оно всегда выражено средствами новых экспериментальных направлений в искусстве: от волны «новой прозы» времён Вирджинии Вулф – до постмодернистских экспериментов в кино Дерека Джармена и его inferнальной музыки актрисы Тилды Суинтон в конце XX века. Британия экспериментирует от обратного: здесь в среду инаковости, маргинальности отдаются традиционные ценности. Символы божественности – Мадонна в кинопритче «Сад» – отдаётся на растерзание толпы, продаётся в руки папарацци, разменивающих божественных образ на порно-картинки массового потребления. Почитание божественного, почитание идеала превращается не в умерщвление и пожирание оно как в русском постмодернизме XXI века, здесь Образ приносится в жертву толпе и средствам массовой информации. Здесь уничтожается Образ из желания сделать из него «порно-картинку».

Таким образом, постмодернизм русский средствами «чёрного нуара» уничтожает саму идею inferно, английские эксперименты с образом превращают его в симулякры массового потребления. Пожалуй, только японские эксперименты с идеями inferнальности близки к исконному народному восприятию дуальной природы демонического, явленной в оборотничестве в японских мифах и сказках.

Таким образом, идея inferнальности, выраженная в XIX веке средствами романтизма, несёт демидургическую смысловую доминанту, век XXI приёмами постмодернизма изменяет её смысловую составляющую в корне, выводя на первый план доминанту эсхатологической смерти, отдания демидурга глумящейся толпе на расчленение и пожирание. Возникший из ничего достигает крайней степени материализации, после чего толпа его просто поедает. Такова эсхатологическая кончина, смерть идеи inferно, породившей миры inferнальных душ.

Список использованных источников:

1. Андропова А. Дерек Джармен. Жизнь как искусство – СПб: Любавич, 2011
2. Бахтин Михаил. Проблемы поэтики Достоевского // М.: Художественная литература, 1972.
3. Белый Андрей. Петербург // Киев: Дніпро, 1990. – 600 с.
4. Вулф В. Орландо: Роман. - СПб: Азбука-классика, 2004. – 304с.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // М.: Художественная литература, 1972. - т.1,2.
6. Достоевский Ф.М. Идиот // Ленинград: Наука, 1989. Собр. Соч. в 15 томах – т.6, 670с.
7. Ирина Любарская. «Пейзаж после битвы» // Итоги. – 4 февраля 2008. – № 6 / 608.
8. Меньшикова Елена. Смех Протея: феномен гротескного сознания. – СПб.: Алетейя, 2015. – 340 с.: ил.
9. Сальникова Е. «Дебилизм спасет мир» // Независимая газета. 2001. 15 марта
10. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре // М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 616 с, ил.

МИХАИЛ СМИРНОВ

НАБОКОВ В УЭЛСЛИ

Почти всё время своего проживания в США (1940-1959 гг.) В. Набоков преподавал русский язык и литературу (русскую и европейскую) в американских учебных заведениях. Обнаруженная недавно и публикуемая ниже анкета, относящаяся к периоду работы писателя в Уэлслийском колледже, позволяет расширить представление о Набокове времён начала и середины 40-х годов.

АНКЕТА

ДАТА – 4 сентября 1944.

УЭЛСЛИЙСКИЙ КОЛЛЕДЖ

Анкета для преподавателей и сотрудников

ФАМИЛИЯ – Владимир Набоков.

ДОЛЖНОСТЬ – Преподаватель русск. языка.

АДРЕС В УЭЛСЛИ /

ДОМАШНИЙ АДРЕС – 8, Крейджи-Сэркл, Кембридж, 38, Масс.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ – Санкт-Петербург, Россия.

ДАТА РОЖДЕНИЯ – 23 апреля 1899.

УЧЕННЫЕ СТЕПЕНИ – Бакалавр гуманитарных наук, Кембриджский ун-т, Англия.

С КАКОГО ГОДА НАЧАЛИ РАБОТАТЬ В УЭЛСЛИ – 1944.

ДРУГИЕ ДОЛЖНОСТИ В УЭЛСЛИ – *Сверхштатный межкафедральный лектор по сравнительному анализу литературы в 1941-42 гг.; преподаватель по факультативному спецкурсу русского языка (весенний семестр 1943 и уч. г. 43-44).*

РАБОТА В ДРУГИХ МЕСТАХ – 1) *Ассистент – курс писательского мастерства и русской литературы в Стэнфордском ун-те, летний семинар, 1941; 2) штатный сотрудник по энтомологии, Музей сравн. зоол., Гарвард, с осени 1942; 3) лекционное турне (многие колледжи) под эгидой Института международного образования, 1942.*

ПУБЛИКАЦИИ – *Книги – 9 томов романов и рассказов и 2 – стихов на русском языке (большая часть переведенных на другие языки) и 2 романа, изданных в этой стране: «Смех во тьме» и «Истинная жизнь Себастьяна Найта»; «Николай Гоголь» («Нью дирекшнз»), 1944, критическое исследование. Рассказы и стихи в «Атлантик мансли» и «Нью-Йоркере». Рецензии в «Нью рипаблик» и т. д. Научные статьи (Lepidoptera, систематика) в «Русче».*

ОБЛАСТЬ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ – *Русская литература и язык.*

ДРУГИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ – *Писательское мастерство, энтомология.*

НАУЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, В КОТОРЫХ ВЫ СОСТОИТЕ – 1) *Общество Гуггенгейма по изучению писательского мастерства, 1943; 2) Кембриджское энтомологическое общество.*

ПУТЕШЕСТВИЯ (места и даты) – *Россия, Греция, Англия, Швейцария, Голландия, Германия, Бельгия, Чехословакия, Франция и 23 штата США.*

СЕМЬЯ: муж или жена – *имя и занятие – жена, Вера;*

дети – *имя и дата рождения – сын, Дмитрий, 10 мая 1934.*

Пожалуйста, впишите добавочную информацию и сообщите планы на будущее на обороте и верните анкету в канцелярию.

- 1) *Я пишу большой роман под предварительным названием «Личность из Порлока».*
- 2) *В сотрудничестве с Эдмундом Уилсоном я готовлю книгу по русской литературе (переводы и статьи).*
- 3) *«Три русских поэта», книга стихотворных переводов, находится в печати («Нью дирекшнз»).*
- 4) *Я также готовлю монографию по строению и систематике бабочек (род лицеидес, семейство голубянок).*

Набоков попал в Уэлсли не сразу после переезда за океан. Вскоре после прибытия в США он совершил лекционное турне под эгидой Института международного образования. Одна из его лекций (март 1941 года) состоялась в Уэлслийском колледже, что и положило начало семилетнему сотрудничеству с ним. Преподавать в этот колледж Набокова пригласили телеграммой, заставшей его в Нью-Йорке (где он занимался энтомологией в Музее естественной истории).

Переехав в Уэлсли в начале осеннего семестра 1941 года, Набоковы сняли дом № 19 по улице Элпби в нескольких кварталах от колледжа. Уэлсли всегда был исключительно тихим городком. Набоков сообщает своему другу, что он читает и пишет в условиях «исступлённой тишины». Городок этот располагался всего в 14 милях от Бостона, административного центра штата Массачусетс, что и позволяло впоследствии писателю жить в Кембридже (он тоже был недалеко от Бостона), а работать в Уэлсли.

Любопытное совпадение: высшее образование Набоков получил тоже в Кембридже, но не в Америке, а в Англии, где он занимался литературой и биологией (сначала даже собирался специализироваться по ихтиологии², однако выпускные экзамены сдавал по гуманитарным предметам, о чём и говорит полученная там в 1922 году ученая степень – бакалавр гуманитарных наук). «Я американский писатель, родившийся в России и получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу»³, – скажет он в одном из интервью 60-х годов.

Уэлслийский колледж был основан в 1870 году на территории поместья бостонского адвоката Генри Дюранта, который после смерти своего единственного сына решил создать учебное заведение, чтобы предоставить девушкам возможность получить такое же образование, как и юношам. После пожара 1914 года, уничтожившего главное учебное здание, первокурсники и большинство старшекурсников ютились в маленьких деревянных помещениях, а преподавание велось в непригодных, временных постройках, кое-где ещё оставшихся к моменту приезда туда Набокова.

Когда Набоков впервые появился в Уэлсли в 1941 году, у него уже было подготовлено немало лекций. Эти записи использовались как в Стэнфордском университете (где он читал курс по писательскому мастерству и русской литературе – летний семестр 1941 года), так и в лекционном турне под эгидой Института Международного образования. Прочитанные им лекции можно объединить по темам: «Странная судьба русской литературы», «Трагедия трагедии», «Писательское искусство», «Художник и здравый смысл», «Суровые факты о читателях». Отдельные выступления были посвящены Пушкину, Лермонтову, Толстому и Гоголю. Набоков сразу зарекомендовал себя столь искусным лектором, что его попросили остаться в Уэлсли ещё на две недели.

Столь удачное начало лекционной деятельности в Уэлсли – не единственная причина, благодаря которой Набоков стал здесь преподавателем. Отдел редкой книги библиотеки колледжа обладал коллекцией многих изданий «Алисы в стране чудес», куда входил и экземпляр набоковского перевода, причём в колледже знали, что до этого «Алису» не издавали на русском языке⁴. Это во многом повышало уважение и интерес к русскому писателю. К тому же Уэлслийский колледж, считаясь в течение долгого времени образцовым учебным заведением, резервировал часть средств для сверхштатников из беженцев и эмигрантов. Несмотря на столь хороший приём, Набоков продолжал испытывать некоторую неуверенность в своём будущем.

В течение своего первого года в Америке он трудился упорнее, чем когда-либо раньше, на литературное творчество не оставалось времени: Набоков был целиком поглощён преподавательской деятельностью и занятиями энтомологией, доставлявшими ему большое удовольствие. Рассчитывая получить в будущем постоянное место преподавателя, он подготовил лекционный материал примерно на 100 учебных часов, что составило приблизительно 2000 страниц машинописного текста. Ведя свои лекции в несколько замедленном темпе, он выработал манеру лёгкого, как бы незаметного скольжения взглядом сверху вниз по странице (этому приёму так и не смог научиться набоковский Пнин), хотя и был уверен в том, что наиболее бдительные студенты не сомневаются: он именно читает по своим заметкам, а не рассказывает. Впрочем, лекции иногда оживлялись повествованием импровизациями, например, о том, как Гоголь умолял врачей снять с его носа пивяки, прилепленные туда усердными лекарями в наивной надежде отвлечь неминуемую смерть великого писателя.

После годичного пребывания в Уэлсли наступил перерыв, вызванный получением гранта от Общества Гуттенгейма по изучению писательского мастерства (как видно из анкеты, через год его приняли в члены этого общества), благодаря чему он вновь совершил лекционное турне с посещением многих колледжей.

В течение первого периода работы в Уэлсли (осень 1941 – весна 1942 года) у Набокова не было своих собственных студентов, он был внештатным преподавателем, точнее, как сказано в анкете, – сверхштатным межфакультетным лектором по сравнительному анализу литературы (кстати, эта должность ранее не существовала в колледже – её специально создали для Набокова).

Впоследствии из числа как студентов, так и сотрудников сформировалась группа факультативного изучения русского языка. Из спецкурсов колледжа это был единственно серьёзный – другие, например, именовались: огородничество, курсы по уходу за детьми и проч. Преподавателем по факультативному

спецкурсу русского языка Набоков работал весной 1943 года и учебный год 1943-44. Кстати, лекции по писательскому мастерству и сравнительному анализу литературы читались тогда на шести филологических кафедрах: французской, германской, итальянской, испанской и двух английских: языка и литературы.

В цикле лекций о русских писателях он подчеркивал западную ориентированность наших классиков XIX века. Эти лекции и озаглавлены были одинаково: «Пушкин (или Лермонтов, или Гоголь) как западноевропейский писатель». Поэтому кажется неудивительной следующая оценка Набокова-преподавателя: «Что слышали американские студенты Набокова о русских классиках? Что Гоголь одним из первых применил в искусстве прозы технику живописи. Что Толстой выдвинул совершенно оригинальную концепцию времени. Что Чехов с неподражаемым умением соединил кажущиеся случайными и незначительными детали. Об идее служения, глубоко сопряженной русской классике, о том, что заставляет жертвовать стилем и соразмерностью, лектор не сказал ни слова»⁵. Это мнение известного критика Н. Анастасьева тем более заслуживает внимания, что его высказывает автор пока единственной в нашей стране книги о Набокове, в которой повторяется прежний вывод критика: «Очень похоже, что художественная идея русской классики... Набокову не близка...», «...чуждо ему и глубоко сопряженное русской классике сострадание униженным и оскорбленным»⁶.

Ханна Грин, слушавшая лекции Набокова в Уэслейском колледже, запомнила его другим: «Он ослеплял нас и внушал нам чувство какой-то экзальтированной страсти – не к нему, а к русской литературе, истории и самой стране... с которыми, как он доказал нам, русская литература неразрывно связана»⁷. «Самым веселым, самым естественным и самым очаровательным способом Набоков открывал перед нами дверь и вводил нас в мир русской литературы, – пишет Ханна Грин. – Он учил нас воспринимать её всерьёз, а тому, что обычно о ней говорится, не уделять внимания» (с. 40). Этим, по-видимому, и объясняются представления о «чуждости» Набокова русской классике: уэслейский лектор был равнодушен к тому, чем были переполнены тысячи литературоведческих трудов: «Он не говорил о конфликтах, или о символах, или о развитии образов. Он вообще не говорил о вещах, о которых обычно рассказывают на лекциях по литературе. Он не пытался заставить нас формулировать основные идеи произведений и тому подобное. Он не заставлял нас рассуждать о темах. Он никогда не превращал чтение в тоскливую обязанность» (с. 37). В первой главе «Пнина» читаем о заглавном герое: «Его любили не столько за какие-нибудь необыкновенные способности, сколько за незабываемые отступления от учебной рутин». Всё это приносило свои плоды. «Он вернул мне страсть к чтению», – пишет Х. Грин и добавляет, что когда она кончила читать «Войну и мир», то «бросила книгу на пол, а сама упала на неё и плакала, прижавшись к ней лицом. Я плакала от самой книги и оттого, что она уже дочитана и мне придется возвращаться в реальную жизнь» (с. 40).

Вышеприведённая оценка русских классиков едва ли подтверждает равнодушие Набокова к «униженным и оскорбленным». Конечно, воспоминания бывшей студентки довольно субъективны, в частности, из-за восторженного отношения к своему лектору, но факты, его приводимые, могут дать представление о характере лекций. В 40-е годы в местном журнале «Уэсли мэгэзин» было опубликовано несколько статей Набокова, в которых высказаны его соображения о русском языке, русской литературе, методах их преподавания, а также взгляд на современную политику, в частности, мнение о демократии. По его словам, «хорошо, что американские студенты изучают русский язык, русскую литературу, историю и философию, и не только потому, что в наше время все нации становятся близкими соседями, но и потому, что изучение русского языка и литературы предоставляет единственную возможность старательному студенту безгранично расширить свой интеллектуальный горизонт»⁸. Согласно писателю, существуют два основных стимула, в силу которых люди изучают иностранные языки. Во-первых, с намерением использовать знание ранее неизвестного языка на практике – в бизнесе, путешествиях, политике. Во-вторых, с целью иметь возможность читать литературные шедевры на языке оригинала. Одно исключает другое, полагает Набоков, то есть должен быть – выбор между этими двумя мотивами постижения незнакомого языка, а не их комбинация.

В этой же статье «Русский язык как учебный предмет» он с сожалением отмечает: «В настоящее время русский язык изучают главным образом не для того, чтобы наслаждаться изысканным стилем, каким написаны “Мёртвые души” или “Анна Каренина”. Мы хотим лучше понять русских или потому, что испытываем к ним дружеские чувства, или потому, что боимся их»⁹.

Набоков пишет, что, пожалуй, лишь один студент из десяти обладает достаточным лингвистическим талантом и настойчивостью, чтобы научиться говорить по-русски и понимать русскую речь даже после двухгодичного курса, так как трёх учебных часов в неделю (именно столько отводилось в Уэсли на этот

предмет) явно недостаточно, чтобы овладеть столь трудным языком. Для американского студента трудности заключались и в незнакомом алфавите, и в десяти гласных, девять из которых довольно тяжело, а одну исключительно трудно правильно произнести, и в непредсказуемых ударениях, и в очень запутанной грамматике. По мнению В. Набокова, каждый урок грамматики и перевода должен дополняться одним часом разговора на русском.

Доминантой является следующий пассаж: «Одна из величайших в мире литератур была создана в России между 1820 и 1920 годами, и лишь незначительная её часть существует в достаточно приемлемом для читателя английском переводе. Ни в какой другой литературе, как русской, шедевры не обусловлены особым сочетанием индивидуального стиля писателя и содержания, характерного для этого же автора. В этом одна из причин, по которой образованные американцы должны усваивать эти сокровища и включать их в свой интеллектуальный багаж, тем самым приобщаясь к духовному богатству целой нации. С другой стороны, совершенствование в русском языке, насыщенном особенностями, неизвестными германским и романским языкам, позволяет студентам чётче и короче формулировать их мысли, расширяет границы их воображения»¹⁰.

Уникальное свойство русской литературы, согласно Набокову, состоит в том, что она несёт правду и создана воображением, управляемым поисками истины. Это оказывает облагораживающее влияние на всю мировую литературу. Кстати, по воспоминаниям Х. Грин, слова «правда» и «истина» Набоков, видимо, считая их непереводаемыми, произносил в английской речи по-русски. Эта студентка запомнила его слова: «русская истина не очень приятный спутник: это не каждодневная правда, а воистину бессмертная Истина, которая есть сама душа всего того, что истинно. И если Истину удаётся отыскать, она придает творческому воображению блеск и величие... Ни один писатель не сумел так сочетать творческую истину и образы людей, как это сделал Толстой в "Войне и мире". Сам Толстой в этой книге невидим. Подобно Богу, он везде и нигде» (с. 39).

Эта особенность русской литературы, заканчивает Набоков свою статью, побуждает изучающих русский язык знакомиться с шедеврами нашей литературы в оригинале, что в свою очередь требует хорошего знания языка...

К сожалению, этим не утруждают себя даже некоторые западные набоковеды, что не мешает им иногда делать «сногшибательные» выводы. Так, К. Проффер (он признавался, что не знает русского языка, во всяком случае, в такой степени, чтобы читать русскоязычного Набокова свободно в оригинале) в своей известной книге «Ключи к «Лолите»» противопоставляя «кристально ясный, прозрачный» стиль английских романов Набокова «сбивчивому» слогу «Дара», чьи фразы «перенасыщены придаточными предложениями и другими отчаянно скучными вставками, преодолеть которые читателю стоит большого труда»¹¹. Из этого открытого им контраста Проффер делал вывод, что «никто из тех, чей вкус сформировался Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, не найдёт стиль набоковской русской прозы образцовым»¹².

Как иронически замечено в набоковском «Пнине», в то время в Америке учили не иностранному языку, а «методике обучения других людей преподаванию методики преподавания языка; эта методика... уже перестала быть средством рациональной навигации в лингвистическом море». И Набоков вырабатывает собственное средство. Хотя он пользовался старым учебником Н. Потаповой, его способ преподавания был весьма радикальным для того времени: он просто бросал своих студентов в глубокие воды русского языка, рассказывая им что-то или приводя отрывок из русской прозы и не заботясь о том, что они едва это понимают. Был ли это прообраз «метода погружения»? Во всяком случае, в цитированной статье из «Уэлсли мэгэзин» за февраль 1948 года он пишет об «интенсивном изучении русского языка».

Подробнее о своём подходе к обучению русскому языку писатель рассказывал тремя годами раньше – в апрельском номере за 1945 год «Уэлсли мэгэзин». По его мнению, существуют два основных способа изучить иностранный язык, в частности русский: во-первых, быстро схватывая незнакомые слова и фразы, а во-вторых, углублённо постигая язык. Для первого нужно иметь хорошую слуховую память и русское языковое окружение. После года-двух занятий таким образом овладевают живой разговорной речью (правда, синтаксически не всегда правильной), но не способны читать или писать. Второй способ требует от учащихся большего упорства, но он более надёжен, так как основывается на кропотливом изучении «анатомии языка», то есть грамматики. Те, для кого английский – родной язык, считает Набоков, являются прирождёнными лингвистами, но они, по несчастью, обычно не используют этот свой дар, тогда как русские лишены этой способности к языкам, но пытаются овладеть незнакомым языком, так сказать, нахрапом, в ложном предположении, что все иностранные языки проще, чем русский.

Перед тем как провести «прирождённого лингвиста», спотыкающегося на каждом шагу, через лабиринт русской грамматики, Набоков полагает необходимым сообщить ему о трудностях нашего языка. Тем не менее, какой бы отчаянно непредсказуемой ни казалась русская грамматика, её освоение вполне возможно. Набоков отрицательно высказывается об упрощенческих методиках преподавания русского языка: «Не следует бояться напрягать свой мозг в полную силу. Хлеб знания не подаётся нарезанным аккуратными ломтиками. Вместо этого приходится с трудом продвигаться бодрящим утром по усыпанной камнями дороге»¹³. Далее он пишет, что, не считая тоталитарных режимов, самое отвратительное порождение нашего времени – это Basic English (упрощённый английский, содержащий 850 слов).

С самого начала занятия русской грамматикой нужно пытаться трансформировать английские фразы на русский лад. Не надо непременно заставлять студентов заучивать списки нужных слов: они и так запомнят слова, которыми пользуются в своих упражнениях. «Мне бы хотелось, – добавляет Набоков, – чтобы студенты наслаждались извивами моих русских фраз, постигали дух игры слов с беспристрастием истинных натуралистов, а отнюдь не с жадностью собирателей слов»¹⁴.

Высший пик в усвоении русской грамматики, по его мнению, достигается, когда студент улавливает изменения в смысле глагола, меняющего префикс. Он приводит пятнадцать отличающихся префиксами русских глаголов от основы «говорить», в которых насчитывает двадцать один оттенок смысла. К тому же десять из этих глаголов имеют возвратные формы, меняющие в неожиданном направлении их значения, причем этих новых значений может быть не одно, а больше. Как полагает Набоков, этот калейдоскоп представляет собой наибольшую сложность постижения русской грамматики для иностранцев, а также одно из преимуществ нашего языка в сравнении, например, с английским¹⁵. Интересно сопоставить это рассуждение Набокова с мнением А.И. Солженицына о причинах оскудения современного русского языка: «Мало использовалось преобразование глаголов приставками...»¹⁶. Предложенное Солженицыным словарное расширение нашего языка в значительной степени основано как раз на осторожном введении в широкое обращение таких «преображённых» слов.

Следует заметить, что изучение в 40-е годы в США гуманитарных наук не пользовалось большой популярностью, и даже было неясно, удастся ли кафедрам языка и литературы Уэлслийского колледжа сохраниться, пока шла война. Несмотря на это, к началу 1944 года Набоков ведёт начальный курс русского языка в объёме шести часов в неделю (позднее, в 1948 году, было два курса русского языка по три часа в неделю каждый). Успех его лекций был столь несомненным, что значительная и влиятельная часть сотрудников хотела видеть его в штате факультета. Ещё в конце 1942 года кафедры французской, итальянской, испанской и германской филологии подали прошение о приёме его в штат. И лишь в 1944 году Набоков получил место штатного ассистента по русскому языку и литературе, однако его контракт должен был ежегодно возобновляться. Учитывая, что студенты ещё не очень хорошо знали русский язык, курс русской литературы читался на английском языке. Писатель рассчитывал, что со временем создадут двухгодичный курс русской литературы, который он будет вести на русском языке, но мечтам этим не суждено было сбыться.

Надо сказать, что студенты находили Набокова наиболее интересным человеком на факультете. Так, в студенческом журнале «Мь» (декабрь 1943 года) он неожиданно предстаёт в виде застенчивого преподавателя средних лет, робко спрашивающего студентов, сделали ли они свои задания. Напротив, студенты Корнеллского университета, где он преподавал в течение десяти лет после ухода из Уэлслийского колледжа, запомнили его строгим и весьма требовательным к ним. Кстати, широко распространённое представление о высокомерии, крайней замкнутости Набокова разделялось далеко не всеми, кто его близко знал; так, например, в мемуарах И. Гессена он выглядит жизнерадостным, открытым, чрезвычайно располагающим к себе человеком¹⁷. Вообще же для тех, кто был знаком с ним раньше, его успехи в качестве преподавателя не были удивительными: в отрочестве и молодости он поражал всех своей разносторонней талантливостью¹⁸. А вот слова одной из его последних студенток, которые приводятся в книге Э. Филда: «Мы были безумно влюблены в него. Это был изумительный человек: доброжелательный, мудрый, благородный. Не было ни одной вещи, которую он не мог бы объяснить. Он очень нуждался тогда. Одежда его была заплатана во многих местах... Я думаю, что это был самый очаровательный мужчина, которого я когда-либо встречала. Он был идеальным джентльменом»¹⁹. По мнению набоковских студенток, его поношенная одежда более чем компенсировалась его задумчивым, мечтательным видом, всем его чрезвычайно симпатичным обликом. В их глазах он выглядел весьма привлекательным, причем привлекательным, по-видимому, главным образом с интеллектуальной точки зрения. Студентка-француженка, видевшая его часто в 1943 году, вспоминает: «Он пробуждал в нас какую-то изумительную чувственную тягу к

поэзии и литературе – чувственную во всех смыслах, а не только в сексуальном. Всё шло на каких-то полутонах, содержало подтекст, было растворено в тысячах жестов. Мы были частью его фантазии, а он частью нашей»²⁰.

Одним студентам казалось, что сухопарая фигура их преподавателя заключает в себе некую тайну, другие восхищались его жизнерадостностью. Говорили о его полной юмора, иногда несколько циничной речи. В последнее как-то трудно поверить: согласно Х. Грин, Набоков в своих лекциях опускал некоторые детали, приведшие к дуэли Пушкина с Дантесом, «видимо, считая их неподходящими для девичьих ушей» (с. 37); «в нём ощущалась врождённая деликатность и естественное аристократическое достоинство... он... чувствовал себя в литературе, как дома, потому что сам был её частицей» (с. 35).

Бывшей студентке Сидни Смит запомнился его баритон, который «то был похож на звук кларнета, то приобретал какой-то свистящий оттенок, когда он смеялся или был чем-то возбуждён. Впрочем, голос этот становился по-настоящему музыкальным, когда Набоков читал стихи. Казалось, он знал каждое слово в русском и английском языках и был влюблён в большинство из них»²¹. Смит пишет, что его английский, чрезвычайно богатый по словарю и безупречный по грамматике, «был несвободен от прелестного акцента, который едва ли он приобрёл в Кембридже (не важно, английском или американском)»²², заключает она.

Удивление может вызвать следующий факт: когда Набоков, чьи лекции столь тепло принимались в Уэлсли, стал в этом колледже постоянным преподавателем, число его студентов пошло на убыль. Так, в его последний учебный год в Уэлсли (1947-1948) лишь три человека посещали начальный курс русского языка. Причиной этому была та непреклонность, с которой Набоков отстаивал свои политические убеждения, противоположные взглядам значительного числа его студентов. Многие из американцев, хотевших изучать в то время русский язык, отличались наиболее радикальными политическими воззрениями. Они рассчитывали на то, что знание русского языка поможет им лучше проникнуться идеями «научного социализма», и стремились не только изучить наш язык, но и постигнуть, как им казалось, «подлинный дух русского народа». Для них было большим потрясением узнать, что в действительности думал их лектор о советском строе. Набоков и не скрывал своих взглядов, согласно которым не было существенной разницы между двумя диктаторскими режимами – в нацистской Германии и в Советском Союзе; к тому же из его статей и лекций вырисовывался притягательный образ прежней – дореволюционной – России.

Аналогичные взгляды Набоков высказывал и в разгар войны. Так, в апрельском номере «Уэлсли мэгэзин» за 1942 год он пишет об «известном учёном», которого официально после революции спросили, как он относится к новому режиму, тот ответил: «с изумлением» (Набоков не называет ни фамилии этого человека, ни даже страны, но известно, что таким был ответ писателя М. Осоргина на вопрос советской анкеты перед его высылкой за границу в 1922 году). «Для нормального человека, – продолжает Набоков, – в самом деле удивительно узнать, что интеллект может и должен быть национализирован... Эти диктаторские режимы столь отвратительны, что ничего кроме презрения (к себе) не могут вызвать»²³. Интересны представления писателя о демократии, развиваемые в этой статье: «Блестящий парадокс демократии состоит в том, что, в то время как уравниваются человеческие права, каждый отдельный человек извлекает из этого выгоду. Этически члены демократии равны; в духовном плане каждый получает право отличаться от своих соседей, как он того пожелает; поэтому то, что мы называем “демократией”, это не организация, не правительство, не сообщество, а неуловимый баланс между безграничными правами каждой личности и строго определёнными правами всех людей. Жизнь – состояние гармонии, и вот почему я думаю, что дух демократии – это наиболее естественное человеческое состояние»²⁴.

В дискуссии о «демократии в сражающемся мире» наряду с Набоковым приняли участие и другие иностранцы, преподававшие в Уэлсли. Один из докладчиков заметил: Уэлсли – эталон естественной веры в порядок вещей; он понял это, прочитав статью Милдред Мак-Аффи в февральском номере «Атлантик мансли» за 1942 год. Хотя всего лишь три-четыре человека среди сотрудников Уэлслийского колледжа были недовольны политическими взглядами Набокова, к несчастью, среди них находилась и М. Мак-Аффи – ректор этого колледжа.

Мак-Аффи решила воспрепятствовать человеку, так относящемуся к союзнику Америки, стать постоянным преподавателем в её колледже. Конечно, ей мешало то, что около двадцати пяти сотрудников факультета и их жён, невзирая ни на что, пожелали изучить русский язык под его руководством. После нескольких месяцев шаткого равновесия было принято соломоново решение: Набоков возвращался к своей преподавательской деятельности, но было ясно, что, пока он работает в Уэлсли, администрация не намерена учреждать отдельной русской кафедры. У него была только одна личная встреча с Мак-Аффи по этому вопросу. Она сказала: «Я хочу попросить вас об огромном одолжении. Пожалуйста,

откажитесь в лекциях от своих замечаний относительно России. В конце концов, мы союзники». На это Набоков ответил отказом: «Если бы речь шла только о классической русской литературе, тогда другое дело. Но уж раз я намереваюсь читать лекции о современной литературе, то я буду об этом говорить». «Смотрите, мистер Набоков, – возразила Мак-Аффи, – в России произошла революция, и мы узнали много интересного насчет того, как это отразилось на искусстве этой страны. Не кажется ли вам, что материал ваших лекций должен быть осовременен. Тогда мы можем узнать, что там сейчас происходит». На это был дан прямой ответ: «Там нет ничего хорошего с тех пор, как произошла революция!»²⁵

Примерно в это время, а точнее, 3 января 1944 года он пишет Э. Уилсону: «Основная причина моей антипатии к Советам – это отвратительная литература, производимая ими» («The Nabokov-Wilson Letters», N.Y., 1979, p. 122). Его взгляды в этом отношении не изменились и позже. В одном из интервью, оценивая послевоенное двадцатилетие советской литературы, Набоков скажет: «Примитивное и пошлое умонастроение, навязанное силой... может породить только примитивное и пошлое искусство. Это особенно справедливо по отношению к так называемой литературе “пролетарской” и “социалистическому реализму” – направлениям, организованным советским полицейским государством» (Vladimir Nabokov, *Strong Opinions*, p. 58).

Отрицая всё советское, Набоков не мог допустить, чтобы его дата рождения (10 апреля по старому, 22-го по новому стилю) совпадала с датой рождения В.И. Ленина. Поэтому, прибавляя к 10 апреля 13 дней (как если бы он родился в XX веке), Набоков совмещал свой день рождения с шекспировским – 23 апреля. Именно эта дата указана им в анкете.

Итак, победа, одержанная Набоковым, была пирровой: он окончательно потерял надежду получить место профессора в Уэлсли. В результате все семь лет преподавания в этом колледже он оставался ассистентом, что, конечно, сказывалось и на его финансовом положении. В письме своему другу Э. Уилсону 2 марта 1946 года Набоков сообщает, как он крайне удручен тем, что не воспользовался и малейшей возможностью упрочить своё положение в Уэлсли, и как ему надоело состояние преподавателя, которому постоянно недоплачивают²⁶. Уилсон выражает беспокойство по поводу тяжелого материального положения Набокова, считая, что именно «антицаристские и антисоветские взгляды» его друга затрудняют ему продвижение по служебной лестнице. Как видно, дело не только в антисоветизме Набокова. Он не входил ни в какие политические объединения, ему были чужды и непонятны люди, которые «вообще примыкают к каким-либо организациям, дабы в них энергично раствориться». Без всякого шпетета он относился к монархистам (что, кстати, заметно при чтении «Дара») и, стало быть, не мог рассчитывать на помощь монархических слоев эмиграции.

Анкета содержит также сведения о тогдашней литературной работе писателя и его планах на будущее. Он сообщает, что пишет «большой роман под предварительным названием “Личность из Порлока”» – так звали персонажа поэмы Колриджа «Кубла Хан». Роман вышел в свет через три года после составления анкеты и был озаглавлен «Bend Sinister» (устоявшийся русский перевод – «Под знаком незаконнорожденных»), – эти слова автор как-то услышал от своей спутницы во время одной из автомобильных поездок по маршруту Уэлсли-Кембридж. Из предисловия к третьему изданию этой книги мы узнаём, что её большая часть писалась зимними и весенними ночами 1945-1946 годов в кембриджской квартире на Крейджи-Сэркл. Это время Набоков называет «особенно безоблачной»²⁷ порой своей жизни, хотя, вероятно, здесь уже не было такой тишины, как в предыдущей квартире писателя: в предисловии он пишет, что над ним жила «дама с каменными ногами».

Далее в анкете Набоков сообщает, что в сотрудничестве с Эдмундом Уилсоном он пишет книгу по русской литературе. Он познакомился с этим американским литературоведом и писателем вскоре после своего переезда за океан. Позднее знакомство переросло в дружбу. Уилсон помогал ему получать заказы на рецензии, участвовал в организации его лекционных поездок и вообще, как замечает С. Карлинский в предисловии к тому переписки двух писателей, стал его добровольным литературным агентом и советником²⁸. По мнению С. Карлинского, именно Уилсону новый эмигрант был обязан опубликованием в первые годы пребывания в Америке своих важнейших произведений. Уилсону Набоков передал машинопись только что написанного романа «Bend Sinister», который тот в свою очередь рекомендовал А. Тейту, с чьей помощью эта книга и вышла из печати в 1947 году. Американский друг познакомил Набокова с влиятельными деятелями заокеанского литературного мира – Джеймсом Лафлином из издательства «Нью дирекшнз», Эдвардом Уиксом из журнала «Атлантик мансли» и Клаусом Манном (сыном Томаса Манна, эмигрировавшим из нацистской Германии) из левого журнала «Дисижн». Уилсон снабдил предисловием набоковский перевод «Моцарта и Сальери», который был напечатан в возглавляемом им журнале «Нью

рипаблюк». По словам Набокова, это единственный пример сотрудничества с другим писателем за всю его литературную карьеру. Поэтому неудивительно, что Уилсон в письме к другу от 10 ноября 1943 года предложил ему совместный выпуск книги по русской литературе, в которой были бы несколько статей американца и ряд переводов его соавтора (причем не только поэзии, но и прозы). Уже через два дня Набоков охотно согласился. Эта заманчивая идея ещё долго была предметом дискуссии в их переписке, всё время в проект вносились какие-то изменения. Наконец книга была принята к публикации в издательстве «Даблдэй», и соавторам был даже выплачен аванс. Однако она так и не вышла в свет. Напротив, упоминаемая в анкете как находящаяся в печати, книга «Три русских поэта» была выпущена в том же году издательством «Нью дирекшнз» (Норфолк, Коннектикут) и переиздана в 1947 году в Лондоне. Она содержала переводы стихов Пушкина, Лермонтова и Тютчева.

Анкета завершается упоминанием о подготовке монографии по строению и систематике бабочек. Энтомологические исследования Набоков возобновил вскоре после переезда за океан в 1940 году. «Я всегда мечтал о долгой и волнующей карьере смотрителя отдела бабочек в большом музее»²⁹, – скажет он в одном интервью четверть века спустя. Занятия энтомологией включали работу с микроскопом в лаборатории, написание научных статей и сборы насекомых во время летних каникул. Однажды Набоков подробно рассказал, что привлекает его в охоте на бабочек. Это и надежда поймать неизвестный науке вид или хотя бы какой-нибудь редкий в местах сбора экземпляр. Это и интерес натуралиста в разгадывании цикла развития малоизученных насекомых, в познании их структуры и повадок. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов элемент азарта, погони за удачей, когда в результате мучительных поисков на ладони исследователя оказывается шелковистый треугольник бабочки со сложенными крылышками.

Первоначально он работал в Музее естественной истории в Нью-Йорке, занимаясь классификацией бабочек. Энтомология не была для него хобби, особенно в первый год пребывания в США. Пока ему не предложили другую постоянную работу, жалование, получаемое в нью-йоркском музее, было ощутимым источником семейных доходов. К тому же он там познакомился с двумя энтомологами, которые были друзьями Самуэла Барбура, директора Музея сравнительной зоологии в Гарварде (знаменитый Гарвардский университет располагался в американском Кембридже). Вероятно, тогда уже Набоков получил в гарвардском музее временную работу, продолжавшуюся и тогда, когда он окончательно занялся преподавательской деятельностью в Уэлсли. Именно для того, чтобы быть ближе к Музею сравнительной зоологии, он позже переехал из Уэлсли в Кембридж, где стал жить по адресу, указанному в анкете: 8, Крейджи-Сэркл. В это время, как сказано в предисловии к роману «Bend Sinister», он по десять часов в день, включая и воскресенья, проводил за изучением строения бабочек «в лабораторном раю гарвардского Музея сравнительной зоологии». Но три раза в неделю он оставался там лишь до полудня, а после отрывался от микроскопа, чтобы отправиться в Уэлсли. А ночи, как уже говорилось, посвящались созданию «Bend Sinister».

В письме к Уилсону от 8 мая 1944 года Набоков рассказывает о своём отчаянном финансовом положении (мизерное жалование, получаемое в музее, и 800 долларов, обещанные в будущем семестре в Уэлсли, были явно недостаточны), за которое, как он признается, полностью ответственным является он сам, так как слишком много времени тратит на занятия энтомологией. Хотя эти научные изыскания принесли значительные результаты, Набоков сравнивает себя с алкоголиком, осознающим лишь в моменты просветления, что он упустил блестящие возможности, которые предоставила ему судьба.

Занятия в Музее сравнительной зоологии продолжались с 1941 по 1948 год, после чего писатель заявил, что ему трудно совмещать научные исследования с лекциями по литературе и работой над очередным романом («Лолитой»). К этому времени Набоков оставляет непосредственную естественно-научную деятельность, хотя и не бросает сбор и изучение бабочек. Всего за полвека (с 1920 по 1970 год) им опубликовано двадцать две статьи и заметки по энтомологии (восемь к моменту написания анкеты). Однако задуманная им монография о строении и систематике бабочек, которая указана в анкете, так и не вышла в свет; впрочем, в последнее десятилетие своей жизни он работал над «чисто научным» сочинением «Бабочки в Искусстве» (на английском языке). Знаменательно, что всемирно известный писатель как-то назвал наиболее значительным из сделанного им в жизни – описание по его сборам бабочки, названной впоследствии его именем – *Eurithesia nabokovi*.

Автор приносит глубокую благодарность профессору Уэллслийского колледжа П. Честер и Ю.М. Каган за предоставление текста анкеты Набокова и его статей в «Уэлсли мэгззин».

Использованные источники:

- ¹ Оригинал написан по-английски рукою Набокова на обеих сторонах бланка анкеты.
- ² См.: V. Boyd, Vladimir Nabokov. The Russian Years, Princeton, 1990, p. 170.
- ³ Vladimir Nabokov, Strong Opinions, New York, 1973, p. 26.
- ⁴ См.: «The Wellesley Magazine», December 1941, v. 26, p. 82.
- ⁵ Н. Анастасьев, Башня и вокруг (Взгляд на Владимира Набокова). – В кн.: Владимир Набоков, Избранное, М., 1990, с. 18.
- ⁶ Николай Анастасьев, Феномен Набокова, М., 1992, с. 79, 82.
- ⁷ «Vladimir Nabokov: His Life, his Work, his World. A Tribute». Ed. by P. Quenell, London, 1979, p. 35 (далее страницы этого издания указываются в тексте).
- ⁸ V. Nabokov, The Place of Russian Studies in the Curriculum. – «The Wellesley Magazine», February 1948, p. 179.
- ⁹ Ibidem, p. 179-180.
- ¹⁰ «The Wellesley Magazine», February 1948, p. 180.
- ¹¹ C.R. Proffer, Keys to «Lolita», Bloomington, 1968, p. 81.
- ¹² Ibidem, p. 147.
- ¹³ V. Nabokov, On Learning Russian. – «The Wellesley Magazine», April 1945, v. 29, p. 192.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ См.: Vladimir Nabokov, Strong Opinions, p. 36.
- ¹⁶ Цит. по: Александр Солженицын, Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, [Франкфурт-на-Майне, 1971], с. 264.
- ¹⁷ См.: И.В. Гессен, Годы изгнания. Жизненный отчет, Париж, [1979], с. 96-97.
- ¹⁸ Так пишут О. Волков, знавший его по Тенишевскому училищу («Вопросы литературы», 1990, N 3, с. 69), и Н. Раевский, встречавшийся с ним в 30-е годы в Праге («Простор», 1989, N 2, с. 115).
- ¹⁹ A. Field, VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov, London, 1987, p. 227.
- ²⁰ A. Field, VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov, p. 225.
- ²¹ S. Smith, Yellow-Blue Vase. – «The Wellesley Magazine», Fall 1977, v. 62, p. 26.
- ²² Ibidem.
- ²³ V. Nabokov, What Faith Means to a Resisting People. – «Wellesley Magazine», April 1942, v. 26, p. 212.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ A. Field, VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov, p. 228.
- ²⁶ См.: «The Nabokov – Wilson Letters», p. 164.
- ²⁷ «Урал», 1990, N 3, с. 121.
- ²⁸ См.: «The Nabokov – Wilson Letters», p. 11.
- ²⁹ Vladimir Nabokov, Strong Opinions, p. 47.

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

ВОИН И ПОЭТ АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

*Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вынес к свету;
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту...*

Николай Гумилёв

В середине восьмидесятых годов прошлого века меня, за примерную учёбу в Литинституте им. А.М. Горького, премировали выступлением в Большом Зале Центрального Дома Литераторов. Когда я вышел за кулисы и начал перед своим выступлением всматриваться в зал, моё внимание привлёк пожилой человек с лицом, будто сошедшим со старинной фрески, и с тростью у своих ног. Он отрешённо сидел в первом ряду, предназначавшемся для почётных гостей. «Кто это?» – спросил я. «Это Арсений Александрович Тарковский, – ответила ведущая литературного вечера. – Он пришёл послушать выступления молодых дарований». Жаль, что я упустил тогда возможность пообщаться с Мастером.

Удивителен творческий путь этого художника. Арсений Тарковский – один из немногих кудесников слова, которых всю жизнь сопровождал творческий рост. А затем, когда расти дальше ему уже было сложно в силу возраста, он просто замолчал. Своего расцвета его дар достигает в 50-65 лет. Он рос постепенно, шаг за шагом, внутренней работой сердца и ума. До 33-х лет он ещё ничем не выделяется: пишет добротные, но не выдающиеся стихи, переводит советских поэтов. Увлечение переводческим трудом отшлифовало мастерство Арсения, но замедлило его рост как самостоятельной единицы. Судьба изрядно потрудилась

над творчеством мастера. Вроде бы и не было у него видимых миру коллизий, отчаянной борьбы за своё будущее. Ему удалось избежать сталинских репрессий. Однако у Арсения Александровича случилось в жизни, по меньшей мере, два «маленьких эшафота», два мистических крещения – гибель Марины Цветаевой, в которой он считал себя косвенно виновным, и война, осложнённая тяжелым ранением и потерей ноги.

Тарковский стоит словно бы «посредине» мира поэзии: с одной стороны, он метафоричен и космичен; с другой – достаточно прост для понимания, что значительно увеличивает его читательскую аудиторию. И, бесспорно, умножают интерес к поэзии Арсения Тарковского фильмы его гениального сына Андрея. «Царство отца и сына». Тарковский принадлежал к поэтам «с биографией», его можно было бы причислить к «поэтам-фронтовикам». Но он не пожелал воспользоваться этим преимуществом. Его козыри, его мистические интересы лежали вне жизненных подробностей. Впрочем, нельзя сказать, что Арсений Александрович в грош не ставил свою «малютку-жизнь». Неумолимый поэт берёт силу и на земле, и в космосе.

*Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лёг во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.*

*Я Нестор, летописец мезозоя,
Времён грядущих я Пифемия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянчу, как нищий царь.*

*Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И – боже мой! – какой-то мотылёк,
Как девочка, смеётся надо мною,
Как золотого шёлка лоскуток.*

Арсений Тарковский даёт нам интересное местоположение человека в окружающей его Вселенной. Он уже не «венец творенья», как было принято считать ранее. Человек – промежуточное звено между простейшими микроорганизмами и загадочным космосом, между живой и неживой природой. В то же время, он – связующее звено между всем зримым и незримым во вселенной, а также – между прошлым и будущим. Он – «мост через бездну», как выразилась искусствовед Паола Волкова, цитируя в своих работах эти стихи Тарковского. Об этом «срединном» положении человека во Вселенной между двумя бесконечностями писал ещё Паскаль. Особенно непостижимы для человека, по мнению французского философа, микромир, атомы и молекулы. Священный ужас перед двумя бесконечностями и привёл Паскаля к Богу. У Тарковского же это, скорее, «самостояние» человека. Поэт несколько «приглушает» торжественность своей речи неожиданным образом мотылька, смеющегося над человеком. Возможно, мир устроен несколько иначе, чем мы себе представляем.

Герой Тарковского не просто человек. Он – поэт. Он – летописец и пророк. Он – участник прошлого и будущего. Он участвовал в походе князя Игоря и был его дружинником (стихотворение «Зегзица»). Тарковский как-то умудрился «внедрить» себя самого в ту далёкую эпоху, и в этом – своеобразие стихотворения «Зегзица». Оно переносит нас на тысячелетие назад, к легендарному походу князя Игоря на половцев. Арсений Тарковский создаёт удивительный эффект присутствия: его лирический герой тоже участвует в походе Игоря. Стихотворение написано в 1946 году, сразу после окончания Великой Отечественной войны. Оно и воспринимается как военное. «Эффект личного присутствия» – фирменный приём поэта и война Арсения Тарковского. Большие художники всегда отличаются своеобразием замысла. Арсений Тарковский задолго до Высоцкого придумал «вселяться» в разных персонажей, в своеобразное «не – я», и говорит от их имени, от первого лица. А вот в этом стихотворении поэт путешествует в совсем недавнее прошлое, в канун великой войны, на своей персональной «машине времени».

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

*Пусть роят щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.*

*Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.*

*Мне вон таму сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».*

*Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрёт в плену,*

*И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,*

*И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполнивших Сталинград,*

*И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.*

*Что до врага, то всё известно мне,
Как ни одной разведке на войне.*

*Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,*

*Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.*

*И я уже не помню сам, откуда
Пришёл сюда и что случилось чудо.*

*Я всё забыл. В окне ещё светло,
И накрест не заклеено стекло.*

1945

У Тарковского практически нет стихов, которые напрямую, с кровавыми подробностями, рассказывают о войне. Война всегда у него проходит косвенно, обиняками, не основной темой. Я не первый раз читаю стихотворение «Суббота, 21 июня». И всякий раз не перестаю удивляться: это какое-то пророчество наоборот, когда из будущего пророчат прошлое. Соответственно, происходит рокировка между временами, грядущее оказывается позади прошлого. «Прошлое нам ещё только предстоит». Я почему-то был уверен, что Тарковский рассказывает здесь свой сон. Но, при внимательном прочтении, слова «сон» в стихотворении не обнаружил. Тарковский наяву захотел вернуться в канун войны, это у него машина времени такая, «мысль» называется. Вообще у Тарковского чувствуется высокая степень человечности, которая далеко выходит за рамки частной жизни поэта. Это не столько нравственность, сколько сопричастность судьбам людей. Порой возникает тревожное ощущение, что за людей сердце болит у поэта больше, нежели за себя. И, конечно, у Арсения Александровича было особое бесстрашие, выстраданное судьбой и глубинным пониманием природы вещей:

*Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбивает сети,
Когда идёт бессмертье косяком.*

«ВАМ, МОЮ ЦИКУТУ ПЬЮЩИМ». ТАРКОВСКИЙ и МАНДЕЛЬШТАМ

Мой поэтический слух настолько бывает чуток к произносимому слову, что я иногда «слышу» в лирике даже зрелого Тарковского нотки позднего Мандельштама. Но написано это настолько здорово, что моментально «дезавуирует» мотив подражательства. Скорее всего, Арсений Александрович сознательно «продолжал» Осипа Эмильевича, полагая это направление плодотворным для русской поэзии. Он и не пытается скрыть эту свою «мандельштамозависимость». Пишет стихотворение «Поэт», вызвавшее яростную критику со стороны Надежды Мандельштам. Здесь он уже обращается к Осипу напрямую:

*Мы крепко связаны разладом,
Столетия нас не развели.
Я волхв, ты волк, мы где-то рядом
В текущем словаре земли.*

*Держась бок о бок, как слепые,
Руководимые судьбой,
В бессмертном словаре России
Мы оба смертники с тобой.*

*У русской песни есть обычай
По капле брать у крови в долг
И стать твоей ночной добычей.
На то и волхв, на то и волк.*

*Снег, как на бойне, пахнет сладко,
И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой
Ещё перешибут хребет.*

1960

«Когда Арсений, – с нежной улыбкой говорила Анна Андреевна, – лет десять назад стал показывать мне свои стихи, он ещё не мог выбраться из-под тяжести Мандельштама. Сейчас нужен особый поэтический слух, чтобы это обнаружить. Он – самобытный поэт» (сказано Г.И. Раггаузу в январе 1961 года). И ещё: «Вот этими руками, – говорила Ахматова, – я тащила Арсения из мандельштамовского костра», – это уже свидетельство Анатолия Наймана.

О каком «разладе» между собой и Осипом Эмильевичем толкует в первой строке стихотворения «Поэт» Тарковский? Молодой Арсений часто встречался с Мандельштамом. Однажды Тарковский имел неосторожность сказать Мандельштаму: «У вас неточная рифма». – «Уберите его, он глухой!» – закричал на него Осип Эмильевич. Очевидно, что особой дружбы между ними не было. Примерно так же относился к самому Мандельштаму находившийся на самом пике славы Владимир Маяковский. Переключка Тарковского с Мандельштамом особенно заметна в стихотворениях, навеянных античной тематикой. Поэт искал грядущее в прошлом – и всегда находил.

СОКРАТ

*Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи.*

*Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы ещё в грядущем.*

*Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.*

1959

Конечно, «цикута» здесь – не отравка, а, скорее, жертвоприношение во имя грядущего. Если мы поставим знак тождества между Сократом и Тарковским (а мы вполне можем это сделать), то «цикута» в новом контексте – это стихи; пить цикуту – значит пропускать через себя стихи гения, их «последнюю правду». Ведь не случайно сказано: «мы ещё в грядущем». Поэт снова оказывается, в сущности, «посредине мира» – между своим героем из прошлого (Сократом), собой, пишущим эти строки, и читателем этих строк из грядущего (например, мною).

Подобно тому как Мандельштам, благодаря синтетической эстетике, постепенно превзошёл в умах и сердцах читателей «горлопанов» Серебряного века, так и Арсений Тарковский в конечном итоге «перекричал» шёпотом самых громких из поэтов-шестидесятников. «Задержка славы» всегда на руку тем, кто «ещё в грядущем». «Выпить цикуту» может означать ещё и «остаться верным самому себе, не поддаваться искушениям».

А ещё Арсений Тарковский, по воспоминаниям поэта Юрия Кобрина, никогда не читал свои стихи наизусть. «Память может подвести», – объяснял свою позицию в этом вопросе Арсений Александрович. Ему совсем не приходило в голову, что зрение тоже может подвести, а поэту со слабым зрением лучше всё-таки читать наизусть. У каждого – свои сильные и слабые стороны, и поэтому в мире, где человек – мера вещей, всё относительно. Но две вершины, два пика – Тарковский и Мандельштам – неизменно возвышаются для тех, кто пока «ещё в грядущем». Немцы в своё время сетовали на то, что все, кому не лень, соединяют союзом «и» Гёте и Шиллера, намекая на неравнозначность и произвольность такого соединения. Надеюсь, никто в России и за её пределами не станет сейчас возражать против союза «и» применительно к Арсению Тарковскому и Осипу Мандельштаму.

«ОКОЁМ»

ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ: ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

Ни для кого не секрет, что цель фестиваля – волшебство. Они – фестивали – рождаются и живут исключительно для того, чтобы у нас всех была возможность снова и снова видеться со старыми добрыми друзьями и обретать новых – не менее добрых, чтобы друзей прекрасные черты не оставляли и поддерживали на плаву и на лету в лихое безвременье. Они – фестивали – живут для того, чтобы каждый гость, пусть даже из прекрасного далёка, именно здесь и сейчас, в пространстве волшебства, чувствовал себя как дома. Нет, просто *чувствовал себя дома*.

Литературные же конкурсы – всего лишь предлог – не более того, чтобы ещё и ещё раз, из года в год, погружаться с головой в мир, наполненный стихами и песнями, музыкой и смехом, морем и солнцем, и – что самое главное – надеждой на будущие встречи. Десять дней и ночей арт-фестиваля «Провинция у моря – 2017», дней и ночей одесских и черноморских, и стали таким миром.

Шли презентации книг и журналов, издательств и различных проектов, семичасовой рок-концерт «View Rock Evening 3.0» и музыкальный слэм, выступления поэтов и исполнителей авторской песни. Литературно-музыкальные программы, посвящённые классикам русской поэзии, естественно вплетались в программу. И продолжалась сказка.

Что может рассказать человек, находящийся в самом эпицентре событий, являясь непосредственным их участником? То, что они – события – были яркими, разноликими и многоцветными, подобно фейерверку. И, лишь спустя некоторое время, все начинают видеть какую-то общую картину, являющую собой не только радужный сноп событий, видеть и чувствовать то самое «послевкуспе», которое и определяет истинный вкус события.

Словом, на расстоянии видится не только большое, на расстоянии видится и чувствуется всякое, и чем дальше время отделяет нас от «Провинции у моря – 2017», тем ярче и отчётливее видятся эти десять дней и ночей, которые мир, возможно, и не потрясли, но, вне всяческих сомнений, сделали его светлее и лучше.

Среди почётных гостей «Провинции у моря – 2017» руководители литературных проектов, настоящие поэты, издатели, барды из Украины, России, Молдовы и США – Борис Амамбаев (Кишинёв), Алёна Бабанская (Москва), Олег Бабинов (Москва), Евгения Джен Баранова (Москва), Юрий Бердан (Нью-Йорк), Наталья Вареник (Киев), Владимир Гутковский (Киев), Ольга Ильницкая (Москва-Одесса), Олег Зайцев (Минск), Владимир Каденко (Киев), Александр Карпенко (Москва), Юрий Ковальский (Киев), Анна Маркина (Москва), Олег Никоф (Киев), Татьяна Некрасова (Кишинёв), Наталья Новохатняя (Кишинёв), Сергей Пагын (Кишинёв), Валерий Ременюк (Выборг), Олеся Рудягина (Кишинёв) и многие другие.

«Провинция у моря» не молчит, не скрывает, не таится. Ниже опубликованы впечатления участников фестиваля. Они, думается, составляют некий неподражаемый букет ощущений, позволяющий почувствовать то, что чувствовали в эти дни сами участники. А для тех, кто хочет увидеть всё воочию, организаторы фестиваля подготовили видеoversию «Провинции у моря – 2017».

С ней можно ознакомиться по ссылке:

http://province.do.am/news/videoprovincija_u_morja_2017/2017-10-20-81

Лафа Ольгина

Олег Зайцев (Минск)

В Одессе я не был довольно долго, лет шесть-семь. Поэтому с удовольствием окунулся в романтическую атмосферу одесских улочек и переулков, характерный шум людской толпы площадей и Привоза, увидел и оценил внутренний интерьер Дома-музея им. Рериха. Чуть меньше не виделся с одесситами-коллегам по перу, с которыми судьба свела меня и во время моих командировок в город у Чёрного моря, и на другом литературном фестивале, «Славянские традиции», в Крыму. Отрадно было повстречать знакомые лица на арт-фестивале «Провинция у моря – 2017». Так уж случилось, что мой приезд не совпал с прибытием основного «костяка» иногородних и иностранных писателей-участников мероприятия. Но это не помешало сжать в объятиях главного устроителя «Провинции у моря», поэта, издателя и общественного деятеля Сергея Главацкого и поговорить за чашкой ароматного чая о литературных процессах как с ним, так и с его обаятельной супругой, замечательной хозяйкой, поэтессой Еленой Шелковой, ещё раз послушать их великолепные стихи. Равно как снова соприкоснуться с поэзией Людмилы Шарга, Анны Стреминской, Александра Семькина, увлекательными монологами Ольги Ильницкой. А ещё – познакомиться с замечательной поэтессой и автором-исполнителем Светланой Полининой (которая к тому же и удивительный кулинар, хлебосольная хозяйка и просто интересный собеседник) и её супругом Сергеем Томашуносом. Повезло также узнать и лирическую историю жизни Марины Цветаевой в исполнении артистки Одесской филармонии, лауреата литературных премий Елены Кукловой...

Каждый из организаторов литературных фестивалей и форумов кроит их на свой лад и вкус. В том, что уже четыре года возглавляю я, – «Славянская лира» – внимание участников сконцентрировано на персоналиях и произведениях современников. А вот «Провинция у моря» всё-таки отдаёт предпочтение приобщению к жизни и творчеству классиков. И в этом тоже есть своя прелесть, своя изюминка, свой шарм, приверженность Одессы и одесситов к литературному наследию, коего у города хоть отбавляй. В нынешнем году в центре внимания литераторов и любителей художественного слова были поэты-юбиляры Марина Цветаева, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Арсений Тарковский, Булат Окуджава... Кстати, эта поездка позволила познакомиться и с уютным городком Черноморском (бывшем Ильичёвском), расположенном неподалёку от Одессы. Именно там я успел в очередной раз «пробовать» свои голосовые данные, приняв участие в коллективном исполнении молодёжью песни «Моё сердце» группы Сплин. Оценить творческую атмосферу Музея изобразительных искусств имени Александра Белого. Ощутить демократичность городского приморского пляжа и парка отдыха. Эта поездка, бесспорно, принесла мне много новых знакомств, дала возможность обзавестись новыми литературными и общественными контактами и связями. За что огромное спасибо всем устроителям «Провинции у моря»!!! Долгая лета тебе, фестиваль!

Евгения Джен Баранова (Москва)

Когда Лена Шелкова спросила, не хочу ли написать несколько строк о «Провинции у моря», я смутилась. Не так, как смущались 15-летние гимназисты от жаркого взгляда горничной, а смутой взрослого, мягкого и потому не совсем решительного человека. Что я могу сказать о любимом?

Похвалить? Пожурить? Вспомнить?

Что из пятилетней истории, связывающей меня с Одессой, может быть интересно постороннему? Как мы с Анной Маркиной пробирались по неосвящённому парку в районе Молдаванки? Или как игриво поблескивала впервые съеденная устрица, свежо и остро пахнущая влагой?

Не то, всё не то. Говорить стоит о поэзии, о зрителях, о домашнем вине Саши Сайленса, о рок-фестивале длиною в четверть суток, о противоречивых – добрых и несчастных, домовитых и осторожных – жителях турбазы «Сокол». Да разве об этом расскажешь? Язык наш сух и непослушен, жизнь – непоседлива.

«Провинция у моря», я тебя, кажется, люблю. И твою провинцию, и твоё море.

Так и тянет вернуться, так и тянет вернуться, так и тянет вернуть.

Александра Шалина (Киев)

Поэты в миру – люди неприметные. Живут они в основном поодиночке. Работают на работах. Женятся друг на друге редко. Во избежание конфликта – кто талантливее. С возрастом всё больше ассимилируются.

отвечая на мой вопрос: «Это же катальпа!». Я так обрадовался, что... тут же забыл это название. Пришлось повторно спрашивать у Каденко. Затем, чтобы опять не забыть, я построил мысленно аналогию. Катальпа – это маленькая катапульта, которая поражает противника зелёными стрелами. Так я неожиданно подтянул не только биологию, но и военное дело. И всё это благодаря фестивалю.

Как я потерял и нашёл свой смартфон

Не было ни дня на фестивале, чтобы со мной не происходили какие-то приключения. Однажды мы с ребятами лихо натапцевались в кафе «Афалина» с Олесей Рудягиной и Наташей Новохатней. Девушки из Молдовы танцевали божественно, и мы получили ни с чем не сравнимое удовольствие, меняясь партнёрами. Потом девушки ушли на море купаться, а мы с ребятами ещё долго бродили по ночному городу. Когда я, наконец, попал в свой номер, я сделал обескураживающее открытие: у меня пропал телефон. Что делать? На дворе ночь. Я решил взять такси и ехать в ресторан, где мы весело проводили время.

Телефона в Афалине не оказалось. Но мне попала удивительная девушка – официантка. Отложив свои заказы, она бросилась мне помогать. Вошла в моё положение. Не побоялась (роуминг же!) набрать со своего телефона мой московский номер. И по гудкам в телефоне вынесла свой вердикт: телефон не украден! Иначе симку тут же бы выбросили! Жалко, что я второпях так и не узнал её имени.

Оставалось найти потерянный телефон. Но где его искать, было совершенно непонятно. Я опять взял такси и вернулся в гостиницу. Перед тем как ехать в Афалину, я рассказал свою историю дежурной консьержке. И, надо же такому случиться, эта девушка вдруг услышала вибрационный звук потерянного телефона в тот момент, когда официантка из Афалины набирала мой номер! Оказывается, на фоне усталости я оставил телефон на скамейке возле ресепшена. Где его тоже, конечно, любой мог совершенно запросто положить себе в карман.

Так счастливо завершилась моя ночная одиссея. Но самое большое моё открытие этого вечера – конечно же, люди. Две замечательные девушки, которые пришли мне на помощь. Я храню память об их доброте в своём сердце. Наверное, именно такая вселенская отзывчивость и делает нас людьми.

Две пары

Давно известно, что проникновенные отношения между мужчиной и женщиной способны по-особому гармонизировать пространство. И среди организаторов и активных помощников фестиваля были две семейные пары, без которых фестиваль в его нынешнем виде был бы невозможным. Светлана Полинина и Сергей Томашунос. Сергей Главацкий и Елена Шелкова.

У меня тоже жена – помощница, и я представляю себе, как это может работать. Каждый берёт под свою ответственность определённый сектор общего дела. А вместе получается результат. И, главное, все отдаются своей работе с радостью, потому что это счастье человеческого общения, это соборность, это фестиваль поэзии.

Валерий Ременюк (Выборг)

В черноморской провинции этой
Надо жить, позабыв календарь,
Как завещано было Поэтом
И как было заведено встарь.

Мы сюда ручейками стекаем,
Чтобы моря коснуться рекой
И за рислингом или токаем
Обрести и восторг, и покой.

Удивив пресловутого греку,
Что гоняет тут раков всегда,
Это море вливается в реку
И теряется в ней без следа...

Олеся Рудягина (Кишинёв)

Месяц назад завершился Международный фестиваль «Провинция у моря», организованный (в т.ч.) Южнорусским Союзом Писателей, с которым у Ассоциации русских писателей Республики Молдова сложилось радостное разнообразное сотрудничество. Три года назад в Кишинёв приезжала Ольга Ильницкая с творческим вечером и представлением журнала «Южное Сияние», которые тепло и многолюдно прошли в муниципальной библиотеке русской культуры им. М.В. Ломоносова. А с дивными неподражаемыми Еленой Шелковой, Сергеем Главацким, Людмилой Шаргой, чьи стихи – яркие, непохожие друг на друга, вызывая моментальный отклик, создают живой образ современной «южнорусской» поэзии Украины, мы «задружились» в Тирасполе на только-только набирающем разбег фестивале «Мосты Мэрцишора». Взаимная симпатия развивалась стремительно, получив закономерное продолжение: в журнале «Южное сияние» была представлена Ассоциация русских писателей Республики Молдова, а нашем журнале «Русское поле», в специально придуманной для такого случая рубрике «Дружба журналов», вышла большая подборка авторов Южнорусского Союза Писателей, подготовленная С. Главацким. Летом 2016 года, приглашённая в жюри одноимённого конкурса фестиваля «Провинция у моря», я поражаюсь количеству пришедших на конкурс сильных стихотворных подборок и радовалась, что хотя бы таким образом могу причаститься «Провинции...», а в июне 2017, с российско-украинской делегацией, Сергей посетил Долну – сердце единственного нашего фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка»...

Давно с белой завистью я следила по Интернету за сказочными фестивальными событиями Фестиваля, разворачивающимися каждый год совсем рядом – на побережье любимого Чёрного моря. Дух захватывало от количества фестивальных дней (10!), обилия мероприятий, имён, круга обсуждаемых тем, насыщенности каждого дня. Не представлялось, что в реальности возможен столь стремительный темпоритм при неослабевающем интересе интеллигентной публики, неизменно заполняющей залы. Очень хотелось подышать этим заряженным поэзией воздухом! Вот ведь – тут рукой подать, а побывать не получалось.

И вдруг – сбылось!

Когда Сергей Главацкий прислал приглашения для делегации от АРП РМ – я, не веря нашему счастью, думала, что поездка обязательно сорвётся – или цунами случится, или ураган, или высадка инопланетян. Однако, если Небесам угодно – всё срастается. И даже неожиданно «проклюнувшийся», дико разболевшийся зуб мудрости Наташи Новохатней, вняв отчаянным мольбам, успокоился в дороге.

Итак, – вполне исторический момент! :) – русские поэты Молдовы Татьяна Некрасова, Наталья Новохатняя, Олеся Рудягина, Сергей Пагын и композитор, исполнитель и гитарист Борис Амамбаев впервые приняли участие в Международном арт-фестивале «Провинция у моря» в Черноморске (Ильичёвске). Впервые и литературно-художественный и публицистический журнал Ассоциации русских писателей РМ «Русское поле» был представлен широкой публике рядом с такими известными изданиями, как старейший в Европе (90 лет!) литературный киевский журнал «Радуга», московский журнал «Дети Ра» и одесское «Южное сияние».

Хочу поблагодарить организаторов и вдохновителей Фестиваля за эту возможность, за королевский подарок, за небывалые внимание и тёплую заботу! Редкие качества сегодня – выдержка, порядочность, чувство такта, искренняя доброжелательность куратора фестиваля Сергея Главацкого, очевидно, передались всей команде организаторов. Каждая минута, прожитая под их верным крылом была одухотворена глубоким желанием авторов и участников фестиваля гармонии – добра, мира, понимания и любви; с первого выступления у свободного микрофона до последнего стихо-события Фестиваля дух поэтического братства, преодолевающего все, ныне нагромождённые, границы и таможи, сиял над побережьем.

И, оказывается, очень даже возможен этот немисланный темп. Захватив последние четыре дня Фестиваля, мы удостоверились в удивительном свойстве времени спрессовываться, а душевные силы – концентрироваться, когда необходимо вместить необъятное: и поэтический марафон у свободного микрофона, и подготовку к собственным «сольным» выступлениям, и хоровые спонтанные спевки в гостеприимном доме руководителя арт-объединения «Поющая гавань» Светланы Полинной, и участие в забавном эксперименте одесского «Театра ушей», и семичасовой Рок-концерт, и концерт вдумчивых бардов, и выступление неподражаемого Бориса Амамбаева, и презентации книг, и ночные заплывы, и непрекращающиеся беседы с поэтами и редакторами – о поэтах, книгах, поэзии, музах и т.д., и т.д., и т.п.

А ещё хорошо почувствовать себя любимым ребёнком! Фестиваль давал чувство защищённости, ласки и любви. Представляю, как должны были сродниться люди, все 10 дней нёсшие на своих плечах ответственность за организацию, заряжавшие оптимизмом и любовью окружающее пространство! Нам же и четырёх хватало, чтобы влюбиться в стихи и голоса наших товарищей, чтобы, после поэтических

вечеров, вдохновенно отплясывать, зажигая побережье, чтобы любоваться друг другом и угадывать хорошо скрываемое от посторонних глаз в будни.

Поэтому я совсем не удивилась заключению Юрия Ковальского и Наташи Новохатней, терпеливо жаующих на бережку, пока председатель Ассоциации русских писателей РМ самозабвенно скакала по волнам в штормящем море, чему окончания не предвиделось: «Мы вот тут всё думали, кто она? – Спортсменка? – Нет! Пловчиха – любительница? – Нет. Да она – **ребёнок**. И следует с ремнём подойти к морю и просто крикнуть: – Олеся! Вылезай немедленно на берег! А то отшлёпаем!»)

Каждый гость «Провинции у моря» – удивительная история и яркая неповторимая личность! И каждого ты навсегда принял в «свои» и понял... За Сапей Карпенко – такой пласт новейшей нашей истории – мороз по коже! Стихотворные «Слон», «Зелёный велосипед» Анны Маркиной просто сразили, поселившись где-то рядом навсегда; нежная застенчивая тростиночка из Киева – с грозным даром навылетнего, афористичного высказывания Александра Шалина не забудется уже никогда. Елена Шелкова, «*Заведи меня, заведи...*», – снова в «Провинцию», пожалуйста, а?! Людмила Шарга – волшебная печальная птица-вещун. Язвительный и беззащитный Владимир Гутковский, раздаривший всем нам координаты *Родины любви и рецепт забывения*, Юрий Ковальский – с неизменно доброй мудрой сияющей улыбкой, проницательный и галантный Владимир Каденко... простите-простите, не названные мной. Вы все-все-все – удивительны и талантливы!

...Моё сердце – очень в прошлом и отзывается на зов его моментально и благодарно. Для меня в «Провинции у моря» сплелось столько радостных и щемящих «прекрасных мгновений» – света и улыбок, искреннего интереса друг к другу, рыцарского внимания, совсем несовременного дружеского радостного общения, настоящей поэзии замечательных современников, что память об этом ласковом фестивале вряд ли потускнеет. В холода её можно будет доставать из-за пазухи, как нежный пушистый цветок редкого дерева «застенчивой мимозы», продолжавшей цвести в Ильичёвске в сентябре в дни нашего пребывания, – и любоваться, и вдыхать его еле уловимый свежий неповторимый аромат.

Фестиваль «Провинция у моря» завершился месяц назад! А в ушах всё ещё звучит его тёплый прибой и неожиданные звуки дивного вальса из забытого кинофильма «На семи ветрах», разливавшиеся в Ильичёвском парке над морем последним нашим воскресным вечером (духовой оркестр, медленно кружащиеся пожилые трогательные пары, безвозвратно утраченное, воскресающее здесь и сейчас...)

То, что любимейшее на земле место – черноморское пододесское побережье – подарило «городу и миру» такое явление, как «Провинция у моря» в наш железный век разобщённости, вселенских раздвая и тревоги, страха и распада – абсолютно волшебно и... храни вас, дорогие, Господь!

Наталья Новохатняя (Кишинёв)

– ...а завтрак будет проходить в Зале Короля, – сообщила нам с Олесей Рудягиной, поэтом, прозаиком, председателем Ассоциации русских писателей Молдовы, симпатичная девушка, сидевшая в золотой карете. Я не оговорила: именно в карете! Это в виде неё был оформлен ресепшен в гостинице «Снежная королева», где нам предстояло жить в фестивальные дни. И тут, уставшая с дороги, ошалевшая от автобусной тряски, я мгновенно поняла: сказка началась.

Всё в ней было прекрасно: выступления поэтов, таких непохожих друг на друга и в то же время говорящих на одном языке, волшебном, не иначе; представления авторских книг и литературных журналов, концерт бардов... В этом общем действе каждому участнику предстояло побывать и в роли выступающего, и в роли зрителя. И неизвестно, какая из двух ролей была интереснее. А в качестве неизменной декорации выступало море. Хотя почему неизменной? Море то переливалось в солнечных лучах, то вспыхивало закатным румянцем, то серебрилось в лунном свете. Сказка, конечно, сказка.

Но наблюдали мы черты и другой сказки, гораздо менее счастливой, чем наша. За дружеским застольем бард Светлана Полинина неосторожно упомянула о местной «Атлантиде». Как выяснилось, один из районов Черноморска шаг за шагом постепенно сползает в море. Пришлось Светлане, так сказать, расплачиваться – вести на импровизированную экскурсию. И вот мы, редактор журнала «Радуга» Юрий Ковальский, поэт, писатель Владимир Каденко, я, а также Светлана в роли гида, приближаемся к цели. Зрелище оказалось плачевным, если не сказать – пугающим. При взгляде на когда-то роскошные, а теперь полуразрушенные, накренившиеся к морю особняки невольно приходили мысли о разгневанных небесах. Чур меня, чур! Надо ли говорить, что возвращение к своим – живым, горящим творчеством и таким настоящим, – было особенно приятным.

Несколько фестивальных дней промелькнули, как единый миг, взамен оставив воспоминания, которые хочется перебирать и перебирать. Думаю, не ошибусь, если скажу, что частичка души каждого участника фестиваля осталась там, в Провинции у моря. Спасибо организаторам, этим добрым волшебникам, благодаря которым сказка состоялась.

Сергей Пагын (Кишинёв)

В Черноморске я с семьёй летом отдыхаю четвёртый год подряд. Замечательный город, открытые душевные люди!

А тут появилась возможность принять участие в поэтическом фестивале.

Честно говоря, я не очень люблю различные литературные «тусовки», и довольно скептически отношусь к чему-то подобному. Но тёплая дружеская атмосфера фестиваля растопила весь мой скепсис. Талантливые творческие люди, объединённые любовью к поэзии, близкие по духу, встречи и общение у моря, радушие и открытость одесситов и черноморцев – всё это произвело на меня незабываемые впечатления.

Спасибо огромное всем организаторам фестиваля! И в следующем году, если представится такая возможность, я с удовольствием приму в нём участие! Поэтому не прощаюсь, и говорю: «До новых встреч, друзья!».

Татьяна Некрасова (Кишинёв)

Посвятить три дня морю и стихам – что может быть лучше? Знакомиться с новыми людьми и тем, что они пишут, поют, рассказывают – редкое удовольствие по нынешним временам, особенно когда люди открыты и дружелюбны, и кажется, что все друг друга читали или знают хотя бы понаслышке.

Нас в молдавском десанте было пятеро – Олеся Рудягина, Наталья Новохатняя, Сергей Пагын, Борис Амамбаев и я, ещё чудом удалось прихватить с собой любимого московского гастролёра, Алёну Бабанскую. Вслух читать не люблю страшно, а тут вдруг надо и точка – как же я волновалась (в записи всё особенно заметно) почему-то, чордпобьери, ноги дрожали и лицо кривилось, но потом подходили люди и дарили цветы, книги, фотографии, и поняла, что ничего ни в чём не понимаю, и пусть оно идёт как идёт, а я просто буду смотреть и видеть, слушать и слышать.

Под окном нашего гостиничного номера стояла матёрый яшень – спрашивать не хочу (никто так ни о чём и не спросил). Море было градусов девятнадцать, медузы огромные и тяжёлые – размером примерно с голову ребёнка, серые с фиолетовой каёмочкой. Солнце сначала пряталось, потом пекло, под конец стало рассеянным и тяжёлым одновременно, но нам всё было в радость. Несколько раз (издалека и вблизи) видели дельфиньи спины – чёрные и гладкие, при этом все говорили: «какие они красивые!», а подслеповатая я вообще сначала подумала: кто это там с надувными лодками балуется? – то притопит, то отпустит...

Компания у нас была славная, самая лучшая компания была. Мы и дома-то редко видимся, а тут вдруг не урывками и вне быта – и это было прекрасно. Новые люди были доброжелательны, гостеприимны и мимолётны (так мало времени на всё про всё, так мало!), организаторы – заботливы и терпеливы, три дня пролетели, как один, и уже почти не верится, что это всё было со мной и с нами, и хочется вернуть и продлить – или вернуться и продлиться? – и так близко это, и так далеко одновременно.

Алёна Бабанская (Москва)

Вот так бывает: загодя, за полгода, покупаешь билет в Кишинев, а в результате попадаешь в Черноморск. Необъяснимые кульбиты судьбы, да и только. На «Провинцию у моря», проехав 3 границы, я попала из Молдовы. Нет ничего лучше путешествия, а тем более с друзьями, поэтами и музыкантами. Нет ничего лучше, чем знакомиться с новыми авторами. Москвичам проще встретиться на берегу Чёрного моря, чем в первопрестольной. Четыре дня пролетели, как один. Ещё бы, надо было успеть парочку раз искупаться перед погружением в поэтические воды. И вот так каждый день. И что самое прекрасное, нигде ни одной накладки. Море предоставлялось строго по расписанию, обед и завтрак умопомрачительные, зрители отзывчивые, стихи отпадные, погода летняя. Насчёт стихов вовсе не шучу. Надо сказать, что уровень выступающих был весьма высок. Не на каждой московской поэтической тусовке такое встретишь. Не говоря о досадных минусах Москвы с отсутствием моря и солнца. Большое спасибо Сергею Главацкому за приглашение и за организацию этого фестиваля. Отдельное спасибо за дельфинов, приятно, что организаторы позаботились и об этом. Одним словом – праздник удался.

Тамила Синеева (Киев)

Фестиваль «Провинция у моря» для меня – это праздник, долгожданный и волнующий. Я была здесь трижды, и каждый раз открывала для себя что-то новое. Конечно, самым впечатляющим был мой первый приезд в 2014 году. Одесса встретила тепло, Ильичевск порадовал морем, организаторы фестиваля поразили добродушием и гостеприимством. Интересные мероприятия, свободный микрофон, где мы могли выступить и послушать всех авторов. Очень понравились выступления ильичевских артистов. Всё было на достойном уровне. Когда я приезжала во второй и в третий раз, с удовольствием отмечала то, что фест «Провинция у моря» развивается, совершенствуется, мероприятия тщательно подбираются, и каждый раз нас ждёт что-то новенькое, какая-нибудь приятная изюминка.

Я обрела здесь замечательных друзей, с которыми поддерживаю связь в соцсетях, и мечтаю встретиться с ними снова и снова. А ещё на фестивале, как нигде, можно услышать много прекрасных стихов и пообщаться со многими авторами, что вряд ли возможно где-то ещё, если не на других подобных мероприятиях. Но на «Провинции» эти встречи особенны. Это нельзя передать словами. Сюда просто хочется приезжать ещё и ещё.

Наталья Вареник (Киев)

В 2017 году международный литературный проект «Писатель в интернет-пространстве» принял активное участие в фестивале «Провинция у моря». Модератор нашего сайта Тамара Берлин побывала на творческих мероприятиях, в том числе в необыкновенно красивом Одесском Литературном музее, где проходило торжественное открытие Фестиваля.

Я тоже впервые побывала в Одессе и г. Черноморске, где проходили многие литературные мероприятия и закрытие Фестиваля. Черноморск оказался прекрасным курортным городом, как нельзя лучше подходящим для творческого общения писателей и отдыха.

Приятно удивило разнообразие тематики литературных вечеров и высокий уровень литературного мастерства их участников – Елены Шелковой, Людмилы Шарга, Анны Стреминской и многих других авторов. Порадовала грамотная, чёткая организация фестиваля, его Оргкомитета, который возглавляет Председатель Южнорусского Союза Писателей поэт Сергей Главацкий. Кстати говоря, сотрудничество между нашими проектами укрепляется: на закрытии Фестиваля я вручила Сергею новую книгу нашего издательства «Писатель в интернет-пространстве» – альманах «Фестивальное Лето», куда вошли произведения руководителей литературных фестивалей, членов жюри и фестивальцев.

А через несколько дней состоялась презентация нашего проекта в греческом культурном центре г. Одессы, которая проходила при поддержке фестиваля «Провинция у моря». Там ещё раз довелось услышать выступления участников фестиваля 2017 года и одесского автора нашего издательства Викторнии Колтуновой.

Впечатления от «Провинции у моря» – самые тёплые и приятные, как и от самой Одессы, которая недаром зовётся «жемчужиной у моря». Нас принимали очень тепло и дружелюбно. Надеюсь, сотрудничество будет продолжаться!

АЛЁНА БАБАНСКАЯ**ВСЁ СТАНЕТ БАРХАТ И ПАРЧА**

Полдня болтаешься в небе на высоте.
Выходишь из самолёта, а люди уже не те.
Не с песьими головами, просто чудной народ.
Ходят, делают, мыслят наоборот.
Вроде в том же мире и под одной звездой.
Живут и счастливы вином да сыром, всякою ерундой.

СВОБОДА

Шевеля плавниками в Каме,
Шевеля плавниками в Волге,
Время медленно утекает,
Пенный след оставляя, волглый.
Даже если минуешь сети,
На поверхность всплываешь реже.
Ничего-то тебе не светит.
Ничего-то тебя не держит.

Скрипит машина мироздания,
Приплюснутая полюса,
Вдруг – облака над городами,
Как паруса.
И, лесом мачтовым играя,
Что тростником,
Метель, не добрая, не злая,
Летит, дорог не разбирая,
А прямым.
И рев её лужёной глотки
Похож на стон.
И птичьих гнезда, точно лодки
На гребнях крон.

Слышишь, какие птички поют *флюить!*
Нечего волноваться, куда нам плыть.
Всюду равнина, степь с четырёх сторон.
Каждая из сторон понесёт урон.
Лезет в бутылку ветер, едва задень.
Света в рогожку не наберёшь за день.
Тянет весенней сыростью от земли.
Сизые лужи, мыльные пузыри.

Пока я в этот мир играю,
Пока, пока его игла я,
Я продолжаю про шитьё,
Я продолжаю про житьё.
Кто лучше, чем иголка скажет,
Про ткани и про свойства пряжи,
Всё, что сегодня на слуху –
Всё рассыпается в труху,
Но я, пока ещё живая,
Но я, пока ещё шиваю.
Но, стиснув зубы и молча –
Всё станет бархат и парча.

МЁД

Пчела причалила к цветку,
Моторы заглушив.
Приятно жить, мерси боку,
В какой-нибудь глуши.
Включать с утра пчелиный гул,
Падение и взлёт.
Так даже через «не могу»
Накапливаешь мёд.

ЗНОЙ

Как разнотравье в зной медово,
Что дух до самого Ростова.
Звенят незримые цикады.
Ты жаждешь тени и прохлады.
На Дон, на Дон, пока не поздно,
Где рыбаки в державных позах,
Расставив снасти на рассвете,
Манят ненастье в наши сети.

НЕБО В АЛМАЗАХ

Небо моё в алмазах,
В растяжках молний.
Ливень пойдёт не сразу,
Но всё заполнит
Шелест его бумажный
По всем карнизам.
Город многоэтажный
Водой пронизан.
Птицы в одном исподнем
В гнездо забились.
Лето идёт господне –
А мы забыли...

ДОЖДЬ

Он лил всю ночь и до рассвета
А я иду за ним по следу,
Неверный оставляя след
Из поражений и побед.
Он просто следовал призванию.
Он весь истёк до основания.
А я, шагая по пятам,
Смогу ли почву напиться,
Чтобы на ней земные травы
Цвели и правым и неправым,
Манили пчёлку и шмелей,
И человек, и зверей?

МАРШ

На шее моей – барабан, барабан.
 Я так выжимаю по капле раба.
 В анамнезе красное знамя.
 Кто с нами?
 Я так выживаю на ратном пути.
 «Прощанье славянки» славянку прости.
 Идём наступающим маршем.
 И машем.
 Мне жить привелось без повторов и проб.
 Ведёт на авось барабанная дробь.
 И крутится классик во гробе
 От дроби.

В КАЛЯЗИНЕ

Над колокольною Калязина
 Встает рассвет богобоязненный.
 Течёт река, как было велено
 По воле Сталина и Ленина.
 И жизнь течёт богооставленно
 По воле Ленина и Сталина.
 И мир-труд-май царят до вечера.
 И облака текут над речкою.

ОЛЕГ БАБИНОВ

НЕВЗРАЧ

НЕВЗРАЧ

Смылся смысла тёртый калач,
 как настало рачье зимовье.
 Чу! ползёт плечистый тягач
 по полям, где вызрел невзрач.
 Раздаётся поступь слоновья.
 Клацает затворника клатч.
 Здравствуй, славный век неудач!

Облачённый в непоплечу,
 палачу перчу палачинки
 и себе под нос бормочу,
 бормочу себе бормочинки.

СЧИТАЛОЧКА

*Винтер, винтер. Форест, форест.
Ин зе мидл оф зе форест
стэйз иван сусанин.*

Из анекдота

Винтер, винтер. Форест, форест.
Ин зе мидл оф зе форест –
сами мы с усами,
сами, сами, сами то есть!
Нынче санитарный поезд
не пришлют за нами.

Точка, точка, запятая.
Строчка первая, вторая.
Песенка, считалка.
Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы.
Вышибалы. Выживалы.
Прыгалка, скакалка.

Форест, винтер, рельсы, шпалы.
Он ли едет обветшалый,
старенький, болезный,
бедный поезд санитарный,
точковатый, запятарный?
Не взлетит над бездной!

Палка, палка, огуречик.
Вот и вышел человечек,
а куда – не понял.
Нам его немного жалко.
Палка, палка, палка, палка,
палка, палка, помер.

МАЛЫЕ ГОЛЛАНДЦЫ

Отшуршали наши кисти по холсту –
малого голландца видно за версту.
Мёртвая природа, биты фазаны.
Вот и отстрелялись наши пацаны.

Малого голландца видно со спины
по стихам со вкусом вяленой слюны.
Приготовил повар муху из котлет –
книгу, череп, глобус. Пачку сигарет.

То ли в Самарканде, то ли в Бухаре,
то ли в точке входа тоненьким тире –
с русскою радисткой в зарослях седин
выжил я – полярник Покарительдин.

Здесь порой такая ледяная тишь.
 Боже, я – Челюскин! Где же ты летишь?
 А порой такая гробовая дрожь.
 Спасе, Ляпидевский, как ты нас найдёшь?

На соседней льдине с трубками во рту
 малые голландцы скрип да скрип по льду.

ФЛОТ

Когда нас вызовет на суд
 прокрастинатор-крот
 и скажет: «Там, и сям, и тут
 вы виноваты вот и вот»,
 нас четвертуют и запрут,
 и наши имена сотрут
 и с воздушей, и с вод –

тогда на выручку придёт
 из жарких нулевых широт
 волшебный русский флот.

Босой ногой, как зимний дым,
 ощупывая лёд,
 ощерясь Пушкиным седым,
 в темницу он войдёт,
 и нам, за Мезенской губой
 непозванным к столу,
 нам с нашей чувственной губой,
 раскатанной к теплу,
 он протрубит: «Проснись и пой,
 и пой “Прощай, Лулу!”»

То не Вертинский нам поёт –
 то вертится великий Пётр,
 предательский наш дух.
 Он виноват, он признаёт.
 Он отнесёт наш Питербурх
 на юх, на юх, на юх.

Там наши почва и судьба
 под тёплою волной
 голы до дна, вот стыдоба,
 развяжутся с войной,
 и мы, как птицы кораблей,
 стрекозы субмарин,
 наевшись соли и соплей,
 над миром воспарим.

НИХТ ШИССЕН

Когда-нибудь я стану большим, как Илья Муромец,
и научусь говорить «Нет, спасибо!», «Спасибо, нет!»,
«Нихт шиссен!», «Не мой это уровень,
я больше, чем печь, больше, чем клетчатый псал,

шире оскала самодовольной причастности,
вездеходней хрустящей корочки Колобка!».
Увы, скоротечная сука сучасности
не разумеет взятого языка.

В узком зазоре между войной и мороком,
друзья мои мыши, когда бы вы ширь прогрызли!
Когда я вырасту, я стану врачом-некрологом
Несостоявшейся жизни.

ЖОНГЛЁРЫ АКРОБАТАМИ НА БАТУТЕ

Когда в поворот внезапный на перекрутье
не вывернуть наизнанку из-под полы,
жонглёры акробатами на батуте
махнут на тебя крылами – курлы-курлы.

Ах, жизнь коротка, но краткость – не повод сдаться.
На ярмарке ночь, и фокусник пьёт вино.
Он тоже устал. Устал от цилиндров, зайцев
и розовых баб, что шлм-не шлм – бревно.

Бед посчитать нам станет старик Банданыч.
Гитара его – из пыльной печной зола.
Он сядет на край. Споёт тебе нежно на ночь:
курлы да курлы. Курлы да курлы.

ГОЛЫЙ ВЕТЕР

Запирающий дверь, поднимающий взор
из-под ноющих каменных век!
Видишь, как незнакомый безбрежный простор
наплывает на берег, на брег?

Отпустивший себя, подошедший к Отцу
на один захлебнувшийся миг,
не тяни оробелые руки к лицу,
не ищи под щекой воротник.

Голым ветром своим хлестанёт по щекам,
и живое Его вороньё
загадит: «Просыпайся платить по счетам,
о любимое горе моё!»

ЧЕЛОВЕЧЕВО

Человечество плетиво
унижать его, пороть его
наказать его, наколоть его
на булавку английскую –
близкого, склизкого

Человечество плечиво
подпереть ему нечего
покалечь его, изувечь его
как медведицу – на рогатину
всё одно пропадать ему

Человечество горево
полюбил топор головы
рубить полюбил –
пошёл порубил
глагола принёс горнего

Человечество платьёво
приоденется – не узнать его
а узнаешь – погладь его
под нарядами – кожица
он размножится

Человечество духово
за столом он – и друг его
а над ними Бог и муха Его
то не муха Его – то ухо Его
радуется
тревожится

Человечество встречево...
между ними кава и печиво...
И сидит она, помеченная,
осторожно, как боль залеченная –
так доверчиво недоверчива...
в гардероб сданы щит и меч его,
но в руке его – речь его
человечество-калеченая

ПОЧИТАЙ МНЕ ПУШКИНА ПЕРЕД СНОМ

почитай мне Пушкина перед сном –
что-нибудь про няню и про кота
пожалей, что бьётся добро со злом –
да не добивается никогда

положи ладонь на больной висок
обещай любить на краю земли –
там, где наши жизни ушли в песок,
прошепчи мне спи и скомандуй пли

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА**В КОРИДОРЕ ШУМИТ ОКЕАН**

ВИНОГРАД

ВОТ МЫ СТОИМ НА КАМЕННОМ МОСТУ
СОЛЁНОЙ ВИНОГРАДИНОЙ ВО РТУ
КУДА НИ ГЛЯДЬ ЧЕРНИЛЬНАЯ ВОДИЦА

НА ВОЛОСАХ КРАСИТЕЛЬ А В НОГАХ
МЕШАЕТСЯ МУСКАТНОЕ И СТРАХ
И НЕКОМУ С ДЕЖУРСТВА ВОЗВРАТИТЬСЯ

ЗДЕСЬ СТОЛЬКО МЕСТА СТОЛЬКО ЕРУНДЫ
МЫ МОЖЕМ ЗАГОВАРИВАТЬ ЦВЕТЫ
КАСАТЬСЯ ТЕЛА ОБНИМАТЬ ЗАБОРЧИК

ЯЗЫК ПРОХЛАДЕН РАЗУМ ПУСТОВАТ
И КАЖЕТСЯ ПРИНОСИТ ВИНОГРАД
СПОКОЙНЫЙ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ УБОРЩИК

ЗДЕСЬ МОЖНО БЫВШИХ ЖЁН УПОМИНАТЬ
СЧИТАТЬ ВЕСНУШКИ КОЖУ ОМЫВАТЬ
И МОЖНО НАД ВОДОЙ ИГРАТЬ В ГЛЯДЕЛКИ

А ЕСЛИ КТО-ТО В ВОДУ УПАДЁТ
ТО НИЧЕГО ТО СМЕРТЬ ЕГО НАЙДЁТ
ОНА ИДЁТ ОНА УЖЕ НЕСЁТ
ДОМАШНЕЕ ПЕЧЕНЫЕ НА ТАРЕЛКЕ

МОРСКАЯ ФИГУРА

Сонечка вышла за Колю-слесаря.
Хоть и еврей, говорит – болгарин.
А у Натальи Фалесовны –
сына арестовали.

Чего арестовывать, воеет Наталья.
Он коммунист, у него медали.

Жили как жили, в общем-то не игристо.
Сняли колечко – купили риса.

Никакой он, граждане, не кулак.
За что его – так?
Граждане молча слушают.

Врёт она всё, заслуживает.
 Маслят Наталью оливками глаз.
 Море волнуется.
 Раз.

Ни радости ни праздности ни странствий
 черешня баклажаны кабачки
 усни мой сон
 усни моё пространство
 хлопок неприкасаемой руки

бредёт на штурм цветочная пехота
 русалки потеряли чешую
 кого мне ждать
 и жду ли я кого-то
 когда рассказы водит кот-баюн

когда легко в зеркальном полумире
 перебирать по косточкам гранат
 всё говорит что я усну в квартире
 но где проснусь – под яблоней иль над

но где проснусь – в гостиной в ручейке ли
 в тяжёлом позолоченном венке
 как вязко спать ворочаюсь в постели
 в кармине в саже в сепии в тоске

АЛЕКСАНДРУ МОЦАРУ

Ленор обещала вернуться.
 Любовь обещала вернуться.
 Кассир обещала вернуться.
 Но не возвращался никто.
 Теперь я оранжевый клоун.
 Спокойный оранжевый клоун.
 Без Бима, без Бома, без грима,
 без паспорта и без души.
 Рисую молочные губы.
 Рисую багряные реки.
 Ни бабочек, ни многоножек,
 ни даже улиток стальных.
 А что ещё делать живому?
 Который ни сраму не имеет.
 Который ни больше не будет.
 Которому некуда жить.

ВОЗДУХ

Одуванчик зрит чудесное:
нос шершавого щенка.
Поперхнусь, вернусь, исчезну ли,
неизвестно лишь пока.

Над прудами ветер бесится.
– Видел утку? фью да фьить!
Одуванчик просит: «Месяц, а?
Дал бы небо поносить?»

Или облако?! Я маленький.
Как ничтожному прожить.
Ни крыльца, ни умывальника –
не до жиру через «жи».

Месяц пьёт и пьёт без просьба,
не ответит малышне.
Одуванчик равен воздуху,
раме, маме, Миле, мне.

Ущерб для тела душу холодит.
Тепло воркует страх, мастеровит,
хотя куда взлетать ему, лишенцу.
Чужая речь – гипербола, уволь.
Островский ударяется в гиньоль
Петрушкины откидывать коленца.
Состав исчез – ни рельса под строку.
Я не могу, я небоне могу.
И хорошо, и немочь пригодится.
Окружность обещала – всё пройдёт,
но не проходит, не произойдёт,
не прозвенит, не вспыхнет, не родится.

СНЕЖИНКА

при памяти плохой такая радость
найти себя волшебником снежинкой
найти в себе подснежник с битым сердцем
затикавшим при поздней перестройке
при памяти плохой – а есть другая? –
и лампа и ламбада и лампасы
на рукавах чернильной олимпийки
счастливой жизнью жил бы без себя
ну не родился не читал с коленок
скажи-ка дядя что там у французов
помпон на шапке выдали другому
другой реестр в списке мелюзги

у памяти найдёшь на фотокарте
 без двух передних но с велосипедом
 себя недоумённого живого
 такая радость что существовал

ЛИТЬЁ

– Люди невозстановимы, –
 говорит кузнец Андрей. –
 Год жила со мной Руфина.
 Где же туфельки теперь?

Где, качаясь в платье новом,
 оставляет запах свой?
 Люди мягче, чем подковы
 – ни следа на мостовой.

Я могу уехать в Суздаль,
 я могу исправить меч.
 Сердцу – пусто (пусто ль? пусто ль?)
 Некем комнату беречь.

Что с того, что воешь тонко,
 что полынь в тебе растёт?..
 Остаётся для потомков
 драгоценное литьё.

БОЛЬНИЦА

И куда подевался халат?
 Столько страсти таит шоколад,
 когда ешь его в чистой палате.
 От уколов язык суховат,
 время стелет кроссвордами ад.
 Никакого ротфронта не хватит.

Минералкою бредит стакан.
 В коридоре шумит океан.
 Простынь пахнет мукой и бульоном.
 Если долго смотреть в потолок,
 то увидишь весны локоток
 в виде тени, в окне преломлённой.

Может, завтра опустят домой.
 Может, горе утихнет само.
 Может, ноги найдут подоконник.
 И когда – полуслаб, полусед –
 за стеной завершается дед,
 ты стараешься сладкое вспомнить.

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ**МОТЫЛЬКИ БЕЛЫМ ПУХОМ КРУЖАТ**

У каштановых свеч мотыльками кружится весна,
Обжигает рассвет раскалённо-малиновый диск,
И ложится мазком первый луч, раскаляясь докрасна,
Предъявляя природе энергозатратночный иск;
И разлив акварель, тихо шепчется дождь по дворам,
Наступая на пятки сонливо бредущей жаре,
Размешала природа вино человеческих драм
И приправила лёгкостью, той, что сродни мишуре.
В ожидании вновь занавески стыдливо дрожат,
И скрипит второпях кем-то настезь открытая дверь...
В конусах фонарей мотыльки белым пухом кружат,
Сумрак лижет клубком жёлтым в небе свернувшийся зверь.

Родина малиновым кустом
Поманила в дальние пределы.
Молча осенью себя крестом,
В чащу зашагаю шагом смелым.

Затеряюсь в тропках наугад,
И вдыхая запах спелых ягод,
Вдруг пойму, насколько я богат,
Избежав чужбины дальней тягот.

Тиньканье ли пташечки лесной,
Или попрыгунчика в ложбине
Я воспринимаю, как чумной:
Ими грезил, брежу и поныне.

Выйдя на полянку в солнцепёк,
С перьевыми закружу я в танце...
Да хранит мой край родимый Бог,
Не поработаю иностранцы.

В чащу опускается закат,
Комариный звон лелеет душу:
Я безмерно, сказочно богат
Тем, что эту сказку не нарушу!

Стучит и пульс, стучит и клюва бронь,
Он кардинал: он в кардинальской шляпке.
И если вдут на промысле, не тронь
Его, не тронь пернатой лапки.

Повсюду стук, и эхо бередит
Чужую душу, скрывавшуюся в соснах.
Он платит щедро, но живёт в кредит:
Природе независимость несносна.

Не глаз – алмаз: не спрячутся нигде
Ни гусеница и ни жук, ни мошка –
Стучать рождённый, держит он в узде
Тех, кто природу точит понемножку.

Он мессу монотонную с утра
Зарядит, и почудится в округе,
Что жизнь не однозначна, а мудра,
Что кроны не податливы, упруги.

Рябит в глазах прекрасная пора,
Всё создано для наслажденья вроде,
Как жаль, что принцип «горе – от ума»
Срабатывает в точности в природе.

памяти И. Бродского

Мы одиноки оба, каждый – в меру,
Которая вместилась в чашу жизни, –
Свою ты отпил, я – пока что мерю...
Насмешник: «Поперхнёшься, тут же свисни».
Но если одиночество сольётся
Ещё с одним – коктейли нынче в моде –
То кто из нас нырнёт на дно колодца?
Ответ туманный: «Это – по погоде...»
Погода – дрянь: столетье на исходе,
А вместе – и великие поэты
Из жизни всё уходят... «Все уходят» –
Спокойно возражаешь мне на это.
Согласен. Но уходят, не кивая
И даже не окончив разговора,
Ты, впрочем, за своё: «Строка – живая,
Она опять сведёт Вас. И до скоро...»
Скорее бы: теперь уже нет мочи,
Ещё чуть-чуть – кажется, завою.
Но ты умолк? А кто же напророчит,
Мне – чашу иль – в колодец, с головою?..

Жизнь не в большом таится,
Кроется в мелочах.
Руки раскинь, как птица,
Дрожь улови в плечах.

Дай разогнуться чувству,
Мыслям набрать разгон.
Чтобы припасть к искусству,
Совесть поставь на кон.

И растекутся строки,
Зашелестят листы;
Жизни забыв уроки,
В них окунёшься ты.

В них распознаешь тайны,
Истины бытия.
Мелочи – неслучайны,
Скрыты в них ты и я...

Видеть одно большое –
Это не жизнь – враньё...
Хватит читать чужое,
Надо писать своё.

И иней серебрит поляны,
И красный лист дерева жжёт –
Октябрь зализывает раны,
Диск лунный, как монета, жёлт.

В молочном мареве кварталы,
Хватив простуды через край,
Вдруг заблестели, стали алы –
Мелькнул луч солнца, как искра.

И заморозкам наступая
На пятки, в Минск спешит рассвет.
И в шарф закутавшись, любая
Синоптик здесь и краевед.

Вновь клёкот стай, летящих к югу,
Вновь запах выпревшей травы:
Природа мечется по кругу,
И увядает всё, увы...

Осенний холод, отрезвляя,
Подсказывает нам уже,
Что скоротечна жизнь. И зла я
За это не держу в душе.

У ДОМА

Хрустят, кусаются морозы,
Пестрит узорами стекло,
На лицах бусинками слёзы,
И скулы стужено светло.

Деревья точно изваянья,
И тени мёрзнут на снегу,
А ветра терпкое дыханье
Вдруг превращается в пургу.

По озеру позёмка пляшет,
Ей тучи хмурятся в ответ;
Заря на западе всё краше,
Укутал небо алый плед.

Поскрипывают двери глухо,
Скребётся в форточку метель,
А там, внутри, тепло и сухо,
И сытный ужин, и постель.

Даже ночь не даст прохлады –
Не жалеи и не проси, –
Лишь настырные цикады
Глушат «Голос Би-Би-Си».
Лишь вдали мигают томно
Фонари, зрачки окон,
Да собака, знать бездомна,
Лает – ищет испокон...
Но хозяин затерялся,
Только небо – ей в ответ –
Эхо шлёт, как ритмы вальса,
Свод небес упругий ведь.
Только гуще вьются тучи,
Одинокий глаз луны
Свет, как шапку, нахлобучит
На людей, попавших в сны.
Только гул автомобилей
Прорывает тишину,
И часы, давно забили,
Время ткут. И я усну.

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО**ПОГРАНИЧНИК ЗИМЫ И ОСЕНИ**

Я прожигатель смерти. Я кузнец
земного счастья, вскормленного в муках,
где жизнь творится фугою сердец –
и, как молитва, замирает в звуках.

Я создал мир, чтоб жить в нём и творить,
чтобы по солнцу плакало ненастье;
чтобы бесстрашным молотом разбить
златую цепь закованного счастья.

И, обращением к вечности богат,
какое небо я оставляю птицам?
Я, прожигатель смерти, жрец утрат
и собиратель жизни – по крупшам?

Безоглядно бреду
по лесу я.
Что несу я в себе,
вы спросите.
Только шаткое равновесие.
Пограничник
зимы и осени.

Я студент
затянувшейся сессии –
Той, что даст
просветление якобы.
Испуганное равновесие,
Винтовая лестница Якоба.

Что же там, вдалеке, за взорами?
Там вершины, там бездна,
глубы там.
И тебя я маню озёрами,
Пленной плавая
пенной рыбиной.

МАЛЕНЬКИЙ ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

1.

Жжёт осень рукописи листьев;
Срывает ветер их, неистов;
Бредёшь, и прямо от порога –
Неизъяснимая тревога...

В окошко ливни надышали,
И мысли наспех набежали;
Хладееет кровь – жива душа ли?

2.

...И время свой усилит натиск,
И Маяковский крикнет: «Нате-с!»,
И ты поймёшь, внезапно нем,
Что Эрос – это был Танатос,
Только не узнанный никем.

3.

...Уж соловьям скормили басни;
И Блоку грезится блокбастер;
И снова сумрак на пороге,
И в Слове умирают слоги,
И Бог приходит в наши блоги,
И жизнь – сама себе награда.
Жжёт осень рукопись де сада...

ТРЕТЬЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Кто беден, кто богат:
Афганский пройден ад,
Медали всем живым раздали.
А мёртвые с тех пор
Заводят разговор
О третьей стороне медали.

А третья сторона
С Востока не видна,
Сокрыта за резным фасадом.
А третья сторона –
Как тайная вина,
Словно венчанье рая с адом.

Пред вечностью равны,
Уйдём мы в чьи-то сны.
Хочу увидеть в час прощанья
Затмение луны,
Пришествие весны –
И третьей стороны венчанье.

Пророки – не князья,
И всё-таки, друзья,
Какие нас торопят дали?
Опять крошечный ад?
Опять сплошной парад?
Иль третья сторона медали?

КОКТЕБЕЛЬ

Где таится нора утрей,
Где мы видели пару сами,
Появились «Ассоль» и «Грей» –
И целуются парусами.

Атакуя морскую соль,
Салютуя волнам и гротам,
Быстроходная «Ассоль»
Отвезёт к Золотым Воротам.

Но пожалует кок тебе ль
Эту розу ветров в подарок?
Если прибыл ты в Коктебель,
Будет день твой красив и ярок.

А потом – зажигай огни,
Точно звёзды, в ночной колыбели.
Навсегда ты запомнишь дни,
Проведённые в Коктебеле!

Как тебе
Коктебель?

* «Ассоль» и «Грей» – парусники, которые возят гостей Коктебеля к Золотым Воротам.

Если хорошо нам с тобой
По пескам бродить до зари
И глазами слушать прибой –
Это просто море внутри.

Видишь, чайки чинно скользят
Под лазурью ласковых неб...
Это – свёрнутый в свиток театр.
Это наше время вздохлёб.

Ты твори меня, прекословь,
Зажигай в душе города.
Пусть внутри вальсирует кровь,
Как в волне – морская вода.

И, когда догорает закат
 На углях вечерней зари,
 Ты не прячь загадочный взгляд:
 Это наше небо внутри.

ХУДОЖНИЦА

Ты творишь в тиши под Селеной,
 Наречённая в снах Еленой,
 И отныне во всей Вселенной
 Не унять первобытную дрожь.
 Лишь вчера ты лежала с ангиной –
 А сегодня рисуешь сангиной
 Мысли, чувства – всё то, чём живёшь.

Запиваю чайком цукаты.
 Что поделаешь, друг: цикады
 Растащили меня на цитаты
 В вечерующем летнем саду.
 На мольберте, мой друг прелестный,
 Ты рисуешь свой мир окрестный –
 Так, как небо рисует звезду.

Опасаясь в людском раствориться болоте,
 Широко раскрывая для сердца пути,
 Ты стремишься в бесстрашном и гордом полёте,
 Чтобы смерть оставалась всегда позади.

Нам непросто угнаться за новой волною.
 Застилают пространство косые дожди.
 Надо, видимо, быть человеком-стрелой,
 Чтобы смерть оставалась всегда позади.

Но не бойся у сердца уму научиться!
 Если я заблуждаюсь – мой пыл остуди,
 И у нас непременно должно получиться,
 Чтобы смерть оставалась всегда позади.

Впиши меня, любимая, в пейзаж,
 Где лето спит, отбросив одеяло,
 А мы с тобой резвимся у причала –
 И ловим, словно бабочку, кураж.

И между нами зреет уговор,
 Отбросив все крючки и проволочки.
 Я постою у сердца в уголке –
 И выйду на пленительный простор.

Припрятанный в больших твоих глазах,
Вдруг осознаю самое простое –
И, может быть, пойму, чего я стою
У вечности на сломанных весах.

Улыбка белоснежная твоя
Так кротка, так исполнена участия,
И кажется сама возможность счастья
Бесстрашным парадоксом бытия.

Волшебная улыбка бытия –
Всё сущее, что дышит рядом с нею.
Я этот воздух выдохнуть не смею,
Ведь не дышать я просто не умею...

И к звёздам восхожу из пепла я.

ТЕАТР НАОБОРОТ

В.Г.

Лампадка тихо догорает –
А там, за росчерком пера,
Лишь редкий смертный понимает:
Вся наша жизнь – увы, игра...

И правдолюбца, и поэра –
Всех созывает жизни пир...
И только имя Режиссёра
Забыл оставить нам Шекспир.

И все мы – павшие, живые,
Жизнь отыграв как вещей сон,
Залижем раны ножевые –
И гордо выйдем на поклон.

И зрячи будем мы, и зорки,
Бессмертным гениям под стать,
И стаи ангелов с галёрки,
Встав, станут нам рукоплескать...

И мысль придёт – как неотложка,
Как неопознанный секрет –
Что мы сгорали... понарошку,
А смерти – и в помине нет!

Мы сможем смысл придать дорогам,
Познаем подлинность, и боль,
И счастье, что дана нам Богом
Своя, а не чужая роль.

...Лампадка плоти догорает,
И душу ждёт небесный плот,
И лишь Всевышний твёрдо знает,
Что жизнь – Театр Наоборот.

АННА МАРКИНА**АКТРИСА****рассказ**

Занесло меня как-то в подкостромские хляби по лошаднему пристрастию. Покидала в рюкзак свитера, краги да сухари и явилась к хозяйскому порогу – вот-де я прибудная, поживу у вас тут осень, конелюбие своё подпитаю, зарплаты мне не надо, можете меня эксплуатировать, как в головы ваши светлые взбредёт, только угол и кормёжку, будьте ласковы, обеспечьте.

Иван, конюх, окинул меня брезгливым взглядом и повёл начальству демонстрировать.

– Вот, – говорит, – свалился на нашу голову работничек.

Я заявила, что ездить научена, могу любые хозяйственные задачи выполнять, а вечерами стихи читать. Начальство, именуемое Сергеем, вздохнуло и смирилось – не выгонять же на ночь глядя трепетную женскую натуру.

А Ивана резюме не впечатлило, он только затылок скорбно почесал и молвил:

– Ну, иди тогда, интеллигенция, лошадей на ужин загонять.

– А их сколько?

– Одиннадцать с половиной.

– А куда идти? – как бы по-деловому уточню я, а по организму трепетному уже смятение пробегает.

Махнули мне куда-то в сторону речки и были таковы, откланялись.

Стою у ворот, размысливаю, что делать: лошадь же не собака, зови не зови – не откликнется, если не особым образом дрессированная.

Тут Сергей сжалился, принёс мне уздечку и объясняет:

– Одну лошадь поймай, а остальные сами пойдут. Только лучше кого-нибудь авторитетного лови.

– А кто у них авторитетный?

– Ховрия, – учителствует Сергей, а в глазах у него смешинки так и поблескивают. – Гнедая такая... в белых носках, с чёрной гривой и со звёздочкой на лбу.

Взяла я уздечку, пересыпала сухари из рюкзака в карманы и отправилась на поимку. Спустилась еле-еле по раскисшей дороге, ноги промочила и извазюкалась по колено. Темнота уже приткнулась к холмам, чёрт его разберёт, где эти бестии. Вглядываюсь – только камни здоровенные видно. Подошла поближе – не камни, а кони самые настоящие, разбросанные там и сям. И все как на подбор гнедые с черными гривами и в белых носках.

Целый час бегала, в жуящие морды заглядывала. Отыскала подходящую лошадь. Оказалось, что лошадь не одна, а с жеребёнком.

Будто сразу сказать было нельзя, что Ховрию надо не по звёздочке, а по жеребёнку определять! Это они нарочно только обрезок информации мне выдали, чтоб профпригодность мою проверить!

Подманила я местную заправилу сухариком. Пока уздечку разбирала, кобыла сухарик слопала и отошла, спасибо не сказала. Я опять её подманила и повод сразу на шею накинула, чтоб никуда не делась. Осталось только саму уздечку пристроить. А лошадь и не думала никуда деваться, встала и наглуую морду задрапа – не дотянуться. Тогда я по известной хитрости попыталась ей сухарь вместе с трензелем скормить – сухарь был съеден, трензель на ладони оставлен, а голова к небу вознесена. Ещё жеребёнок под ногами вертелся и кусался. Так я вокруг них полчаса проплясала, пока они совместными усилиями весь запас сухарей не изничтожили.

Плюнула я и решила ловить соседнюю лошадь, авось тоже авторитетная. Надела на неё уздечку и повела. Гляжу – остальные за нами пошли. Одиннадцать штук и половинка в виде жеребёнка.

На конюшне Иван развёл конную братию по денникам, процедил, что меня только за смертью посылать, выдал два ведра овса и велел его по кормушкам раскладывать. По шесть жамок.

Смотрю, а Ховрия голову высунула, улыбается, уши благодушно направила... Никакого высокомерия больше не проявляет, а только раскаяние и дружелюбие. Я ей всё прошлое поведение сразу простила, растолковала, что мы теперь будем строить наши отношения с чистого фундамента. И зашла ей ужин устраивать. Ведро у входа оставила, а сама из кормушки опилки стала вытряхивать. Вдруг слышу – звяк

нуло. Оборачиваюсь – это она ведро с овсом перевернула и ещё пнула его, чтоб побольше просыпалось. Остальные лошади как лошади – съедят из ведра горстку, пока им кормушку чистишь, а потом – из положенного места идут питаться. А эта – дьявол на четырёх ногах.

– Скотина ты хитрая! – открыла я Ховрию глаза на её сущность и хлопнула дверцей у неё перед носом.

Как бы то ни было, проверку я прошла. Поселили меня в отдельную комнатушку, которая была переоборудована из подсобки, и назначили ответственной по метёлкам и одеялам. Это значит – сами уедут туристов катать, а мне только одеяла со взмокших лошадей, которые у них вместо вальтрапов под седло подкладывались, суши да полы подметаю. Кур с собаками покорми, коз подои, сеть разбери, сор отовсюду изгни... И глазом не успеешь моргнуть, день прошёл, с ног падаешь, а конелюбие так и не утешено.

А Ховрию на работу не брали, потому как повредили её однажды во время выезда. Туристочка одна на ней ехала по лесу да через канаву неумеючи стала прыгать. Знатно перепрыгнула: сама об земельку стукнулась и лошадей укрывалась, да так, что у последней ноги в деревьях запутались. Так и лежали, пока Сергей спасательную операцию производил. Лошадь распутал, туристочку поднял – битая да не поломанная. Но Ховрия с той поры захромала. Доктор приходил, целость костей засвидетельствовал, лекарства прописал. И отошла вроде – шагает нормально, а под всадником жалуется, прихрамывает. Вот её и решили поберечь. Лошадь порядочная: в смене отлично ходила и не бегала, рассказывали, а летала. Поэтому, когда все отправлялись на выезд, мы с ней и с жеребёнком в конюшне одни оставались. И я к ним конелюбие своё начала прикладывать.

То с яблоками зайду, то с сушками. Только Ховрия все вкусности съедала, а потом показательно филейным местом ко мне поворачивалась, уши закладывала – того и гляди лягнет.

Однако, когда мне стали доверять лошадей чистить и заседывать перед выездами, я поняла, что дело нечисто. Потому как они все крупами ко мне стали поворачиваться и опасные мины корчить. Я к Ивану. А Иван ухахатывается – это они работать не хотят и специально пугают слабохарактерных особ, а у него стоят как вкопанные. Ховрия первой придуриваться начала, а у неё все научились.

– Не быют, значит? – уточняю я.

– Редко, – отвечает Иван. – Редко да метко. Но ты поближе к ноге держись, лошадь, если что, размахнуться не сможет и ударит несильно.

Перспектива получить несильный удар копытом вместо сильного не очень меня обрадовала, но я решила страх свой перебороть и держать весь этот Большой театр в ежовых рукавицах.

Все уедут, а я к Ховрии и Хану захожу с гостинцами и никак на их угрозы не реагирую. То гриву разбираю, репы вытаскиваю по два часа, то стихи читаю. Стихи им, может, и не очень нравились, но вертеться они у меня со временем перестали. Стояли, воспринимали.

Как-то Иван взял Ховрию на выезд и вернулся растревоженный. Сколько лечили, а она так на правую переднюю ногу и припадает. Вроде на выпасе нормально держится, а чуть дополнительная нагрузка – беда.

– Испорчена лошадь! – так и сказал.

– Что делать с ней будете? – спрашиваю.

– Подождём, пока жереба подрастёт. А там посмотрим. Не оклемается, так, может, и продать кому свезёт.

А кому в этих местах, где еле сводят концы с концами, нужна покалеченная лошадь. Только на мясо продать. Он этого не сказал, но все об этом подумали.

Тогда я взбунтовалась:

– Я её тренировать буду, не надо продавать.

– Тренировщица нашлась... – буркнул Иван. – Ты на неё и уздечку-то надеть не умеешь.

– Это уже моё дело, – говорю. – Я хуже не сделаю. Пусть на корде ходит, и постепенно нагрузку будем увеличивать.

Предложение моё Иван с Сергеем обсудили и одобрили. Это они с виду только грозы напускали, а в душе очень сострадательные были. Содействовали всяко и программу тренировок разработали. От меня особых навыков и не требовалось. Гоняй лошадь по кругу да внимательно наблюдай за состоянием. Ховрия меня высмеивать перестала и кренделя не выкидывала. С шага мы постепенно перешли на рысь, а потом на галоп. Я диву давалась – при мне кобыла никакой хромоты не выказывала, а бегала и скакала, как жеребёнок.

Спустя две недели я вознамерилась на ней верхом проехать, заседала и повела на луг. Так она уже у ворот на правую переднюю стала припадать. Что за дела? Только вчера носилась.

На следующий день я её – опять на корду. Бегает. Чёрт-те что. Подвела её к пригорку и на спину запрыгнула. Пошагать попробовала – не хромает. Рысью пустила – она только и рада, гладенько бежит.

И тут мы обе ветер поймали и поскакали со всего духу, так что я от удивления чуть не слетела.

Решила пока никому об этих странностях не рассказывать, а успех втихомолку закрепить. Заседлала Ховрию, вывела – опять хромает. Тут мне первое подозрение и закралось: это она всякий раз под седлом прикидываться болезненной, чтоб на работу не ходить и с туристами бестолковыми не сталкиваться.

И действительно, сняла я с неё седло, веревку прицепила, хлыстом махнула, и она у меня по кругу заскакала, как подождённая. И ни на какие телесные проблемы не жаловалась.

Вечером за ужином я сообщила, что произошло чудесное выздоровление.

– Ага, – буркнул Иван. – Мы все вместе не смогли за месяцы вылечить, а ты смогла, доктор Айболит.

Тут я решила Ивану за все подковырки отплатить.

– Хочешь, – спрашиваю, – пари? Наперегонки через поле. Если я на Ховрии выиграю, вы меня с собой на выезды будете брать. А если проиграю, то загадывай, что хочешь. Только ты на Бурке поедешь, а то Ховрия ещё не пришла в форму, чтоб шансы уравнивать. И без сёдел.

А Бурка была небольшая кобылка, на которой обычно детей катали, потому что бегала она плохо. Ото всех отставала.

– Да мне хоть на ком скачи, только ты, дура, и себя, и лошадь угробишь.

И мы решили так: я вначале с Сергеем посоветуюсь, и если он одобрит, то скачки состоятся. И когда Сергей разрешил, Иван засомневался, потому что понял, что где-то тут кроется подвох, да в чём не дошёл.

– Вазик мне две недели будешь мыть, – пробурчал он.

Все туристы и обитатели конюшни собрались посмотреть выздоровление хромоножки. Иван запрыгнул на маленькую пегую Бурку, а меня забросили на Ховрию. Сергей загремел камнем об ведро – старт!

Мы ударили по лошадиным бокам, зрители вскипели. Иван, хоть и ездил более умело, как Бурку не понукал, а раскатать так и не смог. Бурка попросту не умела бежать быстрее. А я нарочно Ховрию немного придержала. Вид Буркиного хвоста её вскипятил, и лошадь сама пошла во всю прыть, вырвалась вперёд, так что только комья грязи в Ивана из-под копыт полетели. Мы проскакали круг по ближайшему полю и финишировали в том же порядке – я на Ховрии, и серьёзно запоздавший Иван на Бурке. Зрители захлопали и возрадовались чудесному исцелению.

Так к концу второго месяца службы по общему согласию меня повысили из ответственной за метелки до инструктора. А Ховрию изображать хромоту отучили. Только она по-прежнему ко всем туристам задом поворачивается и уши закладывает, будто ударить собирается – актёрствует.

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ

ОТ НЕГО СКВОЗЬ СТОЛЕТЬЯ БЕГИ

ЛЕТО ЗАКРЫТО

Под перекрёстным допросом желтеет сентябрь.
 Всё рассказать бы, но кажется, глупо и поздно.
 Кем-то уже перечислены мёртвые звёзды,
 Страхи ночные и прочий бесхитростный скарб.

«Прошлого», так обозначили. Ниже черта.
 Строгая линия, слышала, звали судьбою.
 Помнишь, однажды над ней мы смеялись с тобою?
 Иль не с тобой... И судьба, может быть, да не та...

К чёрту! Прошу занести слова в протокол.
Ветви краснеют, теряют своё оперенье.
Август выходит из зала с улыбкой смиренной.
Лето закрыто. Дело отправлено в стол.

На перепутье парковых аллей
Стоять ему, дремотному, немому:
Под южными лучами посмуглел,
Лицом повёрнут к северному дому.

...А тот был молод, и среди словес
Дышал вольготно, как в осеннем парке.
Что есть строка – живительный замес
Порханья, трепетанья, звуков, знаков...

Чтоб рифма, как цыганка, хороша!
Но отчего на сердце так тревожно?
Поэт бормочет, листьями шурша.
«Ehexi monumentum»? Это позже.

И вспыхнут, впрочем, будут прощены,
Холмы. Один вон там, на горизонте,
Похож на профиль женщины... жены?
При чём тут смерть, от домыслов увольте!

Метлы мелькает строгий метроном,
Исчезнут разом листья и столетья.
Поёжившись, от гения свернём
В аллею, что длинна в фонарном свете.

Тепло – волною от руки к руке –
Нам будущее молча напороочит.
Бубнят слова в божественной строке,
Всё чередуют точку с многоточьем.

* Ehexi monumentum – я воздвиг памятник.

КОШКА

Мы с ней повстречались однажды под вечер,
Смущённые обе нежданною встречей.
Не я, но другая оправилась первой.
О, взгляд тот янтарный, о, стать королевы!
Кривилась усатым презрительным ртом,
Асфальт, как невольника, била хвостом.

Затих, распластавшись под лапами, ветер.
Во взгляде её проплывали столетья.
Неспешные волны далёкого Нила
Меня за собою манили, манили...
К подножию жёлтых немых пирамид,
Чья мудрость на солнце, как слиток, горит.

И мнилось мне, встреча отнюдь не случайна.
 Вот-вот разгадаю я древнюю тайну,
 Вот-вот расколдую чужое величье,
 Что бродит по свету в кошачьем обличье,
 И мягкая поступь тревожит века.
 Печаль притаилась в границах зрачка.

Но мне ли тягаться с заклятием древним?
 И сумрак ночной был, конечно же, первым:
 На мир навалился, не видно ни зги.
 Беги от него, сквозь столетья, беги...

Здесь воздух загустел до синевы,
 Но нет Моне, чтоб оценить палитру.
 Дождливим сожалением размыты
 На городских полотнах чьи-то сны.

У пасмурных домов седеют завитки.
 О прошлой нежности они забыть не в силах.
 Но ставни сомкнуты, а двери не простили
 Ступеней каменных, сбежавших в сумерки.

День угасающий заметно спал с лица.
 Когда б не вспоминать о листопаде...
 Да осень, как старуха у крыльца,
 Всё тербит редяющие пряди.

ТРИ СОНЕТА ИЗ ОБЛЕТЕВШЕГО ВЕНКА

1.

А сверху вид на город безупречен.
 Дорога вьётся лентой меж холмов,
 Дома стоят, как пред иконой свечи,
 Всего в достатке: света, слёз и снов.

Но опечален тонкий лист осенний,
 Судьбы решенье зная наперёд:
 Ещё в земле ворочается семя,
 Но увяданье впереди грядёт.

И вот рябин искусанные губы
 Кровят испугом – нет, не мы, не нас!
 Смывает ливень яростно и грубо
 С деревьев возмутительный окрас.

Лишь та смела, он только с нею дружен:
 Рябит насмешкой пасмурная лужа.

2.

Рябит насмешкой пасмурная лужа.
Но мир светлеет, и она за ним.
Лукавая, одновременно служит
Богам небесным и делам земным.

Но в этот миг торжественно и важно
В ней проплывают тихо, как века,
То лошади, поглядывая влажно,
То рыцари лишь с розами в руках...

О, тот, кто небеса в себя впускает,
Совсем иначе дышит и глядит
На виртуозный танец птичьей стаи,
С которой что-то главное роднит.

Вот только ракурс, муть изображений...
Суть отраженье или искаженье?

3.

Суть отраженье или искаженье...
Мохнатым зверем стелется туман.
И воздух густ до головокруженья.
Себя не осознать, кем был, кем стал.

Идешь на звуки – скучны и фальшивы,
Финал всех песен знаешь наперед.
Средь прочих различаешь слово «живы»,
Потом «здоровы». И «люблю» пойдёт.

Ах, да! Во фразе «жить нельзя уехать»
Так места не нашлось для запятой.
И ставишь под сомнение «успехи» –
Трещат, как сойки, громко, но не то...

Туман исчез, как будто бы и не был.
Чем глубже в осень, тем всё ближе небо.

бредить зимой... в бесприютном бесцветном дне
улиц скукоженных, мрачных застывших лиц
не отыскать покоя... так много «не»,
как потянувшихся вдаль перелётных птиц

только одна вот... да улетай же – кыш!
время бросаться в объятья чужих площадей,
улиц, домов, разомлевших на солнце крыш
ну же, лети! не бери примера с людей

те привыкают к дому, как к будке псы
вспоминаний цепь всё брэнчит, брэнчит
прошлое с будущим ставятся на весы
кто проиграет? да тот же, кто победит

птицам не стоит... сделав прощальный круг,
и – к облакам, на поиск других планет

брредить зимой... всё надеясь, следы разлук
вдруг обретут покой, обретая цвет

СКАЗКА НА НОЧЬ

Потемнело, погрустнело,
Раззевалось, присмирело...
Скрип – в дверях свеча, чепец...
Глянет строго и сердито.
– Почему глаза открыты?
Вот уж я тебе, малец...

– Не ругай меня ты, няня.
Я б уснул, но там, в чулане,
Кто-то стонет и сопит.
Дядька сказывал про Лихо...
– Старый чёрт! Гляди – всё тихо.
Спи, и лихо тоже спит.

Хитрецей блеснули глазки.
– Расскажи-ка, няня, сказку
Про диковинных людей.
Брови хмурятся сурово,
Но слова уж наготове.
– Ладно, слушай, лиходей.

...И польётся, и помчится,
Про царя да про царицу,
Про прекрасную Жар-птицу,
Про Кашееву иглу,
Что на острове Буяне,
Про Добрыню, про Полкана,
Про крестьянского Ивана,
Про лягушку, про стрелу...

Неподдельно восхищенье.
Верно, платой – вдохновенье
Освятит его перо,
Обмакнув сперва в чернила.
Это будет или было?
Померещилось, приснилось,
Сгнуло давным-давно...

Но пока – лишь ночь да сказки.
Вот уже сомкнулись глазки.
Горько плакала свеча.
О героях ли могучих,
О судьбе ли неминучей,
Что ударит сгоряча
Злобой, сплетнями, наветом
И дуэльным пистолетом...
Чур меня, молчи-молчи!

Няня крестится в испуге.
За окном буянит вьюга,
Волком злобится в ночи.

Что комната притихшая таит?
Надменный шкаф стоит, как монолит.
Но робок, но растерян вид дивана:
потёртости на ткани, будто раны.
Тетрадный лист белеет на столе.
Кудрявое растение на окне...
За зеленью пейзаж в оконной раме
глядит совсем осенними глазами.
Живое... но чего-то словно ждёт.
Кто в этой тишине к столу идёт,
на стул садится – как первооснову,
на белизне листа выводит слово?
Обычный выбор букв, от «а» до «я».
И вот оно, начало бытия.

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ЛЕОНАРД ОПАЛОВ. ПОЭТ ИЗ КРУГА ДАВИДА БУРЛЮКА

Американский круг друзей и знакомых Давида Бурлюка насчитывает сотни имён. Это галеристы, среди которых была основательница художественного объединения *Société Anonyme* Кэтрин Дрейер, помогшая Бурлюку с организацией выставок в первые годы его жизни в Америке и написавшая в 1944 году монографию о нём. Это художники и скульпторы – Николай Рерих, Николай Фешин, Борис Григорьев, Арчил Горки, Джон Грэхем, Мозес и Рафаэль Сойеры¹, Николай Цицковский, Джордж Констант, Хаим Гросс, Луис Лозовик и многие другие. Это коллекционеры и почитатели творчества Бурлюка; его коллеги по работе в газетах *Русский голос* и *Новый мир*.

Были среди них и поэты – как вполне зрелые (например, Иван Народный², прибывший в Америку в 1906 году вместе с Максимом Горьким), так и начинающие. Работая в «Русском голосе», Давид Давидович взялся опекать «молодые дарования» – об этом написал позже один из таких поэтов, Морис Мендельсон, оставивший воспоминания о нью-йоркской встрече Бурлюка с Есениным, на которую Бурлюк пригласил и его³.

А были среди знакомых Бурлюка и такие авторы, о которых, если бы не он, мы бы сегодня, пожалуй, и не помнили. Одним из них был поэт Давид Опалов (Подоксик), писавший стихи на трёх языках: русском (под псевдонимом *Леонид Опалов*), английском (под псевдонимом *Леонард Опалов*) и идиш.

Давид Опалов-Подоксик родился в Риге 9 января 1904 года. Он учился в ешиве, затем перешёл в общеобразовательную, а после – в коммерческую школу. Первые стихотворения были опубликованы в 1918 году в российских газетах. В 1923 году Опалов эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. До 1933 года он публиковал стихотворения на русском, а с 1933-го начал писать на идиш. Стихотворения на идиш печатались в целом ряде американских и европейских идишских изданий: *Morgen-zhurnal* (*Morning journal*), *Tog* (*Day*), *Fraye arbeter shtime* (*Free voice of labor*), *Oyfkum* (*Arise*), *Tsukunft* (*Future*), *Undzer veg* (*Our way*), *Gerechtikeyt* (*Justice*), *Kinder zhurnal* (*Children's journal*) – все они выходили в Нью-Йорке; *Shikage* (*Chicago*); *Di shtime* (*The voice*) в Мексике; *Undzer shtime* (*Our voice*) в Париже; *Loshn un lebn* (*Language and life*) в Лондоне; *Der shpigl* (*The mirror*) and *Argetiner beymelekh* (*Argentine trees*) в Буэнос-Айресе.

В 1940 году в Нью-Йорке вышла книга стихотворений Опалова на идиш «Morgnroyt un demerung» («Восход и сумерки»), которая недавно была выложена в Сеть в рамках проекта Стивена Спилберга по созданию цифровой библиотеки литературы на идиш⁴. Книга иллюстрирована пятью рисунками Давида Бурлюка.

В поздние годы Опалов писал в основном на английском, публикуясь в целом ряде американских литературных журналов. Так, в 1953 году его стихотворения были опубликованы в летнем номере журнала *Different*, который издавался *Avalon World Arts Academy*⁵. В 1962 году Леонард Опалов выступил составителем сборника «Five Yiddish poets: Gross, Greenberg, Sutzkever, Zichlinsky, Glantz», выпущенного в издательстве «Midwest Poetry Chapbooks» в Монреале; он же выступил переводчиком всех стихотворений сборника с идиш на английский.

В 1970 году стихи Опалова были опубликованы в издававшемся в Сан-Франциско журнале *The Galley Sail Review* (Volume VI, Number 2, Issue 22), а в 1971/72 – в 38-м номере ежеквартального поэтического журнала *Bitterroot*, который издавался в Бруклине. В 1975-м стихи Опалова были опубликованы на «поэтической странице» газеты *Telegraph* в Колорадо-Спрингс.

Что касается русскоязычных изданий, то, помимо *Русского голоса*, Опалова печатали в газете *Новая зоря*, издаваемой в Сан-Франциско. Целый ряд стихотворений Опалова опубликовал Давид Бурлюк.

Знакомство Бурлюка с Опаловым продолжалось более сорока лет. 14 октября 1958 года Давид Бурлюк писал своему постоянному корреспонденту в СССР, коллекционеру и «духовному сыну» Николаю Никифорову:

«Вы вопрошаете о Леониде (Подоксик) Опалове. Поэт последователь И. Северянина и отчасти мой. Урожд. гор. Риги. Переселился в САСШ в 1923 г., работает в одежной индустрии. “Лёгкость в мыслях необыкновенная”. Милое существо, зажатое трудностями грунта капит. окружения. В воспоминаниях о Маяковском в САСШ его надо упомянуть, он встретился в В.В.М.

Его стихи в «*Свирели Собвоя*»^{6,7}

Несмотря на «необыкновенную лёгкость в мыслях» и действительно слабый зачастую уровень стихов Опалова, Давид Бурлюк неоднократно публиковал их в своём журнале *Color and Rhyme* и издаваемых им с Марией Никифоровной сборниках. Это неудивительно – большинство опубликованных стихотворений было посвящено самому Бурлюку и его супруге, либо же его друзьям. Опалов, как и Никифоров, был «верным оруженосцем» Бурлюка, беспрестанно восхваляющим его многообразные таланты. Это не могло не нравиться художнику и поэту, вынужденному вновь завоевывать себе признание в эмиграции.

Одним из сборников, в котором были опубликованы стихи Опалова, стал арт-бюллетень «Красная стрела», изданный Бурлюком в 1932 году. Интересно, что на титульной странице сборника Бурлюк именует себя «Отцом пролетарского футуризма, поэтом, художником, оратором и журналистом». В сборник-антологию, посвящённый светлой памяти В.В. Маяковского, вошли стихотворения самого Маяковского и Валерия Брюсова, Сергея Третьякова и Николая Асеева, Василия Каменского и Велимира Хлебникова, Фёдора Сологуба и Михаила Кузмина, Алексея Кручёных и Константина Вагинова – и многих других. Стихотворение Леонида Опалова «В честь первой встречи», посвящённое встрече с приехавшим в 1925 году в США Маяковским, опубликовано в почётном соседстве со стихотворениями Георгия Шенгели и Анатолия Луначарского. Вот его текст:

*Как бесконечно радуются строфы
 И на душе зары весенний бред –
 Из С.С.С.Р. могучий Маяковский
 Причалил к нам на корабле побед!
 Какой широкоплечий и хороший
 Московский в желтокофте футурист,
 Кто враг буржуазии жалко дошлой
 И розовых греззоров попури.
 В его поэмах – красноцветер
 И грузный топот пролетарских ног,
 Он видит жизнь в великолетном свете
 И сладость неизъезженных дорог.
 И поражают в буффонадах футуриста:
 Обилье линий, конъюнктур расцвет,
 И столь фремучего каприза
 Восторги моложавых лет.⁸*

«Греззоров попури»... Такие строки мог написать только поклонник творчества Игоря Северянина. Активное же использование довольно неуклюжего «новояза» – прямое влияние Бурлюка, редкое стихотворение которого без него обходилось. Опалов, который на момент знакомства с Бурлюком был совсем юным и делал свои первые шаги в поэзии, не мог не подпасть под влияние «фельдмаршала мирового футуризма» – Бурлюк величал себя по-разному, но всегда в превосходной степени. Опекая молодые дарования, которых, по правде говоря, было не так уж много, Давид Бурлюк организовал в «Русском голосе» специальный отдел под названием «Литературно-художественный четверг» (первый выпуск состоялся 22 марта 1923 года), проводил литературные конкурсы и «Парады поэтов», публиковал «советы начинающим». Вот пример одного из таких советов – «О размерах»:

«В связи с конкурсом “Поэтов и прозаиков”, условия которого будут объявлены в ближайшем “Литературном четверге” – назначенным на 20 января 1924 года – мы скажем несколько слов о размерах.

Рассказ не должен превышать размером – одной колоны набора “Русский голос”.

Стихотворение – 16 строк набора “Р.Г.”

Многие удивляются, почему рассказ должен быть коротеньким; чем руководствуется редакция, назначая премии за такие “не длинные” стихи. Неопытные авторы любят размах. Пересол.

Неопытность авторов определяется ненужными длиннотами.

Уметь распорядиться своими мыслями, своими образами – в пространстве добровольно ограниченном – это, несомненно, является признаком художественного творчества.

Истинное творчество бессознательно, но контроль над ним должен быть осознан до конца.

Художник является – “своим высшим судом”.

Его трудом руководит – “свободный ум”⁹.

А вот отрывок из публикации «Поэт и прозаик», также содержащей советы молодым авторам:

«Как один, так и другой оперируют с художественным словом. Оба пользуются им, по одной эстетической версии, для выражения определённых, поставленных себе, поэтических образов – или же, по другой версии, для создания идеальной художественной формы. Ибо, по второй версии, художественная форма самоцель. Прекрасная форма – всегда является носителем глубокого содержания. Бальзак и Лев Толстой – являются примерами «гениального прозаика».

По сравнению с поэтом, прозаик всегда описывает.

Поэт изображает по преимуществу. Поэтическое творчество импрессионистично. Поэт работает мазками, кляксами. Работу поэта всегда приходится смотреть с известного расстояния и глаза надо слегка прикрыть.

Вспомнишь Пушкина: «Твои стихи хороши, но недостаток их тот, что они умны». Путём этого сравнения, ясна разница между двумя родами литературы».¹⁰

В августе 1923-го Давид Бурлюк публикует «Памятку стихотворца»:

«В предыдущем “Литературном четверге” нами было указано, что для неопытного стихотворца глагол является Сциллой и Харибдой в риторическом плаваньи.

Фет один из неоспоримых и неувядающих, кто в русской речи прошлого века дал образцы, звучащие “римской медью” и дышащие формами мраморов Эллады, написал знаменитое стихотворение, где НИ ОДИН ГЛАГОЛ не вносит суетливости в ясную гармоничность благоуханных строк:

Шёпот, робкое дыханье,

Трели соловья,

Серебро и колыханье

Сонного ручья...

Другие словесные формы, будучи более статичными – благодарнее в виде материала.

<...> Надо избегать пользования рифмами, кои общеизвестны (*вот она, причина бесконечного использования Бурлюком «новояза» – прим. автора*). Не рифмуйте иностранное слово с таким же.

В след. “Лит. Чет.” мы вступим в спор с защитниками отчётливой, несложно-гармоничной рифмы.

После напечатания в “Лит. Чет.” сведений о стихотворных размерах, дадим условия нашего зимнего «Конкурса поэтов» – ждите!!!¹¹

Опалов, верный последователь Бурлюка, по крайней мере в своей русскоязычной поэзии, периодически радовал учителя, особенно, когда восхвалял его в своих стихах.

В 26 номере *Color and Rhyme* (1952 год) опубликованы два стихотворения Леонарда Опалова, написанные в Нью-Йорке в мае того же года. Приведу их в оригинале:

THE MUSES SANG

*Fair muses sang of paradise
In the landscapes of Burluk,
Where flowers light-blue as the skies
Bloomed near a crystal brook.*

*A colorist in his own right,
Of beauty's charm aware,
His city squares in colors bright
The artist painted fair.*

*Mary, the artist's guiding star,
His dearest muse and wife,
Sweeter than songs of a guitar
Allured the poet's life.*

*And in the paintings of Burlinuk
The image of M A R Y
In ecstasy shone prettily
At poet's fantasy.*

DAVID BURLIUK

*David Burlinuk has always been
To me the magic touch of glory.
His shiny landscapes tender-green,
Told a fantastic spring-time story.*

*I'll always see him young and gay,
Distinguished as a poet-mentor.
Inflaming as a noon-gold ray.
His every image – soul's memento.*

*Those vernal years, when we were young,
You have been charming as Apollo.
Amid the poets with his song
David delightfully played solo.*

*At seventy Burlinuk is in his prime
In poetry and in his paintings,
Achieving laurels with his jeweled rhymes.
Still painting is to him the main thing.¹²*

В 41-м номере за 1959 год опубликовано ещё одно посвящение «For David and Mary», написанное поэтом в Нью-Йорке 6 апреля 1955 года (Опалов упоминает его в письме Давиду Бурлюку от 12 июля 1959 года):

*David Burlinuk, you appear in the sky of poetry
Like an emerald rainbow.
The cloudless of your rhymes
Are ever charming and gentle.
Mary, your gracious wife and inspiring muse
Is ever at your side
Like a blue-eyed cherub
And I, your true and fervent disciple,
Paint blue dreams of longing
On the canvas of verses,
Reaching out to you
A friendly image.¹³*

В 45 номере *Color and Rhyme* за 1961 год опубликовано ещё два посвящения Леонарда Опалова – одно Давиду Бурлюку, другое – его жене Марусе. Вот они:

FOR DAVID BURLIUK, EXTRAORDINARY ARTIST AND POET

*Your paintings
are like summits of mountains,
majestic and fair.
Wonders hover about them
like chromatic butterflies.
Magnificence' boney
Flows from your golden brush.
Your sagas of pigments
are ribbons of rainbows,
And Mary, your muse,
is the romantic symbol
of Elizabethan poetry.*

FOR MARUSSIA BURLIUK

*I can see you smilingly
Like a painted fantasy.
Friendly like a Summer breeze.
Lovely like Floridian trees.
In each leafy sunny nook
You are painted by Burluk.
Every painting you are in
Your bright gaze is feminine.
And with David at your side,
You look like a blushing bride.
When he paints with pinks and blues,
You are his romantic muse!¹⁴*

В американском Сиракузском университете, где находится архив Давида Бурлюка, хранится восемнадцать писем Опалова к Бурлюку¹⁵. В основном они написаны на русском языке, однако встречаются и англоязычные экземпляры. На письмах указано несколько адресов Опалова: 847 East 172nd Street, The Bronx 60, New York; 140 West 175th street, Bronx 53, New York.

Помимо этого, в архиве находится рукопись доклада «О Давиде Бурлюке и его творчестве», судя по всему, написанного в конце 1950-х – начале 1960-х годов. В нём Опалов вспоминает о том, как он познакомился с Бурлюком:

«Никогда не забуду первую встречу с Д. Бурлюком. Это было в 1923 году. Я тогда был новичком в стране (Бурлюк и сам был новичком в стране – они с семьёй прибыли в Америку 2 сентября 1922 года – прим. автора). Жил в маленьком захолуственном городке Нью-Бронзвик, работал у дяди в аптеке и вдоволь скучал. От одного русского инженера я узнал, что в Нью-Йорке проживает известный поэт-футурист Д. Бурлюк, редактор «Литературного четверга» при «Русском голосе». Я послал Бурлюку свои первые стихотворения и был в восторге, когда оба стихотворения были напечатаны в одном номере газеты с примечанием от редакции, что мои стихи очень музыкальны и образны. Через некоторое время я очутился в Нью-Йорке. Бурлюк жил тогда в аристократическом районе Бронкса, на Harrison ave. Стояла холодная зимняя погода. Я был тогда очень молод, мне было 18 лет. Я тосковал по родине, не имел ещё друзей. Я как-то разузнал телефонный номер Бурлюка и ему позвонил. В тот же вечер я был приглашён к Бурлюкам. Я бы не то удивлён, не то в восторге, увидев перед собою легендарного разукрашенного Бурлюка с серьгой в ухе, в разноцветном декоративном жилете. Мария Никифоровна с тою же чуткостью, как и Бурлюк, прекрасно встретила меня.

Бурлюки были нежны и сердечны. Я в тот вечер совсем преобразился. Я забыл о рычащем Нью-Йорке, о собейном лязге... С тех пор я стал навсегда в семье Бурлюков. <...> Я считаю знакомство с Бурлюками счастливейшей датой в моей ухабистой жизни».

Вполне вероятно, текст был написан по просьбе самого Бурлюка к очередному его юбилею. Опалов принимал участие, например, в юбилейном вечере по случаю 30-летия литературно-художественной

деятельности Бурлюка, состоявшемся в 1929 году. Однако трудно заподозрить Опалова в неискренности – подобные хвалебные строки присутствуют во всех его письмах к Бурлюку.

Что же касается «ухабистой жизни», то судьба редкого эмигранта обходится без этого. Вот что писал Давид Бурлюк в своей заметке «Полгода», приуроченной к полугодию появления на свет «Литературных четвергов»:

«Сегодня исполняется 1/2 года, как стал выходить “Лит. Чет.”.

Это краткий срок. Жизнь в Америке весьма неблагоприятна творчеству – авторы мало обеспечены, гонясь за куском хлеба.

<...> Но наша задача собрать и укрепить местные литературные силы – выражающие душу русских “униженных и оскорблённых” классов в Америке».¹⁶

Первое письмо Опалова к Бурлюку, хранящееся в архиве, датировано 1944 годом, последнее – 1966-м. 19 января 1944 года Опалов писал Бурлюку:

«Многоуважаемый Давид Давидович.

Странно, иногда мне кажется, что Вы всё ещё относитесь ко мне дружески. И вдруг от этой дружбы веет каким-то январским холодом. Вы не считали нужным пригласить меня на Вашу выставку. У меня всё по-старому. Недавно А. Сандеров¹⁷ прислал мне свою книгу стихов. Я послал ему по его просьбе Ваш адрес. С Соколовским я часто беседую по телефону. Мои стихотворения “Настроения” и “Вечернее мгновенье” были напечатаны в только что вышедшем 6-ом номере толстого “Нового Журнала”¹⁸.

Одно из моих английских стихотворений было на днях переведено на французский язык видным французским поэтом Андрэ Спир. Композитор П. Ясиновский пишет музыку для одного моего стихотворения.¹⁹ Я часто получаю письма от Георгия Гребенщикова²⁰. Он состоит профессором в одном американском колледже.

2 февраля мне исполнилось 40 лет. К этому времени также исполняется 20 лет моей поэтической деятельности. Конечно, это важная дата в моей жизни. Если бы Вы хотели написать очерк обо мне для одной из еврейских газет, где я печатаюсь, я буду чрезвычайно рад. Я сам переведу статью на еврейский язык. Я написал на днях большое стихотворение на еврейском языке, посвящённое моему 40-летию. Оно будет напечатано в еврейской газете в Мексике.

Как прошла Ваша выставка? Пишите побольше о Вашей литературно-художественной деятельности. Сердечно кланяюсь Марии Никифоровне. Мой привет Вашим дорогим сыновьям.

Привет от моей жены.

Ваш Леонид Опалов.

D. Podoksik (Opalov)».

Следующее письмо датировано 16-м сентября 1946 года:

«Дорогой Давид Давидович,

Большое спасибо за ваше милое письмо от 11 сентября и ваше прекрасное мнение о моих стихах. Шлю вам этим письмом моё стихотворение, которое я послал вам на днях. Оно было напечатано в английской еженедельной газете в штате Миссури. Я всё тот же неисправимый мечтатель. Не забудьте писать мне о ваших путевых впечатлениях. В ноябре постараюсь поехать к вам в Бруклин и провести несколько часов с вами в вашем собственном доме. Мне только что почта принесла прекрасно изданную книгу стихов Сергея Есенина в переводе на еврейский язык. Что нового у вас? Как поживают Мария Никифоровна и ваши талантливые сыновья? Я часто получаю письма от моих сестёр из Латвийской С.С.Р. Я бы уж не мог обойтись без их писем. Брат мой погиб в германском концлагере.

Дорогой Давид Давидович, пожалуйста, пришлите мне несколько ваших новых стихотворений. Пишите почаще.

Будьте здоровы. Ваш Леонид Опалов».

Бурлюки действительно купили в 1946 году собственный дом в Бруклине, по адресу 2575 Бедфорд Авеню, в котором они жили зимой. В этот период на журналах *Color and Rhyme* были указаны два адреса – Hampton Bays как адрес Николая Бурлюка, который указан как «Editor», и 2575 Bedford Avenue, Brooklyn 26 как адрес Марии Бурлюк, которая указана как «Publisher» (сегодняшний индекс 11226). В 1956 году, перед первой поездкой в СССР, Давид Давидович и Мари Никифоровна продали этот дом – нужны были средства на поездку. Впрочем, они оставили на него закладную с правом выкупа, которой никогда не воспользовались.

Как видим, отношение Бурлюка к Опалову менялось время от времени. Бурлюк не мог не видеть низкого уровня стихов Опалова. В то же время он периодически был нужен Бурлюку – в частности, для переводов на английский стихотворений, публикуемых в *Color and Rhyme*.

12 апреля 1954 года Леонард Опалов пишет Бурлюку:

«Дорогой Давид Давидович,

Я провёл вчера, в воскресенье, 3 часа в библиотеке на 42-й улице. Я нашёл там всего одну книгу Виктора Гофмана²¹, изданную в Берлине в 1923 году. Эта книга состоит из двух частей. Первая часть: проза. Вторая часть: стихотворения. Книга препровождена предисловием Валерия Брюсова, есть также портрет В.В. Гофмана. Я переписал ряд его стихотворений, в том числе те, о которых вы упоминаете.

Пишу это письмо в собвее по пути к работе.

Я также переписал некоторые стихотворения В.В. Маяковского из первого тома его полного собрания сочинений.

Как я уже вам сообщил, я очень занят. Буду работать усиленно ещё около пяти недель. Я уже перевёл одно стихотворение Гофмана, конечно без рифмы и более свободным ритмом. Другое стихотворение, которое мне понравилось, я перевёл в ритме поэта, но без рифмы.

Я уже давно перевёл два коротких стихотворения В. Маяковского.

Итак, я собираюсь теперь перевести ряд стихотворений Гофмана, о которых вы упоминаете, а также некоторые стихотв. Маяковского из его первого периода. Но это возьмёт около 16-17 дней, мне придётся усиленно работать над переводами. Я уже взялся за работу. Когда переводы будут закончены, я хочу показать их одному компетентному человеку.

Почему вы мне раньше не сообщили?

Прошу сообщить мне, сумеете ли ждать две недели, а то я сумею напечатать некоторые из переводов Гофмана в английском журнале. Стихи В. Гофмана на меня оставили прекрасное впечатление. Юрий Айхенвальд называл его принцем красоты.

Сердечно кланяюсь Марии Никифоровне. Сердечно ваш Леонид Опалов.

D. Podoksik (Opalov).

847 East 172nd Street. Bronx 60, New York».

Бурлюк неоднократно вспоминал поэта Виктора Гофмана, с которым и он, и Маяковский были знакомы ещё по Москве. Большой фрагмент воспоминаний Бурлюка опубликован в 66-м номере *Color and Rhyme*. Приведу фрагмент из них, записанных Марией Никифоровной для книги «Маяковский и его современники»:

«Гофман был одним из первых знакомых Володи Маяковского, когда тот со своей осиротевшей семьёй переехал в Москву в годы с 1906 по 1911. Володя Маяковский осенью 1911 года рассказывал мне:

– Мы с Виктором вместе бедствовали, ночевали часто после попок в ночных чайных... знаешь, на Петровке и Цветном бульваре перед спуском на Трубную. <...> Но очень странно, Додя, Гофман как-то не сумел меня окончательно убедить в необходимости и возможности для меня писать стихи... я кое-что писал, но всё бросил, забыл. Может быть и потому, что был я пылок и горяч... увлекался изучением Марксизма... всё выбивал из головы.

<...> Маяковский из всех своих встреч чаще всего вспоминал Гофмана; знал много его стихов. “О морозе за окном и нежных щупальцах устриц”. Знал и знаменитый: “Вечер – бала”. Мне часто приходило в голову: почему Гофман не стал “учителем” Маяковского? Ответ ясен: в Викторе Гофмане было много женственности, было большое родство с символистами, а их певучесть, их лиризм не были свойственны Володе – будущему великану.

Все символисты происходили из обеспеченных семей, и Гофман в том числе. Все они знали иностранные языки, а во мне Маяковский увидел представителя казачьей вольницы и человека, желавшего ломать и крушить стену равнодушия, чтобы взять город через пролом.

<...> Мне не нужно было расспрашивать Маяковского: кто такой Гофман. Первый приезд (1907) в Москву – осенью (Андрей Акимович Шемшурин) я познакомился с Гофманом в “Обществе свободной эстетики”.

“Свободную эстетику” я штурмовал вместе с Михаилом Фёдоровичем Ларионовым. Я слышал чтение стихов Гофмана из-под “крылышка” Брюсова...

<...> Перила лестницы владели нервным воображением Гофмана. И недаром... он бросился через них в Париже... в пролёты лестниц... таких же дешёвых меблированных комнат. Гофман верил в своё творчество, усиленно занимался, готовил новую книгу, но случайный навязчивый испуг перед призраком безумия, и не стало прекрасного поэта...

<...> О Гофмане, первом друге и соратнике Маяковского, надо знать тем, кому Маяковский близок и дорог». ²²

24 апреля 1955 года Опалов вновь пишет Бурлюку (на этот раз не на русском, а на английском) о том, что по его просьбе перевёл ряд стихотворений Гофмана и Маяковского, упоминая о том, что это было нелегко:

«Счастливи сообщить вам, что я закончил перевод стихов Гофмана, о которых вы просили, а также ряда поэтических произведений Маяковского на английский – пишет Опалов. Я отослал вам три моих перевода на прошлой неделе. Сегодня вечером я отошлю вам все остальные, оригиналы вместе с переводами.

Это было нелегко, путь поэта и переводчика нелёгок. Я надеюсь, что в моих переводах вышеупомянутые поэты предстанут по достоинству.

Как Вы находите мои переводы? Очень прошу Вас написать, попадут ли они все или часть из них в следующий номер “Color and Rhyme”.

Мои собственные стихотворения, а также переводы публикуются во многих американских поэтических журналах.

Поэтически Ваш,
Леонард Опалов».

Письмо помечено скрупулёзным Бурлюком. Он отмечает: «Leonard Opalov. Russian poet – writes in Jewish, Russian and English».

Следующее письмо Опалова Бурлюкам датировано 27-м июня 1959 года:

«Дорогие друзья Давид и Маруся Бурлюк,

Сегодня утром я получил вашу открытку и был очень рад этой весточке от вас. Я писал вам почти год тому назад в ответ на вашу открытку, в которой вы писали, что давно не получали ничего от поэта Опалова.

Я немедленно ответил длинным письмом, в которое включил несколько стихотворений, посвящённых вам, но, к сожалению, не получил от вас никакого ответа.

В последние годы, после долгого периода работы на фабрике, я стал ненужным.

Самая простая помощь – это уволить таких, как я, кто настаивает на утверждённой профсоюзом шкале заработной платы. У меня действительно существуют проблемы с работодателями, которые всегда ищут способ поддеть меня.

Мой сын только что закончил учебный год в колледже. У моей жены не всё в порядке со здоровьем, и она не может помочь мне. Поэтому мне сейчас очень тяжело.

Я написал прекрасное стихотворение на английском. Однако печально, что поэты должны подписываться на журналы, в которых они надеются увидеть напечатанными свои произведения.

Поэзия всегда была органической частью меня – и продолжает оставаться. Я верой и правдой служу музам.

Ваша картина “Зимняя прогулка”, которая репродуцирована на почтовой открытке, которую вы мне послали, вдохновила меня написание стихотворения. Я написал ещё одно стихотворение, посвящённое Вам – уверен, оно Вам понравится.

Как вы оба себя чувствуете и как жизнь обходится с вами?

Это замечательно и радостно – рисовать и создавать шедевры искусства. Я восхищаюсь Вашим высоким духом и негибким оптимизмом.

А с поддержкой Маруси, которая всегда рядом, я не могу себе представить, как Вы можете потерпеть неудачу в любых своих начинаниях. Она глубоко понимает изобразительное искусство и поэзию и всегда была Вашей музой и вдохновительницей.

Передавайте мои наилучшие пожелания вашим сыновьям и их семьям.

Если Вы захотите поделиться одной из своих картин со своим искренним другом и коллегой Леонардом Опаловым, я буду искренне Вам признателен. Возможно, она вдохновит меня написание новых стихотворений.

Однако не считайте себя обязанными посылать мне свою картину, если это затруднительно. Я всё пойму.

Я надеюсь, в этот раз Вы напишете мне длинное письмо. Я жажду получить от Вас весточку, так же. Как Вы желаете получить письмо от меня.

Самые лучшие пожелания от моей жены и сына.

P.S. Биографическая заметка обо мне была опубликована в международном сборнике “Кто есть кто в поэзии”, который вышел недавно в Лондоне».

Видимо, ответ от Бурлюка пришёл очень скоро, так как 12 июля того же 1959 года Опалов пишет ему и Марусе:

«Дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна,

Я получил на днях четыре номера вашего журнала “Color and Rhyme”, так прекрасно изданных, из которых я узнал столько интересного о вашей художественной деятельности.

Хорошо, что над вами продолжает витать ореол окрылённости.

Мне кажется, и может быть, это действительно так, что вы моложе многих из нас.

Теперь, когда я пишу вам, последние номера вашего журнала лежат предо мной. Большое спасибо вам за присылку их.

Из них я узнал о ваших недавних победах на выставке в Брандентон Бич.

Мне очень понравилась ваша фотография в #39, а также рядом с ней ваш очаровательный рисунок – портрет Марии Никифоровны.

Ваш величественный пейзаж “Башкирская деревня” даже на фотографии производит на зрителя импозантное впечатление.

Дорогой Давид Давидович, я всегда был почитателем вашим. В вашей живописи столько лирической грации, столько поэтической свежести.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет вашей любимой музе Марии Никифоровне. Она замечательная женщина.

Я рад, что мой стих, вам посвящённый, был напечатан в #41 журнала “Color and Rhyme”.

Несколько недель назад я вам послал подробное письмо по-английски, также два стихотворения-посвящения.

Дорогой Давид Давидович, я больше чем уверен, что вы продолжаете творить ваши поэтические шедевры. Хотелось бы почитать некоторые из ваших интересных новых “поэз”.

О себе я уже писал вам в предыдущем письме. Надеюсь, что и вы напишете мне.

Привет вам и вашей супруге от моей жены и сына.

Как поживают ваши талантливые сыновья с их семьями?

Сердечно ваш

Леонид Опалов».

К письму приложены несколько страниц со стихотворениями Опалова:

*Когда я думаю о вас,
Душа сияет как топаз.
И молодую я мечтой
Когда вас вижу пред собой.
Шампанское стиха я пью
И вдохновением горю.*

Д. Бурлюку

*Я в живописи вашей
Нашёл себе приют.
Нет красок ваших краше.
Они всегда поют.
Вы солнце озаренья;
Поэзии аккорд.
И дивной дружбой с вами
Я бесконечно горд.*

Июль 1959.

ПОЭТ ПОЁТ

*Поэт поёт о том
Весенне-голубом,
Когда цветут цветы
Душистой красоты,
И мир весь озарён
Плением как он.*

ЧАСЫ КАК МЁД

*Часы текут как мёд
В лучистом парке,
Я уйду от самого себя,
Здесь так солнечно и ярко
И птички певчие мои друзья.
Уходят будней злые тени,
Их оголтелый мерзкий лай.
И я в объятьях вдохновенья
И в песнопениях – мой рай.*

После почти пятилетнего перерыва, 6 января 1964 года, Опалов вновь пишет Бурлюку:

«Многоуважаемый Давид Давидович! Я случайно узнал, что сегодня открывается в А.С.А. галерее выставка Ваших картин. Я, конечно, посетил Вашу выставку. Я думал Вас встретить там, но, к сожалению, Вас не было. Я узнал, что Вы и Мария Никифоровна находитесь во Флориде. Я заметил Николая Циковского, но в виду того, что я весь был поглощён поэзией Вашей незабываемой и прелестной во всех отношениях живописи, я потерял его из виду.

Я уже давно не был в таком приподнятом состоянии, как на вашей выставке. Вы всегда обновляетесь. Картины Ваши облагорожены вашим уходом в далёкое прошлое, которое под Вашей тончайшей кистью полно жизненной красочности.

Только художник, который одновременно является недюжинным поэтом, мог создать такие художественные шедевры, как ряд ваших из деревенского захолустья.

<...> В феврале месяце мне будет 60 лет. Обо мне были напечатаны несколько статей в еврейской прессе. Другая вскоре появится в “Новой заре” в Сан-Франциско. Я время от времени получаю письма от прекрасного человека Никифорова, он всегда о Вас спрашивает.

Сердечно кланяюсь Марии Никифоровне. Желаю Вам здоровья, счастья и всех благ в 1964 году.

Сердечно Ваш Леонид Опалов».

К письму, как часто случалось, Опалов приложил несколько своих стихотворений – часть из них на английском, они аккуратно вырезаны из газет и подписаны. Вот эти стихотворения:

OBSERVATION

*If Fall must come
with ruddy confetti
of falling leaves
then let it come.
I will adjust myself
to its cheerless view,
finding that in many ways
we closely resemble each other
like twin brothers*

*who parted against their will
and now have found
the fitting key
to each other's heart.*

(Журнал «New Athenaeum», Winter 1962)

PASTEL SHADES

*Since my room have been repainted
In soft pastel shades:
in tender whites
in delicate tans
and emerald greens,
I sense mellow moods
Growing within me like wings.
I pace my radiant rooms
with inaudible steps.
I can hear the voice
of muted silence,
hovering like a butterfly,
white as an aerial dream
strolling upon
the wide boulevards of Spring.*

(Журнал «American Bard»)

THE INSPIRING SONG

*The song that lends us wings
And turns us young again,
Of spring and sunrays sings,
Of violets in the rain;
Of starlets in the sky
And the crescent moon;
Of love sublime and shy
Endowed with a heavenly boon.*

(Журнал «The Muse»)

DEATH OF A POET

*His life ran out
from the faucet of time,
liquid like a mountain stream
and unpredictable
as next day's weather.
Like a magician he would pull out*

*from his sleeves
arched rainbows
and hang them
upon the firmament
of his spectral vistas.
Now he turned
into an immobile stone
to enter the entrails of earth
and to merge with it forever.*

Несколько стихотворений на русском приписаны от руки:

*Побудь со мной, тоска моя,
Желанный мой двойник,
Тоска моя, та самая,
Что тоньше стрел и пик.*

Ещё одно стихотворение, «Зима», посвящено Д.Д. Бурлюку:

*В детстве нас зима ласкала
И так мило баловала
И снежинки целовали
Умиленно нас.
Мы с холмов спускались в санках.
Был буряну тому приманкой.
Это было спозаранку
И буряну бас
Выл по валчьеу, но смело
В санках мы стрелой летели,
Не пугали нас метели,
Падал снег-алмаз.
Было весело и мило,
Выростали у нас крылья
И метель всё выла, выла
В тот весёлый час.*

ЗЕЛЁНЫЙ ЖИЛЕТ

*Я ношу зелёный жилет,
Который носит поэт.
Пусть об этом знает свет.
В нём молодёю душой.
И вновь весна со мной,
Как той былой порой,
Когда цвели мечты,
И пели я и ты
Во имя красоты.*

(ноябрь 1962)

В 1964 году между Опаловым и Бурлюком возобновилась активная переписка. В июне Опалов отправляет несколько писем, в одном из них – стихотворение «Читая ваши мемуары»:

*Читая ваши мемуары,
Я чувствовал величия ширь.
В них как никто вы развернули
Пейзаж лирической души.
Дневник Маруси нежно-тонок,
Пязица каждая строка,
Как розова тучка в небе,
Как голубых небес эмаль.*

В этом типичном для Опалова стихотворении – заметные заимствования из стихотворений самого Бурлюка, зачастую тоже слабых, заполненных наивными эпитетами и сравнениями. Бурлюк редко редактировал свои, написанные зачастую на бегу или в метро, стихотворения. Видимо, его примеру следовал и Опалов. Под мемуарами он имеет в виду опубликованный в 55-м номере журнала *Color and Rhyme* дневник Марии Никифоровны за 1931 год. Мария Никифоровна заполняла дневник практически ежедневно, к этому её приучил сам Давид Давидович, который и сам многократно записывал свои воспоминания, биографию, события из жизни. В отличие от Бурлюка, Мария Никифоровна так и не овладела английским в достаточной степени, все свои записи она делала на русском; Бурлюк же и переписку, и записи, начиная с 1940-х годов, зачастую вёл на английском. Забавно читать письма Бурлюков детям, Додику и Никише – Мария Никифоровна свою часть письма писала по-русски, крупным почерком, Давид Давидович писал мелкими, бисерными буквами на английском, часто пересказывая сыновьям, для которых английский был родным, слова матери.

23-го июня 1964 года Опалов пишет Бурлюкам большое письмо:

«Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович.

Вы мне доставили большое неисчерпаемое удовольствие присланными номерами *Color and Rhyme*, где собраны жемчужины мемуаров Давида Давидовича о Маяковском, Велемире Хлебникове, Валерии Брюсове, о той золотой эпохе в русской поэзии, зачинателем которой был Давид Давидович, о которой я столько читался в разных источниках в последние годы, с кем я имел честь быть в личном контакте в продолжении многих лет. Вы очень хорошо поступили, напечатав в № 55 ряд стихотворений Давида Бурлюка.

И в стихах своих, Давид Давидович, Вы такой же великолепный живописец, как в своих картинах. Ваш гибкий динамический стих часто скульптурен. Своеобразна комбинация рифм в стихотворении «В путь»: «Пленительна даль голубая...»

Хорошо, что среди нас творит крупный художник, чародей лирических красок. Хорошо, что в наш урюмый век пришёл поэт и своими пластическими стихами дарит нам улыбку Солнца.

«Лесной родник» Ваш читал с душевным волнением, это несомненно классическое стихотворение. Здесь и философия, и живопись, и грациозность ритма.

«В объятьях зелёных» какая замечательная образная строка: «Вчера мне роща протянула руки».

Я также от души благодарен вам за присланную книгу Дмитрия Пижевского «Anfänge des russischen Futurismus». Эта книга – важный исторический документ о футуризме. Приведённые Ваши стихи чрезвычайно интересны и по сюжету и по выполнению. У меня за последнее время собралась довольно литература о вас, книги Чижевского о русских писателях-художниках и новейшая книга о началах футуризма...

Дневник Марии Никифоровны, где она навсегда запечатлела бывшее, навсегда от нас ушедшее, подкупает бесконечной искренностью. Я читал его с волнением. Будущий историк литературы найдёт в нём много ценного. Для меня лично Ваш дневник веет чем-то родным и сердечно близким. Ведь все эти годы моя жизнь проходила под знаком Бурлюков. И я этим душевно рад. Пишу я это письмо рано утром. Меня очень увлекла фотография, на которой снят Давид Давидович со своими сёстрами после многолетней разлуки.

Николай Никифоров, с которым я переписываюсь, Вас глубоко уважает и считает Вас чудо-поэтом и художником 20-го века. Я часто думаю о вашей лучающейся живописи, такой сказочной, прелестной, об этих розовых лошадаках, о голубых коровах. Я восхищён, хотелось бы такую лошадку, оживлённую кистью дорогого, единственного, замечательного Давида Бурлюка иметь около меня, если это, конечно, возможно.

<...> Я всегда думаю о Вас с любовью и большим уважением. Мои сёстры в Риге часто спрашивают о Вас, и я в письмах к сёстрам всегда восторгаюсь Вами.

Искренне Ваш Леонид Опалов».

К письму приложено несколько листов со стихотворениями:

СЕГОДНЯ

*Сегодня солнце улыбается
Как на картинах Бурлюка,
Где краска с краскою сливается,
Где близки дальние места.
Сегодня жизнь по-Северянински
И грациозна, и юна,
И в самой глубине души моей
Поёт тончайшая струна.*

*Я люблю голубую корову
На пейзажах Бурлюка,
Его милостивых лошадок
От души я желаю ласкать.*

*Сегодня я под знаком Бурлюка,
Его творений кистью и пера
Он вырастает предо мной – гигант,
Кто в гениальность превратил талант,
Кто красками и магией стихов
Эдемских ангелов услышал зов.
Стал чародеем сказочным
самим,
На все лады ему пою я гимн.*

6 июля Леонард Опалов пишет:

«Дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна,

Прилагаю при сём мой английский сонет, посвящённый одному из самых выдающихся художников нашего времени, Давиду Давидовичу Бурлюку, великому поэту красок. Ваша поэзия и живопись всегда влияют на меня облагораживающе. Желаю Вам и Марии Никифоровне всего наилучшего. Глубоко уважающий вас, друг и поклонник Леонид Опалов».

Седьмого октября того же, 1964 года, Опалов вновь пишет Бурлюкам большое письмо, к которому прикладывает свои стихи:

«Дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна,

Спасибо за адрес Петникова, что Вы мне прислали. Было приятно провести с вами день в деревенской тиши. Я на один день попал в Эдем. А теперь я снова в аду. Я не работаю. Сегодня я специально ездил в город, чтобы приобрести для вас в “Four Continent” магазине биографическую повесть Паустовского. Они мне сказали, что теперь, к сожалению, её нет. Полгода тому назад я сам видел эту повесть у них. Она состояла из двух книг.

Всё, что я вам пишу, это искренно, от глубины души. Иначе я не могу. И живопись Давида Давидовича близка мне по своей солнечности. Таковым я стремлюсь быть в стихах.

<...> Сегодня в одном магазине я увидел книгу о художнике Явленском. Там было упомянуто Ваше имя.

С любовью, сердечно Ваш,
Леонид Опалов».

К письму прикреплены два листа со стихотворениями «Давид Бурлюк у мольберта» и «Ваш Аполлон», датированными 7 октября 1964 года:

ДАВИД БУРЛЮК У МОЛЬБЕРТА

*Вы сидели у мольберта,
Весь ушедший в натюрморт.
В Вашем солнечном поместье,
В Хамптон бухте в октябре.
Было утро. Воскресенье.
И в беседе речь текла,
Как течёт весной речка,
Улыбаясь на заре.
А потом пришла Маруся,
Ваша Муза и Жена,
И заботливостью нежной
Окружила, мастер, Вас.*

АПОЛЛОН

*Ваш Аполлон мою квартиру
украшает,
Венок лавровый на челе его.
Он красотой нездешнею сияет.
Под Вашей кистью встал
он весь живой.*

В письме от 11 октября Опалов благодарит Бурлюка за открытку со стихотворным приветом и чек на 5 долларов – видимо, за переводы. Сетует на то, что не смог получить по чеку деньги, так как Бурлюк неверно указал год.

27 декабря 1964 года Леонард Опалов поздравил Давида и Марусю с Новым годом:

«Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович,

Надеюсь, что Новый год воздаст Вам за все Ваши большие достижения в области живописи и поэзии. Да будет Вам отпущено здоровье в полной мере на многие лета вперёд.

Я на днях перевёл Ваше стихотворение: “Первое стихотворение”. Я думаю, что оно мне удалось. Я перевожу без рифмы. Шлю Вам копию моего перевода.

Ваш поклонник

Леонид Опалов».

К письму приложена машинописная страница перевода «Первого стихотворения» Давида Бурлюка, которое сам автор датировал 1897 годом, ему было тогда 15 лет. Приведу вначале оригинал стихотворения, а затем его перевод, выполненный Опаловым:

ТЫ БОГИНЯ СРЕДЬ ХРАМА ПРЕКРАСНАЯ...

*Ты богиня средь храма прекрасная,
Пред Тобою склоняются ниц.
Я же нищий – толпа безучастная не заметит
Меня с колесниц.*

*Ты – богиня, и в пурпур, и в золото
Облачен твой таинственный стан,
Из гранита изваянный молотом,
Там, где синий курит фимиам.*

*Я же нищий – у входа отрепьями,
Чуть прикрыв обнаженную грудь,
Овеваемый мрачными ветрами,
Я пойду в свой неведомый путь.*

А вот перевод Опалова на английский:

BEGGAR AND GODDESS

*You are a stately Goddess in the temple.
People kneel before you.
I am a beggar. The indifferent throng
From the chariots sees me not.*

*You are a Goddess, in purple and gold
Your cryptic waist is embellished.
Chiseled with a hammer from granite,
Where blue incense smokes.
I am a beggar at the entrance.
My chest is merely covered with rags.
Embraced my somber wings,
I will go on my unknown way.*

Следующее письмо датировано 16 декабря 1965 года:

«Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Получил вашу открытку и ужасно рад, что Вы вскоре будете иметь выставку Ваших 30 картин в Лондоне. Вы будете присутствовать на выставке?

Я послал в одну провинциальную английскую газету, где имеется отдел для стихов, моё большое стихотворение, написанное мною несколько лет тому назад и посвящённое Вам.

Если стихотворение появится в печати, я его pošлю Вам.

Я нахожусь дома, ибо мне трудно ходить. Читаю и пишу.

Желаю Вам счастливый и здоровый Новый год.

Привет от моей жены,

Уважающий Вас,

Леонид Опалов».

По традиции, к письму приложены стихи – рукописи стихотворений «Если снег придёт...», «Дворец правде», «В кухне» и вырезка из газеты «Новая заря» (Сан-Франциско) со стихотворением «Пушкинская ясность». Вот оно:

*С нами Пушкинская ясность,
С нами красота его.
Во весь рост он вырастает,
Восхитительно – живой.
Он всегда такой извивый,
Лучезарный и родной,
Золотистым пыльным летом,
Серебристою зимой.
Он своим созвучным ямбом
Нам свой сущий дух дарит.
Пушкин от бездушных будней
Самый верный, лучший цит!*

17 января 1966 года. Опалов пишет Бурлюкам:

«Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович! Недавно я послал Вам английский журнал, в котором был напечатан мой сонет, посвящённый Вам.

Сегодня я получил единственную копию газеты “Dunklin County Press”, в которой напечатано другое моё стихотворение, посвящённое Вам. Я это стихотворение написал давно. Шлю его Вам в надежде, что оно Вам понравится. Получили ли Вы журнал с сонетом, который я Вам посвятил?

Преданный Вам Леонид Опалов».

К письму подклеена вырезка из газеты *Новая заря* от 11 января 1966 года со стихотворением «Лос-Анжелос»:

*Лос-Анжелос, тебя я видел,
И я влюблён в твой светлый лик,
Тебе я в памяти навеки,
Прекрасный памятник воздвиг.
Ты появился предо мною
Своей лучистой красотой,
Обрадованный весь тобою,
Забыл Нью-Йорка я застой.
Я в городе увидел горы,
И возгордился ими я,
И деревенские просторы
Коттеджами меня маня,
Мне пели обо всём прекрасном,
Про баснословный Холливуд,
Где рисовалась жизнь мне ясно
И всё твердила про уют.*

Спустя полмесяца, 6 февраля 1966 года, Опалов ответил на полученное от Бурлюка письмо:

«Дорогой Давид Давидович,

Получил Ваше письмо от 4-го февраля и читал его с большим интересом. С нетерпением буду ждать появления 62-го номера “Color and Rhyme”, в который Вы включаете письмо Игоря Северянина, посланное им Вам в 1938 году.

Как Вам известно, я был большим поклонником этого победителя женских сердец и чарующего замечательного поэта.

Я действительно написал ему письмо в 1938 году.

Я никогда с ним лично не встречался.

К сожалению, я ответа на моё письмо не получил. Только теперь из письма Северянина к Вам я узнал, что он собирался ответить на моё письмо и имел меня в виду. Этот самый факт доставляет мне радость.

Когда выйдет 62-й номер “Color and Rhyme”, надеюсь, что Вы мне пришлёте 2 экземпляра журнала.

Я очень рад Вашим большим успехам – предстоящая выставка Ваших картин в Лондоне.

Шлю сердечный привет Вашей уважаемой супруге и музе. Моя жена также присоединяется с лучшими пожеланиями дальнейших успехов.

Я Вам недавно послал вырезку из английской газеты с моим стихотворением, посвящённым Вам, и также журнал с сонетом, посвящённым Вам и исполненным в стиле Петrarки.

Но, к большому моему удивлению, Вы ничего об этом не упомянули.

Я ещё не здоров. Я провожу целые дни дома, получаю разные английские журналы, посвящённые поэзии. Я веду также большую корреспонденцию.

Журнал “Art Magazine” я не вижу и поэтому мне, к сожалению, не известно, что они о Вас писали.

Я в контакте с некоторыми выдающимися американскими поэтами и продолжаю печататься во многих журналах.

Неужели Вам не понравились мои посвящения Вам, напечатанные по-английски?

Вы бы просто осчастливили меня маленькой картиной Вашей. Вы не знаете, что это значит для меня, которому целыми днями проводить дома.

Я чувствую себя немного лучше теперь.

Мемуары Марии Никифоровны чётки, выразительны и реставрируют давно прошедшие времена и события, близкие моему сердцу. И за это я ей благодарен от глубины души.

Каждая деталь – значительна. Будущий историк русской литературы и живописи оценит ожерелья мемуаров Марии Никифоровны.

Желаю Вам всего наилучшего везде и всегда, Ваш поклонник обожающий и любящий Вас.

Леонид Опалов.

Mr. Leonid Opalov/ с/о D. Podoksik».

7 марта того же 1966 года Опалов отправляет ещё одно письмо Бурлюку:

«Дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна! Шлю вам мой перевод стихотворения Бенедикта Лившица о Давиде Давидовиче, и также очерк мой, описание моей поездки в Лос-Анжелес в прошлом году. Надеюсь, что Вам понравится мой перевод. Я веду широкую корреспонденцию с поэтами, художниками и редакторами.

Желаю Вам здоровья и большого успеха с Вашей выставкой в Лондоне.

Любящий Вас Леонид Опалов.

Привет вам сердечный от моей жены, сына и невестки.

Л.О.»

Выставка в Лондоне была последней зарубежной выставкой Давида Бурлюка. Художнику было уже 84 года, и, тем не менее, он полетел из Нью-Йорка в Лондон на её открытие – разумеется, не сам, а с Марией Никифоровной. Многочисленные фотографии с открытия выставки и отзывы британской прессы были опубликованы Бурлюками в 62-м номере *Color and Rhyme*.

В июне 1966 года Опалов присылает Бурлюкам газетные вырезки со своими стихотворениями «Нью-Йорку», «Маленький городок» и «Летом». Вот оно:

*Летом красочным и светлым
Как отрадно быть поэтом
И весь мир стихом обнять.
И глядя через оконце
Всё обрамленное солнцем
Рифмой лёгкою ласкать.
Птичек певчих, легкокрылых,
Личики детишек милых,
Каждый лепесток цветка.
И душою обновлённой,
Вдохновением зажжённой,
Чувствовать, что жизнь легка.*

29 июля 1966 года Опалов вновь пишет Бурлюку:

«Дорогой Давид Давидович, получил сегодня Вашу открытку.

Я перевёл два ваших стихотворения: Жена Эдгара и Моя Доброта.

Я ещё работаю над ними. Вышлю их Вам вскоре. Вашу большую поэму я не в силах перевести. Но вышеупомянутые стихи Ваши прекрасны, и я над ними усиленно работал. Мне эти стихи по душе.

Я сегодня получил от Николая Алексеевича Никифорова целый ряд рисунков – стоишь берёз. Очень жаль, что вы не напечатали письмо Игоря Северянина.

Надеюсь, что вы мне вышлете вашу картинку при получении сего письма.

<...> Меня печатают часто и по-английски. Я вдохновлялся вашим творчеством и поэтому так много писал о Вас. Я разочарован, что до сих пор не получил обещанную мне Вами вашу картину.

Сердечно Ваш,

Леонид Опалов».

Второго августа 1966 года в издаваемой в Сан-Франциско русскоязычной газете «Новая заря» появилась заметка Леонида Опалова «К 84-летию Давида Бурлюка». Вот отрывки из неё:

«22 июля маститому русскому художнику и поэту Давиду Давидовичу Бурлюку исполнилось 84 года.

В честь этой знаменательной даты вышел 60-й номер журнала «Цвет и рифма», всецело посвящённый ретроспективной выставке картин Давида Бурлюка, состоявшейся в начале этого года, 15 марта, в Гросвенор галерее в Лондоне. Сам Бурлюк с супругой присутствовали на этой триумфальной выставке.

Между прочим, я хочу здесь отметить, что в январе 1965 года музей Современного Искусства в Нью-Йорке приобрёл картину Бурлюка под названием “Чёрная лошадь в пейзаже”, исполненную в 1908 году. Это кульминационный пункт в карьере нашего соотечественника, с которым я связан неискаемой многолетней дружбой.

Мне также дорога семья Давида Давидовича. Бурлюки когда-то много лет назад жили на Гаррисон авеню в Бронксе, недалеко от меня. Они давным-давно обосновались в Лонг-Айленде, где живут в своём собственном доме, в усадьбе, где царствует величественная тишина. Ещё два года тому назад я посетил Бурлюков и провёл с ними целый день.

<...> О ретроспективной выставке Бурлюка высказалась почти вся лондонская пресса. Чтобы перечислить все имена журналов и газет, посвятивших статьи и заметки творчеству Давида Бурлюка, не хватило бы места в газетной статье. Они все полны высокой хвалы и большой оценки творчества нашего соотечественника.

Письмо от 29 июля 1966 года – последнее из переписки Опалова с Бурлюком, хранящейся в фондах Сиракузского университета. Оба восторженных поклонника Бурлюка – Опалов и Никифоров часто просили в подарок его картины, понимая их ценность. В самом конце того же, 1966 года, Н.А. Никифоров, который смог составить из присланных ему работ целую коллекцию, просил Бурлюка написать его портрет. Однако Бурлюк был уже при смерти.

15 января 1967 года в 6 часов 10 минут вечера Давид Бурлюк умер. Спустя полгода, 20 июля, умерла Мария Никифоровна.

Леонард Опалов умер спустя девятнадцать лет, в 1986 году – от рака, как и Мария Никифоровна. Сандра Фолер, известный американский поэт, посвятила его памяти стихотворение «Птицы Нью-Йорка».

Леонарда Опалова нельзя назвать поэтом первого ряда. Пожалуй, и на поэта второго ряда он не тянет. Его наивные, полные романтики стихи могут вызвать у читателя улыбку. Англоязычные стихотворения, которые он писал верлибром, бесспорно удавались ему лучше, чем рифмованные стихотворения на русском. И всё же его имя заслуживает того, чтобы его вспомнили. Не часто можно встретить поэта, пишущего на трёх языках, один из которых – идиш, – является на сегодня редкостью. Стихотворения и переводы Опалова публиковались в престижных американских изданиях, а переводы с русского на английский, сделанные по просьбе Давида Бурлюка, которого он безмерно уважал и ценил, были составной частью издаваемых Бурлюком журналов. И, наконец, Леонард Опалов в своих письмах дал Давиду Бурлюку несколько совершенно точных, очень ценных характеристик, которые важны для любого исследователя творчества «отца русского футуризма».

И напоследок хочу привести стихотворение Опалова «На чаепитии у Бурлюков»:

*В обстановке скромной, но эстетной,
Вновь я связан с вами, Бурлюки.
Льётся на меня пейзажей светоч,
Тонкие манят рисунки от руки.*

*Передо мной встаёт Бурлюк в халате,
Современный живописец и поэт,
Новых форм Колумб и чарователь,
Воспевающий сердце фрекет.*

*Неподдельно искренна Мария,
Светлая супруга Бурлюка,
Эти сказочные очи голубые –
В них напевна светлая тоска.*

*Забавляясь за горячим чаем,
За прохладным вспененным вином,
Мы взволнованно стихи читаем,
И приятно отражаемся в былом.²³*

Примечания:

¹ О. М. и Р. Сойерах см.: Е. Деменок. Давид Бурлюк и братья Сойеры. «Русские евреи в Америке», книга 14. Торонто – Санкт-Петербург. 2016. С. 193-221.

² Иван Иванович Народный (настоящее имя Jaan Sibbul) (1870-1953) – русский писатель и драматург эстонского происхождения. Прибыл в Нью-Йорк в 1905 году, незадолго до прибытия Максима Горького, вместе с которым активно популяризировал российское революционное движение и собирал деньги на новую русскую революцию. В одном из интервью *New York Times* говорил о том, что участвовал в революции 1905 года, будучи в Кронштадте. Народный был одним из организаторов торжественного ужина в честь Горького, который состоялся 11 апреля 1906 года в «Клубе» – колонии молодых литераторов социалистического толка, который организовала в своём доме номер 3 на Пятой авеню в Нью-Йорке писательница Шарлотта Теллер-Джонсон. На ужине присутствовал Марк Твен. В 1915-м Народный организовывал поставки оружия в Россию через Японию и Владивосток. В 1909 году в Нью-Йорке вышла книга Ивана Народного «Echoes of Myself: Romantic Studies of the Human Soul»; в 1912 – «Fortune favor fools: A musical comedy at the court of the Czar (Poet lore)». В 1930-м *Roerich Museum Press* издало книгу Народного «American artists». Бурлюк познакомился с Иваном Народным в доме Марии Харрисон Рамсей, вдовой скульптора Чарльза Рамсея. В студии её покойного мужа был устроен маленький театр, одним из драматургов в котором был Народный. В пьесе Народного «Небесная девушка» Бурлюк сыграл роль Луны, а также вместе с художниками Константином Аладжаловым и Владимиром Бобринским оформил сцену и разработал костюмы участников. «Народный очень жалел, что Вы уехали, не быв на открытии нашего театра (152E 40W Str. NY City Ivan Narodny). Народный первый монодрамист в Америке и бесконечный Ваш поклонник, а мой большой друг», – писал Бурлюк Николаю Евреиннову в 1926 году.

³ Морис Осипович Мендельсон (1904, Екатеринбург – 1982, Москва) – литературовед, писатель. Один из основателей школы советских литературоведов-американистов. Профессор, автор и соавтор 16 книг и нескольких десятков статей, посвященных американской литературе и творчеству крупнейших американских писателей: М. Твена, У. Уитмена, Э. Хемингуэя, Дж. Стейнбека, У. Фолкнера, Дж. Апдайка и многих других. В 1922-31 жил в США, С 1922 – член Компартии США. Окончил факультет общественных наук *the City University of New York* (1926). В 1931 вернулся в СССР. В 1932-40-х – ответственный редактор журнала «Новая техника». С 1939 преподавал историю английской и американской литературы в вузах Москвы. В 1940-41 зав. кафедрой иностранного языка МАДИ. С 1946 г. преподавал в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза. С 1960 г. – старший научный сотрудник, руководитель гр. «История литературы США» в ИМЛИ. Участник и редактор сборников «Современная литература США» (1962), «Проблемы истории литературы США» (1964), «Современное литературоведение США. Споры об американской литературе» (1969) и др. Один из редакторов 12-томного собрания сочинений Марка Твена (1959-61). Похоронен в Москве на Головинском кладбище.

⁴ <https://ia802608.us.archive.org/5/items/nybc205915/nybc205915.pdf>

⁵ <https://www.abebooks.com/Different-%237.5-Summer-1953-Lorraine-Lilith/21516174134/bd>

⁶ Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011. С. 243.

⁷ 1-й кооперативный сборник «Свирель Собвея». Проза, стихи, картины. Нью-Йорк, Bazar Press, 1924.

⁸ Art Bulletin 1932. Художественное приложение к «Красной стреле». New York. С. 19.

⁹ «Русский голос». Нью-Йорк, 4 октября 1923 г.

¹⁰ «Русский голос». Нью-Йорк, 23 августа 1923 г.

¹¹ «Русский голос». Нью-Йорк, 20 сентября 1923 г.

¹² Color and Rhyme, N 26, 1952. P. 1, 6.

¹³ Color and Rhyme, N 41, December 1959. P. 1.

¹⁴ Color and Rhyme, N 45, 1961. P. 8, 11.

¹⁵ Syracuse University library. Manuscript collections. David Burluk papers. Box No. 2, 3.

¹⁶ «Русский голос». Нью-Йорк, 27 сентября 1923 г.

¹⁷ А. Сандеров – поэт, автор сборника «Моя земля» (1929). Стихи Сандерова опубликованы в «1-м Кооперативном Сборнике «Свирель собвея»» (Нью-Йорк, Bazar Press, 1924) вместе со стихами Леонида Опалова, Давида Южанина, Гриши Буршгока, Сергея Застрайского, Бориса Фельдмана, П. Казимирова (Волгина), З. Гисенькина, Н. Штенгеля, стихами и рисунками Давида Бурлюка.

¹⁸ Новый Журнал – ежеквартальный литературно-публицистический журнал русского зарубежья, созданный по замыслу Марка Алданова и Михаила Цетлина во время Второй мировой войны ещё до изъезда из Франции в США и начавший выходить с 1942 году в Нью-Йорке как продолжение парижских «Современных записок». С тех пор журнал выходит без перерыва четыре раза в год. Основная тематика журнала была определена в первой редакционной статье: Россия – свобода – эмиграция. «Новый Журнал» с самого начала обращался к широкой аудитории, независимо от её идеологии (исключались идеологии нацизма и коммунизма). С 1946 по 1959 годы редактором журнала был Михаил Карпович, с 1966 по 1986 годы – Роман Гуль, в 1986-1994 – Юрий Кашкаров, с 1995 – Вадим Крейд, с 2005 по настоящее время – Марина Адамович. Именно в «Новом Журнале» в 1958 году были впервые опубликованы на русском языке главы из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», а также были впервые опубликованы «Колымские рассказы» Варлаама Шаламова.

¹⁹ Ясиновский Пинхас (Jassinowsky Pinchas; 1886, Романовка, Бердичевский уезд Киевской губернии – 1954/55, Нью-Йорк) – американский композитор и музыковед, известный кантор. Начиная в хоре кантора Пини Минковского (1859-1924) в Херсоне. Интересуясь классической европейской музыкой, уезжает в Санкт-Петербург. Здесь его замечает известный композитор Цезарь Антонович Кюи, который дает ему рекомендацию для поступления в Императорскую консерваторию. Во время учебы учителями Ясиновского были Александр Глазунов и Николай Соколов. В то же время он становится помощником хормейстера Хоральной синагоги. После окончания консерватории (1915) П. Ясиновский гастролирует в Скандинавии, где выступает с сольными концертами и читает лекции по еврейской музыке. В 1917-м переезжает в США. В Америке первые выступления в качестве кантора проходят в Сент-Луисе, которые получают восторженные отзывы среди музыкальных критиков и прессы. После работы в одной из синагог на Среднем Западе США, он начинает служить в одной из крупнейших синагог Нью-Йорка. Также был одним из лидеров *Hazzanim Farband* – старейшей ассоциации канторов США, основанной в 1897 году. Пинхас Ясиновский является автором множества музыкальных произведений, в том числе *Ve-Nayah be-Aharit ha-Yamim* (Isa. 2:1-4) (Пророчество Исайи), написанного к открытию Еврейского университета в Иерусалиме (1925), *Aseret ha-Dibberot* («Десять заповедей»), *Shirat ha-Be'er* («The Song of the Well»), *Ba-Yom ha-Hu* (Isa. 26:1-4). Популяризатор еврейского песенного фольклора. Писал песни на стихи М. Розенфельда, А.К. Рейзена, А. Манн, Г. Лейвика, А. Лесина, З. Вайнпера и других еврейских поэтов, а также на собств. тексты. Печатались статьи о еврейской музыке в журналах «Хазоним-велт» (Варшава), «Дер тог», «Идишес тагеблат», «Ди музикалише велт» (Нью-Йорк), а также в научных сборниках. Автор ряда композиций для синагогальной литургии, кантат на темы ТАНАХа, сборников песен и поэм «Симфонические мотивы» (1936), трех сборников песен на идише и на английском.

²⁰ Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883-1964) – русский писатель, критик, журналист, общественный деятель. Родился в селе Николаевский рудник на Алтае в семье горнорабочего. В 1894 г., не закончив начальной школы, начал самостоятельную жизнь. Перепробовав множество профессий, занялся журналистикой. Первые литературные опыты относятся к 1905. В 1906 г. выходит сборник рассказов и очерков «Отголоски сибирских окраин». С 1909 г. – ответственный секретарь журнала «Молодая Сибирь», поступает вольнослушателем в Томский университет. В 1910-1911 совершает этнографическое путешествие по Алтаю, весной 1912 становится редактором барнаульской газеты «Жизнь Алтая». В это время издает двухтомник рассказов и повестей «В просторах Сибири». Максим Горький, с которым Гребенщиков находился в переписке, посоветовал ему печататься в столице, и вскоре его публикации появляются в журналах «Современник» и «Летопись». В 1913-16 гг. создаёт повести «Ханство Батырбека» и «Любава»; с начала 1916 находится в действующей армии, начальник Сибирского санитарного отряда. В московских «Русских ведомостях» публикуются его репортажи и корреспонденции с фронта. В 1917 завершил первую часть своего главного произведения – романа «Чураевы». Революцию Георгий Дмитриевич Гребенщиков не принял. Годы гражданской войны он провёл в Крыму, сотрудничая в местной печати, а в 1920 году эмигрировал. Жил сначала в Париже, где водил тесное знакомство с Николаем Рерихом, Фёдором Шаляпиным, Константином Бальмонтом. В 1923 году совместно с Н.К. Рерихом создал книжное издательство «Алатас», издававшее произведения Н.К. Рериха, А. Ремизова, К. Бальмонта, И. Сикорского. С 1924 года – в США. В 1925 году штате Коннектикут основал селение «Чураевка». Работал над многотомным романом-эпопеей «Чураевы». Эта эпопея оказала такое сильное влияние на литературные вкусы и чаяния русской эмигрантской молодёжи, что в начале 1920-х годов в Харбине русская молодёжь даже создала литературный кружок «Молодая Чураевка». Несколько позже, в 1930-х годах, после переезда многих харбинских поэтов и писателей в Шанхай, там было основано новое литературное объединение «Шанхайская Чураевка». В 1930-е годы Гребенщиков стал одним из духовных лидеров русской эмиграции в Америке. Вёл переписку с Александром Куриным, Иваном Бунинным, представителями династии Романовых. Много внимания уделял пропаганде русской культуры. В конце 1930-х годов переселился во Флориду, преподавал русскую литературу в Лейкленде, в университете. Во время 2-й мировой войны занимал патриотические позиции. Последняя книга – повесть «Егоркина жизнь» (опубликована в 1968). Похоронен на кладбище г. Лейкленда.

²¹ Гофман Виктор Викторович (1884-1911) – один из последних русских символистов, поэт, прозаик, публицист и литературный критик. Во время учёбы в 3-й московской гимназии близко сдружился с Владиславом Ходасевичем. В 1903-1908 годах учился на юридическом факультете Московского университета. С 1905 года Гофман активно работал как журналист. Он помещал статьи на социально-политические темы, обзоры художественных выставок, статьи и рецензии о современной литературе в газетах *Русский листок*, *Москвич*, *Век*, *Свободный труд*, *Раннее утро*, *Вечерняя заря*, *Руль*, в журнале *Дело и отдых*. В июне 1911 года Гофман отправился в заграничное путешествие. В начале июля он обосновался в Париже. Там он в своём номере отеля 13 августа 1911 года в состоянии внезапного психического расстройства покончил жизнь самоубийством, выстрелив в себя из револьвера. Автор двух книг стихов: «Книга вступлений» (М., 1904) и «Искус» (СПб., 1910). Подготовил к печати книгу прозы «Любовь к далекой», выпущенную в Петербурге уже после его гибели, в 1912 году. В 1917-1918 гг. в московском издательстве В. В. Пашуканиса вышло двухтомное собрание его сочинений, объединившее в себе стихи и прозу, включавшее биографический очерк, написанный В. Ходасевичем, и воспоминания о поэте В. Брюсова. Пять лет спустя, в 1923 г., это издание с незначительными уточнениями было повторено в Берлине. В 2007 году «Любовь к далёкой», дополненная письмами и воспоминаниями, была переиздана в Москве.

²² Color and Rhyme, N 66, 1967-1970. P. 23-25.

²³ Syracuse University library. Manuscript collections. David Burluk papers. Box No. 3.

«ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА»

ЕЛЕНА ЧЕРНИКОВА

СУНДУК В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

Арабески. Посвящаются двум юбилеям

Извлеките индивида из его собственной культуры и поместите его внезапно в окружение, резко отличающееся от собственного, с другим набором подсказок – другими понятиями о времени, пространстве, труде, любви, религии, сексе и всем остальном, – затем отнимите у него всякую надежду увидеть более знакомый социальный ландшафт, и его страдания от перемещения удвоятся.

Элвин Тоффлер. «Шок будущего»

БОЛОНЕЗ, дб¹...

Из памфлета, посвящённого очередной реформе системы образования в России

Болонский процесс был, похоже, предсказан в сочинении «Процесс» (Der Process), но даже автору «Процесса» не снилось то, что порождают учреждения, надзирающие и управляющие российским образованием всех уровней. Иначе Кафка скончался бы на первой же странице.

Итак, начинаем. Выходит мужчина в пиджаке:

– Отбрасывая знаниевый подход и переходя к компетентностному, мы сознательно идём к обществу успеха и грамотного потребления в рамках глобальной экономики спроса и предложения. Кто против? А, вы против? Один в поле больше не воин. (Стреляет.)

Вопрос из зала:

– А традиция? А накопленное с XVII века? А зачем нам Болонский процесс сейчас, да ещё под санкциями, которые кончатся лет так через десять? А дети – в конце концов, они же люди?

– Дети – это будущие суперпотребители. Запишите новое слово. Суперпотребители мотивированы эмоционально. Потребности как таковые уже удовлетворены, следует воспитать супер. Всё ясно?

Писк из последнего ряда:

– Но это же бесчеловечно! А душа? Вы спасаете не душу, а кассу...

– Не мы, а вы. Учителя выходят на передовую. Вы бойцы. Борцы! Ни один ученик не должен выйти из школы, пока не определится со своим будущим участием в разработке новых потребностей для процветания экономики спроса и предложения. Поскольку основа названной экономики – это ограничение по качеству (чтобы никто от большого ума не изобрёл закрывающую технологию), ваша учительская задача – подготовка компетентных кадров для среднего класса. Средний класс, напоминаю, это опора, потому что он хочет взять кредит на развитие. В крайнем случае – на бытовые потребности, но это неинтересно. Вы обязаны подготовить школьников к получению кредита.

– Простите, а когда учить их читать-писать-считать?

– У всех планшеты. Зачем распыляться? Романы читать вредно. Вы сами знаете, что понимание Толстого в девятом классе исключено, да и зачем тратить время. В передовой стране – сами знаете какой – запрещено читать детям неинформативные книги. Например, сонеты Шекспира. И это правильно.

ВОТ ЭТО ВОТ ВСЁ И КРОЛИК ПОД ДУБОМ

Более того, если эта новая культура сама находится в постоянном хаосе и если — ещё хуже — её ценности непрерывно меняются, чувство дезориентации ещё больше усилится. Учитывая малое число подсказок, какого рода поведение рационально в радикально новых обстоятельствах, жертва может представлять опасность для себя и других.

Элвин Тоффлер. «Шок будущего»

Кролику томиться ещё минут пять. Утром 10 сентября 2017 года тушила я фермерского кролика. Из окна в кухню лилось бабье золото — с уж осенней проседью, но гуманно. Муж поехал на книжную ярмарку, дочь убежала прыгать на батуте, а я пошла проверить электропочту. Мы все счастливо покинули помещение кухни.

Деревянно-железный грохот донёс до моего абсолютного слуха, что стремглав — ах, ох — незачем уже. Я пошла на кухню медленно. Идти-то метров пять, но я успела передумать практически всё необходимое. В опасности я мобилизуюсь.

Кроликовый бульон залил газовые конфорки и в суспензии с крупами, солью, осколками фарфора, фаянса, пластика и щепок разлетелся-разметался-разлился по полу под сокрушительным ударом дубового шкафа настенного. Дубовая вещь в лучах солнца — как мёд прозрачный. Дубовый шкаф настенный в полёте — экзистанс.

По прошествии двух недель, придя в себя, могу оценить наш с дубом общий удел с удобной онтологической вышки. Кухня маленькая. У нас троих, очевидно, мощный хранитель — раз уж все случайно вышли: русская, еврей и девушка с украинской фамилией. Мы выжили.

ШКАФ ИЗ СУНДУКА

Они измеряют свой успех количеством заработанных денег и маркой приобретаемых товаров. Источником мотивации, заставляющей их напрягать силы, служит всеобщий проект массового производства и потребления. Конечно, люди также хотят, чтобы общество было безопасным, свободным и демократическим. Но в большинстве случаев подобные стремления не требуют от них особых усилий, а потому, в отличие от производства и потребления, не входят в основные жизненные планы.

Амитаи Этциони. «От империи к сообществу»

Откуда дровишки, да ещё дубовые? На финише СССР, когда из магазинов уже всё убрали, я, разыскивая для нового жилища хоть что-нибудь на пресловутое первое время, случайно нашла в газете домашнюю распродажу. Вещи распродавала, как потом выяснилось прямо с порога, внучка великого И. Покойный был крупный чин советского периода, барабанная био коего занимает в Википедии солидное место, а прах покоится в мемориальном некрополе.

Пошла я на распродажу (это год 1989) к партийной внученьке в Староконюшенный переулочек и — перенеслась в отпыхавшее прошлое. О, дом арбатский с убедительным серым фасадом и многокомнатные покои с кожаными диванами, околоремлёвскими стульями, имперскими буфетами! О, потолки партийной высоты! О, дух и запахи касты, о коих никогда не догадывались пасомые массы строителей коммунизма! О!

Две тревоги, у каждой своя, составили счастье нашей взаимовыгодной встречи.

У неё родился младенец от неловкого любовника, и деньги требовались позарез, а домуправ требовал освободить дедушкину квартиру. Приватизации не было ещё, и внучка не могла наследовать дедушке. Внучка, как положено золотым девочкам партийной элиты, обожала высоту положения и ненавидела советскую власть.

А мне поспешная мебелишка со Староконюшенного была позарез, ибо у меня тоже младенец родился, правда от мужа, но денег тоже не было. Мне в ту пору знакомые годами дарили вещи, а в крайней нужде я прямо на улице находила золото и сдавала в скупку. В нищете я близко познакомилась с моим ангелом-хранителем. Спасибо, ангел.

И перепрыгнули вещички (столик, пуфик, люстра, три кресла, пр.) со Староконюшенного на Малую Никитскую. Бонусом от партийной внучки был мне дубовый сундук. За бесценок и самовывоз.

В первый год народной катастрофы (1992) я, при следующем переезде – уже с Малой Никитской на Трёхгорку – взволнованная переменами, не смогла расстаться со стокилограммовым монстром (углы обиты металлом, замок килограммовый – красота), взяла плотников, и выкроили мне шкаф настенный кухонный из сундука дубового старинного.

Янтарная краса ручного дуба сияла мне во всю кухонную стену четверть века ровно. Этим удивительным способом – шкаф из сундука – я, видимо, заначила прошлое. Будто Рембрандта замазала для нелегальной транспортировки.

Четверть века пролетело, власть переменялась, и шкаф тройным прыжком – если дубу подобает скакать стилистически – по дороге ткнулся в дубовую хлебницу, боком зашёл на полусальто и – в опорном, получается, прыжке треснулся углом в пол. Погибая, зацепил он по дороге что мог. Хлебница жила себе жила на столе – и амортизировала в трудную минуту. Хлеб и дуб – всему голова. Мы трое живы и благодарим Бога.

Очередное *жизнь сначала*.

КАЛЕНДАРИ В ЗЕРКАЛЬНОМ КОРИДОРЕ

Теперь представьте, что не только индивид, а целое общество, целое поколение – включая его самых слабых, наименее умных и наиболее иррациональных членов – вдруг переносится в этот новый мир. В результате – массовая дезориентация, шок будущего в больших масштабах.

Вот перспектива, которая открывается сегодня перед человеком. Перемены лавиной обрушиваются на наши головы, и большинство людей до абсурда не подготовлены к тому, чтобы справиться с ними.

Элвин Тоффлер. «Шок будущего»

Ещё в Новый год, думая о наступившем семнадцатом, я нашла календарь столетней давности и обнаружила, что один в один совпадают числа и дни: 1917 и 2017 годы зеркалят друг друга. Или калькируют. Как сказать-то, помогите. Сто лет прошло, копировать не могут, но сигналият – бери же, хватай знаки, читай. Но я – от большущего, видимо, умища – обложкой аккаунта в фейсбуке сделала репродукцию найденного календаря 1917 года. Шутковать с числами нельзя, а я будто забыла. Кстати, сегодня утром я наконец поняла, почему я делаю заначки, в том числе дубовые.

В результате у моего 2017 года вышло, как у римлянина Плиния Старшего, цитирующего грека Апеллеса²: *Nulla dies sine linea*³. Я уже почти привыкла, но вчера не смогла сразу войти в подъезд: забыла код. Уровень стресса добрался и до моей абсолютной памяти. Надоело вертеть головой – откуда ещё какая Баба-Яга. Слов не хватает как. Но надо. Памятные даты 2017 года бесчисленны. О словах и выражениях – отступление в три абзаца.

Как модератор ФБ-групп «Слово года» и «Неологизм года», а также член Экспертного совета международного конкурса «Слово года. Россия», имею право номинировать характерное в итоговый список. В ноябре 2017 буду читать доклад о словах года в Варшавском университете. Сейчас мне нравится «вот это вот всё». Думаю, войдёт в лидеры. *Вот это вот всё* – на мой взгляд, и выражение, и междометие, порой существительное, наречие, а также эвфемизм определённого ряда обценных формул. Употребляется в эмоциональных контекстах, обращено к своим, характеризует говорящего как современного человека, окончательно измученного другими, ну не такими по уму, однако склонными к формированию сообществ.

Вот это вот всё – определённо антоним прошлогоднего *как-то так*. Нравится мне следить за маятником социальных эмоций. Виден путь: от модного говорения в конце любого пояснения *как-то так* – в наброшенной на виртуальные плечи шали, завернувшись в Интернет-боа, с горящим интеллигентным лицом, – к нынешнему яростному воплю сноба: *вот! Вот оно! Вот это вот всё*. Сколько можно! Где мой рай земной? Что там эти идиоты – совсем уже? Где?

Вообще-то рай земной невозможен. Читали б источники. Но в ответ шоколадной течёт река волга рынка – *нам (точнее, мне) же обещали!* Нам с 1992 года обещали рынок, он управит всё!(Ну да. Вот это вот всё точно управит.) Частную собственность в списке демократических ценностей! Нам обещали уважать личность! Извините, продолжу про дубовый шкаф.

Так вот: для исправления квартиры мне нужны деньги. Взять в кассе на работе в виде зарплаты? Мысль ценная, но чтобы на одну зарплату переделать дом, надо работать Абрамовичем.

Спасибо Господи, что отвёл беду.

Значит, деньги надо позвать ласково: *ки-ки*. И дать им свободу под мою ответственность.

ДЕНЬГИ В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ

Взаимодополняемость свободы и ответственности означает, что аргумент в пользу свободы применим только к тем, на кого можно возложить ответственность. Он не применим к детям, идиотам или к людям с психическими расстройствами. Он предполагает, что личность способна извлечь уроки из опыта и направлять свои поступки посредством приобретенного таким образом знания. Он не распространяется на тех, кто ещё мало познал или неспособен к познанию.

Фридрих Август фон Хайек. «Конституция свободы»

Мои любимые темы: свобода и ответственность. Стереотип и правда. Деньги, человек, деньги. В советской школе давали цепочку по Марксу: товар-деньги-товар. Товаров уже перебор, и теперь особенно интересны деньги.

На лице купюры проступил оккультный пот. За деньги Россия девяностых попала в разнос. За деньги верхушечка побежала в ВТО. За деньги та же верхушечка признала глобализацию и мультикультурализм не вполне бранными словами. За деньги вступила в Болонскую конвенцию. Именно деньги простых людей поджёг Егор Гайдар, желая смести старосоветское с помощью гиперинфляции в 1992 году. Именно деньги входили в стремительный оборот через приватизацию 1992 года, порождая, с одной стороны, анекдоты про ваучер и гинеколога, а с другой – вынуждая старинный, медитативный коллективистский народ прыгать с пола на стол без разбега. Понятно, не без потерь. Понятно, человеческих. Я не приму убийства, я слишком много видела. Но вот демон денег любит убийство. Наблатыкался. И надо ж такому быть, что мне опять чинить квартиру: как в стране революция, так у меня ремонт. Да, понимаю, всю жизнь я на Пресне, всё под окном, я не удивляюсь. Мне, видимо, следует круглосуточно вести репортаж – для друзей.

...На работе просить денег неловко, там беда революционного типа. Какая? Старинная, интернациональная: «Паны дерутся, а у хлопцев чубы трясутся». В 2017 году вуз – умный, красивый, с великолепными талантливыми детьми, попал под обстрел Рособнадзора. Руками этой жёсткой организации Минобр сейчас закрывает высшие учебные заведения. Палитра: проверки плановые и внеплановые, приостановка госаккредитации, лишение аккредитации, отъём лицензии на образовательную деятельность, уголовные намёки ректорам, если попытаются доказать, что вуз нормально работает на благо Отечества. Баста. В отечестве пошло-поехало специфически понятое чиновниками огосударствление. Четверть века назад, в 1992 году, пелись оды частному образованию, авторским программам, индивидуальному подходу. По прошествии двадцати пять лет начался заворот гайки взад, и пошли сюжеты средней (пока) прожарки, но с детской кровью.

Например, студенты сдают госэкзамен. Готовятся к защите диплома. Но приходит бумага, что найдены неполадки (скажем, в экзаменационной ведомости препод вместо *отлично* пишет *отл.*, сокращённо), за них вуз лишён аккредитации, а дипломные работы – написанные с душой, отшлифованные, на сайте ВКР-ВУЗ уже размещённые – объявляются как достойные документа максимум *установленного образца*, образование бакалавра грозят обозвать незаконченным высшим, а для послевкусия внушается мысль, что со столь ущербным дипломом установленного (то есть негосударственного) образца выпускника не возьмут на работу. И мелко-злорадно добавляется, что «в государственную организацию» не возьмут. Да и пошла бы она! Но дети путаются и разбегаются из-под покрова альма-матер по тихим вузам, у которых Рособнадзор аккредитацию пока не отнял. Детей вынуждают предавать альма-матер. Отсюда недалеко до более весомого предательства. Министр образования в курсе, что предательство заразно?

На московском чужевузе сбежавших из альма-матер детей встречают без помпы. Четыре сольдо несите, конечно, но кукушата, знаете, это ваще. Вишенкой на минобровом торте – звонки по ныне здравствующим вузам, чтобы *этих* не брали в магистратуры. И пугливые вузы, уже взявшие документы бакалавров в магистратуру, спешно возвращают их наивным абитуриентам, безапелляционно показывая пальцем на дверь и молитвенно взором – на потолок. Типа оттуда глас был.

Таким образом, за двадцать пять лет чиновные спицы связали два костюма: буйное, кровопролитное разгосударствление всего в 1992 году – и ползучее, демагогичное огосударствление в 2017 году. Где-то в углу скулит, как обычно, зарёванная Конституция, а я всё лето 2017 работала, считай, детским психиатром, уговаривая дипломников не бегать по чужим вузам, остаться в *almamater* и, набрав слюны, плюнуть на игры всех обрвов, ибо не фиг им. Достали. Кроме того, журналистика – профессия открытая, диплому не подчинённая. Из моих остались почти все. Герои нашего времени! Их пугали, что они вот-вот станут никто, поскольку министр образования Васильева, уважая (за что-то) Болонскую конвенцию, обещает-таки адаптировать её под Россию (бедная, бедная женщина; сколько адаптеров сгорело в аналогичных попытках). Правда, обещает на ТВ-шоу, а там многие горячатся и проговариваются. В. Соловьёва не перепоёшь, а О. Васильева не Цицерон. Ну не её это, не её.

Короче, пугали всех детей, но многие остались в своём вузе и получили диплом установленного образца. То есть в России, слава Богу, ещё рождаются люди, *не* считающие предательство нормой. Спасибо Господи.

Как вы поняли, дубовый шкаф, смастерённый во дни разгосударствления, упал со стены во дни огосударствления. Здесь уместна длинная фраза, чтобы нерелевантная аудитория отвалилась. Лучше всего – см. легендарный «Большой Петровский загиб». Царь Пётр Алексеевич умел разговаривать с персоналом, ознакомьтесь на досуге. Даже если знаменитый загиб не полностью соответствует госстандарту высшего образования, ничего страшного. Зато духу времени – вполне.

Посвящение двум юбилеям – смотри начало – надо раскодировать.

А) В 2017 году исполнилось 30 лет самому сильному демографическому взрыву в двадцатом веке: в 1987 году в СССР народилось несметное число младенцев. Рождения были спровоцированы перестройкой, и за это утверждение меня уже высмеяли специалисты-мужчины. (Многие мужчины не понимают, увы, откуда дети берутся. Повторяю для специалистов: не от денег. Бабы толпой бегут рожать только ввиду массового восторга.)

Б) В 2017 году исполнилось 25 лет бедствию, а именно кровавому прыжку из советской плановой – в рыночную, *спроса и предложения* экономику. На нашей территории она вырастила антигуманизм – не по Альтоссеру, теоретический, а кастово-кастетно-практический.

Итого.

С детьми (школьниками, студентами) сейчас обращаются, как с теми мирными жителями, которые первыми страдают при бомбёжке военных объектов.

Детей водят под конвоем в туалет (во время ЕГЭ). Их терзают стандартами, тестами, заставляют писать трафаретное эссе, портят и огулывают – в строгом соответствии с Болонским процессом. Порвали на части высшее образование, а в 2017 году вторую часть, магистратуру, сделали недоступной для бакалавров с дипломами установленного образца в нарушение закона «Об образовании». Детям угрожают мнимой неконкурентоспособностью на вожделенном мировом рынке, забыв сообщить, что конкуренция есть химера для слабоумных и что главная тайна рынка – это *ограничение по качеству*. Рынок не то что не может, а не имеет права создать действительно хорошую вещь: голову оторвут. Как в драме с уважаемым мною вузом, в котором в 2017 году разразилась беда с отъёмом госаккредитации, а я при сём присутствовала, утешала детей, спасала их миропонимание как могла. Вуз производит классных гуманитарных специалистов. Зачем это!

По словам министра (выступление на днях в Госдуме), скоро «в небольшом количестве», возможно, разрешат госфинансирование второго высшего образования, но! – тут старый знакомец, который в деталях, – только для нужных стране специалистов, в число которых гуманитарии, судя по контексту отчёта, не входят. Надеюсь, министр оговорила или пошутила, пообещав поделить молодёжь нашей страны на нужную и ненужную. К сведению путешницы: ночью 15 сентября по НТВ был очередной выпуск программы «Мы и наука. Наука и мы». Замечательная тема: «В ближайшие 10 лет компьютеры заменят преподавателей». Посмотрите в архиве. Я тут же пошутила в Фейсбуке: «Со своей стороны, не вижу причин и для сохранения студентов. Сажает один прибор перед другим: один учит, другой учится. Люди вообще что-то задержались на планете».

Может, из соображений прогресса исходит сейчас Минобр, пачками уничтожая вузы руками Рособнадзора?

Согласна. Люди все лишние, поскольку всё скоро изменится. Слушаем специалиста: «Выпуск двигателей внутреннего сгорания прекратится к 2050 году. Это значит, что и наука, и инфраструктура обслуживания должны будут перестроиться. Многие ещё мечтают о том, как будут проектировать огромные двигатели

для гоночных машин. Вузы готовят инженеров, наука улучшает технологии. Все они работают на обречённую отрасль. Так происходит не впервые. На рубеже XX и XXI веков то же самое случилось с наукой и технологиями обработки фото- и киноплёнок. В начале XXI века на Kodak – крупнейшую мировую корпорацию – работали целые научные центры, не говоря уже про соответствующие кафедры и вузы. Однако это не помешало компании обанкротиться»⁴.

Это говорит директор по маркетингу сервисов «Яндекса» Андрей Себрант. Стоит прислушаться: «И так не только с двигателями. За пять минут я набросал список из шести отраслей, которые полностью изменятся в ближайшие 15-20 лет. Это лишь то, что сразу приходит в голову <...> Поначалу надо мной смеялись, теперь смеются меньше. Если человек приходит учиться и говорит: «Покажите мне алгоритм, по которому надо работать», то он обречён. Алгоритму проще обучить любую машину».

Вот она, вполне современная истина. А Рособрнадзор и Минобр уничтожает вуз, в котором культивируют творческое начало. Видимо, двенадцатипёрстная отрывка Болонского процесса только что дошла до пищевода некоторых. Одни уже наелись, но, как обычно, не все. Господа министры, знаете ли вы, что в Китае на конгрессы по науке завозят писателей-фантастов со всего мира, чтобы писатели поделились с учёными своими фантазиями? Бюджетное второе высшее надо давать не только воображаемому *нужным* людям, а гуманитариям, способным породить невообразимый контент.

БОЛОНЕЗ? УЖЕ БОЛОНЕЦ?⁵

Там, где мы ищем вторичные причины, пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации (сопричастности), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление, при сравнении с нашим, пралогическим.

Люсьен Леви-Брюль. «Сверхъестественное в первобытном мышлении»

Моя личная ненависть к ЕГЭ, дочернему а ля рюс предприятию Болонской конвенции, укрепилась вчера, представьте, кавычками. Тридцать студентов третьего курса журфака не сговариваясь взяли слова в кавычки, потому что слова употреблены в переносном значении. Метафоры там всякие – *вот это вот всё* не одобрила б училка, вынужденная готовить к ЕГЭ с первого класса. Я не шучу. Есть такой учебник.

Притомившись вырезать кавычки и в сотый раз поведав, что кавычки вокруг переносного суть дилетантизм, я попросила их объяснить – и вдруг узнала, что для ЕГЭ по русскому надо разбираться в переносных смыслах, и школа требует непременных кавычек, и на местах усердствуют. Солнце не гаснет, а «гаснет», потому что погаснуть не может. Бедное солнце. А ещё школа требует ставить точку в конце заголовка.

...Дубовый шкаф мой показательно слетел со стены – NB – осенью 2017 года. Дубовый шкаф, вручную сделанный в 1992 году из дубового сундука, полученного у внучки великого советского И. Уже не спросишь того деда, откуда пришёл к нему старинный сундук. Теснятся в уме печальные догадки.

Интуиция подсказывает, что дуб беспечно не летает. Что-то архиважное хотел сказать мне многоуважаемый шкаф в семнадцатом году. А я вам.

Во-первых, берегите наших детей от современного образования, отравленного Болонской конвенцией⁶. Во-вторых, следите за новостями с моей кухни. Пресня всегда Пресня.

«ШШКАФ»

ВЕРНИКА КОВАЛЬ

ПОЧЕМУ, СОБСТВЕННО, КОТ?

(Галина Соколова, Элла Мазько. Хождение по Золотой Горшок, или Сказки Гофкина. Повесть – Лейквуд, Артхаус, 2016 – 182 с.)

«Хождение по Золотой Горшок, или Сказки Гофкина» – авантюрный роман, внутри которого наплывают друг на друга истории разного толка, что создаёт невообразимо сложную структуру текста. Это роман-лабиринт, роман-антиутопия, роман-шарада, исторический роман и, конечно, роман-загадка. Написал его начинающий литератор по фамилии, явно намекающей на продолжение традиций великого немца.

Загадками книга изобилует, размотать их клубок не достанет сил. Но в одну из них попытаемся взглядеться...

«Федя, нехотя продрав глаза, частенько обнаруживал Муркевича на своей голове или груди, уютно урчащим в самое ухо. Скорее всего, именно поэтому Фёдору снились под утро самые насыщенные, самые красочные сны, которые он торопился перенести на бумагу». Вот вам разгадка «таланта» Феда-Эрнеста Гофкина! Удивительную историю про поиски золотого горшка – историю, полную удивительных перемещений во времени и пространстве французского гвардейца Жака, участника таинственных, мистических, невероятных событий – намурлыкал кот, а вовсе не сочинил «современный Гофман».

Теперь вопрос к авторам: почему именно кот стал, так сказать, лирическим героем, который ведёт повествование, запутав его, как моток шерсти? А он, в силу своей природной солидарности, привёл на страницы романа сонм кошек. Книга – как коммуналка, густонаселенная этими коварными, изменчивыми, ласковыми, хитрыми, мудрыми, охраняющими домашний очаг, обладающими сверхинтуицией существами, характер которых остаётся для человека загадкой.

Авторы безмолвствуют.

А ведь наверняка даже при самом поверхностном чтении у читателя возникнет этот вопрос.

Мы отважимся высказать свои предположения на этот счёт, выдвинуть гипотезы, найти аргументы.

Итак: кто мог знать столько историй и нашептать их Гофкину, как не кот, который издавна путешествовал с моряками по морям-океанам? Корабельный кот считался важным членом экипажа. Ежели он вальяжно лежал на палубе, то тем самым говорил: «Верной дорогой идёте, товарищи!». Ежели нервничал и бил хвостом, значит, корабль отклонился от курса или надвигается шторм. И уж если случалась беда, кота первым бросали в спасательную шлюпку.

Далее. Вам доводилось когда-то гладить милую кошечку, нежно чесать у неё за ушком? Она мурлыкала и подставляла брюшко. Но что-то её не устроило – и мгновенно вонзается в вашу руку острый коготь. Такова кошачья натура – убедительное проявление двойничества как принципа борьбы и единства противоположностей. Это главное свойство нашего полосатого друга. Поэтому кошки в различных ипостасях, как ни одно другое животное, являются персонажами мифов, сказок, поговорок. Да и в литературе их великое множество, начиная, вероятно, с «Житейских воззрений кота Мурра» Гофмана.

Кошка фигурирует в них иногда как сила, помогающая герою произведения («кот-змееборец», «брат Ивана-царевича», «исцелитель от болезней»). До сих пор кошку пускают «на благополучие» в новый дом. Однако чаще она выступает

как олицетворение нечистой, чертовской силы, демонизма, ведьмачества. Она, особенно чёрная, приносит порчу, сглаз, болезнь, смерть. Остатки этого суеверия живут в нас: «Только бы чёрная кошка дорогу не перебежала!».

Когда-то люди были уверены, что кошка – это оборотень. Она может принимать любой облик, в том числе и человеческий (сколько «женщин-кошек» бродят сейчас по мюзиклам и комедиям!). Именно оборотнические свойства и то, что у кошек – девять, а, может быть, гораздо больше, жизней, позволяют авторам «нашего» романа перепрыгивать с одного материка на другой, из одной эпохи в другую, из одного персонажа в другой.

Главное, может быть, действующее лицо романа, пружина действия – кот Киллер: буддийский монах – член оккультного братства Бальсамо – алхимик и маг Калиостро – священник собора Сен-Северин – и ещё огромное количество обличей, которые он принимал в зависимости от поставленной им перед собой задачи. Мы назовём это существо «Человекот» – настолько неразрывны в нём элементы двойничества.

Независимость кошек от мнения и действий людей – это абсолютизация того, о чём сказал Киплинг названием одной из сказок – «Кошка, которая гуляла сама по себе». В книге коты действительно гуляют сами по себе, не образуясь ни с житейской логикой, ни с обстоятельствами. Они считают себя абсолютно совершенными существами по сравнению с людьми.

Коты мстительны. Известны случаи, когда домашняя любимица-кошечка, наказанная за непотребные действия, бросалась на хозяев – непредсказуемо и жестоко. Помнится, одно из восхвалений древнеегипетского бога Ра звучало так: «Ты – великий кот, мститель богов!». В романе Человекот Киллер взял на себя миссию мстителя. Он убивал одним ударом когтя того, кого считал преступником или моральными уродом. Но кто сказал, что его суждение было правым? Киллер уничтожил целую когорту людей – это, по сути, беспредел. Как это актуально в наше время – время хищников и жертв!

Однако у некоторых народов кот выступает как воплощение божественных эманаций. В Древнем Египте кошек обожествляли. Царствовала богиня Бакст – покровительница всего, что связано с радостью и весельем, с плодородием. Она изображалась как женщина с кошачьей или львиной головой. Кошек почитали, за убийство или просто плохое обращение с кошкой часто каралось смертью. В книге французский гвардеец Жак попадает

в подземный город женщин и множества кошек: *«Я заглянул за колонну и увидел странный алтарь в виде исполинской белой кошки в сверкающем озере. Один глаз у кошки был золотым и тёплым, а другой – серо-стальным и холодным, как у Киллера... Жертвенный алтарь Бакст?»*. Да, многие события в романе происходят по прихоти этой богини!

Издавна считалось, что кошка – животное мистическое. Она – проводник между миром земным и миром потусторонним. Кошачьи зрачки – узкие щёлки днём и жёлтые шары ночью – означают её связь с луной и умение заглядывать в будущее. О, сколько историй связано в романе с этим свойством Человекота! Магрибский чёрный кот Понс вылавливает из Сены осколки различных времён, и в каждом времени тоже действует Человекот в разных обличах. Бальсамо ведёт Понса и беленькую кошечку Ланж (она же графиня Дюбарри) в заброшенный замок, где происходит форум колдовских сил. На повестке дня – будущее мира. Из глубин пыльного зыбкого зеркала выплывает отвратительное голографическое Нечто. Оно вещает, что Конструктор при создании мира совершил в чертеже ошибку, которую необходимо исправить. Будущее Нечто собирается творить руками и оружием надувных болванчиков, которых он может превращать в кого угодно – в безликий офисный «планктон», в кавалеров с мальтийскими орденами, в солдат, не знающих пощады, в магрибинцев, которые уже бесчинствуют на улицах Парижа. Нечто единолично вершит суд над прошлым, настоящим и будущим: *«В середине третьего тысячелетия мир получит новую конституцию – в нём снова воцарится человек востока! Час пробил! Звенят мечи, мясо сошло с костей!»*. Впрочем, белая кошечка Ланж уже готова надеть паранджу...

Разве уродливое Нечто с его планами «перестройки мира» – не одно из обличей Киллера – разрушителя и творца?

«И днём, и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом. Пойдёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит...». Ну – точно про Муркевича молвлено. Он, конечно, учёный. Так знать историю, географию, военное дело, медицину, магию! Впрочем, нет, бери выше. Он – философ! Он обрисовал никчemuшному Гофкину голографический образ мира с жившими и живущими на нём племенами, расами и религиями. Он, прикинувшись хитрецом Бальсамо, приводит Жака к трём золотым горшкам (философскому камню?).

Раскрывается и ещё одна ипостась кота – жертвенность. На протяжении человеческой истории кошек постоянно приносили в жертву. Чёрных кошек сжигали вместе с колдуньями. Их

убивали, чтобы задобрить хищных животных или сотворить чудодейственное лекарство от всех болезней. В 1981 году в Америке стала бестселлером (не поверите!) книга «101 практический совет по применению дохлой кошки». Авторы романа «принесли в жертву» Человекота Бальсамо. От долгих странствий, напряжённой работы и ду-

шевных страданий он постепенно ослабевал, и Жак помог ему уйти в вечность.

Однако – не верится. Бальсамо просто вышел из своего тела и воплотился в новом обличье. Например, человека, который сегодня среди нас. Знать бы, что у него на уме!

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

О КНИГЕ ДМИТРИЯ ЯРОШЕВСКОГО «В КАРТИНЫ МОЖНО УХОДИТЬ...»

(Дм. Ярошевский «В картины можно уходить...» М., «Оntonprint», 2017)

Дмитрий Ярошевский обладает редким художественным качеством – он умеет создавать поэтическую зримость. Его образы рождаются в плавной ритмической повествовательности. Дмитрий – и лирик, и реалист. Он может писать и философскую лирику, где его раздумье неожиданно обретает «горную», – как взгляд с высей горы, – мудрость. В этом отношении показательно его стихотворение «Чистый лист». Оно – о неисчерпаемости того истинного творчества, которое создаётся от душевной полноты, от «девятого вала» эмоциональной волны – «Когда не можешь не писать»...

Дм. Ярошевский поэт, конечно, очень темпераментный и музыкальный. Его стихи похожи на песни, это качество они обрели, возможно, и оттого, что в них присутствует естественно рождённая «неоклассическая» ясность. И ясность эта часто открывается музыкальным ключом *лирики*, – и адресатом стихотворений Дмитрия часто становится – лирическая героиня. Это ей он говорит «ты», как британские подданные говорят «ты» Богу и Королеве... И эти обращения – это обращения к *Вечной Женственности*.

Создавая такие баллады, как, например, «Чайка Джонатан Ливингстон», поэт не боится быть, по большому счёту, несинхронным своему времени, когда прихотливые метафоры затопляют смысловую структуру стихотворений. Иногда стихи Дмитрия напоминают по интонации поэтику А. Блока, а иногда всю вместе взятую русскую «романтику»...

Думаю, образный строй этой поэзии развит в столь полной мере именно потому, что Дмитрий

Ярошевский – художник и его причудливая, фантастическая, часто монохромная графика неизменно ритмична, плавно лирична, она словно рождается от звёздно-таинственного, мерцающего света...

Стихотворения Дмитрия полны культурных европейских понятий, имён, отнесений и соотнесений, Мелькают в них – Кассандры, Плеяды, улыбки Джоконды или Чепширского кота, так что *интеллектуальная оснащённость* интеллигентному читателю гарантирована. Но она рождается не «визмышлено» – есть такое слово у Ф.М. Достоевского, – не «от ума», а в ровном и чистом поэтическом дыхании. Это *этический отзвук*. Некогда именно он, до Первой мировой войны, во времена Империи, был чуть ли не мерилом Поэзии. Не его ли слышим порой у И. Анненского, или у младосимволиста Эллиса?..

Однако у Дм. Ярошевского в стихах, собственно, нет архаичности. Они, если можно так выразиться, естественны, талантливы и «общелитературны». Он, поэт, может и умеет бросать в свой костёр и давние, и современные слова, что не вредит лирико-драматической «приподнятости» его поэзии. Она не парит «над миром», она просто стремится к светлому Горизонту, её сердце бьётся сопереживанием; она, в процессе рождения, обретает своё «зазеркалье», маски спорных и бесспорных лиц, картин, истин, психологических состояний, ибо всякий раз душа поэта рождает своё новое отражение в Зеркале «строчном» и струнном, Зеркале бытийном, отражающем и горечь, и гармонию жизни...

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 29.11.2017 р.
Формат 60x70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 21,75.
Зам. 1435. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17